

С. П. Перегудов

Тэтчер

И

ТЭТЧЕРИЗМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.П. Перегудов

Тэтчер И ТЭТЧЕРИЗМ

Общественные науки

НБ ИИУС

658055

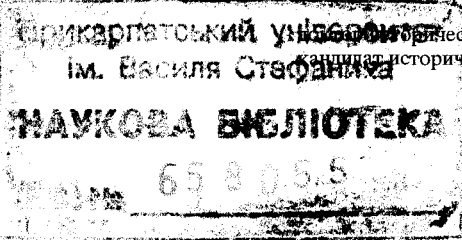

МОСКВА
"НАУКА"
1996

63.3(434)

ББК 66.01
П27

Рецензенты:

Доктор философских наук *Н.М. Степанова*,
кандидат исторических наук *А.В. Загорский*

С.П. Перегудов

П27 Тэтчер и тэтчеризм. – М.: Наука, 1996. – 301 с.
ISBN 5-02-012222-X

В монографии анализируются основные черты и особенности британской версии неоконсерватизма, то характерное, что внесла в него ее главный архитектор Маргарет Тэтчер. Рассматриваются изменения, которые осуществили кабинеты Тэтчер в основных сферах общественно-политической жизни и системе политической власти страны, а также причины, приведшие к смещению Тэтчер и выдвижению Джона Мейджора. Отдельная глава посвящена сдвигам в установках и политике тэтчеризма, происшедшим в 1991–1994 гг.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного консерватизма и политической жизни Великобритании.

П 0604000000-032 52–I полугодие 1995
042(02)-96

ББК 66.01

Peregudov S.P.

Thatcher and Thatcherism. – М.: Nauka, 1996. – 301 p.
ISBN 5-02-012222-X

The main subject of the book is the analysis of the British version of new conservatism and the imprint made on it by its main architect Margaret Thatcher. The author describes the main changes initiated by Mrs Thatcher's governments in the social, economic and political spheres of British society and the factors that led to her resignation and to the emergence of John Major as new leader of the Party and Prime Minister. A special chapter is devoted to the changes in approach and policy of the Conservative party which occurred in 1991–1995.

For a wide readership interested in the problems of modern conservatism and the political life in Great Britain.

ISBN 5-02-012222-X

© С.П. Перегудов, 1996
© Издательство "Наука", оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ОТ АВТОРА

"Тэтчеристское десятилетие", как чаще всего называют в Великобритании годы правления Маргарет Тэтчер, ознаменовалось столь серьезными изменениями в экономической и социально-политической жизни страны, в самом образе жизни британцев, что стало восприниматься и специалистами обществоведами, и широким общественным мнением как один из ключевых моментов в британской истории. И хотя не утихают споры по поводу того, в какой мере произошедшие изменения оказались необратимыми, а в какой – лишь временным отклонением от "нормы", сам факт смены исторической парадигмы и начала нового этапа развития страны практически ни у кого не вызывает сомнения.

Все это во многом объясняет тот огромный интерес к личности, политике и результатам правления человека, с чьим именем более всего ассоциируются произошедшие перемены. В самой Великобритании количество опубликованных уже биографий Маргарет Тэтчер исчисляется десятками, множество работ посвящено отдельным аспектам ее политики. Биографии Тэтчер изданы и в ряде других стран, и в том числе – в России¹.

Несомненно, что со временем появятся и новые исследования жизни и деятельности Тэтчер. И тем не менее осмелюсь утверждать, что жанр биографии уже в основном исчерпал себя, и наступило время изучения несравненно более сложного и многогранного явления, которое уже вошло в мировой политический словарь как "тэтчеризм". В самой Великобритании такие исследования начались еще в первой половине 80-х годов и продолжают до сих пор.

Переключение центра тяжести и общественного, и исследовательского интереса с личности, давшей название новому "изму", к самому этому "изму" вполне логично и закономерно, ибо как бы ни велики были роль Тэтчер в отмеченном выше повороте и ее влияние на европейской и мировой политической арене, это все же роль одного из инициаторов и участников перемен, и не более. Конечно же, изучение тэтчеризма также не может охватить и объяснить всего происходившего, однако оно вводит исследователя, а вслед за ним и читателя, в самый эпицентр "тэтчеристской революции", на анализ сил, служивших своего рода мотором перемен, идейно-политической основы, на которой им удалось консоли-

¹Попов В.И. Маргарет Тэтчер. Человек и политик. М., 1991; Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992.

дироваться и действовать, общественного и нравственного контекста, обусловившего само их появление. Больше того, само изучение роли и влияния Тэтчер неизбежно заходит в тупик, если одновременно не разобратся в том, что представляет собой то течение в британском консерватизме, которому она дала свое имя, и какова ее подлинная роль в нем.

В силу ряда причин, и прежде всего растущей специализации исследований, в Великобритании наблюдается все более четкое разграничение чисто биографических работ, посвященных М. Тэтчер, и работ, анализирующих феномен тэтчеризма как таковой. Подобная специализация, однако, имеет не только свои плюсы, но и свои минусы. Биографические исследования, за довольно редким исключением, сфокусированы почти исключительно на персоне Тэтчер, тогда как исследования тэтчеризма имеют тенденцию к абстрагированию не только от личности бывшего лидера партии и премьер-министра, но и от всего ее окружения, той партийно-политической борьбы, в которой он зарождался, укреплялся и видоизменялся. При всем том, британский читатель, имея широкий выбор для ознакомления с работами обоих жанров, особенно и не нуждается в синтезированном, объединяющем их оба исследования. Можно сказать, что такого рода исследования в британском обществоведении – уже пройденный этап. Наилучшим образцом их является книга известного британского журналиста и комментатора Би-Би-Си Хьюго Янга "Один из нас. Политическая биография Маргарет Тэтчер"².

Возможно, что со временем и в России появится достаточное количество как общих, так и специальных работ, и тогда и здесь можно будет писать о тэтчеризме в том же абстрактно-теоретическом ключе, который утвердился в самой Британии. Пока же, учитывая состояние нашего "тэтчероведения" и степень информированности широкого читателя, анализ тэтчеризма неизбежно должен быть теснее привязан к конкретным фактам и обстоятельствам, в том числе относящимся и к личности самой Тэтчер.

Исходя из такого понимания ситуации, автор посчитал целесообразным вести свое исследование одновременно в широком – аналитическом и значительно более узком – биографическом ракурсах. Не претендуя на какое-то новое слово в этом последнем, я лишь постарался оттенить, выделить те моменты в политической карьере, деятельности и воззрениях Маргарет Тэтчер, которые, с одной стороны, призваны прояснить ее собственную роль в становлении тэтчеристской разновидности консерватизма и попытках ее реализации на практике, а с другой – глубже и полнее выявить суть тэтчеризма, его истоки, эволюцию и общественно-политическую роль. Такого рода избирательность в подаче биографического материала обусловлена не в последнюю очередь тем, что она позволяет, не останавливаясь (или останавливаясь лишь вскользь) на уже "прописанных" фактах и событиях, сосредоточиться на моментах политической карьеры Тэтчер, которые в силу тех или иных причин не нашли адекватного отражения в опубликованных на русском языке биографиях.

²Jung H. One of Us. The Political Biography of Margaret Thatcher. L., 1989.

Что же до самого феномена тэтчеризма, то, поскольку его исследование в нашей стране практически не начиналось (если не считать фрагментарных экскурсов в работах, посвященных современному консерватизму), автор посчитал своим долгом дать по возможности всестороннюю его интерпретацию.

Объединение в одной книге узкой, биографической и широкой, общественно-политической проблематики позволило автору выйти еще на один сюжет, представляющий, с его точки зрения, особый интерес для российского читателя. Более чем тридцатилетний срок пребывания Тэтчер в качестве рядового парламентария, теневого министра, лидера оппозиции и премьер-министра дает уникальную возможность проникнуть в основные звенья механизма политической власти в Великобритании, постичь действующие в нем правила игры. В ряду вопросов, на которых автор посчитал целесообразным заострить внимание читателя, — разделение труда между правящей и оппозиционной партиями, процедура смены лидеров, их полномочия и пределы этих полномочий, роль кабинета министров и премьера в качестве связующего звена между законодательной и исполнительной властями и центра принятия весомых политических решений, отношения премьера с кабинетом, другими властными структурами, роль института политических советников.

В ходе работы над книгой автор пришел к выводу о поистине уникальной роли, которую сыграло в становлении тэтчеризма и в обретении Тэтчер качеств государственного деятеля высшего ранга пребывание партии в оппозиции. Соответственно и посвященный этому сюжету раздел книги занимает одно из центральных мест. Наряду со специальной главой ему же посвящена большая часть и первой, чисто биографической главы, в которой наряду с неизбежно кратким рассказом о годах политического ученичества Тэтчер подробно прослеживается подоплека вызова, брошенного ею Эдварду Хиту в качестве лидера оппозиции и неординарные обстоятельства ее избрания на этот пост. Акцент на особую роль периода оппозиции был тем более необходим, что даже в ряде работ британских авторов явно недооценивается роль, которую сыграла на этом этапе правоконсервативная научная и интеллектуальная элита как в становлении тэтчеризма в качестве идейно-политического течения, так и в деле "тэтчеризации" самой Тэтчер. Выход партии из оппозиции в 1979 г. знаменовал начало тэтчеристского десятилетия, и поэтому после рассмотрения путей и способов, с помощью которых Тэтчер утверждала себя в качестве премьер-министра и отлаживала под себя механизм власти, следует анализ сути и характера политики тэтчеризма, его "апогея" и "перигея". Истощению "пассионарности" тэтчеризма и обстоятельств, приведших к отставке Тэтчер и переходу тэтчеризма в "пост-тэтчеризм", посвящена последняя, завершающая глава книги. В развернутом заключении делается попытка обобщенной характеристики тэтчеризма, сопоставления различных точек зрения, существующих в британской литературе, и излагается собственная позиция автора на этот счет.

Как избранный автором подход, так и наличие специальных работ и исследований, посвященных вопросам внешнеполитической деятельности

Тэтчер и ее правительство, побудили его к известной избирательности при освещении данных вопросов. Главный акцент здесь сделан на те аспекты этой деятельности, которые имеют прямое отношение к феномену тэтчеризма и характеристике личности Тэтчер как политического деятеля мирового класса.

Исследование тэтчеризма автор стремился по возможности привязать к анализу факторов, обусловивших как само его появление, так и степень его воздействия на общественно-политическую жизнь страны. Помимо общей социально-экономической ситуации особое внимание было уделено изменениям в политическом, и в первую очередь электоральном, поведении избирателя, эволюции межпартийных и внутривнутрипартийных отношений, возросшей роли "третьих" партий и особенностям функционирования двухпартийной системы страны.

Определяя структуру и содержание книги, автор исходил не в последнюю очередь из того, чтобы иметь возможность вести исследование одновременно как в историческом, так и в политологическом ключе, что, с его точки зрения, в наибольшей степени отвечает современным требованиям к обеим этим наукам.

Широкий круг проблем, рассматриваемых в книге, потребовал использования самых разнообразных источников и литературы. Что касается чисто биографических сведений, особенно периода политического ученичества Тэтчер, то они почерпнуты в основном из биографий, написанных людьми, либо сотрудничавшими с ней, либо хорошо знавшими ее лично. Появившиеся в конце 70-х – начале 80-х годов первые книги о ней содержат богатейший "банк" данных о ее семье, городке, в котором она родилась и выросла, школьных и университетских годах, о первых шагах в политике. Автор одной из этих биографий, Патриция Марри, большую часть книги отводит тестам, интервью, взятым у Маргарет Тэтчер и ее сына незадолго до того, как та стала премьер-министром³, а также у ее коллег по теневоому кабинету и у других видных политических деятелей.

В книге "Феномен миссис Тэтчер" журналисты Хьюго Янг и Анна Сломен собрали воспоминания ее школьных подруг и сокурсников по университету, политиков различного ранга, сотрудничавших или соприкасавшихся с ней в парламенте, правительстве, кабинете министров⁴. В книге одного из ее советников периода оппозиции, Питера Косгрейва, приведен интереснейший материал о ближайшем окружении Тэтчер в эти годы, ее отношениях с членами теневого кабинета, другими высокопоставленными партнерами и государственными деятелями⁵. Другой ее биограф – Льюис Рассел, занимавший видный пост в партаппарате, с не меньшим знанием дела рассказывает о ее отношениях с партийными инстанциями различного уровня после занятия ею поста лидера⁶.

Если первые жизнеописания Тэтчер – это даже не столько биографии, сколько сборники воспоминаний и интервью, то появившиеся в конце 80-х годов биографии относятся уже больше к жанру исследований. В них

³Murray P. Margaret Thatcher. L., 1980.

⁴Jung H., Sloman A. Mrs. Thatcher's Phenomenon. L., 1986.

⁵Cosgrave P. Margaret Thatcher. A Tory and Her Party. L., 1978.

⁶Russel L. Margaret Thatcher. A Personal and Political Biography. L., 1983.

также содержится богатый и оригинальный материал, почерпнутый, как правило, из заслуживающих доверие источников.

За "мемуарными" биографиями вскоре последовали и собственно воспоминания коллег Тэтчер по теневого кабинету и кабинету министров. Написанные большей частью людьми, которые с ее "помощью" один за другим лишались своих высоких постов и оказывались не у дел, эти воспоминания дают гораздо более широкий, нежели просто биографический, материал, позволяющий судить о ситуации в партийных и правительственных верхах на наиболее ответственных этапах деятельности Тэтчер, изменениях, внесенных ею в систему принятия высших политических решений.

Особое место в мемуарной литературе, естественно, занимают воспоминания самой Тэтчер, первый том которых был опубликован в 1993 г.⁷ Сосредоточившись на рассказе о своей деятельности в качестве премьер-министра и отложив повествование о предшествующем периоде своей жизни на потом, Тэтчер представила подробно документированную собственную версию происходившего и тем самым внесла серьезный вклад в "тэтчероведение". Наибольший интерес, с точки зрения автора, представляют те страницы мемуаров, где бывший премьер описывает свои отношения с коллегами по кабинету, и в том числе – в период своей отставки.)

Целый ряд книг, вышедших из-под пера оппонентов Тэтчер, относятся скорее к жанру собственно политической литературы, содержат более или менее открытую полемику с ней и ее сторонниками и потому интересны прежде всего для изучения отношений, складывавшихся в верхах партии тори. Причем первые из этих книг были опубликованы еще в годы пребывания партии в оппозиции. В те же годы появляется и большое число публикаций "тэтчеристского" направления. Поскольку в ходе противоборства этих направлений происходило само становление тэтчеризма, о них довольно подробно говорится в тексте книги.

К чисто документальной базе исследования относятся прежде всего материалы партийных конференций тори, программные и политические документы партии, многочисленные выступления Тэтчер и других видных консерваторов, социальная и электоральная статистика, данные опросов общественного мнения.

Особо следует остановиться на материалах британской прессы, причем не только и даже не столько как средоточии богатейшего фактического материала самого различного характера, сколько как на источнике, который в своей совокупности исключительно точно воспроизводит общественно-политическую и нравственную атмосферу, складывавшуюся в британском обществе. Будучи в течение трех десятков лет заинтересованным и регулярным читателем таких газет, как "Таймс", "Дейли телеграф", "Санди таймс", "Обсервер", "Гардиан", "Морнинг стар" и еженедельников "Экономист", "Нью стейтсмен", "Нью сосаяти", "Спектейтер", а также ряда "толстых", академических журналов, автор имел уникальную возможность не только постоянно пополнять свои знания о

⁷Thatcher M. The Downing Street Years. L., 1993.

стране, но и испытывать своего рода эффект погружения в ее общественно-политическую жизнь. Наряду с эпизодическими научными командировками, две из которых (в 1978 и 1982 гг.) длились по три месяца, а также регулярными встречами с британскими учеными-обществоведами, парламентариями, партийными деятелями и представителями различных общественно-политических сил в Москве, такого рода "погружение" позволяло постоянно чувствовать себя едва ли не в центре событий. Естественно, что накопленные за все эти годы "досье" и дневниковые записи послужили одним из важнейших источников при написании книги, помогли воссоздать общую панораму происходившего.

Как уже упомянуто, в течение последних полутора десятков лет я более или менее регулярно общался с представителями как научных, так и политических кругов, и это давало мне прекрасную возможность обсуждать с ними интересующие меня вопросы, получать необходимую информацию, брать интервью. Что касается этих последних, то в ходе посещений Великобритании, особенно в последние 8–10 лет, когда мой исследовательский интерес сосредоточился на консерватизме и неоконсерватизме, я пользовался любым случаем, чтобы встречаться с учеными, специализирующимися на изучении тэтчеризма, и с лицами, принимавшими непосредственное участие в его становлении. Наиболее ценными для меня были беседы с бывшим директором Центра политических исследований сэром Альфредом Шерманом, бывшим сотрудником Исследовательского отдела партии Джоном Ренелагом, теперешним заместителем директора этого центра Джулианом Льюисом и его сотрудниками.

Я хотел бы также особо отметить мои встречи с такими крупными исследователями современного консерватизма и тэтчеризма, как профессора Антони Кинг, Эндрю Гэмбл, Боб Джессоп, Кит Миддлмас, доктор Мартин Холмс, а также целым рядом ученых, специализирующихся на проблемах смешанного плана. Из этих последних я хотел бы прежде всего упомянуть профессоров Айвора Кру, Ричарда Роуза, Гиту Ионеску, Майкла Морана, Патрика Данливи, Джона Джонса, Алана Косона. Многие из названных (и не названных) выше исследователей были столь любезны, что регулярно снабжали меня материалами, документами и литературой, отсутствующими в наших библиотеках.)

Пользуясь случаем, хотел бы выразить здесь мою искреннюю признательность всем им за оказанную помощь и содействие и, главное, за те исключительно важные для меня беседы, в ходе которых я имел возможность выявить и уточнить сущность их взглядов на тэтчеризм и высказать свои собственные суждения по этому поводу. Своего рода резюме этих суждений читатель найдет в заключении книги.

Я хотел бы также искренне поблагодарить участников нашего российского англоведческого сообщества из ИМЭМО, ряда других институтов Российской академии наук, кафедры новой и новейшей истории Московского университета, которые своими критическими замечаниями и советами помогли мне продвигаться от одной стадии работы над рукописью к другой и выйти на финишную прямую.

Глава первая

ПУТЬ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

Как и любая другая профессия, профессия политического деятеля требует от претендента на нее помимо соответствующих личных качеств прохождения специальной подготовки, состоящей обычно из двух основных этапов – непосредственно ученичества и обретения необходимого практического опыта. Но ученичество в политике – это не только и даже не столько освоение "теории", сколько та же практика, но только скорее "самодеятельная", любительская. Неудивительно, что период "ученичества" для профессиональных политиков затягивается порой на многие годы и в большинстве случаев заканчивается уже тогда, когда претендент не только сложился как личность, но и успел получить ту или иную "неполитическую" профессию.

Этим, кстати, карьера профессионального политика существенным образом отличается от карьеры государственного служащего, в том числе и самого высокого, "политического" ранга. Зачисление на государственную службу происходит обычно сразу по получении необходимого образования, и уже в процессе ее прохождения в качестве штатного сотрудника государственный чиновник достигает тех или иных ступеней в должностной иерархии.

Сказанное выше вовсе не означает, что образование вообще не играет никакой роли в карьере "чистых" политиков. Недаром в США, да и во многих других странах, среди них необычно высок процент юристов, лиц с гуманитарным образованием. Однако при всем том характер и уровень образования – это лишь один из способствующих факторов, и не более.

Как и в других странах Запада, стадия политического профессионализма в Великобритании наступает обычно с момента избрания в парламент или же с занятием оплачиваемых выборных должностей в местном управлении (которых там сравнительно немного).

Продвижение на поприще профессионального политика зависит прежде всего от того, насколько успешно тот или иной деятель осваивает каждую из ступеней политической лестницы и, таким образом, накапливает опыт и знания, связи, уверенность в себе, необходимые для занятия высших политических постов и должностей. Однако лишь очень малая их часть прорывается в тот узкий круг влиятельных политиков, стоящих у самих истоков выработки и принятия важнейших политических

решений. В Британии, как и в большинстве других стран Запада, — это члены кабинета министров, высшее руководство главных партий, "столпы" местной и региональной политики.

Политическая карьера Маргарет Тэтчер почти что идеальным образом вписывалась в только что приведенную схему, и на ее примере можно проследить путь, по которому в большую политику Британии приходят люди из самых различных слоев общества.

1. Политик, "сделавший себя сам"

В отличие от бизнеса, где до сих пор не только капитал, но и во многих случаях посты и должности передаются по наследству, в мире политики и в Британии, и на Западе вообще такое было невозможно даже в прошлом столетии. И тем не менее в партии консерваторов вплоть до сравнительно недавнего времени существовал узкий круг богатых, полуаристократических семей (иногда его называли "магическим кругом"¹), которые практически монополизировали сферу высших постов в консервативной партии, а в период пребывания ее у власти — и в государстве. Молодая поросль этого круга не поднималась вверх просто в силу принадлежности к нему, но если она проявляла склонность к политике и тем более политический талант, успех ей был практически гарантирован. Из истории страны, притом не столь уж давней, хорошо известна роль, которую играли "кланы" Солсбери, Чемберленов, Черчиллей, Макмилланов и некоторые другие в формировании узкой касты политических руководителей высшего ранга.

Тэтчер, однако, повезло в том смысле, что ее избрание в парламент в 1959 г. совпало со временем, когда в составе высшего партийного и государственного руководства появились люди без связей, причем не просто появились, но и стали играть там все более заметную роль. Типичным представителем таких людей стал Эдвард Хит, выдвинутый еще Гарольдом Макмилланом на авансцену консервативной политики и избранный в 1965 г. лидером партии. "Ветры перемен", провозглашенные Макмилланом в отношении традиционной имперской политики партии и страны, стали проникать и в саму партию тори, и взлет Маргарет Тэтчер, проделавшей всего за 10 лет пребывания в Вестминстере путь от рядового парламентария до члена теневого кабинета, — наилучшее тому подтверждение. Не стала ощутимым препятствием для карьеры Тэтчер и ее принадлежность к "слабому полу", хотя с теми или иными проявлениями "мужского шовинизма" ей и приходилось время от времени сталкиваться.

Все это, однако, вовсе не означает, что приобщиться к кругу профессиональных политических деятелей Тэтчер удалось без особых усилий, и что успех ее был заранее предreshен. Жесточайшая конкуренция, которую ей пришлось преодолеть как на подходе к парламентской карьере, так и в дальнейшем, потребовала от нее не только целеустремленности,

¹The Establishment / Ed. H. Thomas. L., 1959.

но и достаточно высокой степени политического профессионализма, ряда других как природных, так и обретенных качеств.

Среди факторов, существенно повлиявших и на ее окончательный профессиональный выбор, и на ее политические симпатии и антипатии, безусловно, значительную роль сыграло ее семейное окружение, сам факт рождения и воспитания в типичной семье мелкого, но достаточно твердо стоящего на ногах бизнесмена. Судя по воспоминаниям соседей, да и ее собственным, собранным ее биографами, лавка ее отца представляла своего рода "семейное предприятие", которое обслуживали, хотя и в весьма различной степени, все члены семьи, располагавшейся на втором этаже того же дома, в котором находился и магазин. Так что мелкий бизнес, его психологию и общественно-политический настрой юная Маргарет Робертс впитала, что называется, с молоком матери. Если к этому добавить саму атмосферу небольшого провинциального городка, где она провела свои детские и юношеские годы и где свято чтились (по крайней мере в ее окружении) традиции викторианской Англии, то станет понятной не только изначальная склонность Тэтчер к консерватизму, но и то направление консерватизма, которое стало для нее затем естественным прибежищем.

И она сама, и все ее биографы признают исключительную роль, которую сыграл в ее воспитании отец. Член муниципального совета, игравший в нем видную роль и занимавший даже одно время пост мэра, он был из числа тех людей, которых обычно называют "отцами города" и которые пользуются среди жителей особым авторитетом. Будучи человеком очень занятым и своим бизнесом, и общественными делами, он не жалел времени для общения с дочерью, в которой, видимо, довольно рано распознал задатки неординарной личности. Именно от него ей передалось стремление к активному участию в общественной жизни, к тому, чтобы постоянно быть на виду, вести, а не быть ведомым².

И сама Тэтчер, и ее биографы обычно делали и делают упор на тех узлах, которые связывали и связывают ее с родным городком, трогательной привязанности к его обитателям, семье, складу жизни. Есть, однако, все основания полагать, что по мере взросления Маргарет ощутила не только прелесть провинциальной жизни, но и ее ограниченность, отсутствие в ней простора для талантливой честолюбивой личности. Огромным событием, наложившим отпечаток на все годы взросления Маргарет, явилась для нее недельная экскурсия (поездка) в Лондон, во время которой она впервые увидела и почувствовала колоссальную разницу между миром, в котором она жила, и иным, столичным миром, где все было на много порядков выше и масштабнее. Как вспоминала она, будучи уже лидером оппозиции, Лондон буквально ошеломил ее³, и не приходится сомневаться в том, что уже тогда в ней зарождается, возможно, и не совсем осознанное стремление войти в этот заворажи-

² Главным наставлением отца, по ее собственным словам, было: "Не следуй за толпой, не бойся быть отличной от других, решай сама и если необходимо – веди других за собой, но никогда не плетись в хвосте" (*Murray P. Margaret Thatcher. L., 1980. P. 24*).

³ Ibid.

вающий и во многом загадочный мир, причем не просто войти, но и быть в нем на первых ролях.

Правда, в отличие от Гарольда Вильсона, который еще мальчишкой мечтал о том, чтобы стать хозяином "Даунинг-стрит 10" (сохранилась даже его фотография у знаменитой входной двери в резиденцию премьера), Тэтчер, даже будучи студенткой и одним из руководителей консервативной студенческой ассоциации в Оксфорде, считала, что вряд ли сможет целиком посвятить себя политике. Причиной тому было крайне низкое жалование рядового парламентария, составлявшее вплоть до 1945 г. примерно 400 ф.ст. в год. Она же хотела получить профессию, которая давала бы ей возможность быть материально независимой.

Избрав своей специальностью химию, Тэтчер, однако, одновременно все более втягивалась в политику, причем в отличие от отца, который всю жизнь был либо приверженцем либералов, либо независимым, она без колебаний вступила в Оксфордскую консервативную ассоциацию. По ее собственным словам, эта организация привлекала ее не столько как политическое, сколько как "социальное" объединение, дававшее возможность общения студентов друг с другом и с интересными людьми, участия во всякого рода общественных и развлекательных мероприятиях и т.д.⁴ Однако, став членом ассоциации, она постепенно втягивается в ее политическую деятельность, а вскоре проявляет себя как одна из главных ее фигур. В 1945 г., через два года после поступления в университет, она уже активно участвует в избирательной кампании, к этому же периоду относятся ее первые публичные выступления, участие в серьезных политических дебатах.

Энергия, организаторский талант, энтузиазм, с которым она бралась за всякое дело, быстро выдвинули ее в число руководителей организации молодых консерваторов Оксфорда, и уже вскоре после выборов 1945 г. она становится ее президентом. В 1946 г. она впервые избирается делегатом на ежегодную партийную конференцию. Ее политические симпатии уже в этот период склоняются в сторону правого крыла партии, отстаивавшего незыблемость принципов и ценностей традиционного "викторианского" консерватизма.

К этому же времени относится и ее решение начать борьбу за выдвижение своей кандидатуры в парламент. Как объясняла это свое решение она сама⁵, в 1945 г., после победы на выборах лейбористов и избрания в парламент большого числа людей, не имевших побочных средств к существованию, жалование парламентариев было повышено более чем в 2 раза (до 1000 ф.ст. в год). На эти деньги уже можно было прожить, а это открывало путь в профессиональную политику для всех тех, кто до того в силу чисто материальных соображений не мог и помышлять об этом.

Думается, однако, что главным все же было не это обстоятельство, но прежде всего то, что ко времени окончания университета Маргарет Робертс уже почувствовала настоящий вкус к политической борьбе и

⁴Ibid. P. 37.

⁵Ibid. P. 39.

политической деятельности, обрела уверенность в себе, осознала, что может не хуже, а возможно и лучше, чем другие кандидаты, убеждать и привлекать на свою сторону избирателей, дискутировать с политическими противниками, собирать вокруг себя способных и целеустремленных единомышленников, завязывать и поддерживать необходимые знакомства и связи. Уже в ходе предвыборной кампании 1945 г. она встречается с Квентином Хоггом (будущим лордом Хэлшемом), который баллотировался в Оксфорде и которого поддерживала университетская консервативная ассоциация. В этот же период она знакомится и с рядом других консервативных парламентариев и кандидатов в парламент, и, судя по всему, это еще больше подогревает ее политические амбиции.

В 1948 г. уже после окончания университета и поступления на предприятие, занятое изготовлением пластмасс (где она занималась исследовательской работой), она вновь делегируется Ассоциацией выпускников Оксфордского университета на ежегодную конференцию консервативной партии. Там ее знакомят с председателем одной из местных ассоциаций партии, который предлагает ей принять участие в конкурсе на вакантное место кандидата в парламент от его избирательного округа. Несмотря на то что этот округ принадлежал к категории "твердых" лейбористских округов с ничтожными шансами на победу кандидата-консерватора, желающих попытаться счастья было достаточно много: юная Маргарет Робертс была двадцать седьмой в списке. Причем она была единственной женщиной среди них. На собрании окружной организации, состоявшемся уже в следующем, 1949 г., которое должно было произвести окончательный отбор и назвать победителя, она выступила с резкой критикой социально-экономической политики лейбористов, и особенно политики в области налогообложения. Это произвело на присутствующих столь сильное впечатление, что ее кандидатуре было отдано явное предпочтение перед остальными. Хотя она продолжает усердно трудиться в качестве химика, ее главный интерес теперь – это политика. Очевидно именно этот интерес еще больше подогрел ее давнее стремление получить специальность юриста. Во всяком случае уже вскоре после утверждения своей кандидатуры она поступает на подготовительные юридические курсы, причем специализируется в области налогообложения.

Выборы 1950 г., на которых консерваторы вновь потерпели поражение, но существенно потеснили лейбористов, принесли известное удовлетворение и Маргарет Робертс. Лейбористское большинство в округе уменьшилось на 1/3 (с 19 тыс. до 13,5 тыс.). Число голосов, собранных консерваторами, увеличилось на 50%⁶. Этот результат позволил ей вновь успешно пройти процедуру утверждения кандидатом, однако на выборах 1951 г. она смогла лишь закрепить достигнутый в 1950 г. успех, снизив лейбористское большинство до 12,3 тыс.⁷ Было очевидно, что добиться большего в данном округе вряд ли удастся, и она на какое-то время оставляет попытки пробиться в Вестминстер. Тем более что почти сразу же после выборов 1951 г. она выходит замуж за состоятельного

⁶Russel L. Margaret Thatcher. A Personal and Political Biography. L., 1983. P. 20–21.

⁷Ibid. P. 23.

бизнесмена Дениса Тэтчера. На это же время приходится ее усиленные занятия юриспруденцией, а в августе 1953 г. у нее рождается двойня. Через четыре месяца после родов она сдает экзамены, а еще через восемь месяцев начинает карьеру профессионального юриста. Накануне выборов 1955 г. и сразу после этих выборов она делает ряд безуспешных попыток стать парламентским кандидатом. Видимо, не последнюю роль в этих неудачах сыграло то обстоятельство, что теперь она стремится выставить свою кандидатуру от более перспективных округов, где конкуренция намного жестче. В конце концов, с пятой попытки, ей удается задуманное. Выдержав острейшую конкуренцию примерно двухсот претендентов, она становится в 1958 г. кандидатом от традиционно консервативного избирательного округа, и на выборах 1959 г., в возрасте 34 лет, становится членом парламента. Заветная мечта о профессиональной политической карьере становится реальностью, сразу же после выборов она прекращает адвокатскую практику и целиком посвящает себя парламентской деятельности.

Заняв свое место на задних скамьях Палаты общин, она попыталась, как и многие другие новички, выступить с собственным "частным" законопроектом и после жеребьевки оказалась среди тех, кому это было позволено сделать. Избрав в качестве темы вопрос о расширении прав прессы присутствовать на заседаниях органов местного управления, она столь успешно обосновала необходимость его принятия, что билль был опубликован для второго чтения, которое состоялось 5 февраля 1960 г. В течение 30 минут Тэтчер защищала законопроект, и, как заметил ее главный оппонент, это было сделано на уровне переднескамеечника (т.е. члена правительства). Билль прошел подавляющим большинством голосов (152 – "за" и 39 – "против"), после чего ей была предоставлена возможность рассказать о нем в рамках официальной партийной передачи по телевидению.)

Тэтчер становится желанным гостем всякого рода мероприятий, проводимых столичными кругами тори, к ней начинают присматриваться ведущие консервативные политики. И уже спустя два года после избрания в парламент тогдашний премьер Гарольд Макмиллан назначает ее на должность парламентского секретаря министерства пенсий и национального страхования. Должность эта делала ее членом правительства в ранге младшего министра, ответственного за связи между министром – членом кабинета с парламентариями и парламентскими комитетами, деятельность которых находилась в сфере интересов министерства.

Должность парламентского секретаря – самая низкая из всех министерских должностей, и назначение на нее воспринимается чаще всего не столько как признание заслуг, сколько как своего рода пробный шаг, испытание для подающего надежды новичка. Иначе говоря, это первая ступень карьеры государственного деятеля, за которой могут последовать, а могут и не последовать другие.

Неудивительно, что, взяв этот теперь уже второй барьер на пути в большую политику, Тэтчер постаралась сделать все, чтобы оправдать возлагавшиеся на нее надежды и пойти дальше. Как признавалась она впоследствии, пределом ее мечтаний в тот период был пост министра

финансов, и есть все основания полагать, что о poste премьерера она тогда и не помышляла⁸. Причем отнюдь не из-за излишней скромности, а прежде всего исходя из реальной ситуации в консервативной партии и ее руководящих верхах. Дело в том, что вплоть до 1965 г. в партии отсутствовала узаконенная процедура смены лидера (который в случае победы ее на выборах автоматически становится премьер-министром), и вопрос обычно решался в ходе секретных консультаций внутри узкого круга партийной элиты. Естественно, что и лидером (и премьер-министром) мог стать лишь человек, принадлежащий к этому кругу, стремившемуся не допускать в свою среду "аутсайдеров". Но и после того как в 1965 г. пост лидера стал выборным и решающая роль на этих выборах в его избрании стала принадлежать парламентской фракции, о занятии этого поста мог помышлять лишь человек, ставший признанным государственным деятелем национального масштаба. Несмотря на весьма успешный старт, Тэтчер нужно было пройти очень большой путь, чтобы достичь такого положения. Не могла она не ощущать и сложностей, связанных с ее принадлежностью к "слабому" полу, отсутствие в истории страны случаев, когда премьер-министром становилась бы женщина. И хотя традиции сильного женского начала в политике отнюдь не чужды Великобритании (достаточно вспомнить "елизаветинские" и "викторианские" времена), несопоставимость исторических ситуаций была настолько очевидной, что вряд ли кому в начале 60-х годов могло прийти в голову, что не пройдет и полутора десятков лет, как "женское начало" снова возьмет верх в политике, на этот раз уже на ином, не монархическом уровне. Однако произойти это могло лишь в экстраординарной, кризисной ситуации, в которой оказались в середине 70-х годов партия и ее руководство; ситуации, предвидеть которую не мог даже самый проницательный и дальновидный политик. Тогда же, в начале 60-х годов, несмотря на трудности, переживаемые партией в связи с начинавшей все сильнее давить о себе знать "английской болезнью", а также скандальным делом министра обороны Дж. Профьюмо, уличенного в связях с женщинами легкого поведения, услугами которых пользовался и агент КГБ, партия тори являла собой едва ли не образец организованности и порядка, в котором каждый знал свое место.

Ко времени избрания Тэтчер в парламент "мужской шовинизм" в партии тори и в стране в целом заметно сдал свои позиции, и те, кто оставались в той или иной мере подверженными ему, уже не могли открыто афишировать свои взгляды и вынуждены были держать их при себе и, во всяком случае, не высказывать их публично. Больше того, для политической элиты обеих партий стало уже неудобным не иметь хотя бы единичных представителей женской половины в составе партийного и государственного руководства. И отнюдь не случайно, что именно в

⁸Примечательно, что в опубликованной в начале 60-х годов книге "Женщины в парламенте" ее автор, лейбористка Джин Манн, несмотря на уже четко проявившуюся тенденцию к "феминизации" политики, заключала на основании своего 15-летнего опыта члена парламента, что существует очень малая вероятность того, что женщина может занять такие высшие министерские посты, как канцлер казначейства или же министр иностранных дел (Lewis R. Op. cit. P. 31).

50–60-х годах на политической арене Великобритании появляется ряд заметных женских фигур, большая часть которых, правда, принадлежала к числу лейбористов. Это прежде всего Барбара Касл, Дженни Ли, Рене Шорт. Позднее к ним присоединились известная деятельница лейбористской партии Ширли Уильямс, ряд других видных представительниц обеих главных партий. Ко времени избрания Тэтчер в парламент в составе консервативного правительства уже имелось три женщины, так что ее назначение отнюдь не было каким-то из ряда вон выходящим событием. И вовсе не исключено, что, стремясь закрепить за собой имидж реформатора, Макмиллан отдал предпочтение не только Тэтчер – начинающему политику, но и Тэтчер-женщине.

Спустя несколько месяцев после своего назначения, в марте 1961 г., Тэтчер выпала нелегкая задача отвечать на обвинения лейбористов в том, что правительство пренебрегает интересами пенсионеров и фактически заморозило пенсии. Своим обстоятельным и насыщенным статистическими выкладками ответом Тэтчер не только показала динамику роста пенсий за все послевоенные годы, причем по самым различным категориям пенсионеров, но и привела сравнительные данные о пенсионном обеспечении в Британии, Швеции, Дании и ФРГ. Ее речь произвела сильное впечатление и, по словам одного из комментаторов, еще раз показала, что эта женщина не считает, что "ягоду черешни нужно есть в два приема". "Она, напротив, – писал он, – ест сразу две в один прием. Она имеет двойню, она квалифицированный химик и адвокат, она разом произнесла и свою первую речь в парламенте и внесла частный билль, и это была речь, достойная переднескамеечника. При такой скорости Маргарет Тэтчер способна поглотить за один прием четыре"⁹.

Примечательно, что эта откровенно апологетическая характеристика принадлежит автору из "противоположного", лейбористского лагеря. Отчасти это, очевидно, объясняется тем, что ее автор – тоже женщина и тоже член парламента, и эта цитата – далеко не единственное проявление женской солидарности, имевшей место в первые годы пребывания Тэтчер в парламенте¹⁰. Правда, уже вскоре, после того как Тэтчер все решительнее демонстрировала свою отнюдь не женскую хватку, солидарность эта резко пошла на убыль.

После выборов 1964 г. Тэтчер переходит на положение теперь уже "теневого" министра (по-прежнему младшего) пенсий. В 1965 г. одержавший победу на первых выборах лидера тори Эдвард Хит назначает ее на пост теневого министра по вопросам жилищной политики, и она активно выступает по этим вопросам в парламенте и на партийной конференции, отстаивая интересы домовладельцев и выступая на их стороне против "бремени местных налогов" на недвижимость. Судя по всему, уже тогда Тэтчер была настроена на далекоидущую реформу местного налого-

⁹ Russel L. Op. cit. P. 31.

¹⁰ К примеру, Барбара Касл – одна из наиболее известных деятелей лейбористских правительств 60-х – активно поддержала "частный" билль Тэтчер, о котором говорилось выше. Да и в дальнейшем, уже уйдя в Европарламент, Касл не меняла своего уважительного и даже в чем-то почтительного отношения к Тэтчер.

обложения, которую она попыталась осуществить в конце 80-х годов и которая, как мы увидим ниже, довольно дорого ей обошлась.

Еще более определенно начала Тэтчер заявлять о своих политических пристрастиях после того, как в 1966 г. Э. Хит назначил ее на пост "теневого министра" (все еще младшего, но уже значительно более высокого ранга), специализирующегося на финансовых вопросах. Особенно примечательной в этом плане явилась ее речь на ежегодной партийной конференции 1966 г., которой она попыталась придать броскую идеологическую окраску. Обвинив лейбористское правительство Г. Вильсона в подрыве законности и традиционных свобод, она квалифицировала предложенные правительством и одобренные парламентским большинством меры как ведущие к "социализму" и как "шаг к коммунизму". Даже не отличавшийся резкостью собственных оценок и суждений комментатор газеты "Таймс" назвал ее выступление попыткой сорвать "дешевые аплодисменты". Однако большинство делегатов конференции восприняли это выступление как одно из наиболее удачных и были буквально в восторге от него. Недаром они наградили ее "овацией стоя", что было указанием на то, что она чутко улавливает настроения тех, кто не в столь уж отдаленном будущем станет ее главной опорой в партии. Как пишет уже цитированный выше ее биограф Люис Рассел, занимавший в тот период достаточно высокий пост в партии тори (он был директором Консервативного политического центра, ведающего вопросами партийной идеологии и пропаганды), с этого времени "разоблачения стали превращаться в акционерный капитал миссис Тэтчер"¹¹. Ее "антисоциалистические" статьи появляются в консервативной печати, она не упускает случая обрушиться на лейбористов и коммунистов в своих публичных выступлениях, проходящих все чаще и чаще.

Тот факт, что именно в этот период выступления Тэтчер приобретают все более четкую идеологическую заостренность, был связан отнюдь не только с тем, что, выдвинувшись в число ведущих консервативных политиков, она почувствовала и возможность и необходимость определить свое собственное политическое лицо, во всеуслышание заявить о системе ценностей, которые она разделяет. Одной из отличительных черт Тэтчер было умение чутко улавливать изменения в общественных настроениях и, как мы не раз убедимся в дальнейшем, умело использовать этот свой дар (а для политика это поистине великий дар) в достижении намеченных целей. Вторая половина 60-х годов как раз и отличалась тем, что в эти годы происходит достаточно быстрая ломка установившихся в послевоенный период стереотипов общественного сознания и поведения, главным содержанием которой становится появление левого и правого радикализма.

Что касается левого радикализма, то он проявляется в этот период настолько бурно, что это ведет к созданию устойчивого мифа о едва ли не однозначном сдвиге влево во всей общественно-политической жизни стран Запада. Студенческие волнения, армейские мятежи, студенческая активность, феминистские движения, активизация левосоциалистических течений

¹¹Russel L. Op. cit. P. 46.

ний практически заслонили собой в глазах большинства исследователей и аналитиков того и более позднего времени факт практически одновременного оживления праворадикальных настроений и праворадикальной общественно-политической активности. Отчасти это было реакцией на левый радикализм и исходящую от него угрозу устоявшемуся жизненному укладу, принципам и нормам "буржуазной" морали. Однако основная причина была значительно глубже, и заключалась она в растущем неприятии значительной частью населения той социальной, экономической и политической действительности, которая сложилась в странах Запада в результате осуществления возобладовавшего после войны социал-реформистского курса.

На уровне массового сознания происходило пока что в основном подспудное накопление антиэтатистских и антиколлективистских настроений, причем отнюдь не только в "мелкобуржуазной" и буржуазной среде, но и в верхних слоях рабочего класса, в среде служащих, интеллектуальных и политических кругах¹². Наиболее чутким барометром такого рода настроений становились, естественно, консервативные партии, и особенно их актив, состоящий в основном из представителей мелкобуржуазных и близких к ним социальных групп и слоев. Свободная (в отличие от других западноевропейских партий консервативного спектра типа германской ХДС-ХСС и итальянской ХДП) от традиций как христианского, так и светского эгалитаризма, британская консервативная партия представляла собой идеальный тип организации для быстрого расцвета правого радикализма в ней. Уже предвыборный манифест 1968 г. нес на себе отчетливые следы новых веяний. Начиная же с 1968 г. в недрах торийского истеблишмента подготавливаются документы, в которых с жестких, откровенно правых позиций формулируются основные направления консервативной стратегии на 70-е годы и в отношении профсоюзов, и в отношении государственного вмешательства в экономику, и в ряде других вопросов. Пройдет всего два года, и пришедшее в 1970 г. к власти правительство Э. Хита устами своего лидера провозгласит начало "тихой революции", призванной покончить с обременительным этатизмом и поставить под жесткий контроль усилившийся сверх меры тред-юнионизм.

В свете всех этих факторов вполне закономерной выглядит "идеологизация" выступлений и речей Маргарет Тэтчер, ее все более решительный антисоциализм и антикоммунизм. Необычным было, однако, то, что у Тэтчер идеологический подход стал проявляться значительно раньше, чем у ряда других ее коллег по теневому правительству и у самого его главы, а также то, что проявлялся он в более резкой, воинственной форме, чем у большинства из них. Тем не менее Тэтчер не перешла грани, которая отделяла основное руководящее ядро партии от той сравнительно небольшой части консервативных политиков и идеологов, которые в этот период делают правый радикализм своим знаменем и исповедуют его в крайней, вызывающей форме. Заглавной фигурой среди них являлся известный политик и государственный деятель, занимавший ответственные министерские посты в предшествовавших

¹²Подробно об этом см.: *Kavanagh D. Thatcherism and British Politics. L., 1987. P. 63-99.*

консервативных правительствах и включенный Хитом в свой теневой кабинет, – Инок Пауэлл. Наряду с антиэтатистской и антиколлективистской фразеологией большое место в выступлениях Пауэлла и его сторонников занимала аргументация против вступления Великобритании в Общий рынок и решительная оппозиция "цветной" иммиграции в страну, превращению ее населения в "многорасовое" сообщество. Выступления Пауэлла по этому последнему вопросу носили столь отдающий откровенным расизмом характер, что после одного из наиболее шумевших из них (произнесенных в Бирмингеме в 1968 г.¹³) Хит решительно отмежевался от его взглядов и демонстративно исключил его из состава теневого кабинета.

Хотя многие из идей и постулатов "пауэллизма" были достаточно близки Тэтчер и в той или иной мере разделялись ею, она не изъявляла ни малейшего желания сблизиться и тем более идентифицировать себя с этими людьми. И дело было не только и, может быть, не столько в максимализме Пауэлла, но прежде всего в том, что чрезвычайно развитое шестое чувство подсказывало Тэтчер "тупиковость" пауэллистской оппозиции, ее неспособность обрести прочную и достаточно широкую опору и внутри собственной партии, и в стране в целом. Как верно подметил один из наиболее глубоких исследователей феномена тэтчеризма профессор Эндрю Гэмбл, основополагающим мотивом деятельности Тэтчер и тэтчеристов является стремление к власти, причем власти не только для самих себя, но прежде всего для своей партии и тех социальных сил, которые за ней стоят и чьи интересы она выражает¹⁴. И тот факт, что "пауэллизм" в глазах Тэтчер такой силой не являлся, предопределял отсутствие у нее всякого интереса к этому течению. И это при том, что Пауэлла поддерживала значительная часть консерваторов-заднескамеечников (от 20 до 30%¹⁵), а также немалая часть рядовых консерваторов. Во время опроса, проведенного в канун выборов 1970 г., Пауэлл вышел на второе место (после Хита) среди ведущих деятелей партии по уровню своей популярности¹⁶.

Не проявила Тэтчер интереса и к такой весьма активной в тот период правоконсервативной организации, как "Клуб понедельника"¹⁷.

Как видим, "идеологизация" выступлений Тэтчер не была чем-то из

¹³ В этой речи Пауэлл предрекал, что страну зальют "реки крови", если вовремя не остановить поток иммигрантов и не организовать репатриацию тех, кто уже оказался в стране.

В скором времени Пауэлл стал выступать также за более органическую интеграцию Северной Ирландии в Соединенное королевство, что означало бы на практике полное подчинение ирландского католического меньшинства этой провинции потомкам переселенцев из Британии, составляющих там протестантское большинство.

¹⁴ Gamble A. The Free Economy and the Strong State. L., 1988.

¹⁵ Times. 1970. June 17. P. 5.

¹⁶ Sunday Times. 1970. May 24. P. 21.

¹⁷ "Клуб понедельника" был создан в 1961 г. поборниками "истинных" принципов торизма и противниками деколонизаторской политики Г. Макмиллана. В 1967–1971 гг. количество членов клуба ежегодно удваивалось и достигло к осени 1971 г. 8 тыс. человек. Ядро клуба составили примерно 30 экстремистски настроенных членов Палаты общин и 35 лордов. Несколько членов клуба вошли в состав правительства Хита (см.: Observer. 1970. Mar. 3; Sunday Times. 1990. Oct. 19; Times. 1971. Nov. 9).

ряда вон выходящим и шла в унисон с общей тенденцией к "поправению" партии. И если в чем-то она и забежала вперед, то не настолько, чтобы отрываться от основной группы ведущих консервативных политиков. Ее "правизна" становилась более отчетливой, однако это никак не сказывалось на ее репутации политика, главным достоинством которого является исключительная работоспособность и высокий профессионализм и который твердо придерживается признанных на данный момент программных и стратегических установок партии. Именно эта репутация вынудила Хита, который, судя по всему, не очень ей симпатизировал и которому наверняка не очень-то нравилась ее идеологическая агрессивность и напористость, ввести ее в 1967 г. в теневого кабинет. Освобождалось место члена теневого кабинета, ответственного за политику партии в области энергетики, которое занимала единственная там женщина. Чтобы не быть обвиненным в мужском шовинизме, закоренелому холостяку Хиту нужно было во что бы то ни стало найти на ее место другую "статусную женщину"¹⁸. Как вспоминал тогдашний член теневого кабинета, входивший в узкий круг наиболее близких к лидеру политиков, именно он посоветовал Хиту назначить Тэтчер, что тот без особой охоты и вынужден был сделать¹⁹. Как видим, фактор пола оказался здесь явно на руку Тэтчер, хотя решающим было то, что за восемь лет пребывания в парламенте Тэтчер удалось завоевать настолько прочные позиции, что даже если бы Хит и захотел, он вряд ли смог бы долгое время держать ее на приличной дистанции от того круга консервативных политиков, который задавал тон в партии, формировал ее имидж и одновременно нес на себе основное бремя ответственности. Когда Тэтчер стала премьер-министром, и пресса и многие аналитики едва ли не хором стали писать и говорить о том, как крупно ей повезло, она (в ответ на этот громогласный рефрен) заявила: "Мне не повезло. Я заслужила это"²⁰. Думается, что то же самое она могла бы сказать в отношении каждой из ступеней своей политической карьеры, может быть, за исключением занятия поста лидера, в ходе борьбы за который помимо ее собственных усилий немалую роль сыграли и независимые от нее обстоятельства.

Будучи верной своим принципам, Тэтчер и на новом посту заявляет о себе как о стороннице правоконсервативных взглядов. На конференции 1967 г. она выступает в поддержку резолюции одной из местных ассоциаций партии, требовавшей от будущего консервативного правительства мер по денационализации. Как и другие сторонники приватизации, она аргументирует свою позицию неэффективностью национализированных отраслей, обвиняет лейбористов в использовании национализации в политических целях.

В своих выступлениях в парламенте Тэтчер все чаще выходит за пределы компетенции своего министерства, что было вполне естественно

¹⁸ *Joung H. One of us. L., 1989. P. 55.*

¹⁹ По словам Джеймса Прайора, в ответ на это предложение Хит сказал ему, что он уже советовался с Уайтлоу и тот заметил, что Тэтчер, конечно же, способнее других, но "если она попадет туда (т.е. в теневого кабинет), мы уже никогда не сможем от нее отделаться" (*Prior J. The Balance of Power. L., 1986. P. 42.*)

²⁰ *Mayer A. Madam Prime Minister. N.Y., 1979. P. 9.*

для переднескамеечника, сменившего уже ряд министерских должностей, пусть большей частью и в роли "теневого" министра. Ту же самую эволюцию претерпевают и ее публичные выступления. Во время конференции 1968 г. ее приглашают выступить с "ежегодной лекцией" на заседании упоминавшегося Консервативного политического центра. Избрав тему "Что неладно в политике", она сделала главный упор на тезис о неправомерном усилении власти государства над индивидом, о необходимости ограничения вмешательства государства в общественные дела и предоставления больше свободы и инициативы личности. В следующем году по предложению редактора ведущей консервативной газеты "Дейли телеграф" она выступает с двумя статьями, в которых излагает свои взгляды на основы консервативной политики, повторяя в более развернутом виде те же идеи и предлагая некоторые конкретные меры по денационализации²¹.

Ничего оригинального в этих ее рассуждениях не содержалось, и они полностью корреспондировались с тем "правым поветрием", которое захватило в тот период уже основную массу активистов и членов партии и большую часть ее руководства. Тем не менее своими устными и печатными выступлениями Тэтчер явно претендовала на занятие места в авангарде, а не арьергарде "тихой революции".

О том, насколько далеко сдвинулось в конце 60-х годов вправо все партийное руководство, красноречиво свидетельствует не только избирательный манифест, подготовленный к выборам 1970 г., но и сама процедура его подготовки. Получившее широкое публичное заседание теневого кабинета, посвященное обсуждению этого документа, выявило единодушное стремление его участников положить начало новой, принципиально отличной от прежней политике, основанной на свободном предпринимательстве, свободе конкуренции, жестком антипрофсоюзном законодательстве, поощрении личной инициативы и резком ограничении вмешательства государства в социально-экономическую сферу, приватизации национализированных отраслей. Отличительной чертой самого манифеста являлось то, что по всем этим вопросам была осуществлена детальная проработка конкретных мер по их реализации. Название места, где была окончательно утверждена новая стратегия (отель "Селсдон парк"), стало вскоре своего рода символом правоконсервативной политики. В обиход вошло выражение "селсдонский мужчина", указывавшее на принадлежность к последовательно правой политической ориентации. Примечательно, что, когда впоследствии Тэтчер спросили о ее отношении к "селсдонскому" совещанию и принятым на нем решениям, она не без иронии отвечала, что считает себя "селсдонской женщиной".

Свидетельством прочности положения, занятого Тэтчер в руководящих кругах партии, явились дальнейшие ее должностные перемещения уже в рамках теневого кабинета. В 1968 г. Хит назначает ее теневым министром транспорта, а в конце 1969 г., т.е. всего за несколько месяцев до выборов 1970 г., — теневым министром образования и науки.

Пребывание на посту теневого министра транспорта связано с двумя ее

²¹ Russel L. Op. cit. P. 50.

зарубежными поездками – одной в США, другой в СССР. Целью поездок было прежде всего ознакомление с опытом в области транспорта, накопленным этими странами. Не приходится сомневаться, что последняя поездка лишь утвердила Тэтчер в активном неприятии системы, к которой она всегда чувствовала инстинктивную неприязнь и даже враждебность. Во всяком случае ее антикоммунизм и антисоциализм не стал после этого менее агрессивным, скорее наоборот.

Хотя последовательно занимавшиеся Тэтчер посты в теневом кабинете были более или менее равнозначны, их занятие существенно обогащало опыт Тэтчер как государственного деятеля широкого диапазона. На поприще министра образования и науки было довольно легко обрести широкую известность, но здесь были и свои "ловушки", одна из которых едва ли не стала для нее роковой. Но все это уже было на следующей стадии ее политической карьеры, о которой речь пойдет ниже.

2. Да, премьер-министр!

Победа консерваторов на июньских выборах 1970 г. вывела Маргарет Тэтчер на рубеж, который подавляющее большинство парламентариев сочло бы вершиной своей политической карьеры и который для большей их части так и остается недостижимым. Кабинет министров, в состав которого Тэтчер вошла в качестве одного из двадцати семи его членов, по праву считается главным центром политической власти в стране. Именно кабинет играет решающую роль во всей системе исполнительной и законодательной власти, именно к нему и к входящим в него министрам сходятся основные нити государственного управления. Хотя кабинет и считается органом исполнительной власти, в действительности он сосредоточивает в своих руках и основные рычаги законотворческой деятельности. Именно ему принадлежит право окончательно формулировать законодательную программу правительства, и именно члены кабинета вносят в парламент подавляющую массу законопроектов, а затем играют ведущую роль в их обсуждении и прохождении через парламент.

В ходе последующего изложения нам еще не раз доведется столкнуться с деятельностью этого органа, его структурой и распределением ролей и соответственно увидеть не только его "всесилие", но и существенные ограничения, которые накладывают на его прерогативы и на полномочия его членов многие другие звенья государственной власти и государственного управления. И тем не менее если попытаться охватить одним взглядом всю пирамиду политической власти в стране, то тезис о ключевой, поистине уникальной роли кабинета министров – единственного органа, располагающего как исполнительной, так и законодательной властью и являющегося своего рода мостом между той и другой, вряд ли может быть подвергнут сомнению. Члены кабинета не просто "делают политику", принимают решения, участвуют в их выработке и т.д. Не менее важно и то, что они остаются ведущими парламентариями, лицами, наиболее часто выступающими в средствах массовой информации и потому –

наиболее известными и, как правило, наиболее авторитетными в стране политиками.

Заняв свое место в кабинете, призванном играть роль коллегиального органа, Маргарет Тэтчер, естественно, взяла на себя свою долю ответственности и за принимаемые им конкретные решения, и за его общий политический курс. Курс этот был на первых порах нацелен на реализацию взятых накануне выборов обязательств, причем побудительным мотивом действий кабинета и правительства являлось не столько абстрактное стремление преодолеть ограниченность реформизма, сколько твердое намерение вывести страну из той тяжелой социально-экономической ситуации, в которой она оказалась к концу 60-х годов. Ситуация же эта характеризовалась тем, что к тому времени существенно замедлились и без того крайне низкие темпы развития британской экономики (с 3,2% в 1958–1961 гг. до 2,2% в 1965–1970 гг.)²². Соответственно уменьшились возможности для адекватного развития государственных социальных систем, все более заметным стало отставание от других стран Запада.

Британия оказалась практически единственной западноевропейской страной, не пережившей "экономического чуда". В представлении сначала специалистов, а затем и в широком общественном мнении она стала восприниматься как "больной человек Европы", не как "Великая Британия", а как "Малая Англия", и это, естественно, не могло не затрагивать британцев чисто психологически, не ранить присущие им чувства национальной гордости.

К 1970 г. доля Британии в промышленном производстве и экспорте стран Запада упала до 7,1% (против 11,6 и 11% в 1970 г.)²³. Заметно снизились темпы прироста реальных доходов трудящихся, а по уровню жизни страна переместилась с одного из первых мест в Западной Европе на одно из самых последних. В 70-х годах уровень жизни в Великобритании был уже на 20–25% ниже, чем в ФРГ и Франции и составлял 92% от среднеевропейского²⁴.

К концу 60-х начала быстро нарастать стачечная активность. Если в течение большей части 60-х годов число потерянных в результате забастовок рабочих дней составило в среднем около 3 млн., то уже в 1969 г. оно подскочило до 6,8 млн.²⁵ Одновременно происходило довольно резкое poleвение ряда влиятельных профсоюзов, укрепилось левое крыло лейбористской партии. Заметно усиливалась общая социальная напряженность в стране. Попытки лейбористского правительства провести в 1969 г. через парламент закон, ограничивающий право профсоюзов на забастовку и побуждающий их к более конструктивному сотрудничеству с предпринимателями и правительством, встретили столь жесткое сопротивление профсоюзов, что ему пришлось снять уже подготовленный проект закона с обсуждения.

Неудивительно, что одним из самых первых шагов правительства Хита стали разработка и проведение через парламент закона, жестко ограни-

²² Подробно об этом см.: Великобритания. М., 1972. С. 15.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Times. 1983. Oct. 8.

²⁵ Великобритания. М., 1981. С. 318.

чивавшего права профсоюзов, и особенно право на забастовку. И влиятельные круги бизнеса, и более широкие общественные круги связывали с приходом правительства Хита к власти немалые надежды на то, что оно положит конец "анархии" в отношениях на производстве, ограничит экспансию государства и Британия сможет более органично вписаться в демонстрировавшее свой динамизм и свои немалые потенции Европейское сообщество. Не в малой степени эти надежды были связаны с тем, что в отличие от своих предшественников, принадлежавших к "магическому кругу" потомственных консервативных политиков, Хит был человеком, обязанным своему прорыву наверх лишь самому себе и потому не обремененным характерными для деятелей традиционной консервативной элиты чувствами "социальной вины" и "социальной ответственности", побуждавшими их относиться с терпимостью и даже сочувствием к принципам социал-реформизма. Будучи сыном строительного рабочего, он вначале стал преуспевающим бизнесменом, а затем сделал быструю, можно сказать головокружительную, карьеру в политике. На первых за всю историю партии выборах лидера в 1965 г. (до этого, как уже отмечалось, лидер определялся с помощью закулисных консультаций внутри "магического круга") Хит одержал убедительную победу над своими более именитыми соперниками, ибо именно ему отдавали предпочтение те все более многочисленные круги в партии, которых не устраивал ее прежний курс. Как объяснял американскому читателю сразу после избрания Хита известный консервативный журналист П. Уортсхорн, по его представлениям "партия тори при Хите станет значительно более воинственно-капиталистической и более агрессивной антисоциалистической, чем она была при его трех патрицианских предшественниках" (т.е. Хьюме, Макмиллане и Идене)²⁶. "Ради того, чтобы сделать экономику страны эффективной, – продолжал Уортсхорн, – он пойдет на риск социальной напряженности такого уровня, который его предшественники стремились любой ценой избежать"²⁷.

Впрочем, и сам Хит приложил немало сил, чтобы подогреть такого рода ожидания. Заявив, что приход к власти консерваторов знаменует начало "тихой революции", он с немалым апломбом утверждал, что ее назначение – "изменить сам ход исторического развития"²⁸.

Казалось бы, имея детально разработанную стратегию, правительству оставалось всего лишь пункт за пунктом выполнять намеченные меры, и на первых порах оно и попыталось именно так действовать. Однако уже вскоре жизнь поломала столь тщательно отработанную схему. Единственная крупная мера, которую ему удалось осуществить и благодаря которой оно оставило заметный след в истории страны, – это включение страны в Общий рынок, как тогда принято было называть Европейское сообщество. Будучи целеустремленным европеистом и проявив немалую настойчивость и политическую волю, Хит смог преодолеть ожесточенное сопротивление крайне правых внутри собственной партии и "антирыноч-

²⁶ New York Times Magazine. 1965. Mar. 29. P. 55.

²⁷ Ibid.

²⁸ Observer. 1970. Oct. 11. P. 1; Times. 1970. Dec. 31. P. 1 (Suppl.).

ников" в лейбористской партии и сколотить необходимое парламентское большинство в пользу присоединения, которое и состоялось 1 января 1973 г.

Гораздо сложнее, однако, обстояло дело с двумя другими принципиальными положениями правительственной программы, а именно с антипрофсоюзным законодательством и серией мер по ограничению государственного вмешательства в экономику. Что касается профсоюзов, то, разработав и проведя в 1971 г. через парламент "Акт об отношениях в промышленности", накладывавший жесткие ограничения на забастовочную активность профсоюзов и на действия профсоюзного руководства²⁹, правительство сразу же столкнулось со столь решительным сопротивлением всего рабочего движения, что принятый закон оказался неработающим. При этом главную роль сыграла не столько массовая кампания протеста, организованная Британским конгрессом тред-юнионов (БКТ) и входящими в него профсоюзами, сколько поднявшаяся в 1971–1972 гг. стихийная забастовочная волна. Количество потерянных в результате забастовок рабочих дней возросло с 6,8 млн до 11 млн в 1970 г., 13,5 млн в 1971 г. и 24 млн в 1972 г. Напомню, что в предшествующий период эта цифра составляла в среднем около 3 млн рабочих дней в год. Основной ударной силой этого наступления явились горняки, поднявшиеся на забастовку с требованием значительного повышения зарплаты в начале 1972 г. и добившиеся после полуторамесячной стачки убедительной победы над правительством. Свой репортаж об этой победе газета компартии "Морнинг стар" дала под красноречивым и близким к истине заголовком "Шесть недель, которые потрясли торизм"³⁰. Во время стачки впервые в столь широких масштабах было применено массовое пикетирование, в ходе которого тысячи бастующих и сочувствовавших им блокировали склады с углем и другие объекты и, таким образом, фактически парализовали усилия правительства по нормализации энергоснабжения страны³¹.

В последующих главах будет показано, как хорошо усвоила Маргарет Тэтчер преподанный шахтерами урок. Однако в событиях этого времени она оставалась скорее пассивным, хотя и далеко не нейтральным наблюдателем. Возглавляемое ею Министерство образования и науки было занято далекими от лихорадившей страну конфронтации проблемами. Что же касается ее участия в заседаниях кабинета министров, то, по единодушному свидетельству ее коллег по кабинету, она не входила в число наиболее влиятельных его членов и играла в нем весьма скромную

²⁹ Полностью запрещались так называемые неофициальные, т.е. не санкционированные высшими профсоюзными органами, забастовки, не допускались забастовки с требованиями, выходящими за рамки коллективных договоров, вводилась сложная процедура примирения, запрещалось массовое пикетирование, профсоюзы подлежали регистрации на условиях, существенно ограничивающих свободу их действий. Нарушение закона должно было караться штрафами и тюремным заключением (Industrial Relations Act, 1971. TUC Guide. L., 1972. P. 32). Как писала "Таймс", "что бы ни говорило правительство, но Акт выглядит как дуло пистолета, нацеленное в сердце тред-юнионов".

³⁰ Morning Star. 1972. Febr. 19.

³¹ Наибольшую известность получило массовое пикетирование склада угля в местечке Солтли, в котором участвовало около 10 тыс. человек (Ibid.).

роль. Даже место, которое Хит определил ей за столом заседаний, было таким, что она оказалась буквально "задвинутой" или, точнее, заслоненной от премьер-министра секретарем кабинета, обычно склоненным над бумагами. Поэтому даже при желании ей было нелегко "высунуться" с замечаниями и репликами, особенно по вопросам, ее непосредственно не касающимся³². Если же при этом учесть весьма жесткую манеру ведения Хитом этих заседаний, то ей не оставалось ничего иного, как выслушивать все то, что говорилось другими, более именитыми ее коллегами, и прежде всего самим премьером. Кстати, не только она, но и все другие члены кабинета вели себя по отношению к Хиту с исключительной лояльностью, особенно в вопросах "генеральной" стратегии, которую он определял либо единолично, либо в узком кругу своих ближайших коллег.

Так что обозначавшая обычно такого рода отношения фраза "Да, премьер-министр" была применима на протяжении всего времени существования правительства отнюдь не только к Маргарет Тэтчер. С той лишь разницей, что для одних это означало ту или иную степень личного участия в обсуждении если не основ стратегии, то вытекавших из нее конкретных решений, тогда как от других, и в их числе от Тэтчер, ожидалось лишь молчаливое согласие и реализация этой стратегии в пределах полномочий возглавляемых ими министерств. Именно в этой непосредственно министерской своей функции и могла проявить Тэтчер свою недюжинную энергию, и она конечно же воспользовалась этой возможностью.

Даже люди, мало симпатизировавшие Тэтчер, отмечают, как необычайно быстро освоилась Тэтчер в отнюдь не простой сфере компетенции своего министерства, ее поразительную способность и склонность поглощать огромное количество конкретной информации и обсуждать на равных с профессиональными чиновниками самые сложные, узкоспециальные вопросы. Не менее ярко проявилась и ее способность быстро принимать те или иные решения, отстаивать их в парламенте и в публичных дебатах. Пробыв на своем посту немногим более трех с половиной лет, она заслужила репутацию одного из наиболее компетентных министров, и неудивительно, что после поражения на февральских выборах 1974 г. Хит назначил ее теневым секретарем Министерства финансов. В случае победы на выборах она становилась вторым человеком (после канцлера казначейства) в этом важнейшем экономическом министерстве и одновременно была бы одной из ключевых фигур в составе кабинета министров.

Несмотря на свою правоконсервативную ориентацию и критическое отношение к "уравнительной" политике лейбористов в области образования, Тэтчер продолжила линию предшествующих правительств на внедрение объединенных школ, дающих возможность выходцам из непривилегированных слоев общества получать полноценное среднее, а затем и высшее образование. Многие биографы отмечают также ее значительный вклад в развитие дошкольного образования.

³² Prior J. A Balance of Power. L., 1966. P. 167.

Предпочтение, отдаваемое ею традиционным грамматическим школам, дающим более качественное образование, но доступным лишь ограниченному числу детей, выразилось в том, что, став министром, она тут же отменила директиву прошлого правительства местным органам власти и органам образования о принудительном преобразовании грамматических и некоторых других школ в объединенные. Однако "хода назад" школьной реформе она не давала.)

Если же говорить о роли Тэтчер в реализации общей стратегии правительства Хита в вопросах социально-экономической политики, то она не укладывается в какую-то однозначную схему. В принципе она поддержала курс этого правительства на экономию государственных средств на социальные цели и уменьшение бремени государственных расходов. И в момент, когда от нее потребовались конкретные меры такого рода, она не остановилась даже перед тем, чтобы рискнуть собственной популярностью. Не желая идти на сокращение средств, предназначенных на школьное строительство, ремонт и техническое оснащение, она предложила осуществить экономию (примерно в 8 млн ф. ст.) за счет прекращения практиковавшейся до того времени бесплатной раздачи молока детям старше 8 лет (до этого молоко получали школьники в возрасте до 11 лет включительно). Эта в общем-то незначительная экономия вызвала много нареканий и нападок, особенно со стороны левой и либеральной прессы, и довольно долго ее имя ассоциировалось прежде всего именно с данной мерой. С чьей-то легкой руки и в печати, и в обиходе получила широкое распространение рифмованная присказка, которая звучит как: "Тэтчер – нет молока детям" ("Thatcher – the milk snatcher"). Хотя идея экономии на молоке принадлежала не ей, а служащим ее департамента, нет никаких оснований полагать, что она была лишь жертвой чей-то некомпетентности (как считают некоторые ее биографы)³³. Будучи к тому времени опытным политиком, она должна была лучше других видеть политическую подоплеку данной меры, и если это и был чей-то просчет, то в первую очередь ее собственный. Если же взглянуть на этот эпизод, сделавший ее на какое-то время "самой непопулярной женщиной в Британии"³⁴ и стоивший ей и ее семье немалых нервов и переживаний, более широко, то он – свидетельство не только верности взятому правительством курсу, но и характеристика чисто тэтчеровской способности принимать жесткие, неординарные решения и сохранять присутствие духа в самых неблагоприятных обстоятельствах.)

Однако вернемся к политике правительства в целом и к тому ее решающему направлению, которое призвано было ограничить вмешательство государства в экономику, стимулировать конкуренцию, "взбодрить" активность бизнеса. Ключевым вопросом здесь оказалось отношение правительства к фирмам частного и государственного сектора, утративших или утрачивавших способность выстоять в конкурентной борьбе и стоявших перед угрозой банкротства. Министр торговли и промышлен-

³³ См.: *Joung H.* Op. cit. P. 72–74.

³⁴ *Mayer A.* Madame prime minister. Margaret Thatcher and her rise to power. N.Y., 1979. P. 103.

ности Джон Дэвис назвал такого рода компании "хромыми утками", неспособными существовать без посторонней помощи. Вскоре после выборов он заявил, что правительство не намерено более поддерживать фирмы, которые не в состоянии стоять на собственных ногах, и окажет помощь лишь тем из них, которые докажут, что такая помощь необходима и целесообразна³⁵. В дальнейшем, однако, исключение стало все чаще превращаться в правило, и правительственные субсидии стало получать все большее количество фирм, и прежде всего крупных. Особенно большой резонанс в стране вызвало решение правительства оказать широкомасштабную помощь всемирно известной компании "Роллс-Ройс", которой угрожало банкротство. При этом если вначале решено было предоставить ей субсидию в 42 млн ф. ст., то затем был принят акт о ее фактической национализации и она была взята, таким образом, на государственное содержание. И это при том, что в предвыборном манифесте провозглашалась цель постепенной денационализации государственного сектора, главным образом путем превращения государственных корпораций в государственно-частные.

Наряду с давлением со стороны самих фирм и представляющих их интересы предпринимательских организаций (сам министр торговли и промышленности Г. Дэвис незадолго до назначения на этот пост являлся генеральным директором головной предпринимательской организации – Конфедерации британской промышленности) немалую роль в переносе акцента со свободной конкуренции на субсидирование сыграла убежденность Хита и его единомышленников в том, что в сложившихся условиях государственное стимулирование инвестиций и технологического обновления, т.е. активная промышленная политика, есть наиболее действенное средство по выводу экономики страны из прорыва. Под влиянием отмеченных выше антиэтатистских и антиколлективистских настроений Хит и его "команда" пошли на существенный пересмотр проводившейся в послевоенный период социально-экономической политики и даже, как мы видели, объявили о сдвиге ли не полном "революционном" разрыве с ней. Однако, как вскоре оказалось, это не было обращением в "новую веру", а всего лишь дань политической моде. Когда же настала пора претворять в жизнь меры, требовавшие истинной убежденности и целеустремленности, и одновременно выявились серьезнейшие их издержки, истинные приоритеты этих людей тут же взяли верх, и не успевшему начаться процессу разгосударствления был дан обратный ход.

Примечательно, что еще в канун выборов 1970 г. газета "Обсервер" писала, что занятая им в тот период позиция символизирует "второго Хита" (Mr. Heath Mark II), каким он стал лишь в самое последнее время, тогда как "первый Хит", каковым он был до этого, и в частности в момент его избрания лидером партии, – это "экономически ориентированный технократ, нацеленный, как и Гарольд Вильсон, на "модернизацию Британии"³⁶ с помощью активного государственного вмешательства.

³⁵ См.: Times. 1970. Oct. 17.

³⁶ Observer. 1970. Jan. 25. P. 5.

Примечательно, что инициатива поворота вначале исходила отнюдь не от самого Хита, а от его наиболее влиятельных министров. Еще осенью 1970 г. пресса обращала внимание на давление, которое оказывают на Хита деятели типа Модлинга (принадлежавшего к "старой гвардии" тори), побуждая его проводить политику интенсификации экономического роста и ограничения цен и доходов³⁷. Судя по всему, давление "умеренных" деятелей в кабинете нарастало, и уже к осени 1971 г. они фактически добились одобрения Хитом своей позиции³⁸. Активизация умеренных тори, настаивавших на возвращении к традиционным канонам социально-экономической политики, выразилась в заметном оживлении деятельности группы "За экономический и социальный торизм", которую возглавил один из ближайших соратников Хита член кабинета Питер Уокер. Помимо него в составе группы были еще два члена кабинета и семнадцать младших министров, а также около тридцати членов парламента – заднескамеечников.

Не удовлетворившись принятием отдельных решений о субсидиях и кредитах, правительство круто изменило и свою линию по отношению к рабочему и профсоюзному движению, выступив с рядом инициатив, направленных на конструктивное сотрудничество с ними. Профсоюзные деятели высшего ранга стали приглашаться на переговоры с министрами, возросла роль созданного Макмилланом в 1961 г. Национального совета экономического развития, в котором представлены предприниматели, правительство и профсоюзы. По сути дела это было возвращением к той модели сотрудничества социальных партнеров и государства, которая получила название сначала в специальной, а затем и в более популярной литературе и печати как "корпоративистская" или, точнее, "неокорпоративистская" (приставка "нео" должна была обозначить отличие данного "либерального" корпоративизма, основанного на принципах западной демократии, от корпоративизма фашистского образца). Причем не просто возвращением, но и попыткой вдохнуть в эту модель новую жизнь и новое содержание, превратить ее в основу всей системы социально-экономического регулирования.

К 1972 г. правительство Хита заметно отошло и от политики, нацеленной на ограничение социальных расходов и социальных функций государства, а также от провозглашенной сразу после прихода к власти линии на отказ от государственного регулирования цен и заработной платы.

Таким образом, по всем трем основным направлениям своей деятельности – отношением с профсоюзами, государственному регулированию экономики и социальной активности государства уже спустя полтора года после прихода к власти правительство Хита осуществило далеко идущий маневр, который почти тут же получил название "поворот на 180°" (по-английски это звучит более кратко и выразительно – U-turn).

Осуществленный Хитом и его правительством маневр, естественно, не мог не вызвать обострения разногласий в партии и протестов со стороны наиболее стойких приверженцев взятого вначале курса. Известный

³⁷ Ibid. Oct. 1. P. 70.

³⁸ Times. 1971. Oct. 30.

обозреватель "Таймс" Питер Джей писал и о всплеске разногласий между "голубями" и "ястребами" в самом правительстве и кабинете³⁹. Однако только младший министр Министерства торговли и промышленности Николс Ридли, не скрывавший своих праворадикальных убеждений и ставший в скором времени одним из ближайших единомышленников Тэтчер, подал в отставку. Как пишет он в своих воспоминаниях, Хит, зная его взгляды, решил "отодвинуть его в сторону" и предложил занять ему пост министра искусств, на что Ридли заявил, что "не хочет больше иметь никаких дел с этим правительством". "Это была, — пишет он, — моя первая политическая отставка. И я был единственным, кто сделал это"⁴⁰.

Вполне естественно, что поведение Тэтчер и других будущих тэтчеристов в этот переломный момент вызывало и вызывает повышенный интерес у их биографов и исследователей-политологов. Все они по существу оперируют одними и теми же фактами, основанными на воспоминаниях членов кабинета. Согласно наиболее распространенной версии, ни сама Тэтчер, ни наиболее близкий ей по убеждениям член кабинета Кит Джозеф, с именем которого, как мы увидим ниже, связано само зарождение тэтчеризма, не подняли тогда своего голоса против "поворота назад", столь резко и решительно осужденного ими впоследствии. Правда, один из биографов Тэтчер Аллан Мейер утверждает, не указывая на источник, будто она "была шокирована" этим поворотом и даже всерьез рассматривала возможность своей отставки в связи с этим⁴¹. Тем не менее, не желая ставить под вопрос свою карьеру, она предпочла не поднимать этого вопроса и остаться в составе правительства.

Однако более близкими к истине представляются рассуждения Хьюго Янга, который полагает, что, несмотря на свою принадлежность к правому крылу партии, Тэтчер в тот период еще не была столь убежденным неолибералом, каковой она стала к концу 70-х годов⁴². Той же точки зрения придерживается и ее тогдашний коллега по кабинету Дж. Прайер⁴³. В более конкретном плане к "сдержанности" ее подталкивало то обстоятельство, что в рамках своего министерства она проводила политику, не имеющую ничего общего с тем курсом на ограничение государственных расходов, который является органической частью экономического либерализма. Если не считать эпизода с экономией на молоке для школьников, то вся ее деятельность на посту министра сопровождалась энергичнейшими усилиями по увеличению, а не сокращению государственных ассигнований на нужды образования, и она, по общему признанию, весьма преуспела в этом. Так что в своем "министерском" качестве она скорее выступала не только как пассивная, "невольная", но и как активная участница пресловутого поворота, и это наверняка также во многом объясняет ее сдержанную, мягко говоря, реакцию на него.

Не стоила больших переживаний Хиту и оппозиция со стороны крайне правого крыла партии. "Клуб понедельника" сосредоточил свою актив-

³⁹ См.: Times. 1972. Febr. 7.

⁴⁰ Ridley N. Stile of Government. The Thatcher Years. L., 1991. P. 4.

⁴¹ Mayer A. Op. cit. P. 105-106.

⁴² Young H. Op. cit. P. 79.

⁴³ Prior J. Op. cit. P. 109.

ность на выступлениях против цветной иммиграции, сблизившись с откровенно расистской организацией "Национальный фронт".

В подобном же националистическом, экстремистском ключе развертывалась и деятельность Э. Пауэлла и его сторонников, которые не могли примириться ни с "попустительством" правительства в области иммиграции⁴⁴, ни с вступлением страны в Общий рынок. Как пронизательно заметила "Таймс", оценивая степень угрозы, которую представляли для правительства Пауэлл и его единомышленники, "избрав иммиграцию темой своих выступлений, господин Пауэлл может скорее помочь правительству в деле нейтрализации и других возможных угроз со стороны правого крыла партии"⁴⁵.

В течение какого-то времени вообще казалось, что правительство уверенно следует проторенным его предшественниками путем, и его ставка на взбадривание британской экономики с помощью государственных инъекций и поощрения научно-технической революции вот-вот начнет приносить более или менее ощутимые плоды. Однако к осени 1973 г. социально-экономическая ситуация в стране вновь стала обостряться. Как и предсказывали либеральные экономисты, начала расти инфляция, что в свою очередь побуждало профсоюзы выдвигать все новые и новые требования о повышении заработной платы. В результате пошедшая было на спад стачечная волна стала вновь угрожающе нарастать, попытка же правительства поставить заслон на пути неконтролируемого роста заработной платы и таким путем прервать инфляционную спираль вызвала резкий рост недовольства профсоюзов.

Все усилия Хита и его правительства договориться с профсоюзами и в рамках корпоративного треугольника, и вне его ни к чему не привели. С конца 1973 г. профсоюз шахтеров объявил о прекращении сверхурочных работ, а затем начал полномасштабную забастовку. Как и в 1972 г., в ход были пущены самые жесткие формы борьбы, и в том числе массовое пикетирование, в результате которого были парализованы жизненно важные каналы энергоснабжения. Преисполненное решимости не идти на новую капитуляцию, правительство Хита объявило в начале 1974 г. о введении трехдневной рабочей недели, стоившей экономике страны (по подсчетам Министерства энергетики) около 2 млрд ф. ст.⁴⁶ Когда же стало окончательно ясно, что договориться не удастся (профсоюз требовал повышения в 2 раза с лишним больше того, на которое было готово пойти правительство), Хит объявил о том, что диспут между профсоюзами и правительством может быть решен только самим народом, т.е. на всеобщих парламентских выборах.

Поскольку по расчетам правительства ответ подавляющей массы избирателей мог быть только в пользу правительства, оно рассчитывало на сравнительно легкую победу. Избиратель, однако, не принял этой логики и резонно решил, что на выборах он все-таки должен решать не в пользу правительства или профсоюзов, а делать выбор между двумя

⁴⁴ Принятые им меры по ужесточению иммиграционных правил они сочли явно недостаточными и требовали "радикального" решения вопроса.

⁴⁵ Times. 1972. Oct. 12. P. 16.

⁴⁶ Morning Star. 1974. Mar. 8.

претендующими на власть партиями, т.е. консерваторами и лейбористами. К тому же лейбористы постарались достаточно решительно отмежеваться от экстремистских, прокоммунистически настроенных профсоюзных деятелей, пытавшихся придать стачке политический характер и использовать ее для "свержения" твердолобого правительства⁴⁷.

В ходе состоявшихся в феврале 1974 г. выборов консервативная партия понесла тяжелейшее за послевоенный период поражение, собрав всего 38% голосов (на всех других выборах она получала от 40 до 50%). Правда, ее главный соперник – лейбористы получили еще меньше – всего 37,2%, но благодаря особенностям избирательной системы именно у лейбористов оказалось относительное большинство мест в парламенте и им было поручено сформировать правительство. Наибольший успех на этих выборах выпал на долю "третьих" партий, т.е. либералов и национальных партий Шотландии и Уэльса, собравших в общей сложности примерно четверть всех голосов. За либералов проголосовало почти 20% против обычных 6–10%, которые они получили на всех других послевоенных выборах.

Было очевидно, что избиратели стали значительно меньше доверять не только консерваторам, не сумевшим реализовать взятые на себя обязательства, но и лейбористам, чьи тесные отношения с профсоюзами и особенно окрепшее собственное левое крыло настораживали и даже пугали многих тех, кто отдавал им прежде свои голоса. И хотя лейбористские лидеры и в ходе стачки горняков, и до нее стремились всячески подчеркнуть свою умеренность, опасения в отношении курса будущего лейбористского правительства сохранялись.

Поражение консерваторов на выборах и их переход в оппозицию принципиально меняли ситуацию и в самой партии тори, и в ее верхах. Во-первых, положение оппозиционной партии предопределяло более свободное, "раскованное" поведение представителей различных течений и группировок в ней. Во-вторых, сам факт поражения партии неизбежно ослаблял позиции ее лидера как с точки зрения его личного авторитета, так и с точки зрения авторитета проводимой им политики. А это означало, что открывались возможности для выхода на поверхность новых идей и новых людей, и, как мы увидим ниже, этими возможностями почти тут же не преминули воспользоваться те, чье "Да, премьер-министр!" еще совсем недавно было едва ли не главным принципом, определявшим их политическое поведение.

3. Нет, премьер-министр!

Хотя промежуток времени, отделявший поражение консерваторов на всеобщих выборах в феврале 1974 г. от поражения Хита на выборах лидера, составил всего один год, по своей насыщенности событиями и их драматизму он мог бы сравниться с иными десятилетиями. Состояние, близкое к шоку, в котором оказалась партия и ее руководство, было вы-

⁴⁷ Comment. 1974. Febr. 9. P. 34; Morning Star. 1974. Febr. 1.

звано не просто самим фактом поражения, но прежде всего глубокой дискредитацией партийной политики в глазах значительной части ее приверженцев, в том числе и наиболее правоверных. Не в малой степени этому способствовала и сложившаяся в стране общая экономическая конъюнктура. 1974 год оказался для страны особенно неудачным: на неурядицы внутреннего характера наложились проблемы разразившегося в этот период мирового энергетического кризиса. Составивший почти 20% рост цен, увеличение безработицы, спад производства и как следствие этого снижение жизненного уровня воспринималось населением не как "вина" только что пришедших к власти лейбористов, а как прямой результат деятельности их предшественников.

Одновременно стало усиливаться правоконсервативное поветрие, охватившее в отличие от периода конца 60-х – начала 70-х годов куда более широкие слои членов партии и избирателей. Согласно данным опросов, проведенных в апреле 1974 г., только 15% британцев выражали "большое доверие" к профсоюзам и их руководству. Еще ниже оказался кредит доверия к национализированным отраслям промышленности – всего 11%⁴⁸. Весьма низкий уровень доверия был зафиксирован и по отношению к ряду основных государственных институтов: 27% в отношении парламента, 24 – органов местного управления, 29% – государственного аппарата. Лишь полиция и в меньшей степени армия сохраняли достаточно высокую репутацию, соответственно 68 и 42%. Налицо было не только разочарование в организациях и институтах, олицетворявших влияние левых сил (профсоюзы, предприятия госсектора), но и в системе политической власти как таковой.

При этом ни Пауэлл и его сторонники, ни "Клуб понедельника" и им подобные группировки не могли в силу своего экстремизма и отсутствия солидной политической платформы заполнить образовавшегося вакуума. К тому же к этому времени Пауэлл окончательно рассорился с руководством партии и фактически порвал с ней, заявив, что будет голосовать за лейбористов, поскольку именно они составляли тогда главную оппозицию участию Британии в ЕЭС. В скором времени он сблизился с ольстерскими юнионистами и был избран в парламент от одного из округов Северной Ирландии.

Примечательно, что в самые первые недели и месяцы после поражения правительства на выборах Тэтчер не подавала сколько-нибудь ощутимых признаков несогласия с Хитом и отстаиваемой им политической позицией. Возможно, что она просто выжидала, но скорее всего в тот момент она еще не почувствовала, что почва для серьезного и, главное, способного принести успех афронта уже созрела. Рисковать же без реальных шансов на успех было не в ее правилах. Однако в партийном руководстве нашелся человек, готовый пойти даже и на такой риск, и, поскольку он сыграл поистине незаменимую роль в политической биографии Тэтчер и в становлении тэтчеризма, нам не обойтись без того, чтобы не посвятить ему и его деятельности в этот период хотя бы несколько страниц.

⁴⁸ Times. 1974. Apr. 30. P. 2.

Человек этот – член кабинета министров, а затем теневого кабинета – Кит Джозеф. В апреле 1974 г., т.е. спустя всего два месяца после выборов, им было заявлено, что, будучи уже около 20 лет членом консервативной партии, он осознал, что все это время он не был настоящим консерватором и что только теперь почувствовал себя "обращенным в истинно консервативную веру"⁴⁹. В серии последовавших вскоре публичных выступлений он начал все более решительно отмежевываться от официальной линии партийного руководства и излагать существо своей "новой веры". В действительности же это было не столько провозглашение каких-то новых, неизвестных дотоле принципов и установок, сколько возвращение на позиции, которые он занимал в конце 60-х годов. В самом деле, будучи теньвым министром торговли и промышленности в канун выборов 1970 г., К. Джозеф зарекомендовал себя в качестве одного из наиболее стойких приверженцев "свободного предпринимательства" и был даже обвинен тогдашним министром технологии Бенном в том, что он исповедует "викторианскую философию"⁵⁰. Энтузиазм, с которым Джозеф ратовал за освобождение бизнеса из-под опеки государства и свободу конкуренции, был столь велик, что он настораживал даже ориентированного тогда на "тихую революцию" Хита и его ближайших коллег. Неудивительно, что, когда после победы на выборах 1970 г. встал вопрос о формировании правительства и кабинета, Хит назначил на пост министра торговли и промышленности не Джозефа, как это, казалось бы, следовало ему сделать исходя из распределения обязанностей в теновом кабинете, а совсем другого, более близкого к своим собственным взглядам деятеля. Как писала в связи с этим "Таймс", "для коллег К. Джозефа нет никакого сюрприза в его назначении на пост министра социальных услуг, поскольку своими выступлениями в начале года по вопросам промышленной политики он "действовал на нервы" некоторым из членов теневого кабинета, фактически поддерживая аргументацию Инока Пауэлла в пользу полной свободы предпринимательства ("laissez-fair industrial economy")⁵¹.

Но если по своей направленности и идеологической заданности выступления и речи Джозефа после провозглашения им своего "диссидентства" практически не отличались от тех, которые он произносил в канун выборов 1970 г., то по тону и содержанию они были уже совершенно иными. С одной стороны, в них явно ощущалась претензия на идеологическое лидерство в партии, а с другой – содержащиеся в них конкретные положения и оценки подкреплялись ссылками на видных представителей неолиберальных экономических теорий, и прежде всего Фридмена и Хайека.

Первое время, почти вплоть до новых выборов, состоявшихся в октябре того же, 1974, года, острие критики Джозефа было направлено против пришедшего к власти лейбористского правительства, его политики в области налогообложения и государственных финансов, ценооб-

⁴⁹ Joseph K. Reversing the Trend. L., 1975. P. 4.

⁵⁰ Sunday Times. 1970. Mar. 22. P. 2.

⁵¹ Times. 1970. June 22. P. 10.

разования, заработной платы. Тем не менее уже в речах, произнесенных летом 1974 г., содержалась негативная оценка социально-экономической политики, проводившейся всеми правительствами в течение последних трех десятилетий. "В течение последних 30 лет, – заявил он в своей речи 22 июня 1974 г., – в наших попытках повысить уровень жизни мы перегрузили экономику. Мы переоценили возможности правительства делать все больше и больше для все большего и большего числа людей, перестроить экономику и даже общество в соответствии с неким образцом... В течение 30 лет мы пытались достичь социального мира, жертвуя экономической эффективностью. И в результате мы имеем худший из миров: неэффективность, слабую экономику и социальные неурядицы"⁵².

Наибольший резонанс и в партии, и в стране в целом вызвала речь, произнесенная им 5 сентября 1974 г., фактически в ходе начавшейся предвыборной кампании. В отличие от других его выступлений она тщательно готовилась, с ее текстом был заранее ознакомлен теневой кабинет и лидер партии. Некоторые из членов теневого кабинета, прочитав речь, советовали отказаться от выступления, однако сам Хит не стал настаивать на этом.

Признав свою долю ответственности за проводившуюся в прошлом политику, он заявил, что поразивший страну недуг инфляции является делом рук правительств, их линии на вливание в экономику все новых и новых денег. Он также утверждал, что болезнь инфляции и порождаемое ею социальное напряжение не могут быть излечены с помощью политики доходов. Еще более решительно он осудил политику полной занятости, заявив, что выступает за "такой уровень полной занятости, который страна может выдержать" и что следует преодолеть "преследующий нас страх перед массовой безработицей"⁵³.

Правда, по форме все послышки и рассуждения были адресованы к министру финансов лейбористского правительства Денису Хили и подавались в виде полемики с ним. Однако по существу речь шла о всей послевоенной социал-реформистской стратегии, и не только стратегии, но и лежащих в ее основе кейнсианских концепциях. Обвинив приверженцев доктрины полной занятости, политики доходов и "дорогого" социального государства в догматическом толковании этих концепций, он призвал к переориентации на новую, монетаристскую экономическую теорию⁵⁴. Переходя от экономики к политике, Джозеф заявил, что "мы нуждаемся в правительстве с крепкими нервами, способном выработать принципиальную политическую стратегию и реализовать ее на деле". А этого нельзя сделать, не отбросив двухпартийный, центристский подход⁵⁵.

Впоследствии биограф Джозефа Моррисон Холкроу отмечал, что речь в Престоне превратила монетаризм из академического вопроса в вопрос большой политики.

Главной же причиной сенсации, которую произвела эта речь, была отнюдь не ее монетаристская направленность, а тот политический заряд,

⁵² *Joseph K. Reversing the Trend. P. 7–9.*

⁵³ *Ibid. P. 20–21.*

⁵⁴ *Halcrow M., Keith Joseph. A Single Mind. L., 1989. P. 74.*

⁵⁵ *См.: Joseph K. Op. cit. P. 31, 32.*

который она в себе несла. Содержавшийся в ней неприкрытый выпад и против существа, и против стиля консервативной политики, олицетворявшийся Хитом, тут же сделал ее главным событием дня. Многие газеты напечатали полный текст речи, причем сделали это на самых видных местах. Правда, как не без сарказма заметил Пауэлл, "речь сэра Хита представляет собой достойную антологию многих речей по проблемам инфляции, произнесенных за последние годы"⁵⁶. Однако "Таймс" в своей редакционной статье заметила, что, хотя кампания, которую начал Джозеф, уже напоминает ту, которая ассоциировалась некогда с именем Инока Пауэлла, анализ Джозефа представляется более глубоким и аргументированным⁵⁷. Одобрительных комментариев удостоился Джозеф и со стороны ряда других печатных органов консервативного спектра, а также бывшего управляющего Банком Англии, поддержавшего основные идеи речи.

Отметим, что ряд близких Хиту деятелей тут же выступили в защиту проводимой им политики. Уже упоминавшейся выше член теневого кабинета Питер Уокер, например, предостерег против "простых лозунгов" и "простых решений", ведущих к отказу от социальной ответственности и способных превратить партию тори в секту, лишенную массовой поддержки⁵⁸. Столь же критически отозвался о речи Джозефа и один из наиболее видных деятелей старой гвардии тори Реджинальд Модлинг⁵⁹. Правда, в преддверии выборов руководство партии сделало все, чтобы не допустить развязывания острой полемики вокруг поднятых в речи вопросов и тем более содержащихся в ней политических выводов и оценок. Хит же вообще предпочел "не заметить" выпадов Джозефа и публично никак на них не отреагировал. Какое-то время казалось, что эта тактика срабатывает, поскольку вплоть до выборов Джозеф выступал лишь как одиночка и по крайней мере никто из членов кабинета открыто с ним не солидаризировался.

Это относилось и к Маргарет Тэтчер, занимавшей тогда пост теневого министра по вопросам окружающей среды, ответственного за сферу социальных услуг и местное самоуправление. В отличие от Джозефа она вплоть до выборов в октябре 1974 г. предпочитала не выступать в качестве оппонента Хита, хотя определенные шаги к сближению с Джозефом она и предприняла.

Главным из этих шагов было участие в созданном Джозефом летом 1974 г. Центре политических исследований. Идея формирования центра принадлежала самому Джозефу, он же взял на себя и основные заботы по его организации. Тем не менее уже с самого начала, т.е. с июня 1974 г., Тэтчер стала не только активным участником центра, но и вторым после Джозефа лицом в руководстве, т.е. сопредседателем. Поскольку о деятельности центра речь пойдет в основном в следующей главе, здесь целесообразно остановиться на обстоятельствах его создания, тем более что они как нельзя более наглядно характеризуют тогдашнюю ситуацию

⁵⁶ Morning Star. 1974. Sept. 6.

⁵⁷ Times. 1974. Sept. 6.

⁵⁸ Ibid. Nov. 4.

⁵⁹ Ibid. Nov. 6.

в партийных верхах и имеют прямое отношение к предыстории тэтчеризма.

Как было официально объявлено, задачей Центра политических исследований является "выяснить более глубоко методы, с помощью которых можно поднять уровень и качество жизни, а также свободу выбора британских граждан с особым акцентом на политику социального рынка". Было также выражено намерение не выходить непосредственно на политику, а изучать основу, на которой она базируется. Из этого можно было заключить, что центр не станет дублировать деятельность Исследовательского отдела партии, который занят выработкой документов и позиций политического характера. Больше того, из беседы Джозефа с Хитом, в ходе которой последний в конце концов согласился на создание центра, у некоторых членов теневого кабинета создалось впечатление, что центр ограничится изучением зарубежного опыта в сфере экономики. Как утверждают некоторые исследователи, этим, возможно, объясняются последующие заявления Хита о том, что центр был создан без его ведома⁶⁰. И это при том, что именно Хит назначил одного из своих экономических советников Адама Ридли в состав руководящего комитета центра.

Усилиями Джозефа, имевшего связи в мире большого бизнеса, были найдены богатые спонсоры, на средства которых был укомплектован сравнительно небольшой, но действовавший весьма энергично и эффективно штат сотрудников, арендован довольно уютный особняк на одной из тихих, респектабельных улиц Лондона. По сути дела с самого начала центр превратился в своего рода мозговой центр неоконсервативной политики, каковым он и был, вне всякого сомнения, с самого начала задуман. Одним из главных его организаторов стал "директор по исследованиям" Альфред Шерман, имевший немалые связи в кругах правоконсервативных экономистов, бизнесменов и журналистов. Примечательно, что текст упоминавшейся престонской речи Джозефа был подготовлен, по свидетельству его биографа, в тесном сотрудничестве с Шерманом⁶¹.

Что же до Тэтчер, то ее участие в деятельности центра вплоть до октябрьских выборов 1974 г. ограничивалось в основном организационной стороной дела. Скорее всего, ее позицию этого периода можно было бы определить как позицию человека, оказавшегося перед выбором, но еще окончательно не решившего, каким же из двух путей следует идти. Оставаясь, по крайней мере чисто внешне, лояльным теневым министром, она в то же время ангажировалась в деятельность, которая по логике вещей толкала ее на неизведанный и полный неожиданностей путь оппозиционера.

Выход из такого состояния был резко ускорен внеочередными парламентскими выборами, проведенными по решению лейбористского правительства в октябре 1974 г. Причиной, побудившей лейбористов принять такое решение, явилось отсутствие у них абсолютного перевеса голосов в палате общин (в феврале они получили 297 мест из 635), необходимого

⁶⁰ Behrens R. *Conservative Party from Heath to Thatcher*. Farnborough, 1980. P. 25–26.

⁶¹ Halcrow M. *Op. cit.* P. 72.

для претворения в жизнь законодательной программы. Октябрьские выборы стали еще одним, и как вскоре обнаружилось, фатальным ударом для Хита и его сторонников. Доля полученных партий голосов еще более снизилась и составила всего 36,7% (против 38,8% в феврале). Число же мест в парламенте уменьшилось с 297 до 277. Правда, и успехи лейбористов оказались весьма и весьма скромными. Получив 40% всех голосов, они смогли достичь абсолютного перевеса всего в четыре мандата, и это поставило их вскоре в довольно трудное положение.

Новый, еще более глубокий шок, в который повергли партию октябрьские выборы, уже не мог пройти для ее руководства, и прежде всего для самого Хита, без серьезных осложнений. Теперь он уже стал лидером, при котором партия трижды терпела поражение (первое из них случилось в 1966 г., спустя всего год после его избрания на пост лидера). Особенно недовольны были заднескамеечники, т.е. рядовые парламентарии, значительная часть которых лишилась в результате последних двух выборов своих мандатов.

Уже после поражения тори на февральских выборах 1974 г. в партии и парламентской фракции стали раздаваться голоса с требованием отставки Э. Хита или, по крайней мере, подтверждения его мандата на лидерство партии. Отличающийся своими крайне правыми взглядами журнал "Спектеатор", например, писал 9 марта, что в лице Хита тори имеет лидера, который "потратил 9 лет лишь на то, чтобы угробить партию". Согласно некоторым источникам около 100 заднескамеечников заявили своим парламентским организаторам ("кнутам"), что они не смогут выиграть следующих выборов, имея в качестве своего лидера Э. Хита. Причем некоторые из них прямо требовали назначить выборы лидера. По совету крупнейшего авторитета в области права лорда Хэлшема Хит не реагировал на эти требования, давая понять, что не намерен уступить⁶².

Неудивительно, что почти сразу же после выборов среди парламентариев стали раздаваться все более громкие и решительные голоса, требовавшие отставки Хита и избрания нового лидера. При этом большинство наблюдателей было убеждено в том, что если замена лидера произойдет, то новым лидером почти наверняка станет кто-то из самых близких к Хиту деятелей, скорее всего Уильям Уайтлоу. Хит, однако, очень долго пытался спустить недовольство на тормозах, отказываясь соглашаться на проведение выборов.

Вполне возможно, что его тактика и увенчалась бы успехом, если бы в противоборство с ним не вступил влиятельный Комитет 1922 года, представляющий интересы заднескамеечников. Комитет этот был создан в 1922 г. (отсюда и его название), когда, протестуя против продолжения созданной во время первой мировой войны коалиции с либералами, рядовые парламентарии организованно выступили против тогдашнего лидера партии Остина Чемберлена и добились его отставки.

Уже спустя несколько дней после провала партии на выборах комитет поставил вопрос о том, чтобы добиваться отставки Хита, и даже обсу-

⁶² Behrens R. Op. cit. P. 23.

дал вопрос о его возможном преемнике. Называлось и имя К. Джозефа, хотя и не в числе самых первых. Имя Тэтчер также было названо, но она не рассматривалась в качестве серьезного претендента⁶³. Хит, тем не менее, продолжал упорствовать и под различными предложениями отказывался назначать перевыборы. И лишь после того, как комитет в ходе двух подряд своих заседаний единодушно проголосовал за проведение выборов, ему пришлось уступить.

Но еще до того, как было принято это решение, в кругах оформлявшейся антихитовской оппозиции началась интенсивная подготовка к предстоящей схватке. И хотя К. Джозеф впоследствии отрицал, что не помышлял всерьез о борьбе за пост лидера, именно он оказался в фокусе этой оппозиции и именно он возглавил ее. Казалось бы, само время работало на него, тем более что никто из наиболее перспективных кандидатов не хотел брать на себя роль "ниспровергателя" Хита и ставить подножку лидеру в столь критический для него момент. Положение мгновенно могло бы измениться, если бы Хит вдруг заявил о своей отставке и освободил их, таким образом, от "бремени лояльности". Было очевидно, что он этого делать не собирается и прочно рассчитывает на свое новое переизбрание. Разумеется, такая сплоченность окружения Хита была лишь на руку сторонникам его смещения, поскольку она выводила из игры наиболее авторитетных политических деятелей.

Но в тот самый момент, когда Джозеф вознамерился сделать очередной и, может быть, даже решающий шаг в становившемся все более острым противоборстве, произошла осечка, тут же изменившая всю ситуацию. В произнесенной им 19 октября в Бирмингеме речи, которая, кстати, как и престонская, была заранее разослана в крупнейшие газеты, он, выйдя за рамки своих обычных сюжетов, начал рассуждать о качестве жизни, общественной морали, об "интеллектуальной и моральной смелости", необходимых для оздоровления общества. Одним из путей такого оздоровления он назвал "хорошо организованный контроль над рождаемостью", который, как он утверждал, эффективнее у представителей средних классов, чем у бедных семей. Такие семьи, утверждал он, являются чрезмерно большими и неспособными воспроизводить качественную "человеческую породу", в результате чего нация оказывается перед угрозой "дегенерации"⁶⁴. Дабы отвести угрозу рождения "проблемных детей", матери которых отличаются "низким интеллектом и образованностью", Джозеф призвал отбросить моральную оппозицию расширению контроля над рождаемостью для тех, от кого исходит эта угроза.

Как выяснилось позднее, советники Джозефа из Центра политических исследований предлагали смягчить эту часть речи, написанную им самим, и в частности снять из нее выражения типа "человеческая порода". Джозефу, однако, так понравились эти броские словечки, что он решил пренебречь советами. Разразился большой скандал, на Джозефа обрушился шквал обвинений со стороны левой и либеральной прессы, служителей церкви, ряда политических деятелей. Некоторые из комментаторов при-

⁶³ Halcrow M. Op. cit. P. 78.

⁶⁴ Morning Star. 1974. Oct. 21.

писали ему намерение едва ли не принудительной "кастрации", приравнивали высказанные им идеи к нацистским и т.д.

Попытки Джозефа опровергнуть обвинения только подливали масла в огонь, и в конце концов ему пришлось смириться с тем, что дело уже не поправить и нужно, пока не поздно, выходить из игры⁶⁵.

Это его решение, о котором он в первую очередь поставил в известность Маргарет Тэтчер, положило начало новой и, пожалуй, самой драматической фазе в борьбе за власть в партии. Судя по всему, для Тэтчер это решение не было большой неожиданностью и она, возможно, заранее обдумала свое поведение в изменившейся ситуации. Во всяком случае, ее реакция на сообщение Джозефа о том, что он выходит из борьбы за пост лидера, была мгновенной. "Если вы не выставляете своей кандидатуры, — заявила она ему, — тогда это сделаю я"⁶⁶. Приводящий эти ее слова биограф Джозефа цитрует и другую ее фразу, произнесенную чуть позже: "Я видела, как они сломали Кита. Но меня они не сломают"⁶⁷.

Сам же Джозеф, вспоминая весь этот эпизод, объяснял решение не выставлять свою кандидатуру не тем, что у него оказалась более "тонкая кожа", но прежде всего отсутствием необходимого политического инстинкта, которым, по его словам, Тэтчер обладает в избытке и вследствие чего она "никогда не отступает"⁶⁸.

Решив попытаться счастья и вступить в противоборство с Хитом, Тэтчер первым делом отправилась к нему самому с тем, чтобы лично известить его о своем решении. Встреча длилась всего полторы минуты и была, по словам осведомленных людей, верхом холодности. Хит отрешенно выслушал сообщение и отпустил ее, никак не прореагировав⁶⁹. Тэтчер, конечно, могла бы и не делать этого, однако сочла, что сказать "Нет, премьер-министр" она должна ему сама. (Заметим, что обращение к бывшему главе правительства как к "премьер-министру" является правилом политического этикета и строго соблюдается.)

Судя по всему, на фоне других неприятностей визит Тэтчер показался Хиту не более чем досадной мелочью. Ибо и он, и большинство его ближайших коллег не считали Тэтчер сколько-нибудь серьезным претендентом. Однако пройдет совсем немного времени и он осознает, что именно этот момент, когда "Да, премьер-министр!" внезапно сменилось на "Нет, премьер-министр!", знаменовал и скорый поворот в его собственной политической карьере, и куда более важный поворот в жизни партии и страны.

Решительность, с какой Тэтчер пошла на столь рискованный для нее шаг, будет не совсем понятной, если не принять во внимание ее деятельность в течение тех полутора месяцев, которые прошли после октябрьских выборов 1974 г. Ибо именно за этот короткий период ей удалось про-

⁶⁵ Симптоматично, что Джозеф не включил свою бирмингемскую речь в сборник речей 1974 – начала 1975 г., опубликованный им в 1975 г. (*Reversing the Trend*, L., 1975).

⁶⁶ *Halcrow M.* Op. cit. P. 91.

⁶⁷ *Ibid.* P. 92.

⁶⁸ *Ibid.* P. 93.

⁶⁹ *Mayer A.* Op. cit. P. 116.

демонстрировать и перед парламентариями, и перед всей страной, сколь высокого класса политиком она уже стала. И помог ей в этом не кто иной, как сам ее будущий соперник Хит. Ибо именно он, как уже упоминалось, назначил ее после провала на выборах одним из двух теневых министров, ответственных за политику партии в области финансов. Правда, главный пост теневого министра финансов он предоставил одному из своих ближайших сторонников Роберту Карру, Тэтчер же поручил роль "второго министра" в ранге члена теневого кабинета. Сделать это он был вынужден отчасти потому, что Карр, будучи профессиональным финансистом, вовсе не был профессиональным политиком и поднаторевшим в острых дебатах парламентарием. Тэтчер же, как рассудил Хит, способна будет подстраховать его в этой роли и тем самым обеспечить надлежащий баланс в дебатах с лейбористскими министрами.

Таким образом, Тэтчер была предоставлена возможность показать себя в роли оратора по ключевым вопросам экономического развития страны, что как нельзя более ее устраивало.

В ноябре только что переизбранное лейбористское правительство и его министр финансов Денис Хили выступили с осенним бюджетом, в котором в общем и целом не предлагалось ничего экстраординарного. После достаточно рутинных выступлений Хита и Карра наступила очередь Тэтчер, которой вроде бы и мало что оставалось сказать. Однако уже начало речи показало, что только теперь начинается главное. Свободно оперируя финансовой статистикой и используя накопившиеся за годы юридической практики профессиональные знания в области налогообложения, Тэтчер выступила как достойный оппонент Хили — одного из самых опытных канцлеров казначейства и острого на язык парламентария. Явно симпатизировавший Тэтчер ее биограф Рассел Льюис настолько высоко оценивал эту ее речь и весь тот эпизод, что посвятил ему целую главу своей книги. Подробно изложив содержание речи Тэтчер, он заключил: "Это был триумф. Стрелы остроумия, мастерская риторика и аргументация, свободное оперирование деталями, профессиональная компетентность, убийственные замечания и вопросы — все это спрессованное вместе вселило в сердца тори воодушевление, которого они не знали уже давно".

Несмотря на откровенно апологетический тон этого пассажа, он достаточно точно отражает реакцию значительной части заднескамеечников — консерваторов и консервативно настроенной прессы. О ней заговорили как о перспективном политике, ее имя стало называться среди имен возможных претендентов на пост лидера. Увереннее почувствовала себя и она сама. Во всяком случае, именно после этого выступления в парламенте она выдвинула свою кандидатуру, и, хотя этот шаг был воспринят большинством наблюдателей со значительной долей скептицизма (ее шансы оценивались специалистами как 1 : 50), он уже не вызвал удивления или недоумения. Между тем всего менее чем за полгода до этого на вопрос о том, как она представляет свою будущую политическую карьеру и не мыслит ли она себя премьер-министром, Тэтчер ответила, что "пройдут годы, прежде чем женщина возглавит партию или

станет премьер-министром. Я не предвижу, что это случится в мое время"⁷⁰.

Под давлением все того же Комитета 1922 г. Хиту пришлось назначить комиссию для выработки новых правил выборов лидера (старые, разработанные в 1965 г., предусматривали возможность выборов лишь в случае отставки лидера, Хит же явно не хотел уходить сам). Главой комиссии Хит назначил лорда Хьюма, которого он сам сменил в 1965 г. на посту лидера. Комиссия работала быстро и уже в середине декабря 1974 г. представила свои рекомендации. В соответствии с ними отныне выборы или, точнее, перевыборы лидера могли проходить ежегодно, в течение 28 дней после начала новой сессии парламента (т.е. где-то в ноябре-декабре) или же в течение 3–6 месяцев после начала работы нового состава парламента. В данном конкретном случае выборы должны были состояться в промежутке с января по апрель 1975 г. Как и прежде, в них могли участвовать только члены парламента. Для победы в первом туре претенденту требовалось набрать абсолютное большинство голосов и иметь не менее чем на 15% больше голосов, чем его ближайший соперник. Это означало, что для сохранения поста лидера Хиту следует получить поддержку не менее 140 парламентариев из 278 и выйти с отрывом от следующего за ним претендента как минимум на 42 голоса. В случае, если первый тур не выявит победителя, через два дня должен состояться второй тур, причем допускалось участие новых претендентов. На этот раз для победы достаточно было набрать более половины голосов, т.е. те же 140, независимо от результатов других претендентов. В случае же, если и второй тур не выявит победителя, проводится последний, третий тур, для участия в котором остаются три претендента. Поскольку, однако, каждый голосующий в этом случае должен указать, кого из них он предпочитает в первую, а кого – во вторую очередь, в процессе сложного подсчета выявляется победитель.

Правило, согласно которому предоставлялась возможность выдвижения новых кандидатур во втором туре, было почти тут же названо "хартией для трусов". Смысл его состоял в том, чтобы в случае провала лидера в первом туре дать возможность деятелям, непожелавшим подрывать его шансы на победу, вступить в борьбу в момент, когда его судьба уже решена.

В середине января парламентская фракция одобрила разработанные комиссией правила, после чего с ними согласился и Хит. Почти тут же была утверждена и дата начала выборов – 4 февраля 1975 г.

После того как Джозеф сошел с дистанции, основным претендентом, правда еще не выставившим своей кандидатуры, считался председатель Комитета 1922 г. Эдвард Ду Канн, многоопытный и способный политик, пользовавшийся большим авторитетом в партии и парламенте. Однако в середине января, когда до выборов уже оставалось около двух недель, он объявил, что не будет их участником. С этого момента Тэтчер становится, по крайней мере в первом туре, соперником номер один, и это давало ей уже вполне реальные шансы.

⁷⁰ Mayer A. Op. cit. P. 117.

Почти перед самыми выборами, в последней декаде января, ей довелось уже напрямую столкнуться в парламенте с Хили, и эта схватка еще больше подняла ее в глазах парламентариев. Обрушившись на обсуждавшийся в этот момент билль о налоге на трансфертные операции, она попыталась доказать, что этот столь малопонятный для рядовых граждан налог будет иметь негативные последствия для мелкого бизнеса и для всех, кто связан с ним. Ей удалось вырвать у Хили сравнительно небольшую уступку, однако на следующий день он попытался взять реванш, заявив, что вчерашняя речь Тэтчер лишь свидетельствует о том, что ее партия – это "партия немногих богатых". Саму же Тэтчер он назвал "Пасионарией привилегий"⁷¹.

Выпад Хили, сравнившего ее с известной испанской коммунисткой Долорес Ибаррури, прославившейся своими страстными речами в годы гражданской войны 30-х годов и получившей тогда второе имя – Пасионария, задевал Тэтчер не столько самим этим сравнением, сколько тем, что отказывал ей в праве считать себя представительницей рядовых граждан. Всегда гордившаяся своим происхождением из "низов" и не уставшая утверждать, что выступает как защитница их интересов, Тэтчер, естественно, не могла стерпеть нанесенной ей обиды, тем более что нарушивший неписанные правила джентльменского поведения Хили дал ей прекрасную возможность отплатить той же монетой и не стесняться в выражениях. "Некоторые канцлеры казначейства, – заявила она, – сильны в микроэкономике, некоторые сильны в области фиска. Но этот – просто профан. Когда он поднялся, чтобы произнести речь вчера, мы на этой стороне Палаты (т.е. на скамьях консервативной оппозиции. – *Авт.*) были удивлены, как кто-то может стать канцлером казначейства и выступать от имени правительства, так мало зная о существующем налогообложении и о предложениях, которые делаются в парламенте. Он мог бы по крайней мере уяснить, каков практический эффект предлагаемых мер... поскольку они затрагивают каждого, и в том числе тех, которые, как и я, родились, не имея ровно никаких привилегий"⁷².

На многих консерваторов, которым наскучили взвешенные речи Хита и его коллег, атакующий стиль Тэтчер, ее полный сарказма и настоящей злости порыв произвели столь сильное впечатление, что ее ставки в противоборстве с Хитом тут же подскочили вверх. Печать, особенно консервативная, стала всерьез писать о ней как о возможном новом лидере партии. И поскольку кампания уже вступила в свою заключительную стадию, обе стороны пытались использовать все имеющиеся у них козыри.

Помимо усилий самой Тэтчер по поднятию собственного имиджа исключительно важную роль сыграла кампания по вербовке сторонников, которую возглавил многоопытный парламентарий Эйри Нив. Будучи ярким противником Хита, он уже сразу после выборов начал среди заднескамеечников вербовку тех, кто мог бы выступить на стороне возможного претендента. Поскольку таковым долгое время считался

⁷¹ Times. 1974. Jan. 23.

⁷² Ibid.

сначала Джозеф, а затем Ду Канн, Нив действовал фактически как организатор их кампании. Однако как только Ду Канн заявил о своем неучастии в выборах, Нив тут же предложил свои услуги Тэтчер, а "завербованные" им парламентарии почти автоматически превратились в ее сторонников. Хотя основная работа велась за кулисами, на поверхности тоже кое-что происходило. Сторонники Хита, которых всерьез начал тревожить укрепившийся имидж Тэтчер, заметно усилили свою контрпропаганду. Главным их аргументом было то, что она сможет апеллировать лишь к узкому слою избирателей, относящихся преимущественно к среднему классу. Отвечая своим критикам, Тэтчер, напротив, утверждала, что пропагандируемые ею "среднеклассовые" ценности получают все более широкое распространение среди всех слоев общества и потому именно ее подход является наиболее многообещающим. Публичную поддержку Тэтчер оказывал, естественно, Джозеф, а также близкие к Центру политических исследований журналисты.

В своей последней перед выборами речи, произнесенной среди избирателей ее округа Финчли, она обещала более последовательно защищать такие ценности консерватизма, как приверженность к свободе, ограниченная роль государства, право на успех, основанный на усердной работе, свободу выбора, частную собственность "право трудиться без угнетения со стороны предпринимателя и профсоюзного босса". Но мосты, соединявшие ее с "теневым правительством" Хита, сожжены не были, и критика в его адрес носила сугубо общий, неконкретный характер, т.е. на случай своего поражения она явно рассчитывала остаться на передних скамьях парламента, будь то в роли теневого или же реального министра.

Иначе говоря, даже сказав "Нет, премьер-министр!", она не порвала окончательно с двойственностью, которая была характерна для нее после февральских выборов 1974 г. Констатация этого факта важна здесь не только сама по себе, но еще и потому, что она позволяет лучше понять, какого же рода выбор предстояло сделать парламентариям тори. Хотя вряд ли кто из них сомневался, что по своим политическим позициям она правее Хита, в момент выборов она еще не олицетворяла собой политический курс, принципиально отличный от проводимого Хитом и его окружением.

Приближался день выборов, и оба лагеря, естественно, стремились заручиться как можно более широкой поддержкой. Хит и его сторонники были настолько уверены в успехе, что явно недооценили всей важности "обработки" каждого потенциального сторонника. Как выяснилось позднее, этот их оптимизм отчасти базировался на том, что примерно 40 заднескамеечников, намеревавшихся поддержать Тэтчер, тем не менее заверили организаторов кампании Хита, что будут голосовать за него. Некоторые сделали это ради "шутки", другие же – чтобы избежать возможных неприятностей в будущем.

Иное дело – организаторы кампании Тэтчер. Резонно полагая, что чашу весов может переломить даже один-единственный голос, они сделали ставку на привлечение на свою сторону прежде всего всех тех, кого они считали колеблющимися и число которых составляло, по их оценкам, около 100 человек. Эти последние, стремясь сбросить Хита, в то же время

не были готовы отдать голоса за Тэтчер, поскольку их гораздо больше устраивал кандидат из ближайшего окружения Хита – Уайтлоу, Прайор или кто-либо еще. В этой ситуации Нив решил, что, демонстрируя растущую поддержку Тэтчер среди парламентариев, можно насторожить этих людей и потому такая демонстрация скорее окажется контрпродуктивной. Поэтому в самый канун выборов он и его люди всем своим поведением и ответами на вопросы постарались создать впечатление, будто с большой тревогой и беспокойством ожидают результатов голосования. Судя по всему, этот трюк удался, ибо результаты первого тура разительно разошлись буквально со всеми прогнозами. Тэтчер не просто опередила Хита, но и опередила весьма существенно. За нее проголосовало 130 парламентариев, Хит же набрал всего 119. Третий кандидат, Хью Фрезер, известный своими правыми взглядами и считавшийся противником участия женщин в большой политике, собрал всего 16 голосов. О том, насколько ошиблись даже самые осведомленные люди, говорит тот факт, что помощники Хита рассчитывали на получение им от 138 до 144 голосов, а организаторы кампании Тэтчер – на примерно равный с Хитом результат (122 и 127), который потребует проведения второго тура⁷³.

Сразу же после объявления результатов выборов Хит объявил о своей отставке с поста лидера. Тэтчер же предстояло сразиться с новыми претендентами. Как и ожидалось, Хитом и его сторонниками была сделана ставка на кандидатуре Уильяма Уайтлоу, который в тот период занимал пост председателя консервативной партии и считался одним из самых опытных и авторитетных государственных деятелей. В заявлении о выдвижении своей кандидатуры Уайтлоу сделал акцент на том, что в случае победы будет содействовать объединению партии. Возможно, при других обстоятельствах этот довод и произвел бы впечатление, однако в момент выборов Тэтчер, благодаря ее взвешенным выступлениям, не воспринималась большинством парламентариев как деятель, который хочет или может расколоть партию.

Весьма характерно, что одним из наиболее активных сторонников Тэтчер во втором туре выступал Норман Джон Стивас – младший министр в министерстве образования в бытность Тэтчер во главе этого министерства. Его поддержка была особенно важна для Тэтчер, поскольку он был авторитетной фигурой для центра партии, в поддержке которого она особенно нуждалась. Оказывая столь серьезную услугу Тэтчер, Джон Стивас вряд ли мог предположить, как круто повернет Тэтчер вправо сразу же после того, как займет пост лидера. Еще менее мог он предугадать, что окажется первым из деятелей, изгнанных Тэтчер из кабинета министров спустя немногим более года после выборов 1979 г. В свете сказанного становится понятным, почему в ходе выборов сработал не инстинкт "силочения", а совершенно другая логика – логика "награды за смелость" и наказания за отсутствие таковой. Тезис о сплочении не сработал отчасти и потому, что Уайтлоу оказался не единственным кандидатом из команды Хита. В паре с ним выступил другой

⁷³ Mayer A. Op. cit. P. 122.

сторонник последнего, Джеймс Прайор. Свои кандидатуры выставили также бывшие министры Джеффри Хау и Джон Престон, стремившиеся, судя по всему, заявить о себе как о политиках, претендующих на занятие более видных мест в консервативной иерархии.

Помимо отмеченных обстоятельств шансы Тэтчер существенно укреплял тот факт, что в ее пользу решительно высказалась влиятельная ежедневная консервативная газета "Дейли телеграф" и, что еще важнее, большинство активистов местных партийных организаций. Согласно проведенному в самый канун второго тура опроса в них, двое из трех опрошенных высказались в поддержку Тэтчер⁷⁴. Между тем в канун первого тура их симпатии явно были на стороне Хита⁷⁵, что, однако, было скорее выражением привычной лояльности по отношению к лидеру, а не симпатией к нему лично.

Результаты второго тура были следующими: Тэтчер получила 146 голосов – на шесть больше, чем требовалось для победы. За Уайтлоу было подано 79 голосов, Прайор и Хау получили по 19 и Престон – 11 голосов.

Победе Тэтчер, вне всякого сомнения, серьезнейшим образом способствовал целый ряд обстоятельств, которые большинство британских исследователей и биографов расценивают как случайности и редкое везение. Это и упрямство Хита, не пожелавшего вовремя дать шанс деятелям типа Уайтлоу, и чрезмерная лояльность этого последнего, и снятие своих кандидатур сначала Джозефом, а затем Ду Канном, и назначение ее на один из ключевых постов в теневом кабинете. Все это, бесспорно, верно. Но главная заслуга в избрании Тэтчер принадлежала ей самой.

Для партии, дважды подряд потерпевшей тяжелейшее поражение, избрание Тэтчер знаменовало своего рода новое начало, правда пока что больше по форме, чем по существу. И не приходится сомневаться в том, что многие парламентарии, даже не очень-то в нее верившие, почувствовали, что с таким лидером у партии могут появиться реальные шансы на успех. Как вспоминал, уже будучи уволенным ею в отставку с поста министра обороны, Фрэнсис Пим, "в обстановке неуверенности и сомнений того времени появилась личность, которая могла четко и убедительно сформулировать свою позицию... Точка зрения, которую она выражала, находила эмоциональный отклик в партии, а затем и в стране. Она предлагала нечто новое. Люди чувствовали, что по целому ряду вопросов было слишком много компромиссов, которые только ухудшали дело. Они ощущали, что наши экономические и производственные проблемы так глубоки, что политика золотой середины не может их решить, и что требуется нечто более радикальное и определенное"⁷⁶.

⁷⁴ Russel L. Op. cit. P. 129.

⁷⁵ 3 февраля, т.е. в самый канун первого тура, Комитет 1922 г. был официально проинформирован партийными инстанциями, что не менее 70% рядовых консерваторов являются сторонниками сохранения Хитом поста лидера.

⁷⁶ Pim F. The Politics of Consent. L., 1985. P. 22.

Глава вторая

ЛИДЕР ОППОЗИЦИИ

Победа Тэтчер над Хитом и другими ее соперниками в борьбе за пост лидера консервативной партии вывела ее на самую вершину британской политической жизни. До заветной цели занятия высшего поста в государстве, каковым в этой стране является пост премьер-министра, оставался всего один шаг.

Однако и сам по себе пост лидера оппозиции Ее Величества, как он официально именуется в Великобритании, дает его обладателю политическое влияние, несравнимое даже с влиянием самого сильного министра. Лидер оппозиции — это прежде всего глава одной из двух наиболее влиятельных политических партий в стране — консерваторов или лейбористов, каждая из которых насчитывает сотни тысяч членов и многие миллионы избирателей. Выступления, передвижения, другие действия лидера оппозиции привлекают почти такое же (а иногда и большее) внимание прессы, радио и телевидения, что и выступления лидера правящей партии, т.е. премьер-министра. Особенно большое внимание уделяют и средства массовой информации, и вся политически ангажированная общественность тому, какие изменения претерпевают установки оппозиции и ее лидера по наиболее жгучим вопросам общественно-политического развития страны, каких людей этот последний подбирает в свое ближайшее окружение и в теневой кабинет. Рейтинг лидера оппозиции среди избирателей (равно как и рейтинг премьер-министра) регулярно выверяется опросами общественного мнения, интервью с ним публикуются на страницах солидной прессы, причем отнюдь не из простого любопытства, но прежде всего для того, чтобы к моменту проведения следующих всеобщих выборов избиратель знал, что представляет собой деятель, претендующий на высшую политическую власть в стране.)

Важно иметь в виду и другое. "Оппозиция Ее Величества" — это не просто официальное название политического института. За этим названием стоят и достаточно определенные функции, которые возлагаются на нее и ее лидера. Главная из них — участие в системе принятия решений, в основном на парламентском уровне. Именно поэтому само название "Оппозиция Ее Величества" относится не ко всей партии, а лишь к ее парламентской фракции. Лидер оппозиции получает специальное вознаграждение, превышающее жалованье обычного парламентария.

Он входит также в Тайный совет – консультативный орган при монархе, состоящий из наиболее влиятельных фигур Соединенного Королевства. Ему открыт доступ к секретной политической информации, в его распоряжение предоставляется особая канцелярия. Что же касается теневого кабинета и парламентской фракции в целом, то они, начиная с 1975 г. получают значительные суммы от государства (более 150 тыс. ф.ст. в год) на проведение исследовательской работы и покрытие других расходов, связанных с выполнением депутатами их парламентских функций (в эту сумму не входит оплата секретарей членов парламента). Парламентская оппозиция наделена также правом законодательной инициативы, ее члены принимают активное участие в работе парламентских комитетов и комиссий.

Главное же влияние на политический процесс оппозиция и ее лидер оказывают своей критикой правительства, в ходе которой набираются очки, столь необходимые для победы на предстоящих выборах, а также осуществляется сдерживающее влияние на правительство, ограничивающее его "свободу рук". К реальной власти оппозиция приобщена в основном через местные советы, примерно в половине которых ей принадлежит большинство. Однако ни лидер оппозиции, ни теновой кабинет, ни тем более чисто партийные органы не имеют права вмешиваться в деятельность местных советов, сохраняющих полную автономию от партийных инстанций и подчиняющихся лишь центральному правительству и действующему законодательству.

Выполняемые оппозицией и ее лидером функции, и особенно функция подготовки к политическому управлению страной, не только обеспечивает им важное место в общественно-политической жизни, но и возлагает на них серьезную ответственность как перед обществом в целом, так и перед собственной партией. Время, которое дается оппозиции и ее руководству для подготовки к очередному туру борьбы за власть – это тот "капитал", который двухпартийная система как бы авансирует ей в интересах нахождения оптимальных путей общественного развития, преодоления возникших трудностей, обновления команды, стоящей у руля государственного корабля.

1. Тэтчер и партия

Став лидером оппозиции, М. Тэтчер, конечно же, отдавала себе отчет в том, что и ее собственное будущее, и будущее того течения, которое она представляла, в решающей степени зависят от того, в какой форме находится возглавляемая ею теперь партия и от того влияния, которым она располагает, а точнее – будет располагать. Поэтому было вполне естественно, что с первых же дней своего лидерства она со свойственной ей энергией и решительностью приступила к освоению доставшегося ей в наследство партийного хозяйства. Поскольку же, как показали итоги двух подряд выборов, партия явно не справилась со своей основной миссией завоевания парламентского большинства, от нового лидера требовалось нечто большее, нежели просто принятие "партийных дел" и овладение

новым для нее искусством партийного лидерства.) Нужна была "новая метла", и Тэтчер, вероятно, лучше многих других понимала это.

Задачи, вставшие перед Тэтчер, во многом облегались тем, что лидер консервативной партии по давней традиции обладает почти неограниченной властью в ней. Это, пожалуй, один из тех редких случаев, когда восходящие от аристократической политической культуры Британии авторитарные традиции менее всего подверглись разрушительной работе времени. В самом деле, власть лидера партии тори до сих пор такова, что он единолично назначает и смещает возглавляющего партийный аппарат председателя партии, другие ключевые фигуры этого аппарата. Он также назначает членов "теневого кабинета" – руководящего органа парламентской фракции, и в случае победы на выборах – членов кабинета министров и всех членов правительства. Правом назначения членов кабинета и других министров пользуется и лидер лейбористской партии. Однако во время пребывания в оппозиции теневой кабинет лейбористов избирается всем составом парламентской фракции.

Единственный влиятельный орган, который неподвластен лидеру, – это упоминавшийся выше Комитет 1922 г., в который входят все консерваторы–заднескамеечники. С момента своего создания комитет наделен правами избирать своего председателя, вице–председателей и руководителей комитетов фракции. Комитет 1922 г. полномочен выражать мнение заднескамеечников по тем или иным вопросам партийной и правительственной политики. После введения процедуры избрания лидера партии роль комитета, как это было показано ранее, еще более возросла.

"Монархический"¹ характер распределения власти в партии особенно наглядно проявляется в той форме, которую обретают отношения ее лидера с ежегодной конференцией партии. В отличие от конференции лейбористской партии, принимающей на своих заседаниях основополагающие документы программного характера и избирающие руководящие органы "массовой партии"² (Национальный исполком, председателя партии, ее генерального секретаря и др.), конференция консервативной партии обладает лишь консультативными полномочиями и может только "выражать мнение" по тем или иным вопросам партийной политики. Принимаемые ею резолюции не обязательны для исполнения и носят чисто рекомендательный характер. Знаменательно, что вплоть до 1965 г., т.е. до того как состоялись первые выборы лидера партии, этот последний вообще не присутствовал на конференции и появлялся лишь "под занавес", чтобы произнести напутственную речь и удовлетворить верно–подданнические чувства делегатов. Э. Хит был первым лидером,

¹ Thatcherism: Personality and Politics. L., 1987. P. 23.

² "Массовая партия" – это, по утвердившейся в британском политическом словаре терминологии, та часть партии, которая находится вне парламента и действует в рамках гражданского общества. "Массовая консервативная партия" состоит из ее местных и региональных организаций и официально именуется Национальным союзом консервативных и юнионистских организаций. Некоторые исследователи, в том числе и британские, ошибочно называют Национальный союз собственно консервативной партией, что неверно, ибо в него не входит "консервативная парламентская партия" (это официальное название фракции), являющаяся, как следует из сказанного выше, даже не просто составной частью партии, но ее "сюзереном".

нарушившим эту традицию и ставшим участником всех пленарных заседаний конференции. М. Тэтчер продолжила это начинание Хита, и сейчас уже трудно представить себе ситуацию, когда кто-то из лидеров партии решился бы поступить иначе. И дело здесь отнюдь не в новой традиции, но прежде всего в тех меняющихся внутривнутрипартийных отношениях, которые определяют поведение партийного руководства. Так же, как введение системы выборов лидера в 1965 г. и расширение прав парламентской фракции в 1975 г. (когда она получила право ежегодного переизбрания лидера), обретение партийной конференцией более высокого статуса (что явилось неизбежным следствием участия лидера в ее работе) было ничем иным как проявлением пусть и крайне заторможенной, но все же неуклонной тенденции к демократизации партии, повышению роли и "массовой" и "парламентской" ее составляющих. И хотя "патриархально-монархический" характер отношений лидера с массовой партией сохранялся, зависимость лидера от нее явно возрастала.

Одной из главных причин этого явилась резко усилившаяся в 60-х и особенно в 70-х годах неустойчивость в поведении избирателя, сужение "твердого ядра" электората обеих партий, готового голосовать за нее при любом повороте событий. Инертная, пассивная партия и партийные организации могли в этих условиях лишь загубить дело. Чтобы они действовали напористо и энергично, их нужно было убедить в правоте партийной политики, причем не просто убедить, но и, по возможности, вдохновить на успешную борьбу за ее реализацию, т.е. за победу на выборах.

За время пребывания Хита на посту лидера энтузиазм членов и активистов партии не только не возрос, но и заметно поубавился. Не всеяли оптимизма и более долгосрочные тенденции. Согласно весьма компетентным свидетельствам, исходившим от влиятельных партийных кругов, в ней стали наблюдаться такие крайне неблагоприятные для ее будущего явления, как апатия, цинизм, утрата четкой ориентации и уважения ко всему парламентскому процессу³. Стала снижаться и численность партии. Если в 1953 г. в ней насчитывалось почти 3 млн членов (точнее, 2,8 млн), то, по данным исследования, выполненного в 1975 г., эта численность сократилась в 2 раза, т.е. упала где-то до 1,5 млн⁴. Еще быстрее снижалась численность организации "Молодых консерваторов" (со 150 тыс. в 50-х годах до 60 тыс. в середине 60-х и всего 45 тыс. в начале 70-х годов)⁵.

Именно такая, находящаяся далеко не в лучшей своей форме, массовая партия и досталась в "наследство" новому лидеру. Для Тэтчер это означало, что нужно было не упиваться победой, а действовать, и действовать срочно.

Путь, избранный новым лидером был, с одной стороны, крайне прост, а с другой – нетривиален. Не полагаясь (как это делали все лидеры до нее) на партийный аппарат и его руководство, она решила взять на себя

³ Management today. 1975. July. P. 49.

⁴ Political Quarterly. 1975. N 4. P. 412. Точными данными о численности партии в середине 70-х годов не располагало даже ее руководство (Management today. 1975. July. P. 49).

⁵ New Society. 1971. Oct. 28. P. 828–830.

наиболее трудную задачу непосредственного общения с "низами" партии, поднятия их "духа" и укрепления веры в будущее организации. К такому решению Тэтчер подталкивали как сами обстоятельства ее избрания, которому она была обязана тесными связями с низовым партийным активом, так и накопленный ею опыт партийно-политической борьбы, неприязнь к "бюрократическим" методам ее ведения.

Сразу же после своего избрания Тэтчер начала менять характер отношений лидера и партийных масс. Здесь, как и во многих других аспектах деятельности нового лидера, отчетливо проявилось своеобразие ее политического стиля, резко контрастировавшего с методами прежнего руководства. Если Э. Хит вел себя как "патрон", редко снисходивший до общения с партийными деятелями и активистами более низкого ранга⁶, то М. Тэтчер, напротив, не только резко расширила круг такого общения, но и старалась вести его в сугубо доверительной, личной манере. Она, в частности, не упускала случая, чтобы в ходе продолжающейся три-четыре дня ежегодной конференции партии проводить множество неофициальных бесед, коротких встреч, будь то в перерывах между заседаниями, во время пребывания в отеле или даже в часы, отведенные для отдыха. Для сотен и тысяч партийных функционеров и активистов она стремилась стать, используя ее собственное выражение, "своим человеком" ("one of us")⁷, не только вышедшим из той же среды, что и большинство их⁸, но и сохранившим столь близкие им стандарты мышления и поведения.

В то же время в ее речах и выступлениях стал неизменно присутствовать высокий, "пафосный" стиль, призванный "разбудить" аудиторию и вызвать эмоциональный отклик. Пожалуй, первую серьезную проверку этот стиль прошел на первой ежегодной конференции партии в октябре 1975 г., где ей как лидеру партии пришлось держать традиционную заключительную речь. Высоко оценивая эту речь, газета "Таймс" писала, что, произнеся ее, Тэтчер прочно утвердила себя в качестве лидера.

Конечно же, Тэтчер прекрасно сознавала всю важность этого своего

⁶ Излагая мнение одного из представителей "магического круга" Эмери, журнал "Менеджмент тудей" писал, что Хит не был способен задеть сердца людей, поставить перед ними большую и увлекательную цель. Его аргументация не поднималась выше проблем "хлеба и масла". Он мыслил, добавлял уже от себя журнал, категориями пехотного офицера, привыкшего отдавать команды. И ему даже не приходило в голову посоветоваться с активистами (см.: Management today. 1975. July. P. 50).

⁷ Именно это ее выражение взял в качестве заголовка автор наиболее основательной биографии Тэтчер видный британский журналист Хьюго Янг. Правда, и сама Тэтчер, и вслед за ней Янг использовали эти слова не в отношении "низов", а "верхов" партии, поскольку именно ответ на ее вопрос о том, является ли тот или иной деятель или чиновник "одним из нас", предопределял помимо его чисто профессиональных качеств отношение Тэтчер к его кандидатуре на государственственный или партийный пост.

⁸ Как свидетельствуют данные эмпирических исследований, на долю "верхушки" общества во второй половине 70-х годов приходилось не более 40–42% активистов местных партийных организаций. Остальные 60% – это большей частью представители мелкого бизнеса, служащих, лиц свободных профессий и т.д. В то же время ровно половина председателей этих ассоциаций являлись крупными собственниками и директорами компаний, средними предпринимателями, коммерсантами и менеджерами (Butler D., Pinto-Dutchinsky M. The Conservative Elite, 1918–1977: does unrepresentativeness matter? Oxford, 1978. P. 6).

выступления перед форумом, на котором присутствует в полном составе парламентская фракция партии, а "массовая партия" представлена примерно тремя тысячами делегатов⁹. Тем более, что одновременно это было и выступление перед всей страной, поскольку значительная часть речи обычно транслируется по радио и по телевидению. Чтобы читатель мог более предметно ощутить атмосферу зала, а заодно и ознакомиться с самой речью, приведу эту часть протокола конференции почти целиком:

"Питер Томас (председатель Национального союза, член Парламента): Маргарет, вы видели и слышали великолепное приветствие, которым вас встретило это выдающееся и поистине представительное собрание нашей партии... Прием, оказанный вам, показывает снова то, что мы уже наблюдали в течение всей конференции, а именно что мы горды иметь вас в качестве лидера и мы выражаем вам нашу полную и единодушную поддержку. И мы смотрим в будущее с энтузиазмом и уверенностью в вашем полном успехе.

Маргарет, благодарим вас за то, что вы были с нами в течение всей этой недели. А теперь я приглашаю вас обратиться к конференции.

Достопочтенная Маргарет Тэтчер, член парламента:

Благодарю вас за это чудесное приветствие.

Первая конференция консервативной партии, на которой я присутствовала, проходила в 1946 г., я была тогда студенткой Оксфордского университета, представлявшей университетскую консервативную ассоциацию... Та конференция также проходила в этом зале, но сцена казалась мне тогда очень далекой, и я даже не помышляла о том, чтобы оказаться в одном ряду с выдающимися людьми, которые сидели в президиуме. Но наша партия – это партия равенства возможностей, как вы можете воочию в этом убедиться".

Отдав дань уважения лидерам партии, которых она знала (начиная от Черчилля и кончая Хитом), Тэтчер продолжала:

– На протяжении моей жизни все лидеры консервативной партии становились премьер-министрами, и я надеюсь, что так будет и дальше. Наши лидеры были разными, непохожими друг на друга людьми, но все они имели одно общее качество: каждый отвечал на вызов своего времени. А какой же вызов бросает нам наше время? Я считаю, что их два: преодолеть экономические и финансовые проблемы страны и вновь обрести уверенность Британии в себе...

... Некоторые из выступавших считали, что я критиковала Британию во время пребывания за границей. Они неправы. Я критиковала не Британию, а социализм, и я буду критиковать социализм и выступать против социализма, поскольку это плохо для Британии. Британия и социализм не одно и то же, и пока я буду здоровой и сильной, этого никогда не случится.

Что бы я ни говорила о Британии, разве это может сравниться с тем ущербом, который нанесло ей нынешнее лейбористское правительство? Это правительство довело производительность труда до уровня, на

⁹ Консерваторы – члены парламента и парламентские кандидаты являются делегатами конференции "по должности", и этим еще раз подчеркивается особая роль "парламентской партии".

котором она находилась в течение трехдневной недели 1974 г. У нас и сейчас фактически трехдневная рабочая неделя, только для выполнения той же работы сейчас тратится пять дней. Это лейбористское правительство довело до рекордного в мирное время уровня налогообложения...

... Неспособность лейбористов взглянуть в лицо национальным проблемам с точки зрения интересов всей нации, а не какой-то одной ее части, привела к утрате уверенности, к ощущению беспомощности. И вместе с тем создается ощущение того, что парламент, который должен принимать решения, бездействует и что решения принимаются где-то в другом месте.

Дело еще серьезнее, ибо есть люди, которые озабочены не тем, чтобы преодолеть наши экономические трудности, а эксплуатировать их, разрушить общество свободного предпринимательства и создать на его месте марксистскую систему. Сегодня эти голоса образуют внушительный хор в парламентской лейбористской партии и есть ощущение, что число их растет. И когда даже Вильсон обеспокоен их успехом в захвате ключевых позиций в лейбористской партии, разве можем мы оставаться равнодушными?...

Наша капиталистическая система обеспечивает значительно более высокими стандартами благосостояния и счастья, поскольку она исходит из признания инициативы и возможностей и поскольку в ее основе лежит человеческое достоинство и свобода. Даже русские должны обращаться к капиталистической Америке и покупать пшеницу, чтобы прокормить своих людей – и это после 50 лет контролируемой экономики. И тем не менее они не уставая хвастаются, тогда как мы, у кого есть гораздо больше оснований для хвастовства, только критикуем и осуждаем себя.

Так что не дадим себя обмануть тем, кто утверждает, что система свободного предпринимательства провалилась. То, с чем мы сегодня сталкиваемся, это кризис не капитализма, а социализма. Никакая страна не может процветать, если ее экономическая и социальная жизнь основана на доминировании национализации и государственного контроля...

Мы не должны позволить, чтобы кто-то промывал наши мозги или отвергал то, во что мы верим...

Каковы наши шансы на успех? Они зависят от того, что мы собой представляем. К какому роду людей мы принадлежим? Мы – народ, который в прошлом превратил Великобританию в мастерскую мира, кто убедил других покупать товары, сделанные в Британии, но не умолял делать это, а брал тем, что эти товары лучшие в мире.

Мы – народ, который получил больше Нобелевских премий, чем любой другой за исключением американского, но если считать в соответствии с численностью жителей, то наш результат по меньшей мере в 2 раза лучше, чем у Америки. Мы – народ, который изобрел компьютер, холодильник, электромотор, стереоскоп, искусственный шелк, паровую турбину, нержавеющей сталь, танк, телевизор, пенициллин, радар, реактивный двигатель и многое другое. Да, и лучшую часть Конкорда... И кто может усомниться, что обладая такими достижениями, Британия имеет великое будущее?

Позвольте мне поделиться с вами моим представлением об обществе этого будущего: это люди, имеющие право работать так, как они хотят, тратить, что они зарабатывают, владеть собственностью, иметь государство в качестве слуги, а не господина. Это и есть британское наследие. Это – основа свободной страны и от этой свободы зависят все другие наши свободы...

Если кто-то будет сетовать, что я выступаю за полную свободу предпринимательства ("laissez-faire"), то позвольте мне сказать, что я не доказываю и никогда не доказывала, что мы должны иметь экономику, которая предоставлена самой себе. Я считаю, что, так же как каждый из нас обязан получать возможно большую отдачу от своего таланта, так и правительства имеют обязанность создать условия, при которых мы сможем делать это. И не только каждый из нас в отдельности, но и отдельные фирмы и особенно мелкие фирмы... Некоторые из них останутся мелкими, но некоторые вырастут и станут крупными компаниями в будущем. Лейбористское правительство развернуло ужасную по своим последствиям войну против мелкого предпринимательства и самостоятельных работников. Мы дадим обратный ход от этой губительной политики.

...Некоторые социалисты, кажется, считают, что люди должны быть цифрами в государственном компьютере. Мы считаем, что они должны быть индивидами. Мы все неравны. Никто, слава небесам, не похож на кого-то другого, как бы социалисты ни считали, что это не так. Мы считаем, что каждый имеет право быть неравным. Но для нас каждое человеческое существо одинаково важно...

А теперь я хочу коснуться утверждения Вильсона, будто лейбористская партия является естественной правящей партией, поскольку только ее принимают профсоюзы в качестве таковой... Но если нам говорят, что консервативное правительство не сможет управлять, поскольку те или иные экстремистские лидеры не позволят ей этого, тогда всеобщие выборы превращаются в издевательство и мы становимся однопартийным государством, а парламентская демократия погибает. Демократия, за которую наши отцы боролись и умирали, не позволит так легко положить себя на лопатки.

Когда следующее консервативное правительство придет к власти, этому будут способствовать многие члены профсоюзов. Миллионы из них голосуют за нас на всех выборах. Я хочу сказать всем им: помните, что если парламентская демократия умирает, умирают и свободные профсоюзы.

Я кончаю тем, что многие поставили бы на первое место: сила закона. Первейшей задачей людей в правительстве должна быть забота о соблюдении законов, и это трагедия, что у социалистического правительства, к его стыду, сдали нервы и оно порвало с этим принципом в деле Народной республики Клей Кросс¹⁰... Первая обязанность госу-

¹⁰ Имеется в виду один из местных советов, отказавшийся выполнять решение правительства об ограничении расходной части своего бюджета. Название "Народная республика" Тэтчер употребляет по аналогии с тогдашними названиями восточноевропейских стран.

дарства состоит в поддержании силы закона, и если оно пытается увильнуть от этой обязанности, колеблется и петляет, когда ему неудобно выполнять ее, то и те, кем оно управляет, делают в точности то же самое, и тогда ничто уже не является прочным, ни дом, ни свобода, ни сама жизнь.

...Я верю, что мы подходим к новому поворотному пункту нашей долгой истории. Мы можем идти дальше так же, как мы шли и прежде, и опускаться все ниже, или же мы можем остановиться и, набравшись решимости, сказать: "Довольно".

Давайте все мы, кто собрался в этом зале и кто равно как и другие далеко за его пределами – все, кто верит в наше дело, совершим этот акт политической воли. Давайте провозгласим нашу веру в новое и лучшее будущее нашей партии и нашего народа. Давайте решимся залечить раны разделенной нации и пусть этот акт оздоровления будет прелюдией нашей прочной и длительной победы. (Длительные аплодисменты).

Достопочтенный Питер Томас, член парламента:

– Мы имели честь прослушать запоминающуюся речь. Я думаю, что эта конференция долгое время будет вспоминаться как конференция Маргарет. Налицо был широкий интерес к речи, которую она должна была произнести этим утром, и я думаю, что она может покинуть этот зал, будучи уверенной в том, что это был полный триумф¹¹.

Судя по отчасти уже приводившимся откликам печати, Тэтчер в этой речи, как и в ходе конференции в целом, удалось главное – заложить основы взаимопонимания с наиболее активной частью членов и сторонников партии. Этому способствовал и доверительный тон речи, и личностное ее начало, и пассаж относительно мелкого бизнеса, и резкий, обличительный тон по отношению к "социалистам" и социализму, и, наконец, призыв к патриотическим чувствам, к решительным действиям во имя "спасения" нации.

На живой отклик аудитории были рассчитаны и пассажи, в которых Тэтчер в максимально доступной, манере попыталась изложить некоторые из основных принципов "нового консерватизма".

Можно без преувеличения сказать, что именно здесь, на первой ее конференции было положено начало тому союзу нового лидера и склонных к правому радикализму масс, который в дальнейшем стал одной из главных, если не самой главной опорой ее власти и влияния и в партии, и в стране в целом.

Ежегодная конференция, естественно, была и остается тем форумом, который дает лидеру партии поистине уникальную возможность воздействовать на массовую партийную и околопартийную аудиторию. Но одновременно Тэтчер стала широко использовать и многие другие возможности такого рода, открывшиеся перед ней как лидером партии: пропагандистские кампании, проводимые партией в связи с ежегодными выборами в местные органы власти, дополнительные выборы в парламент, проводимые для замены выбывших по тем или иным причинам его членов, интервью с журналистами и т.д. Главное, чего стремилась при

¹¹ 92th Conservative Conference Verbatim Report. L., 1975.

этом добиться Тэтчер, — это не только быть постоянно на виду, но и являть собой пример того, как и в какой манере следует общаться с массами.

Эта роль "генерала", не только ведущего свое "войско", но и непосредственно связывающегося в "бой", причем в самых критических ситуациях, с самыми опытными и поднаторевшими в политических сражениях противниками, не в малой степени способствовала и росту популярности Тэтчер среди консервативно настроенных избирателей и поднятию ее авторитета в качестве партийного лидера. Такой же стиль стал утверждаться и на других уровнях, чему автор не раз был свидетелем, посещая предвыборные собрания, наблюдая за дебатами на телевидении. Во всяком случае, разговоры об апатии, разочаровании, столь распространенные в последний период пребывания Хита на посту лидера, довольно быстро сходят на нет.

Популистская стратегия Тэтчер в отношениях с собственной партией, ее стремление создать своего рода горячую линию связи с ней, минуя промежуточные звенья и где-то даже игнорируя их, во многом определяли и характер ее отношений с центральным партийным аппаратом. Менее всего склонная пускать дело на самотек, она в то же время не видела особой необходимости постоянно держать этот аппарат под своим непосредственным контролем. Тем более что она имела возможность осуществлять этот контроль другими, менее обременительными способами.

В отличие от положения в лейбористской партии, где руководящий орган массовой партии — Национальный исполком и его председатель, избираемые ежегодной конференцией партии, нередко вступают в конфликтные отношения с лидером, в партии консерваторов такая ситуация практически исключена. Центральный совет партии, являющийся высшей после конференции партийной инстанцией, и по составу, и по функциям разительно отличается от Национального исполкома лейбористов. Выборы в его состав вообще не проводятся, и формируется он на принципиально иной должностной основе. В него входят ("по должности") руководители местных и региональных организаций партии, члены и кандидаты в парламент, руководящие деятели центрального аппарата. Сам же совет является совещательным органом при лидере партии, и, по общему мнению специалистов, ни он, ни создаваемый им исполком не играют сколько-нибудь существенной роли в руководстве делами партии¹². Что же касается собственно партийного аппарата, т.е. Центрального бюро (ЦБ) (Central Office), которое и осуществляет реальное руководство партийной деятельностью, то оно целиком и полностью подчиняется лидеру и председателю партии¹³.

¹² Главные функции исполкома — поддержание связей между центром и периферией, обеспечение эффективной предвыборной деятельности местных ассоциаций.

¹³ Непосредственное управление партаппаратом осуществляется генеральным директором. В рамках ЦБ имеется организационный и ряд функциональных отделов (исследовательский, по отношениям в промышленности, проблемам местного самоуправления и др.), а также Комитет по отбору парламентских кандидатов и Консервативный политический центр, выполняющий, как уже отмечалось, преимущественно информационно-пропагандистские, просветительские и отчасти идеологические функции.

Тот факт, что партаппарат консерваторов находится практически под полным контролем лидера партии и назначаемого им председателя и, таким образом, не является ни частью массовой, ни тем более парламентской партией, практически исключает превращение массовой партии в нечто большее, нежели электоральная машина. Однако, как уже было отмечено выше, чтобы эта "машина" функционировала должным образом, ее роль не может сводиться лишь к роли исполнителя команд и директив, спускаемых сверху.

Ограничение функций партаппарата тори (как, впрочем, и лейбористов) чисто внутривнутрипартийными делами предопределяет его сравнительно небольшую численность. Постоянный штат Центрального бюро, включая и освобожденных партийных функционеров в регионах, составляет около 160 основных и около 200 вспомогательных сотрудников (клерков, машинисток и т.п.). Что же касается партийных организаций избирательных округов, то руководящие органы целиком и полностью действуют на добровольной основе. Единственной оплачиваемой должностью в них являются так называемые агенты – профессиональные партийные работники, выполняющие преимущественно организационные функции. Подавляющее большинство партийных организаций (около 400 из 650) имеет по одному агенту (некоторые же обходятся и без них) и содержат их из собственного бюджета. Всем этим обеспечивается довольно высокая степень автономии местных партийных организаций от центра, что в немалой степени стимулировало усилия Тэтчер по установлению "горячей линии" связи с ними.

Сказанное выше во многом объясняет тот факт, почему Тэтчер, став лидером, удовлетворилась лишь незначительными изменениями в структуре аппарата. Эти изменения были нацелены главным образом на укрепление и расширение его связей с реальными и потенциальными сторонниками партии на местах¹⁴. Но что она тут же, без промедления сделала, так это освободилась от "людей Хита" на ключевых постах – председателя партии, его заместителя и генерального директора Центрального бюро. Председателем партии на место У. Уайтлоу, в чьей лояльности она еще не была уверена, был назначен лорд Торникрофт, находившийся не у дел после своей отставки из правительства Макмиллана в 1961 г. Здесь Тэтчер целиком следовала партийной традиции, в соответствии с которой на пост председателя назначается не "аппаратчик", а политик "кабинетного" ранга, прошедший школу партийной и государственной деятельности. Значение этого поста подчеркивается и тем, что занимающий его политик во время пребывания партии в оппозиции является одним из наиболее приближенных к лидеру деятелей, а в случае прихода партии к власти ему предоставляется место в кабинете. Делается это не только для того, чтобы повысить престиж

¹⁴ Так, в конце 1975 г. она санкционировала создание Отдела по проблемам коммунальной полигигики, призванного вовлечь в орбиту влияния партии активизировавшиеся в тот период группировки и объединения граждан по месту жительства (и особенно те из них, которые занимали праворадикальные позиции). Центральное бюро стало активно содействовать созданию профсоюзных, студенческих, иммигрантских и иных организаций и групп, придерживавшихся консервативной ориентации.

председателя и держать его в курсе важнейших государственных и парламентских дел, но и чтобы дать ему возможность эффективно выполнять одну из главных его функций, а именно обеспечить связь между чисто партийной и правительственно-парламентской сферами, не допускать отрыва одной от другой.

Лорд Торникрофт вполне устраивал Тэтчер и тем, что он был заслуженной и уважаемой в партии фигурой, и тем, что он не был тесно связан ни с одним из противоборствующих течений в партии, предпочитая стоять "над схваткой". Такая позиция была на руку Тэтчер, которая в лице председателя хотела иметь не столько единомышленника, сколько лояльного политического организатора¹⁵.

Заместителем председателя партии и председателем Исследовательского отдела Тэтчер назначила А. Мода – деятеля, придерживавшегося правоцентристских взглядов. До его назначения этот пост занимал Я. Гильмор – один из влиятельнейших "реформаторов", чьи отношения с Тэтчер, судя по всему, не сложились с самого начала. Имея уже установившуюся репутацию наиболее авторитетного интеллектуала партии, он не был склонен проявлять по отношению к ней даже чисто внешнюю лояльность.

Были произведены и некоторые другие перестановки, однако никакого "перетряхивания" аппарата Тэтчер производить не стала.

Знаменательно, что заменив председателя Исследовательского отдела, она сочла целесообразным оставить на этом посту его директора, выполняющего функции непосредственного руководителя отдела. Этим руководителем продолжал оставаться Кристофер Паттен, назначенный Хитом из числа наиболее молодых и талантливых советников его правительства. Был сохранен в прежнем виде и весь персонал отдела, насчитывающий около 30 сотрудников. Единственное существенное изменение, которое в нем было произведено, – это укрепление экономического сектора, во главе которого был поставлен бывший сотрудник мозгового треста правительства Хита Адам Ридли.

Важная роль, которую играет Исследовательский отдел в выработке партийной политики, ставит его сотрудников в несколько особое положение среди других партаппаратчиков. Основной их задачей является подготовка информационных и аналитических материалов для комитетов парламентской фракции, специализирующихся на тех или иных вопросах внутренней и внешней политики. Сотрудники отдела выполняют также функции консультантов теневых министров. Примерно четверть своего времени они могут уделять исследованиям, связанным с долгосрочной стратегией партии. В отличие от основной массы сотрудников Центрального бюро они могут рассчитывать на парламентскую карьеру, и это

¹⁵ В свое время, будучи министром финансов в первом правительстве Макмиллана, тогда еще не лорд, а член палаты общин, Питер Торникрофт наделал немало шума, выйдя в отставку в знак протеста против, как ему представлялось, чрезмерных бюджетных расходов, навязывавшихся премьером-реформатором. Правда, сам Торникрофт не стал солидаризироваться с правыми радикалами и вышедшим вместе с ним в отставку Э. Пауэллом, предпочтя оставаться в стороне от внутрипартийной борьбы. Такой же позиции он придерживался (вплоть до июня 1981 г.) и после своего назначения на пост председателя партии.

привлекает в отдел немало талантливых и амбициозных молодых людей с университетским дипломом, побуждая их работать, что называется, не за страх, а за совесть¹⁶.

Во время посещения Исследовательского отдела в 1978 г. автор был поражен царившей там атмосферой деловитости, а также большим интересом сотрудников как к выполняемой ими исследовательской работе, так и к тем функциям консультирования теневых министров, которые на них возлагаются. Это было далеко не самое лучшее время для посещения данного учреждения исследователем из бывшего СССР. Однако после того, как я не проявил интерес к дискуссии на идеологические темы и постарался перевести разговор на интересовавшие меня конкретные вопросы (о функциях отдела, последних его разработках, общей роли в партии и т.д.), беседа сразу же приняла деловой и, по крайней мере по моим впечатлениям, почти дружеский характер. Я получил не только исчерпывающие разъяснения, но и последние публикации и документы отдела.

Особенно оценил я такого рода прием и отношение после того, как буквально через день—два посетил штаб—квартиру лейбористской партии, от сотрудников которой я ожидал по меньшей мере столь же конструктивного и делового общения. Визит мой свелся к тому, что меня принял чиновник по внешним связям, который толком не мог ответить ни на один мой вопрос, а на просьбу организовать встречу с кем-либо из Исследовательского отдела партии ответил прикрытым какой-то отговоркой отказом. Как мне объяснили потом, все дело было в том, что для консерваторов я был просто собеседником, с которым было любознательно пообщаться, а для лейбористов — лицом, общением с которым, как опасался, видимо, этот чин, могло быть неправильно понято. Впоследствии мне не раз приходилось бывать у лейбористов, по-деловому и даже дружески беседовать со многими из них. Но тот первый мой визит надолго оставил неприятный осадок.

Но вернемся к партаппарату тори и занятой по отношению к нему новым лидером позиции. Свою тактику невмешательства в практическую деятельность аппарата Тэтчер распространила и на процесс отбора и утверждения парламентских кандидатов, находящихся под эгидой Центрального бюро. Видимо сознавая, что ее вмешательство в этот тонкий и деликатный процесс, где решающую роль играют партийные организации избирательных округов и руководство партаппарата, может вызвать болезненную реакцию тех и других, она предпочла оставить все как есть. Тем более, что изменить сколько-нибудь заметно состав парламентской партии с помощью такого вмешательства было явно нереальным делом. Практически во всех избирательных округах имелись либо уже избранные в парламент деятели, либо кандидаты в таковые, и согласно давно установившейся традиции лишь в случае выбытия по возрасту или по иной причине производилась замена. Учитывая нарастающее влияние неоконсервативной волны в партии, и особенно ее местных организаций, Тэтчер могла особенно не беспокоиться по поводу позиций "новичков".

¹⁶ Из числа сотрудников отдела выдвинулся ряд видных деятелей партии, в том числе такие, как Инок Пауэлл, Ян Маклеод, Реджинальд Модлинг.

Гораздо в большей степени ее интересовало происходившее в самой парламентской партии. Будучи избранной на пост лидера благодаря "бунту заднескамеечников" и отчетливо сознавая зависимость ее положения как лидера партии и потенциального премьер-министра от их поддержки, она с первых же дней своего лидерства стала устанавливать особо доверительные отношения именно с этой частью партии. К такого рода усилиям ее подталкивало и то обстоятельство, что она не могла рассчитывать на их автоматическую лояльность. Согласно проведенным в тот период исследованиям, лишь около 30 консервативных парламентариев, т.е. порядка 10%, относились к "жестким неолибералам". После выборов 1979 г. этот процент несколько возрос, однако ненамного. И даже после выборов 1983 г. число таких парламентариев составило от 80 до 100 человек, т.е. всего около четверти всей фракции. Примерно такая же часть заднескамеечников занимала хотя и менее жесткую, но все же в целом неконсервативную позицию. Остальные принадлежали либо к группе "умеренных", либо "центристских", колеблющихся парламентариев¹⁷.

Поскольку противники Тэтчер, причем не только из числа сторонников Хита, не были намерены сдавать свои позиции, а скорее, наоборот, считали ее избрание явлением временным, случайным и, как мы увидим дальше, продолжали активнейшим образом пропагандировать свои взгляды, завоевание лояльности парламентариев-заднескамеечников стало той главной стратегической целью, которую она начала преследовать в качестве высшего должностного лица парламентской партии. В отличие от всех своих предшественников, Тэтчер включила в круг своего общения едва ли не всех заднескамеечников. Она, в частности, взяла себе за правило пользоваться буфетом для рядовых парламентариев с тем, чтобы, стоя в общей очереди и сидя за столиком во время ланча или даже во время короткого перерыва на чай или кофе, пообщаться с возможно более широким кругом членов фракции, выяснить проблемы, волнующие их и их избирателей, выслушать те или иные просьбы. Поскольку такие мимолетные встречи и беседы носили регулярный и отнюдь не формальный характер, Тэтчер была всегда прекрасно информирована о настроениях основной массы заднескамеечников, могла влиять на эти настроения и, что немаловажно, зарабатывала на этом немалый авторитет и поддержку. Большую помощь в поддержании тесных контактов с парламентариями оказывали ей парламентские организаторы партии (именуемые по традиции "кнутами"¹⁸), а также ее личный парламентский

¹⁷ Thatcherism: Personality and Politics. L., 1987. P. 31.

¹⁸ Название идет от основной функции этих лиц, заключающейся в том, чтобы поддерживать дисциплину среди членов фракции, обеспечивать присутствие их на заседаниях и, главное, — контролировать их участие в голосовании. Накануне голосования они раздают парламентариям своей партии листки с необходимой информацией, причем в зависимости от важности и характера законопроекта его название подчеркивается одной, двумя или тремя чертами. Соответственно, член парламента знает, какие меры дисциплинарного порядка его ожидают, если он проголосует против официально занятой позиции или воздержится. Наиболее серьезные кары ждут его (вплоть до исключения из состава фракции) в случае, если он не поддержит законопроект, подчеркнутый тремя линиями. В то же время по некоторым законопроектам допускается свободное голосование. Как правило, это билли морально-этического характера (об абортах,

секретарь, в функции которого входит обеспечение связей лидера с парламентской партией, информирование его о настроениях заднекамеечников, их пожеланиях и требованиях. Согласно информации, полученной от этих должностных лиц и от самих парламентариев, Тэтчер реагировала на такого рода пожелания и просьбы с поразительной быстротой, уже через пару дней, причем нередко письменно.

Усиленное внимание к заднекамеечникам и налаживание тесных отношений с ними сопровождалось стремлением несколько поднять их роль в выработке партийной политики. Делалось это, в основном, через участие последних в исследовательских группах или комитетах, создаваемых внутри фракции. Помимо самих парламентариев в эти группы обычно включаются видные ученые, эксперты, представители бизнеса, некоторых других общественных групп. Число таких комитетов при Тэтчер заметно возросло и составило около 60-ти. Стремясь повысить престиж парламентариев в комитетах, Тэтчер изменила статус "аутсайдеров", оставив в качестве полноправных членов этих групп только членов парламента. Остальные должны были представлять "свидетельства" и рекомендации, и выступать лишь в роли экспертов¹⁹.

Новации Тэтчер, однако, мало что изменили в реальном распределении ролей внутри парламентской партии. Во-первых, наиболее важные исследовательские группы (около 20 из 60-ти) возглавлялись, как и прежде, членами теневого кабинета. Во-вторых, согласно установленному порядку, после того как та или иная группа подготавливала доклад, он должен был представляться теновому кабинету, и именно этим последним, являющимся и формально, и фактически основной руководящей инстанцией парламентской фракции, должны были приниматься те или иные решения. А это означало, что от отношений с этим органом зависели прежде всего те "степени свободы", которые могла позволить себе Тэтчер и в своем качестве лидера партии, и в качестве теневого премьер-министра.

Как и во многих других своих действиях, она и здесь была связана установившимися правилами игры и традициями, которым она, естественно, должна была более или менее скрупулезно следовать. И все же по крайней мере одно существенное новшество она позволила себе ввести. Летом 1975 г. она санкционировала создание внутри теневого кабинета неформального политического подкомитета из девяти его членов. Председателем комитета был назначен К. Джозеф, его заместителем — А. Мод. Именно в рамках этого комитета проводились обсуждения подготавливаемых исследовательскими группами документов, а также регулярные дискуссии с директором исследовательского отдела К. Паттеном и главой экономического сектора А. Ридли. Как утверждалось в содержащей эту информацию статье в "Экономисте", "мало что обсуждается теперь в полном составе теневого кабинета, с которым Тэтчер

смертной казни и т.п.). В этом случае название законопроектов не подчеркивается вообще.

¹⁹ Thatcherism: Personality and Politics. P. 25; New Society. 1970. July 20; Times. 1968. Sept. 16.

сильно расходится"²⁰. На заседания комитета, сообщал еженедельник, приглашаются и другие теневые министры, но только в случае, если обсуждаемый вопрос относится к их компетенции.

Однако, судя по составу подкомитета (помимо Тэтчер и Джозефа в него входили У. Уайтлоу, Дж. Прайер, Дж. Хау, П. Дженкин, лорд Каррингтон, Я. Гильмор и Ст. Джон-Стивас), вряд ли и здесь Тэтчер и Джозеф могли навязывать свои взгляды. Из семи "рядовых" его членов лишь Дж. Хау относился к твердым ее сторонникам. Неудивительно, что сама Тэтчер принимала участие только на заключительных стадиях дискуссий, да и то только по самым критическим вопросам, таким как налоги и иммиграция.

Возможно, Тэтчер и хотела бы сделать что-то более существенное для укрепления своих позиций в теневом кабинете, однако при существовавшем соотношении сил в парламентской фракции и особенно в нем самая свобода рук у нее была ограничена. Наиболее влиятельной силой, с которой ей приходилось считаться, был тот круг влиятельнейших партийных и государственных деятелей, которым традиционно принадлежала основная власть в партии. И тот факт, что Тэтчер, несмотря на свою успешную парламентскую и министерскую карьеру, продолжала оставаться скорее аутсайдером по отношению к этому кругу, побуждал ее проявлять по отношению к нему особую осторожность.

Отличительной чертой людей этого круга было то, что подавляющее их большинство принадлежало (большой частью по рождению) к политизированным кругам "высшего общества", воспитывались, как правило, в престижных частных школах и старинных университетах Оксфорда и Кембриджа и представляли собой своего рода элиту "избранных", спаянную зачастую и тесными родственными узами.

Избрание Э. Хита на пост лидера партии было расценено многими наблюдателями как начало новой эры в истории консервативной партии, своего рода рубеж, клавший если не конец, то начало конца господству старого, патерналистского истеблишмента. В их глазах Хит олицетворял собой новое поколение лидеров партии, отличительной чертой которых являлось то, что они сами пробивались вверх. То, что такое обновление имело место, не подлежало сомнению, однако основные рычаги власти оставались у прежней элиты. Не в малой степени этому способствовало и то, что Хит не только не пытался противопоставить и себя самого, и других подобных ему политиков этой последней, но, напротив, стремился идентифицироваться с ней. Вот что писал, к примеру, орган британских деловых кругов "Менеджмент тудей", подводя итог правлению Хита и оценивая его роль в партийной иерархии. В начале его лидерства, говорилось в статье, многие "полагали, что он представлял новых тори, бесклассовую меритократию"²¹. И в определенном смысле это было так. Он окончил грамматическую школу и сам сделал свою карьеру в политике. Но если в социальном плане он был своего рода правофлан-

²⁰ Economist. 1978. Apr. 15. P. 38.

²¹ "Меритократия" – от слова "merit" – заслуга. Оно символизирует власть людей, выдвинувшихся на высшие посты в политике, бизнесе, науке, исключительно благодаря своим собственным усилиям.

говым нового поколения, то в интеллектуальном плане он замыкал ряды старого. Настоящая разграничительная черта проходит между Хитом и Тэтчер, а не между Хитом и Макмилланом или Хитом и Хьюмом²².

За десять лет, прошедших после избрания Хита лидером в 1965 г., произошла определенная консолидация старой партийной элиты и новой меритократии, причем преимущественно на позициях, занимавшихся первой. Не только сам Хит, но и целый ряд привлеченных им в руководство партией и страной деятелей превратились к середине 70-х годов в ревностных защитников "макмиллановской" традиции. Неудивительно, что престарелый, но все еще политически активный бывший премьер решительно встал на сторону Хита в развернувшейся вскоре внутрипартийной борьбе.

Разумеется, такого рода смычка отнюдь не упрощала задач, стоявших перед Тэтчер. Риск оказаться пленницей обновленной консервативной элиты был вполне реальным, и она, разумеется, прекрасно сознавала это. Тем более что сила и влияние этих людей были отнюдь не только в упомянутых выше связях и поддержке извне, т.е. со стороны большого бизнеса, влиятельных аристократических кругов, членов престижных клубов, "квалифицированной" прессы. Каждый из них был и сам по себе достаточно крупной фигурой, накопил огромный опыт парламентской и министерской деятельности, являлся деятелем национального масштаба. Многие из них были известны не только как политические деятели, но и как авторы книг, публицисты. Почти все они были прекрасными ораторами, благодаря газетам, радио и телевидению их знала в лицо вся страна, и не просто знала, но и принимала их за "естественных" лидеров.

К середине 70-х годов в составе элиты тори наряду с уже сходящими с политической арены деятелями типа Гарольда Макмиллана и лордов Батлера и Хэлшема, а также рядом зрелых, многоопытных политиков (У. Уайтлоу, Р. Модлинг, лорд Торникрофт, лорд Каррингтон) наиболее многочисленной, да и, пожалуй, наиболее влиятельной была группировка сравнительно молодых, энергичных деятелей, уже вкусивших власть, но еще не реализовавших в полной мере свои политические амбиции. Это были прежде всего Ян Гильмор, Джеффри Хау, Питер Уокер, Джемс Прайор, Норман Джон Стивас, Кит Джозеф, Майкл Хезелтайн, Дэвид Хауэлл и еще несколько менее известных в то время имен.

Хотя у Тэтчер и было несколько твердых сторонников среди этой группы, они составляли явное меньшинство. Из перечисленных выше к ним можно было отнести К. Джозефа, а также с известными оговорками – Дж. Хау и Д. Хауэлла. Остальные же, принимая в той или иной мере неолиберальную фразеологию, в то же время достаточно твердо придерживались традиционного, основанного на консенсусе и активной роли государства подхода к решению обострившихся социально-экономических проблем страны. Исключение здесь составлял лишь один М. Хезелтайн, который не относился ни к твердым тэтчеристам, ни к убежденным реформистам.

В этой ситуации, казалось бы, Тэтчер должна была сплотить вокруг

²² Management Today. 1975. July. P. 50.

себя правоверных своих сторонников из указанной верхушки и срочно продвигать их наверх. Тем более что формирование теневого кабинета было и остается единоличной прерогативой лидера партии. Однако скорее всего такая мысль даже не приходила ей в голову, ибо любая попытка обойти, проигнорировать основной торийский истеблишмент не была бы понята не только в консервативной партии, но и в обществе в целом. Вся политическая история Британии научила ее жителей исключительно высоко ценить опыт политического управления страной и людей, таким опытом располагающих.

И все же определенное поле для маневра, пусть и крайне ограниченное, у Маргарет Тэтчер было. Во-первых, как уже отмечалось, в среде консервативной элиты у нее было некоторое число сторонников. Во-вторых, пользуясь своим правом лидера, она могла, не вызывая особых нареканий, возвысить двух-трех способных и перспективных заднескамеечников из числа своих приверженцев. Такого рода инъекции "свежей крови" делали практически все лидеры партии, включая и ее предшественника Хита, и было бы странно, если бы Тэтчер не сделала того же самого. Одновременно она не нарушила бы никаких табу, если бы отодвинула в тень или же несколько снизила роль некоторых из влиятельных деятелей партии.

И Тэтчер, конечно же, постаралась использовать все эти возможности, избегая в то же время искушения зайти слишком далеко. Более того, по мнению многих наблюдателей, она действовала чересчур осторожно. Формируя теневой кабинет, она включила в его состав почти всех членов прежнего, назначенного Э. Хитом. Помимо самого Хита, высокомерно отказавшегося от предложения войти в состав кабинета и тут же перевернувшего на задние скамьи, исключенными из нового состава оказались всего пять человек, т.е. четвертая его часть. И это были далеко не самые влиятельные фигуры.

В числе привлеченных Тэтчер новых "теневых министров" выделялся Реджинальд Модлинг, который не был сторонником Тэтчер, он являлся типичным политиком старой, "макмиллановской" и "батлеровской" школ. Однако в момент, когда необходимо было поднять престиж партии и ее руководства, назначение его на один из ключевых постов теневого министра иностранных дел было не просто жестом в сторону старой гвардии, но и диктовалось тонким политическим расчетом.

Из числа своих сторонников, не входивших ранее в теневой кабинет, они включили лишь Э. Нива, которому, как помнит читатель, Тэтчер была многим обязана в деле организации кампании за ее избрание, и Дж. Биффена. В состав кабинета также вошел новый председатель партии лорд Торникрофт.

Заметно более решительно действовала Тэтчер при назначении "второго эшелона" переднескамеечников, из которого обычно формируется состав младших министров и который одновременно служит своего рода резервом для пополнения "первого эшелона", т.е. теневого кабинета или же кабинета министров. Одним из новых "назначенцев" здесь оказался Джон Нотт, уже занимавший пост младшего министра в правительстве Э. Хита, но отказавшийся от сотрудничества с ним после поражения

партии на октябрьских выборах 1974 г. Уже спустя год Тэтчер сделала его членом теневого кабинета, ответственным за торговлю. Подобный же старт обеспечила она Сесилию Паркинсону, Норману Теббиту, Николасу Ридли и ряду других близких ей по духу парламентариев.

Практически не изменив соотношения сил в теновом кабинете, Тэтчер в то же время распределила обязанности в нем таким образом, что на ключевые позиции были назначены люди, на которых она могла положиться. К. Джозефу было поручено отвечать за разработку партийной политики, на пост заместителя лидера партии назначен не склонный к фронде У. Уайтлоу. Располагая большим политическим весом и влиянием, Уайтлоу был типичным центристом, правда явно тяготевшим по своим взглядам к реформистскому крылу партии. Он был против того, чтобы огульно охаивать курс правительства Хита. В одном интервью он предостерег от "опасности полной смены курса при новом руководстве", высказался в пользу "конструктивной оппозиции" лейбористскому правительству, не исключающей поддержки тех или иных проводимых им мероприятий²³. При всем том он, как и при Хите, ни разу не изменил своему принципу поборника единства партии. Пожалуй, это было одно из самых удачных, если не самое удачное назначение М. Тэтчер, во многом облегчившее ей задачу нейтрализации своих влиятельных оппонентов и одновременно позволившее занять определенную дистанцию по отношению к ним. Достаточно лояльную позицию по отношению к новому лидеру занимали также такие крупные деятели, как лорд Каррингтон и лорд Торникрофт, лорд Сомс и лорд Хэлшем.

К числу явных оппонентов М. Тэтчер в теновом кабинете относились прежде всего Я. Гильмор, Дж. Прайор, Фрэнсис Пим, Р. Модлинг.

Прекрасно сознавая, что любая попытка "завоевать" весь теновый кабинет на свою сторону не только нереальна, но и крайне опасна, Тэтчер предоставила его членам возможность оставаться при собственных взглядах и убеждениях. Вместе с тем ни она сама, ни другие партийные деятели не хотели создавать впечатление, что у партии и ее руководства нет четкой политической линии. Поэтому уже в 1976 г. Исследовательский отдел представил теновому кабинету программный документ "Правильный подход", который после небольшой доработки был издан от имени Центрального бюро²⁴. Осенью 1976 г. его одобряет, правда неофициально, де-факто, ежегодная конференция партии. Спустя год публикуется еще один документ, названный "Правильный подход к экономике"²⁵. На этот раз в качестве авторов выступила группа теновых министров – К. Джозеф, Дж. Хау, Дж. Прайор и Д. Хауэлл. Оба эти документа представляли собой довольно причудливую смесь правого радикализма и традиционного реформизма, причем содержащаяся в них неолиберальная риторика создавала у читателя ощущение альтернативности и по отношению к установкам и политике лейбористов, и политике правительства Э. Хита. Что же касается сугубо конкретных предложе-

²³Times. 1975. Oct. 9. P. 6.

²⁴The Right Approach. A Statement of Conservative Aims. L., 1976.

²⁵The Right Approach to the Economy. L., 1977.

ний, то они были выдержаны в достаточно умеренном духе и не содержали ни требований широкомасштабной приватизации, ни демонтажа государства благосостояния, ни жесткого антипрофсоюзного законодательства. Провозглашалось лишь достаточно общее намерение осуществить заметный сдвиг во всех этих сферах в антиэтатистском, антибюрократическом направлении, а также обосновывалась линия на существенное снижение налогов, повышение конкурентоспособности и прибыльности предприятий и корпораций, поддержку мелкого бизнеса и других подобных мер по возрождению утраченного экономикой динамизма на преимущественно частнопредпринимательской основе.

Публикацией указанных документов одновременно решались две задачи. Во-первых, партия получала своего рода новый ориентир, пусть и не очень последовательный и четкий. Во-вторых, создавалась видимость единства партий, достижения согласованной и приемлемой для основных ее течений и группировок позиции. Как то, так и другое вполне устраивало и радикалов, включая Тэтчер, и реформаторов. Как те, так и другие ощущали свою причастность к выработке авторитетных программных документов и одновременно получали свободу рук и возможность вести собственную игру в надежде на каком-то этапе взять верх над своими оппонентами. Что же касается самой М. Тэтчер, то как лидер партии она уже могла не заботиться о достижении согласия, и, хотя ее имя не фигурировало ни в том, ни в другом документе, было очевидно, что оба они обсуждались с ней и публиковались с ее согласия. Эту свою причастность она четко обозначила в выступлении на конференции 1976 г., назвав "Правильный подход" документом, в котором выражена точка зрения высшего партийного руководства²⁶. Сделано это было, правда, в весьма сдержанном тоне, походя и без каких-либо комментариев и оценок, что также понятно, учитывая содержание документа и ее растущую приверженность к праворадикальному курсу.

Примечательно, что обе стороны уже в процессе подготовки указанных документов не теряли времени и начали срочно готовить плацдармы для разработки и утверждения своего идейно-политического кредо. О том, что конкретно предприняли в этой ситуации Тэтчер и Джозеф, речь пойдет в следующем разделе. Здесь же отметим лишь, что, сделав упор на деятельности вне существующих партийных и парламентских структур и предоставив фактически полную свободу рук реформаторам, они в чем-то притупили бдительность последних и создали у них впечатление едва ли не изначального их превосходства. Во всяком случае, именно такое впечатление оставляют многие выступления представителей "старого" истеблишмента, относящиеся к тому времени. В них четко сквозит менторский, поучительный тон по отношению к человеку, лишь по воле случая оказавшегося на столь высоком посту, но явно не способного осилить редкое искусство большой политики. В какой-то мере такая оценка нового лидера возникала и укреплялась как следствие стремления Тэтчер вникать в детали той или иной проблемы, идти от факта. Склонность к "копанию в мелочах", не свойственная никому из ее пред-

²⁶ См.: 93th Conservative Conference, Verbatim Report. L., 1976. P. 138.

шественников, вызывала подозрение, а часто и уверенность в том, что это лидер, которому вообще недоступно крупномасштабное, "мужское" мышление и который нуждается если не в опеке широко и по-государственному мыслящих людей, то по меньшей мере в их помощи и поддержке.

Вспоминая состоявшуюся у меня весной 1978 г. встречу с британским политологом, профессором Лондонской школы экономики и политических наук Р. Маккензи, хорошо известного всем тогдашним телезрителям по изобретенному им "электоральному барометру". С помощью этого нехитрого, но очень понравившегося зрительской аудитории устройства он доносил до массовой аудитории результаты опросов, выборов, оценивал шансы той или иной партии на всеобщих выборах. На мой вопрос, что он думает о Тэтчер как о лидере партии, этот отличавшийся недюжинным аналитическим умом и проницательностью человек²⁷ начал с нескрываемой досадой сетовать на то, что Тэтчер крайне ограниченный, неспособный к стратегическому мышлению деятель, все время которого уходит на выяснение деталей и который за деревьями не видит леса. Будучи связан с влиятельными кругами консервативной партии, Маккензи, конечно же, выражал отнюдь не только свое личное мнение. В этом убеждает, кстати, не только подтекст упомянутых мною статей и выступлений, но и то, что говорилось и писалось тогда открытым текстом. Так, солидная газета деловых кругов "Файненшл таймс" в 1975 г. отмечала, что в случае прихода партии к власти задача умеренных деятелей партии, объединившихся в "Торийскую группу реформ" (о которой речь пойдет чуть ниже), будет состоять в том, чтобы "образовать" Тэтчер, чье пребывание на посту лидера является "абберрацией". В случае же, если партия проиграет, писала газета, то необходимо будет в срочном порядке от нее освободиться²⁸.

Примерно в то же время в статье, частично основанной на доверительной информации, исходившей от высшего эшелона партийных политиков и опубликованной в журнале "Экономист", утверждалось: "Как говорят некоторые из ее (Тэтчер. – *Авт.*) ближайших коллег, неумение схватывать политическую суть является серьезным минусом ее лидерства"²⁹.

Вполне вероятно, что такая оценка политических потенций нового лидера объяснялась отчасти и тем, что содержащиеся в изобилии в ее речах и выступлениях обобщающие политические оценки и положения праворадикального, неоконсервативного толка воспринимались этими людьми лишь как популистская риторика и даже демагогия, не имеющая ничего общего с реальной политикой и пригодная лишь для "пропаганды".

Тэтчер, конечно же, наверняка была прекрасно осведомлена о такого рода отношении к ней окружавших ее "патронов". Тем не менее она даже

²⁷ Его книга о политических партиях Великобритании (*McKenzie R.I. British Political Parties*. L., 1955) прочно вошла в список классических трудов о политической системе Великобритании.

²⁸ *Financial Times*. 1978. June 30. P. 21.

²⁹ *Economist*. 1978. Apr. 15. P. 41.

не пыталась ни опровергать эти оценки, ни менять что-то в стиле своего поведения, предпочитая вести свою собственную игру. Тем более что свобода, которой пользовались ее оппоненты, оправдывала ее собственную "самодеятельность", которая, как мы увидим ниже, отнимала у нее все больше времени и сил.

Уже спустя несколько месяцев после избрания Тэтчер сторонники традиционных подходов предприняли ряд шагов, нацеленных на укрепление своих позиций и в самой консервативной партии, и в стране в целом. Наиболее серьезным из этих шагов было создание в сентябре 1975 г. "Торийской группы реформ", непосредственным организатором и руководителем которой стал Питер Уокер. Как уже отмечалось, он не скрывал своего несогласия с Тэтчер и имел установившуюся репутацию "человека Хита". Активную роль при создании группы играл и другой бывший министр правительства Хита, не включенный в теневой кабинет М. Тэтчер, — Роберт Карр. В заметке об образовании группы "Таймс" называла в качестве ее руководителей также Я. Гильмора и некоторых других деятелей партии меньшего калибра³⁰. Непосредственным предшественником группы являлась упоминавшаяся в предыдущем параграфе группа "За экономический и социальный торизм", руководителем которой был, кстати, все тот же Питер Уокер.

Сообщая о создании группы, обозреватель "Таймс" Р. Батт отмечал, что, хотя группа и отрицает, что она против Тэтчер, намеченная ее инициаторами линия на "средний путь в духе традиций, Дизраэли и Макмиллана, решительным образом расходится с той монетаристской доктриной, которую она берет на вооружение"³¹. Как сообщала "Файненшл таймс", к лету 1978 г. группа располагала 35–60 сторонниками в парламенте, причем 25–30 из них платили взносы. Всего в составе группы насчитывалось около 340 человек, входящих непосредственно в национальную организацию, и примерно 800 членов, организованных в местные группы (в основном в университетах).

Как состав руководства группы, так и ее ориентация создавали поначалу впечатление, что она образована едва ли не в поддержку Э. Хита. С течением времени, однако, деятельность группы и ее общая ориентация обретают более солидный, "центристский" характер. Сообщая о выходе первого номера журнала группы "Reformer" (спустя примерно два года после ее основания), "Таймс" отмечала, что журнал занял более примирительную позицию по отношению к Тэтчер, которая, как и Э. Хит, послала приветствие новому изданию³². Наряду с уже упоминавшимися именами руководителей группы к этому времени появляется и несколько новых. В частности, в числе вице-президентов наряду с Я. Гильмором назывались лорд Каррингтон, У. Уайтлоу, а также лорд Батлер. В числе членов группы упоминался и еще один член теневого кабинета Ф. Пим, о котором "Таймс" писала как о возможном наследнике Тэтчер. Примечательно, что У. Уайтлоу уже с самого начала

³⁰ Times. 1975. Nov. 25. P. 4.

³¹ Ibid. P. 14.

³² Ibid. 1977. Aug. 20.

заявил о своей поддержке группы и решительно возражал против мнения о ее "антитэтчеристском" характере³³.

Несмотря на то что все большее влияние в группе приобретала примиренческая линия Уайтлоу, нацеленная на "интеграцию" Тэтчер в старый истеблишмент или же на компромисс с ней, содержание и общая направленность публикаций группы практически не изменились. Так, выражая несогласие с неолиберальной трактовкой проблемы рынка, исходившей от тэтчеристского крыла партии, "патрон" группы П. Уокер заявил в одном из своих выступлений, что "свободный рынок бьет по слабым и тем самым становится мощным источником беспорядков". "Как и социализм, — заявил он, — свободный рынок разделяет людей"³⁴.

В унисон с группой, но не идентифицируя себя с ней, исключительно активно отстаивал "центристскую" линию и особенно линию на примирение с профсоюзами член теневого кабинета Дж. Прайер. Постоянным рефреном его многочисленных статей и выступлений было налаживание конструктивных отношений между правительством, бизнесом и тред-юнионами, привлечение наемных работников к решению вопросов, непосредственно затрагивающих их производственную деятельность. Будет "безумием", заявлял он в одном из выступлений в 1977 г., если тори отвергнут политику доходов и возвратятся к "свободе для всех" в отношении заработной платы и цен.

В том же духе, но одновременно и с почти незавуалированной критикой линии Тэтчер и Джозефа выступали два бывших премьера — Г. Макмиллан и Э. Хит, и особенно последний из них. Однако резкий, язвительный тон многочисленных выступлений Хита в прессе и парламенте скорее вредил, чем помогал реформаторам, создавая у читательской и иной аудитории, и особенно у той ее части, которая была склонна прислушиваться к Тэтчер, впечатление предвзятости и субъективизма.

Не ограничиваясь потоком статей, речей, интервью, реформаторы выступили и с более солидными разработками концептуального и политического характера. Наиболее значительными из них были две появившиеся почти одновременно осенью 1977 г. книги П. Уокера и Я. Гильмора. Первая из них, озаглавленная "Согласие Британии" ("The Assent of Britain"), была посвящена обоснованию тезиса о том, что для решения резко обострившихся социально-экономических проблем страна нуждается в национальном согласии и "единой нации". Именно нацеленность на создание такого рода национальной общности, утверждал автор, и есть истинный консерватизм. В числе других мер он выдвигал идею создания "промышленного парламента", который действовал бы параллельно с традиционным парламентом. Предлагалась также передача муниципального жилья в собственность квартиросъемщикам, поощрение различных форм участия в собственности и управлении, афишировался лозунг качества жизни.

Хотя некоторые положения книги были созвучны идеям радикалов (расширение частного домовладения, другие предложения, нацеленные на

³³ Ibid. 1975. Oct. 9. P. 6.

³⁴ Economist. 1978. July 1. P. 17.

расширение "демократии собственников"), основное содержание книги, весь ее настрой свидетельствовали о приверженности автора к традиционному социал-реформизму. Как отмечала печать, они сильно расходились не только с идеями правых радикалов, но и с официальной партийной линией, зафиксированной в "Правильном подходе".

Несмотря на стремление автора по возможности острее поставить вопрос о путях выхода страны из кризиса, книга не вызвала большого интереса ни в партии, ни в стране в целом. Возможно, что причиной тому была явно про-хитовская исходная позиция, которая в обстановке тех лет скорее вызывала реакцию отторжения.

Значительно больше повезло в этом плане книге Я. Гильмора "В лагере правых: исследование консерватизма" ("Inside the Right: A Study of Conservatism"). Книга эта привлекла большое внимание уже тем, что ее автор входил в узкий круг высшего консервативного руководства и обладал утвердившейся репутацией одного из ведущих интеллектуалов страны. Кроме того, сам подход Гильмора, его попытка изложить свои позиции и взгляды не напрямую, а через анализ ситуации внутри партии, оказался гораздо более удачным и привлекательным для читателя. Однако в том, что касается точки зрения автора, то она мало чем отличалась от взглядов Уокера. Гильмор утверждал, что сила консервативной партии прежде всего в ее умеренности, что консерватизм – это никакой не "изм", а скорее система принципов и норм, составляющих в своей совокупности цельностную концепцию. К числу таких принципов он относил: свободу, патриотизм, национальное единство, авторитет, власть, основанную на законе, улучшение экономических и социальных условий жизни людей, сбалансированную модернизацию общественных отношений, учет меняющихся обстоятельств.

Анализируя ситуацию в партии, Гильмор утверждал, что ее реальную политику определяет не идеологизированная риторика, а основанный на перечисленных им принципах политический прагматизм. Происшедший в начале 70-х годов при правительстве Хита сдвиг вправо носил большей частью поверхностный характер, и поэтому вскоре все вновь встало на свои места. То же самое, заявлял он, произойдет и с теперешним радикализмом. По сути дела это было равносильно заявлению о том, что нового лидера партии не следует воспринимать всерьез и что бы она сейчас ни говорила и ни делала, со временем все вернется на круги своя.

При всей своей интеллектуальной и политической активности, реформаторы старого закала тем не менее не предложили сколько-нибудь разработанной общей программы действий, пусть даже и сугубо неофициальной.

Видимо, они отдавали себе отчет в том, что такого рода инициатива была бы воспринята как недопустимое проявление фракционности. Соответственно свое влияние на программные и политические установки партии они стремились реализовать путем инкорпорирования своих взглядов и своих концепций как в конкретные партийные документы и заявления, так и в общий поток генерируемых партией и ее интеллектуальными кадрами идей.

Невмешательство и даже видимое безразличие Тэтчер по отношению

к литературным упражнениям своих коллег они воспринимали, скорее всего, либо как признак близорукости лидера, либо как проявление ее покладистости и даже слабости. Между тем она, конечно же, прекрасно понимала, куда они ведут дело. И если они имели свою игру, то она также имела свою, причем в чем-то более глубоко продуманную и изощренную.

2. Оппозиция в оппозиции

Ситуация, сложившаяся и в партийном аппарате, и в верхах парламентской фракции, по сути дела обрекала на неудачу любые попытки Тэтчер выработать и утвердить близкий ей по духу праворадикальный курс в рамках официальных структур. В то же время она отдавала себе отчет в том, что если по примеру своего предшественника она ограничится лишь радикальной риторикой, ее окружению будет действительно несложно "переобучить" ее. А это менее всего входило в ее планы.

Но коли так, выход напрашивался сам собой. Нужно было действовать в обход партийного истеблишмента и в какой-то мере в обход всей партии. Принять это неординарное решение ей было тем легче, что начало "обходным" действиям было положено еще до ее избрания лидером. Теперь же предстояло развить эту деятельность, придать ей подобающий размах, к чему она без промедления и приступила.

Избрав столь необычный для лидера партии образ действий, Тэтчер стремилась решить одновременно две крайне важные для нее задачи: во-первых, подобрать "команду" способных и преданных людей, свою будущую интеллектуальную опору и непосредственное окружение, и, во-вторых, создать достаточно прочную идейно-теоретическую основу для своих действий на посту премьер-министра. Такого рода работа была крайне важна для Тэтчер и в чисто личном плане, ибо только освоив необходимый багаж знаний, "подковавшись" теоретически, могла она отразить натиск своих оппонентов, встать наравне с ними или даже выше их на том интеллектуальном поле, на котором они столь уверенно и даже высокомерно демонстрировали свое превосходство. Главным опорным пунктом в решении обеих задач стал Центр политических исследований, одним из руководителей которого Тэтчер осталась и после своего избрания лидером. Центр должен был стать по замыслу его организаторов мощным генератором идей, способных "изменить интеллектуальный климат Британии". Ему предназначалась примерно та же роль, какую сыграло в свое время Фабианское общество, сделавшее стране нечто вроде "социалистической прививки". Теперь же, как были убеждены радикалы, нужно было, наоборот, отвратить страну от социализма, заводящего ее в тупик.

Для решения столь амбициозных задач необходимы были, естественно, не просто убежденные радикалы и дисциплинированные исполнители, но личности, способные не только на разработку идей, но и на доведение их до широкой публики. Подбор таких людей начался еще в 1974 г., и ключевую роль здесь сыграли К. Джозеф и А. Шерман.

Правда, со стороны все это выглядело иначе, и даже в 1978 г., после четырех лет существования ЦПИ еженедельник "Экономист", подробней-

шим образом описав деятельность Исследовательского отдела партии, комитетов и подкомитетов парламентской партии и теневого кабинета, довольно пренебрежительно отзывался о центре как об "оргane правo-консервативной экономической пропаганды"³⁵.

Действительно, располагая всего восемью постоянными сотрудниками, часть которых загружена техническими и организационными делами, ЦПИ сам по себе не мог претендовать на сколько-нибудь серьезную политическую и исследовательскую роль. Понимая это, его организаторы и спонсоры начали усиленно превращать его в своего рода базу, центр притяжения влиятельных или потенциально влиятельных научных и интеллектуальных сил, призванный организовать и скоординировать наступление нового торизма.

Вполне естественно, что особый интерес ЦПИ и его руководства вызвали уже существующие средоточия праворадикальной научной мысли. Одним из них являлся Институт экономических проблем, имевший установившуюся репутацию ревностного сторонника свободного предпринимательства и минимального государственного вмешательства в экономику и социальные отношения. В течение целого ряда лет этот, созданный еще в 1957 г., институт был чем-то вроде аутсайдера в британской экономической науке, следовавшей в русле кейнсианской традиции. Идея его создания исходила от известного экономиста и философа австрийского происхождения Ф. Хайека, зарекомендовавшего себя к тому времени в качестве наиболее авторитетного представителя школы экономического либерализма. Отталкиваясь от трудов Хайека, которые он, кстати, настойчиво пропагандировал и публиковал, институт выступал с разработками и рекомендациями в области налоговой политики, политики в области образования и здравоохранения, приватизации и либерализации внешнеэкономических связей, дерегулирования экономики, повышения роли конкуренции. В течение довольно длительного времени его разработки не получали сколько-нибудь широкого отклика ни среди научной общественности, ни в политических кругах. Однако с конца 60-х годов и особенно начала 70-х годов деятельность института начинает привлекать к себе все большее внимание и вызывать повышенный интерес, особенно среди новой волны праворадикальных политиков и публицистов. Такие известные и пользующиеся репутацией серьезных экономических обозревателей фигуры, как Питер Джей из "Таймс" и Самуэль Бриттен из "Файненшл таймс", пропагандируют и развивают идеи института на страницах этих газет, их поддерживает тогдашний редактор "Таймс" Рис Моуг. И хотя круг ученых, вовлеченных в деятельность института, оставался по-прежнему узким, к нему начинают проявлять повышенный интерес ряд молодых экономистов из Лондонской школы экономики и политических наук при Лондонском университете, некоторых других университетов. Одним из этих экономистов был преподаватель Лондонской школы экономики и политических наук Алан Уолтерс, ставший впоследствии одним из наиболее близких Тэтчер ее советников. В 70-е годы растет интерес к

³⁵ Economist. 1978. Apr. 15. P. 38.

институту и со стороны политиков, наиболее заметными фигурами среди которых были К. Джозеф и Дж. Хау³⁶. Став лидером партии, Тэтчер всячески поощряет эти связи, а также устанавливает сама довольно тесные отношения с его руководством.

Другой исследовательский центр того же неолиберального направления возник уже на набравшей силу неоконсервативной волне. Это был Институт Адама Смита (ИАС), созданный в 1977 г. рядом радикальных экономистов – сторонников концепций Хайека и Фридмана. Именно Хайек стал председателем консультативного совета этого института, определявшего основные направления его исследований. Институт начал осуществлять ряд проектов, призванных на практике способствовать далеко идущей деэтизации, снижению роли профсоюзов и других "групп давления" в разработке и принятии государственных решений, "разгрузке" местных органов власти. Особое внимание в разработках института уделялось проблеме приватизации, причем наряду с денационализацией государственной собственности разрабатывались проекты приватизации пенсионного обслуживания, расширения частного сектора в образовании. Немало усилий затрачивал институт и на пропаганду своих идей и проектов, организацию публичных дебатов вокруг них. За сравнительно короткий период ИАС прочно утвердился в качестве одного из влиятельных интеллектуальных центров неоконсервативного толка.

Тесный контакт и сотрудничество Центра политических исследований и его руководства с обоими институтами способствовали тому, что последние фактически стали составной частью интеллектуального ядра констигуировавшегося тэтчеристского течения.

Однако концептуальная, теоретическая основа этого течения, его философия была все же создана не этими центрами, скорее они взяли ее уже в готовом виде у уже упоминавшихся Ф. Хайека и М. Фридмана. Труды обоих этих ученых стали наиболее весомой, "основополагающей" частью багажа, на котором базировался зарождавшийся тэтчеризм. Но оба они имели и более непосредственное касательство к становлению нового "изма". В середине 70-х годов каждый из них имел установившуюся репутацию ученого с мировым именем. Причем если Хайек почитался уже как классик неолиберализма, то звезда Минтона Фридмана еще только приближалась к зениту. Его главный труд "Монитарная история Соединенных Штатов" был опубликован в 1974 г., и взлет его популярности был еще впереди. Однако если говорить о политическом влиянии обоих этих ученых, то пик его приходится на одни и те же 70-е и 80-е годы. Не случайно, что оба они почти одновременно становятся лауреатами Нобелевской премии по экономике (Хайек – в 1974 г., Фридман – в 1977 г.).

Как Хайек, так и Фридман выступили решительными противниками учения Кейнса и основывающейся на нем политике государственного

³⁶ Как вспоминал впоследствии директор Института экономических проблем Р. Харрис, в 1974 г. Джозеф набирал после бесед с ним целые стопы книг с тем, чтобы познать премудрости экономического либерализма (*Halcrow M. Keith Joseph. A Single Mind. L., 1989. P. 64.*)

вмешательства в экономику и социальную сферу. Помимо своих экономических работ Хайек широко известен своими трудами, направленными против "коллективизма", будь то марксистского или социал-демократического толка. Его с полным основанием можно назвать певцом индивидуализма и одним из самых бескомпромиссных противников социализма и коммунизма. Его наиболее известный антикоммунистический и антисоциалистический труд "Путь к рабству"³⁷ был опубликован еще в 1944 г., и он до сих пор входит в круг самых читаемых в мире книг этого направления.

Примечательно, что уже в 1945 г., будучи студенткой Оксфордского университета, Тэтчер знакомится с этой книгой, которая произвела на нее сильнейшее впечатление.

Не будучи столь разносторонним, М. Фридман главный вклад в науку сделал в виде разработанной им монетарной теории, в соответствии с которой главным инструментом воздействия государства на экономические процессы должно стать не регулирование экономики (и тем более не ее планирование), а контроль за количеством денег в обращении. Именно отсутствием такого рода контроля он объяснял как "великую депрессию" конца 20-х – начала 30-х годов, так и набиравшие силу инфляционные процессы 60–70-х годов. Отстаивая ориентацию на "дорогие", "полноценные" деньги, он утверждает в своих трудах, что в сочетании с "дерегулированием" и "свободой предпринимательства" жесткая монетарная политика является действенным средством против инфляции, разбухания государственного бюджета, высоких налогов и социального паразитизма. Одновременно такая политика способствует повышению эффективности экономики, придает ей необходимый динамизм. Одним из важнейших тезисов, отстаиваемых Фридманом, является утверждение, что существует "естественный уровень" безработицы, который может на какое-то время возрастать в результате ограничения денежной массы в обращении, но затем по мере нормализации экономической ситуации возвращается к "норме". Естественно, что политика "полной занятости", ставящая во главу угла недопущение массовой безработицы, им самым решительным образом отвергается. Фридман также обосновывает "естественный" уровень заработной платы, соответствующий оптимальному уровню занятости. Тем самым "вина" за рост безработицы может ложиться не на правительство, а на профсоюзы, выдвигающие необоснованные требования повышения заработной платы.

Как и Хайек (умерший в 1991 г.), Фридман выступал активным пропагандистом своих идей. На быстро поднимавшейся волне популярности во второй половине 70-х – начале 80-х годов он широко публикуется в периодической печати, выступает по радио и телевидению, совершает пропагандистские турне, отдавая особое предпочтение Великобритании.

Значение трудов Хайека и Фридмана для нарождавшегося тэтчеристского течения и его формировавшегося ядра было тем более велико, что в отличие от Фабианского общества, сравнение с которым так льстило

³⁷ Hayek F. The Road to Serfdom. L., 1944.

самолюбию основателей ЦПИ, в составе этого ядра не было фигур, хотя бы отдаленно сопоставимых с фигурами супругов Вебб, Б. Шоу, Г. Уэлса и другими отцами – основателями общества.

Как уже упоминалось, с момента своего создания Институт экономических исследований начинает публиковать работы Ф. Хайека. Однако если в 60-х годах он издает всего одну его работу – "Повестка дня для свободного общества" ("Agenda for a Free Society"), то на 70-е годы приходится уже публикация целой серии его книг, статей, курсов лекций. В 1978 г. в Лондоне издается один из основополагающих трудов Хайека "Новые исследования в области философии, политики, экономики и истории идей"³⁸. Эта книга, представляющая сборник статей и эссе автора, получила широкий резонанс как в самой Англии, так и за рубежом. Все упомянутые работы пришлось как нельзя кстати для набравшего силу неоконсервативного поветрия и существеннейшим образом подкрепляли его идеологически и теоретически. Не меньшее значение имела и широкая публикация трудов М. Фридмана, особенно после присуждения ему в 1977 г. Нобелевской премии.

Отталкиваясь от трудов Хайека и Фридмана, развивая и конкретизируя их анализ и выводы применительно к британской ситуации 70-х годов, ученые и публицисты нелиберального, правоконсервативного направления за сравнительно короткий срок смогли опубликовать серию книг, брошюр, статей, памфлетов как научного, так и пропагандистского характера. Все эти публикации серьезно содействовали формированию идейно-политического кредо тэтчеризма, причем некоторые из авторов сыграли столь видную роль, что их можно с полным правом зачислить в разряд его создателей.

К числу таких людей, бесспорно, относился уже упоминавшийся обозреватель "Файненшл таймс" Самуэль Бриттен. Помимо регулярных публикаций в газете он излагал свои взгляды в журнальных статьях, брошюрах и книгах. Примечательно, что именно его брошюрой "Пересмысливая политику полной занятости" Центр политических исследований открывал серию своих публикаций антикейнсианского, нелиберального характера. Как писал в предисловии к этой брошюре Альфред Шерман, назначение этой серии – "решительно сражаться на фронте борьбы идей"³⁹.

В 1976 г. Бриттен публикует статью "Экономические противоречия демократии", вошедшую в сборник "Почему стало трудно управлять Британией?"⁴⁰ В следующем году появляется его глава "Может ли демократия управлять экономикой?" в книге под не менее красноречивым названием "Конец кейнсианской эры"⁴¹. В том же году выходит его книга "Экономические последствия демократии"⁴².

Во всех этих работах он решительно выступает против доктрины полной занятости, чрезмерного бремени перераспределительных функ-

³⁸ Hayek F.A. *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. L., 1978.

³⁹ Brittan S. *Second thoughts on full employment policy*. L., 1975. P. X–XI.

⁴⁰ *Why is Britain becoming harder to govern?* L., 1976.

⁴¹ *The End of Keynesian Era*. L., 1977.

⁴² Brittan S. *The Economic Consequences of Democracy*. L., 1977.

ций государства, неоправданно завышенных ожиданий, порождаемых усилением "эгоистических групп", против "развращающих идей" равенства и "деления пирога". Написанные в остром, полемическом стиле, эти и другие его работы привлекали внимание широкой читательской аудитории. Сам же их автор, оставаясь беспартийным, стал одним из наиболее известных и влиятельных апостолов неоконсерватизма. Небезынтересно отметить, что еще не так давно, примерно десять лет до описываемых событий, Бриттен служил лейбористам в только что созданном ими министерстве экономики, призванном с помощью пятилетнего плана и жесткого государственного вмешательства вывести страну из экономического застоя. Однако, как писал в 1971 г. еженедельник "Экономист" в рецензии на только что вышедшую его книгу "Правительство и рыночная экономика", Бриттен был полностью разочарован в «позитивном и динамичном государственном вмешательстве и приводит в своей книге "ужасные примеры" политики Бенна»⁴³ (занимавшего в лейбористском правительстве 60-х годов пост министра технологии). Как писал сам Бриттен, своим переходом на неолиберальные позиции он обязан влиянию М. Фридмана, который "убрал шоры" с его глаз⁴⁴.

Особенностью большинства работ Бриттена являлось то, что в них не просто постулировались и пропагандировались известные тезисы неоллиберализма, но и разрабатывалась основанная на анализе конкретной британской действительности система доказательств и выводов. Труды классиков "заземлялись" на ситуацию Британии 70-х годов, и создавалась основа для выхода на практическую реализацию их идей и рекомендаций.

Казус Бриттена, поменявшего символ веры, был достаточно типичным для того времени, и без такого рода новообращенцев вряд ли вообще могло конституироваться и укрепиться праворадикальное консервативное, а затем и тэтчеристское течение.

Еще одной достаточно крупной и незаурядной фигурой такого плана был известный историк и публицист Пол Джонсон. В начале 70-х годов он становится редактором известного лейбористского еженедельника "Нью стейтсмен" и довольно успешно им руководит. Однако спустя некоторое время он круто меняет свои взгляды и начинает публиковать статьи, резко критикующие сначала левых лейбористов и профсоюзы, а затем и сам "демократический социализм". Лидером тред-юнионов он называл "надменными боссами", уверовавшими во "всесилие тяжеловесных батальонов своих коллективных членов", людьми, отверженными к "материализму и слепому и всеохватывающему классовому сознанию, с отвращением и завистью взиравшими на выбивающийся из обычного ряда интеллект". Лейбористская партия, и особенно ее левое крыло, обвинялась в принятии "синдикалистской идеологии", а сами профсоюзы – в приверженности к "тоталитарной идее"⁴⁵. Спустя некоторое время Джонсон публикует другую статью, в которой в столь же категоричной манере обрисовывает преимущества капитализма над социализмом. Тем

⁴³ Economist. 1971. July 24. P. 53–54.

⁴⁴ Brittan S. Second thoughts... P. 12.

⁴⁵ New Statesman. 1975. Sept. 26.

не менее он еще больше года оставался на посту редактора еженедельника, и лишь в 1977 г. порывает с ним, став одним из наиболее ревностных сторонников и пропагандистов нового консерватизма. Как и С. Бриттен, он широко публикуется в прессе, тонких и толстых журналах, пишет брошюры и книги, расхвалившиеся немалыми тиражами. При этом его сотрудничество с командой Тэтчер носит гораздо более тесный и постоянный характер, он становится по сути дела одним из "игроков" этой команды.

В числе влиятельных "новообращенцев" этого периода, в немалой степени способствовавших и оформлению, и укреплению правого радикализма, следует назвать имена таких известных общественных деятелей и публицистов, как бывший лейбористский министр Реджинальд Прентис, историк Хью Томас. Что касается последнего, то он был ветераном гражданской войны в Испании, долгое время был связан с лейбористским правительством, активно выступал против социального неравенства, требовал упразднения частных школ. В 1959 г., будучи к тому времени уже авторитетным историком и публицистом, Томас организовал симпозиум, посвященный критическому анализу британской элиты, именуемой обычно истеблишментом. Вскоре выступления на симпозиуме были опубликованы в виде книги под заголовком "Истеблишмент", получившей необычно широкое для научных изданий паблисити. К середине 70-х годов, однако, Томас уже проделал достаточно серьезную эволюцию и из убежденного сторонника реформизма превратился в не менее убежденного защитника правого радикализма. Вступив в тесный контакт с Джозефом и ЦПИ, он вскоре становится одним из наиболее авторитетных его деятелей, а в 1979 г. после занятия Джозефом поста министра промышленности "наследует" его пост председателя центра, становится его фактическим главой.

Не менее существенным "приобретением" центра стал и бывший член парламента от лейбористской партии, известный публицист Вудро Уайят. После продолжительной беседы с М. Тэтчер, состоявшейся у нее на дому, он, по его собственным словам, был "покорен" ею и стал одним из активных членов ее "команды".

Тяготевшие к Тэтчер и Джозефу ученые, публицисты и политические деятели стремились не просто разработать основательную альтернативу традиционной реформистской политике, но и склонить на свою сторону преобладающее общественное мнение, завоевать "интеллектуальную гегемонию". Совершенно особая роль при этом отводилась самому Центру политических исследований, который начал выступать в роли своего рода штаба тэтчеристского течения.

В целях более глубокого изучения проблем в центре был создан ряд исследовательских групп, призванных вырабатывать конкретные предложения по основным направлениям политики будущего консервативного правительства. Однако такого рода группы развернули свою деятельность в основном уже после прихода партии к власти. В период же пребывания ее в оппозиции их главной задачей, равно как и центра в целом, стала не столько детальная проработка основных направлений правительственной политики, сколько их общая прорисовка и своего рода

идеологическое обеспечение неоконсервативной стратегии, убедительное ее обоснование. Общее руководство всей этой деятельностью взяли на себя Джозеф и отчасти Тэтчер, конкретная же организация дела пала на директора центра Альфреда Шермана.

Роль этой весьма своеобразной и наделенной недюжинными способностями личности в праворадикальном течении тех лет была столь значительна, что о ней следует сказать особо. Родившийся в известном прибежище лондонских бедняков Ист-энде в семье убежденных лейбористов, он в юности сблизился с коммунистами, участвовал в гражданской войне в Испании. Окончив Лондонскую школу экономики, он становится журналистом, его публикации отличает яркий, полемический стиль. Увлечение марксизмом, через которое он прошел в свои молодые годы, уже в 50-х годах сменяется глубоким разочарованием в нем, и он обрушивается с резкой критикой как на марксистский, так и на реформистский социализм. Но с не меньшей решимостью он отвергает и консервативный реформизм макмиллановского толка. Его идеалом становится свободная рыночная экономика, и он начинает играть все более заметную роль в группе "новых правых" журналистов. Убедившись в неспособности правительства Хита направить страну по пути "свободного предпринимательства", Шерман обращает свои надежды на людей, которые, по его мнению, могут проявить большую последовательность. Еще во время пребывания Хита у власти он встречался с Джозефом, пытаясь убедить его в бесперспективности политики правительства и в необходимости разрыва с кейнсианством. После провала консерваторов на выборах в феврале 1974 г. инициатива новых встреч уже исходит от самого Джозефа, между ними устанавливаются довольно тесные отношения. Как отмечал М. Харлоу, оба они были в этот период очень нужны друг другу. Джозеф нуждался в "мозгах" Шермана, Шерман – в политических связях. Именно Шерману, свидетельствует Харлоу, обязан был Джозеф более других своим обращением к "истинному консерватизму" весной 1974 г.⁴⁶ Продолжительные их беседы убедили Джозефа в необходимости более глубокого и основательного "самообразования", и именно по его рекомендации Джозеф завязывает тесные отношения с Институтом экономических проблем и его директором Харрисом. В ходе тех же бесед рождается и сама идея создания Центра политических исследований, определяются его роль и предназначение, намечаются кандидатуры на руководящие посты. После создания центра Шерман становится одним из его директоров, ответственным за исследовательскую работу. На него ложится и значительная часть бремени непосредственного руководства ЦПИ.

С победой Тэтчер в борьбе за пост лидера Центр политических исследований обретает своего рода второе дыхание, ее участие и активная поддержка придают ему гораздо более высокий престиж. ЦПИ притягивает к себе все новых и новых людей. Прибавляется работы и у его руководства, которое в этот период организует многочисленные встречи, семинары, обеды с участием в них видных или подающих

⁴⁶ Harlow M. Op. cit. P. 61–62.

надежду ученых, журналистов, публицистов, бизнесменов. Естественно, что наиболее крупные фигуры привлекались Джозефом и самой Тэтчер. Однако планирование "операций", идентификация лиц и групп, представляющих интерес, непосредственная организация встреч – все это было главным образом делом Шермана и его помощников.

В результате такого рода деятельности вокруг ЦПИ быстро формируется достаточно устойчивый и энергичный актив, призванный разрабатывать и распространять ценности нового радикализма по всем доступным каналам или, выражаясь языком фабианцев, "пропитывать" общество своими идеями, "образовывать" его и привлекать на свою сторону.

Одним из основных способов реализации задач было издание памфлетов, в которых ЦПИ и сотрудничавшие с ним деятели излагали собственные идеи и взгляды и резко критиковали своих противников – реформаторов и социалистов. Несмотря на полемический, публицистический характер значительной части этих изданий, они отнюдь не были лишь пропагандой. В ряде брошюр содержался достаточно осязаемый теоретический и концептуальный компонент, и это делало ЦПИ прямым конкурентом Исследовательского отдела партии. Неудивительно, что между ними и их руководством вскоре установились отношения соперничества и даже взаимной неприязни. Как свидетельствуют те, кто общался и с теми и с другими, Шерман считал основное детище Исследовательского отдела – "Правильный подход" "лишь немногим лучше", чем социал-демократический документ⁴⁷, директор же отдела К. Паттен называл ЦПИ группой "фанатичных еретиков", а К. Джозефа – "фанатичным монахом"⁴⁸. Впрочем, даже явно симпатизировавший Джозефу обозреватель "Таймс" Хатчинсон писал в тот период о нем как о "несколько эксцентричном" деятеле, оговариваясь при этом, что считает его человеком "выдающихся интеллектуальных способностей и глубоких убеждений"⁴⁹.

Если Шерман был преимущественно организатором, действовавшим в основном "за сценой", то Джозеф выступал фигурой номер один в сфере отношений центра с широкой общественностью. Освоив основы и принципы неолиберальной и монетарной теорий, он стал их наиболее активным и даже одержимым популяризатором. В ряду многих опубликованных им в этот период статей и брошюр особо выделяется произнесенная им в 1976 г. престижная "стоктонская лекция", озаглавленная "Монетаризм сам по себе недостаточен" ("Monetarism is not enough"). Смысл ее сводился к тому, что при наличии большого государственного сектора и непомерно разросшегося государственного вмешательства осуществление монетарного контроля должно идти бок о бок с линией на разгосударствление и дерегулирование, что только при этом условии экономику страны можно вывести из застойного состояния и придать ей необходимый динамизм. По сути дела это была попытка синтезировать монетаризм Фридмана и рыночную экономику Хайека, а заодно и

⁴⁷ New Statesman. 1976. Oct 29.

⁴⁸ Harlow M. Op. cit. P. 101; Economist. 1978. Apr. 15.

⁴⁹ Times. 1977. July 2.

наметить отправные моменты политики будущего консервативного правительства. Поскольку в этот период под давлением обстоятельств и по рекомендации Международного валютного фонда, должником которого стала Великобритания, правительство Дж. Каллагана стало проводить меры монетаристского характера, Джозефу и Тэтчер важно было показать, что консерваторы не считают эти меры достаточными и выступают за куда более решительный отход от традиционного реформизма, за целенаправленную атаку на государственный сектор экономики и государство благосостояния. «Национализированные отрасли, – писал он в другой своей работе 1976 г., – это "камень на шее нации", тянущий ее на дно»⁵⁰. Хотя критический запал этих статей и брошюр был направлен против лейбористов, они явно метили и в умеренных деятелей в самой консервативной партии, многие из которых увидели в отходе лейбористского правительства от "социалистической ортодоксии" повод для поисков консенсуса с ними.

В числе других получивших широкий отклик выступлений Джозефа этого периода можно упомянуть его брошюру "Против течения" ("Reversing the Treng") и сборник речей "Севший на мель центризм" ("Stranded in the Middle Ground"), опубликованных соответственно в 1975 и 1976 гг. Если в первой из них довольно в общих чертах говорилось о необходимости разрыва с кейнсианским прошлым, то во второй уже напрямую атакуются центризм, который, по мнению Джозефа, своей политикой компромисса препятствует осуществлению назревших перемен, парализует волю и является главным препятствием на пути освобождения от отживших тянущих общество назад идей и концепций.

Одной из излюбленных тем Джозефа в этот период становится корпоративизм или, точнее, антикорпоративизм. Воспользовавшись публикацией в "Таймс" статьи двух британских социологов – Уинклера и Паля, в которой они предсказывали создание в Великобритании в скором времени "корпоративного общества", основанного на тесном взаимодействии профсоюзов, предпринимательских ассоциаций и государства, Джозеф тут же подхватывает этот сюжет. Однако в отличие от упомянутых авторов он выступает решительным критиком корпоративизма, заявляя, что этот последний лишает человека "свободы выбора" и ограничивает свободу вообще, препятствует развитию "социальной рыночной экономики"⁵¹.

Разумеется, публикации и выступления Джозефа были лишь малой толикой той обширной печатной продукции, которая исходила от ЦПИ. Одни только официальные, т.е. изданные под эгидой центра, брошюры исчислялись к концу 70-х – началу 80-х годов десятками. Тем не менее упомянутые здесь публикации Бриттена и Джозефа, по мнению автора, достаточно адекватно отражают характер научно-пропагандистской деятельности центра, его все более обострившуюся полемику с социал-реформизмом и в руководстве правящей партии, и в рядах самих консерваторов.

⁵⁰ Times. 1976. Nov. 22. P. 2.

⁵¹ Ibid. 1976. May 17.

Задавая тон в печатной полемике, Джозеф стремился делать то же самое и в устной пропаганде. За три с половиной года он прочитал около 150 лекций в университетах и политехнических институтах. В основном это были краткие импровизации, сопровождавшиеся нередко довольно острыми и неліцеприятными дискуссиями. Иногда реакция аудитории была настолько бурной, что дело не ограничивалось словесной перепалкой и на сцену летели кое-какие предметы. Тем не менее ему почти всегда удавалось завязать диалог вокруг постулатов и ценностей нового консерватизма и изложить свою аргументацию. В ходе лекций не только достигался тот или иной пропагандистский эффект (что было, кстати, не таким уж простым делом, особенно если учесть, что университеты еще не остыли от студенческих волнений конца 60-х – начала 70-х годов)⁵², но и отрабатывались аргументация, приемы и методы полемики с оппонентами самых разных взглядов.

Роль Джозефа как "запевалы" в становившемся все более стройным и уверенном в себе хоре новых консерваторов отмечала впоследствии и сама Тэтчер. Оценивая ситуацию тех лет, она говорила биографу Джозефа: "Кит был тем, кто начал реально поворачивать интеллектуальный поток назад от социализма. Он нес наши интеллектуальное послание студентам, профессорам, журналистам, интеллектуалам вообще"⁵³. В другой раз, говоря об этой его же роли, она заявила: "Если б Кит не проделал всей этой работы, все, что мы сделали после того, возможно, никогда не увенчалось бы успехом"⁵⁴.

Наверняка в этих словах и есть преувеличение. Но то, что деятельность Джозефа в тот период являлась своего рода "образцом", которому охотно и с энтузиазмом следовала растущая кагорта напористых и уверенных в себе и своей правоте приверженцев нового консерватизма, не вызывает сомнения.

Помимо издания брошюр, памфлетов, статей, а также деятельности чисто пропагандистского характера одной из важнейших функций ЦПИ являлось составление речей для видных деятелей партии, и прежде всего для самой Тэтчер. Особое внимание при этом уделялось речам на ежегодных конференциях партии, в ходе предвыборных кампаний и т.п. При составлении речей особенно тщательно отрабатывались формули-

⁵² Вот как описывала газета "Морнинг стар" одну из наиболее драматичных встреч такого рода: "Теневой министр сэр Кит Джозеф, обращаясь к студенческой аудитории в Глазго, спросил: "Кто тот человек, который оказал наибольшее влияние на историю в последнее столетие? Его вопрос был встречен оглушительным криком: "Карл Маркс". Несколько сот студентов кричали, вопили и скандировали: "Джозеф, убирайся, Джозеф убирайся..." В нескольких местах его речь прерывалась криками "фашист". Один студент вышел к кафедре и в течение 5 минут произнес тираду, направленную против него. Две девушки в академических мантиях убедили его (студента) прекратить свою речь, но, прежде чем уйти, он прокричал: "Если сэр Кит Джозеф и его банда придут к власти, они оденут униформу с черными эмблемами". Когда сэр Кит заявил студентам: "Я совсем недавно стал истинным консерватором, один из студентов прокричал: "Почему? Разве вас выставили из Национального фронта?" Судя по дальнейшему описанию встречи, Джозефу все же удалось закончить речь и изложить кредо "истинного консерватизма" (Morning Star.

1975. May 8).

⁵³ Halcrow M. Op. cit. P. 97.

⁵⁴ Ibid.

ровки и словосочетания, призванные произвести впечатление, остаться надолго в памяти. Существовали даже асы "словотворчества", и, судя по речам Тэтчер, трудились они не напрасно. Одновременно с текстом речей продумывалась наиболее убедительная аргументация тех или иных их положений, релетировались ответы на "каверзные" вопросы, причем опять-таки формулировкам придавалось не меньшее значение, чем содержанию.

Далеко не вся публицистическая, пропагандистская и "прикладная" деятельность новых тори была непосредственно связана с ЦПИ и его руководством. Тем не менее если рассматривать ее в целом, в широком плане, то не будет преувеличением сказать, что она в значительной степени генерировалась, поощрялась и направлялась ЦПИ.

Но какова же все-таки была роль самой Тэтчер во всей этой интеллектуальной и пропагандистской активности?

Не будучи склонной к теоретизированию и не считая это необходимым качеством политического и государственного деятеля, Тэтчер не делала никаких попыток утвердиться на этом поприще. Ее вполне устраивало, что такого рода деятельностью занимались люди типа Джозефа, Томаса, Джонсона, ученые Института экономических проблем и Института Адама Смита. Не считала она полезным для дела и взвалить на себя непосредственную организацию всего предприятия. Вполне достаточно было того, что ее имя стояло в ряду имен других руководителей центра, придавая и ему, и его деятельности достаточно высокий статус и престиж. Разумеется, принципиальные решения, определявшие деятельность центра, принимались с ее непосредственным участием, она активно участвовала также в наиболее ответственных его семинарах и встречах, а иногда и выполняла функции вербовщика влиятельных и нужных людей (о чем уже говорилось выше).

Однако главная ее роль и в ЦПИ, и во всей системе праворадикальных организаций и группировок заключалась скорее в роли "потребителя", видевшего в них прежде всего средство для достижения как непосредственных, сиюминутных, так и стратегических, более широких задач.

Понимая, что сама по себе вера и убеждения мало что стоят и могут обеспечивать успех, если только за ними стоит достаточно серьезное и глубокое знание, Тэтчер стремилась использовать ЦПИ и родственные ему центры не в последнюю очередь ради собственного образования. Если Джозеф прошел этот "университет" еще в 1974 г. и уже в 1975 г. мог сам выступать в роли достаточно подготовленного наставника и пропагандиста, то Тэтчер еще только предстояло освоить азы неолиберализма. Как и Джозеф, она в спешном порядке изучает труды Адама Смита, Хайека и Фридмана. В ее речах того периода все они, и особенно первые два, часто упоминаются и цитируются⁵⁵, их авторитетом она подкрепляет рассуждения о "свободе выбора", конкуренции, личной инициативы, предпринимательстве, частной собственности. Судя по всему, наибольшее впечатление на нее производили труды Ф. Хайека, импонировавшие ей и острой полемичностью стиля, жесткостью и бескомпромиссностью

⁵⁵ *Thatcher M.* Let our children grow tall. L., 1977.

антиколлективистских концепций. Недаром, по ее собственным словам, именно Хайека она считает своим главным учителем. Однако, понимая все значение экономической теории, она стремится постичь и монетаризм Фридмана. Не ограничиваясь чтением его трудов, она встречается с ним лично, используя для этого его визиты в Лондон.

Роль своего рода "классов" играли и те многочисленные беседы и дискуссии, в которых она участвовала. Помимо эпизодических семинаров, проводившихся в ЦПИ, был организован и специальный, регулярно собиравшийся "философский" семинар, одним из участников которого она являлась.

Прекрасно сознавая, что, даже освоив наилучшим образом преподаваемые ей "уроки", она все равно не сможет обойтись без помощи профессионалов. Тэтчер внимательно присматривается к своим собеседникам, особенно выделяя тех из них, кто обладал не только знаниями, но и умением предлагать на их основе практические решения.

Одним из таких людей, сыгравших впоследствии далеко не последнюю роль в формировании экономической политики правительства Тэтчер, являлся уже упоминавшийся экономист Алан Уолтерс. Несмотря на то что во второй половине 70-х годов Уолтерс, получив приглашение от одного из американских университетов, покидает на некоторое время Великобританию. Тэтчер хорошо запомнила этого незаурядного и не лишённого политических амбиций приверженца монетаристских доктрин⁵⁶.

Внимательно присматривается Тэтчер в этот период и к ряду других интеллектуалов, которых она использует либо для написания своих речей, либо для консультаций по тем или иным вопросам.

Однако свое главное внимание она уделяет людям другого круга, которых можно было бы охарактеризовать как "политически ангажированных бизнесменов". Одним из таких попавших в поле ее зрения людей был преуспевающий в компьютерном бизнесе бывший кадровый военный Джон Хоскинс. В начале 70-х годов он пытается найти собственный ответ на вопрос о причинах пресловутой "английской болезни", т.е. хронической неспособности страны преодолеть экономическое отставание. Опубликованная им на сей счет статья привлекает внимание Шермана, который, познакомившись с ним, убеждается, что это человек дела, который может помочь практической реализации неоконсервативных идей. Джозефу особенно импонировало убеждение Хоскинса о том, что опыт бизнеса и бизнесменов может очень и очень пригодиться в государственном управлении. Решительную поддержку идеям Хоскинса выражает и Тэтчер, которую вскоре знакомят с ним.

Из бесед Тэтчер с Хоскинсом выясняется, что, несмотря на свой парламентский и министерский опыт, она довольно смутно представляла себе, как избежать того, чтобы обсуждаемые в рамках ЦПИ и вокруг него подходы и установки не остались втуне после прихода партии к власти. В частности, Хоскинс весьма скептически отнесся к рассуждениям

⁵⁶ Как пишет в своей книге один из наиболее правозверных тэтчеристов Н. Ридли, Алан Уолтерс и Альфред Шерман были теми "учителями", которые сделали Тэтчер убежденной сторонницей монетаризма (*Riddley N. My Stile of Gvernment. L., 1991. P. 7-8*).

Тэтчер о том, что, став премьером, она сможет "командовать госаппаратом по своему усмотрению" и что все пойдет так, как задумано. Поворот "социалистического течения" вспять, убеждал он ее, — это сложнейшая задача, требующая тщательного планирования, системного анализа, глубокой проработки деталей. Далеко не во всем с ним соглашаясь, Тэтчер тем не менее приходит к выводу, что именно его советы и предложения в данной области наиболее разумны и заслуживают внимания.

Общение с Тэтчер и Джозефом вплотную втягивает Хоскинса в разработку принципиальных вопросов политики будущего консервативного правительства, и он становится одним из наиболее близких лидеров партии фигур. В 1978 г. он назначается на пост официального политического советника лидера партии, а еще до этого вместе с другим бизнесменом Н. Страусом кооптируется в комитет по подготовке рекомендаций для теневого кабинета (*steering committee*). Председательствовал в комитете У. Уайтлоу, из членов кабинета в него входили также Тэтчер, Джозеф и Хау. Секретарем комитета был Х. Паттен, но с приближением выборов и выдвижением его кандидатуры в парламент он был заменен на этой должности еще одним рекрутом ЦПИ из числа бизнесменов Д. Вольфсоном.

Поначалу заседания комитета напоминали чем-то те же семинары, причем, как свидетельствует Харлоу, "солировали" на них Хоскинс и Страус. Судя по всему, и в дальнейшей работе комитета ключевую роль играли эти двое, и особенно Хоскинс. Во всяком случае, именно под его руководством был подготовлен документ, который в 1977 г. был представлен на рассмотрение коллег Тэтчер по теневому кабинету. Документ этот, красноречиво озаглавленный "Камни через стремнину" ("*Stepping stones*"), был нацелен на решительное изменение социально-экономической ситуации в стране. В нем, в частности, предлагалось, чтобы новое консервативное правительство повело решительное наступление на профсоюзы как главных виновников экономической стагнации. В документе также намечались далеко идущие меры по сокращению налогов, снижению государственных расходов. Весь документ, судя по отрывочным сведениям о нем (как "рабочий" документ он так и не был опубликован), был выражен в неолиберальном, монетаристском духе и представлял собой что-то вроде манифеста нового торизма. Неудивительно, что, ознакомившись с ним, многие члены теневого кабинета восприняли его весьма критически. Не желая обострять ситуацию, Тэтчер не стала настаивать на принятии выводов документа в качестве "руководства к действию", и он был положен под сукно.

В унисон "Камням" звучал и доклад о приватизации, подготовленный в 1978 г. одним из выдвиженцев Тэтчер младшим теньвым министром Н. Ридли. Документ этот также был воспринят с изрядной долей скептицизма. Тем не менее известную роль в расширении плацдарма "нового торизма" он, как и документ 1977 г., сыграл. Хотя до успеха здесь было далеко, инициатива в противоборстве с реформаторами явно переходила к Тэтчер.

Помимо Хоскинса Тэтчер в этот период знакомится и с другими

представителями большого бизнеса. Наиболее перспективными из них с точки зрения их будущего сотрудничества оказались Дэвид Янг и глава всемирно известной торговой фирмы "Марк энд Спенсер" Дерек Рейнер.

Конечно же, интерес Тэтчер к менеджеральной элите, не ослабевший и после прихода ее к власти, отнюдь не был чем-то из ряда вон выходящим и вполне вписывался в консервативную традицию. Ее недавний партнер – Э. Хит, в частности, проявлял не меньшую склонность приближать к себе и выдвигать на ответственные, в том числе и министерские, должности представителей верхушки бизнеса. Не кто иной как Хит в начале 70-х годов создал при кабинете министров Группу по изучению политики, которую возглавил представитель всемирно известного дома Ротшильдов лорд Ротшильд.

Что, отличало, однако, в этом плане Тэтчер и от Хита, и от других ее предшественников, так это попытки собрать вокруг себя бизнесменов "новой формации", людей, не обладавших традиционным для британского истеблишмента комплексом "социальной ответственности" перед теми, кто стоит ниже на социальной лестнице.

Примечательно, что, не ограничиваясь теми или иными персоналиями, Тэтчер пытается установить достаточно тесные связи и с некоторыми из близких ей по духу организаций бизнесменов, заручиться их поддержкой. Одной из таких организаций явился Институт директоров, объединяющий в своих рядах около 40 тыс. предпринимателей и менеджеров и традиционно отличающийся правоконсервативной ориентацией. Показательно, что едва ли не на следующий день после своего избрания на пост лидера партии Тэтчер уже присутствует на завтраке, устроенном институтом⁵⁷.

Поддержка в среде бизнеса и его политизированной верхушки была нужна Тэтчер и по другим, еще более существенным причинам. Понимая, что без опоры в предпринимательской среде такой страной, как Британия, управлять невозможно, она в то же время хотела избежать чересчур большой зависимости от тех "представителей публичных (т.е. государственных) монополий и частных картелей", которые, по ее словам, "чужды идеям рынка как движущей силы"⁵⁸. В свою очередь значительная часть большого бизнеса, и особенно его промышленных кругов, с недоверием и подозрительностью относилась и к ней самой, и к ее окружению. Как писал "Экономист" в июне 1978 г., "ирония состоит в том, что огромные анклавы большого бизнеса находят некоторые заявления миссис Тэтчер и Кита Джозефа... все более неуместными"⁵⁹. Неудивительно, что встречи Тэтчер с руководством Конфедерации британской промышленности – головного объединения предпринимателей, придерживавшегося традиционной, "интервенционалистской" философии, не обнаружили той степени взаимопонимания, которая установилась у нее с Институтом директоров⁶⁰. Так что еще в оппозиции Тэтчер

⁵⁷ Morning Star. 1975. Feor. 12.

⁵⁸ Thatcherism. Personality and Politics. L., 1987. P. 46.

⁵⁹ Economist. 1978. July 1. P. 17.

⁶⁰ Middlemas K. Power, Competition and the State. L., 1991. Vol. 3.

достаточно четко уясняет себе, на какие круги бизнеса ей следует прежде всего опираться, а с какими вести более тонкую игру.

Предпринимая серьезные усилия по мобилизации и укреплению родственных ей сил в политических, интеллектуальных и деловых кругах, Тэтчер отдавала себе отчет в том, что для осуществления ее планов внедрения новой модели развития Британии ей потребуется нечто более действенное, нежели поддержка части истеблишмента, сколь бы влиятельной она ни была. Поэтому она с самого начала решила не ограничиваться лишь "верхушечными" комбинациями, а задействовать куда более серьезные силы. Не удар "по штабам", а своего рода обходной маневр, призванный ослабить их сопротивление, создать нечто вроде блока правого радикализма наверху и радикального активизма внизу. Причем опять-таки не блок сам по себе, а оспаривающий у реформаторов идейно-политическую гегемонию и прокладывающий путь к сильной и дееспособной власти.

3. Электоральная мобилизация

Наипервейшей заботой любого лидера крупной оппозиционной партии является завоевание массовой поддержки, достаточной для победы на выборах, и Тэтчер, конечно же, не была здесь исключением. Что отличало ее от всех ее предшественников, так это выбор путей и способов завоевания поддержки избирателя. Как политик, не только понимающий, но и отлично чувствующий ситуацию, Тэтчер лучше, чем кто-либо другой, осознала, что прежние, рутинные методы привлечения масс уже не срабатывают и что настал момент, когда требуются иные, более действенные средства воздействия на них.

Выше уже было показано, с какой решимостью и целеустремленностью начала опробовать Тэтчер новый стиль общения на собственной партии и ее активистах. Однако это был лишь один из каналов такого общения, который, при всей его важности, все же не решал дела. Партийная машина консерваторов, да и партия в целом, все еще оставалась достаточно инертной и малоэффективной. Как отмечала уже спустя два года и после избрания Тэтчер газета "Файненшл таймс", "нынешнее состояние умов (в партии тори) представляет собой удивительную смесь фрустрации и эйфории". Несмотря на меры по привлечению новых членов, роста партийных рядов не происходит. Агенты в партийных организациях избирательных округов находятся в состоянии "глубокой деморализации, их число уменьшается, а здоровая, молодая кровь не приливает..." Как утверждалось в статье, "консервативный избиратель (но не консервативный активист) предпочтет единство, умеренность и стабильность, и это объясняет, почему Хит так часто оказывается в состоянии превзойти своего соперника"⁶¹.

Несмотря на явно антитэтчеристский настрой этой статьи, состояние неопределенности, раздвоенности партии подмечено им достаточно верно. В значительной мере это состояние было характерно и для

⁶¹ Financial Times. 1977. Mar. 11. P. 17.

общества в целом, которое, разочаровавшись в старой, реформистской политике, в то же время еще не было готово принять новые, неоконсервативные ценности.

Помимо общеполитической и внутрипартийной ситуаций, требовавших неординарных решений и действий со стороны нового лидера, к тому же побуждала ее и новая роль средств массовой информации, открывшая перед ведущими государственными и партийными деятелями невиданные ранее возможности для воздействия на массы.

Но дело, конечно же, не только и даже не столько в новой роли средств массовой информации и в мастерском их использовании. Чтобы новые методы общения с массами работали хорошо, должны быть в наличии определенные общественно-политические предпосылки, и такие предпосылки во второй половине 70-х годов были налицо.

Одна из них – "полувозбужденное" состояние, в котором оказалась к этому времени значительная часть "молчаливого большинства" британских граждан, все с большим раздражением реагирующая на ухудшающуюся ситуацию и на попытки правительств решить обостряющиеся социально-экономические проблемы за счет относительно благополучной части общества, т.е. в том числе и за их собственный. Пожалуй, наиболее наглядным внешним проявлением такого состояния умов явилась начавшая набирать силу волна нового правого активизма, в основном по линии организаций и объединений средних слоев. Самой многочисленной из них стала образованная в июне 1974 г. Национальная ассоциация налогоплательщиков, численность которой достигла всего за полгода 350 тыс. человек. Ассоциация была создана на формально непартийной и даже "неполитической" основе, ее главной целью стала борьба за ограничение резко возросшего при лейбористах местного налога, взимаемого с граждан, имеющих недвижимость, и идущего в основном на покрытие социальных нужд. Ассоциация развернула бурную лоббистскую деятельность и во многом способствовала политическому сплочению праворадикальной оппозиции, обретению этой последней организованного и массового характера.

В подобном же формально неполитическом, но фактически неоконсервативном ключе развевывалась и деятельность также созданных в том же, 1974, году организаций, как "Национальная федерация самостоятельных работников", "Ассоциация среднего класса", а также "Ассоциация самостоятельных работников". Как отмечали исследователи поведения британского "среднего класса" этого периода, намеренное подчеркивание указанными организациями своей политической нейтральности фактически было способом выражения их недовольства "умеренной" линией, проводившейся тогдашним руководством партии тори⁶².

Своего рода апогеем активности консервативно настроенных слоев и групп стала деятельность созданной в 1975 г. "Национальной ассоциации за свободу" (позднее – "Ассоциация свободы"). Ассоциация начала широко практиковать различного рода акции, нацеленные на срыв

⁶² King R., Raynor J. The Middle Class. L., 1981. P. 220–224.

стачек, стала активнейшим образом вмешиваться в трудовые конфликты на стороне предпринимателей, особенно мелких и средних. Как подчеркивалось в одном из документов ассоциации, ее члены "единодушны в том, что чрезмерная мощь тред-юнионов является самым большим из всех зол, препятствующих процветанию Британии"⁶³. Ассоциация повела также шумную пропагандистскую кампанию против "марксистов" в профсоюзах и лейбористской партии, резко выступала против осуществлявшихся лейбористским правительством уступок тред-юнионам, организовывала антисоветские митинги и манифестации, высказывалась в поддержку расистских режимов в Южной Африке. Помимо индивидуальных членов и активистов (всего около 15 тыс. человек в феврале 1977 г.) в сфере притяжения ассоциации оказались и некоторые из упомянутых выше организаций мелкого и среднего бизнеса, а также ряд центров типа "Цели свободы и предпринимательства", "Промышленные исследования" и др. Не имея формальных связей с консервативной партией, ассоциация со всей решительностью поддерживала деятелей ее правого крыла, многие из которых активнейшим образом с ней сотрудничали и даже входили в ее руководящий костяк.

Деятельность праворадикальных сил вне консервативной партии или на "пограничных" с ней территориях сочеталась с возросшей активизацией тех же сил внутри самой партии, и не в последнюю очередь в ее местных организациях.

Тот факт, что новый активизм средних слоев стал проявляться преимущественно в виде протеста против налоговой политики государства и деятельности профсоюзов, был, конечно же, далеко не случайным. Рост социальных расходов государства потребовал дальнейшего увеличения подоходного налога и местных налогов, и только в 1974 г. этот последний увеличился на 30%⁶⁴. Еще в большей мере, чем рост налогов, на положении указанных слоев стал отражаться рост потребительских цен. Если в 1961 г. среднегодовые темпы этого роста составляли 4,1%, то в 1971–1975 гг. – уже 13, а в 1976 г. – 16,5%. В значительной мере в результате инфляции в 1974–1975 гг. наблюдалось абсолютное сокращение потребительских расходов в стране⁶⁵, причем сплошь и рядом наиболее сильно оно затрагивало именно средние слои⁶⁶. Инфляция превратилась в одну из наиболее острых социальных проблем, и естественно, что вопрос о ее "виновниках", о путях борьбы с ней становился в центр политических дебатов, во многом определял политические предпочтения различных слоев и групп населения. Упорство и настойчивость, с которыми британские тред-юнионы боролись за повышение заработной платы, непрерывно возрастающая и достигшая рекордного для послевоенного времени уровня стачечная активность приводили к тому, что в глазах все большего числа англичан такими виновниками становились именно профсоюзы. Как показывают опросы общественного мнения, антипрофсоюзные настроения в этот период получили

⁶³ Morning Star. 1977. July 2.

⁶⁴ King R., Raynor J. The Middle Classes. L., 1981. P. 224.

⁶⁵ Великобритания. М., 1981. С. 157, 163.

⁶⁶ См.: Brady J. The English Middle Classes are Alive and Kicking. L., 1982. P. 161–162.

самое широкое распространение, причем отнюдь не только в среднем классе⁶⁷.

Одной из главных причин, обусловивших столь необычное для такой "тред-юнионистской" страны, как Британия, антипрофсоюзное поветрие, стало то, что категория "средних" граждан к этому времени довольно резко расширилась, в основном за счет приобщения к ней весьма многочисленных представителей рабочего класса. Как писал журнал "Марксизм тудей", новые, связанные с высокой технологией и вышедшие на более высокий уровень потребления группы рабочего класса уже не приемлют старого стиля руководства, основанного на корпоративной солидарности, иерархичности и этатизме⁶⁸. Если при этом учесть, что быстрый рост цен и соответственно номинальной заработной платы обусловили приобщение относительно высокооплачиваемых рабочих к числу несущих основное налоговое бремя граждан, то мотивы антиколлективистских и антиэтатистских настроений среди них станут еще более понятными.

В дальнейшем изложении мы еще не раз будем возвращаться к изменениям в умонастроениях тех наемных работников, которые обычно причислялись к рабочему классу, но во все большей мере тяготели к средним слоям. Здесь же важно лишь подчеркнуть резко возросшую зону неустойчивого политического поведения традиционно "пролетарского" социума и открывшиеся в связи с этим возможности воздействия на него справа.

Довольно существенные изменения произошли и на другой, противоположной стороне социального спектра Великобритании. Если на протяжении большей части послевоенного периода, вплоть до 70-х годов, антиэтатистские, либералистские настроения, т.е. недовольство растущим вмешательством государства в социально-экономическую сферу, были характерны в основном для мелкого и среднего предпринимательства, то начиная с этого времени они получают все более широкое распространение и в кругах "большого бизнеса", опасавшихся, что если не положить предел этой экспансии государства, может наступить момент, когда оно окажется в состоянии диктовать ему свою волю.

Разумеется, ни масштабы распространения "либертариистских", антиэтатистских и антиколлективистских настроений, ни степень их интенсивности и глубины не были одинаковыми для всех упомянутых здесь слоев и групп британского общества. Даже в средних слоях новый активизм захватил в основном их мелкобуржуазную часть, тогда как многочисленные слои гуманитарной интеллигенции, государственных служащих, научно-технических работников остались приверженцами старой, традиционной системы ценностей. Еще в большей мере это относилось к рабочему классу и "рабочей аристократии", далеко не поголовно утратившей приверженность к солидарности, коллективистским ценностям и принципам. Как уже отмечалось, сохранила прежние, этатистские настроения и значительная часть крупного капитала, особенно связанная с промышленностью.

⁶⁷ Crewe I. The Electorate: Partisan Dealignment // Change in British Politics. L., 1983. P. 195-196.

⁶⁸ Marxism today. 1982. Nov. P. 16-21.

При всем том размывание социальных и социально-психологических основ влияния традиционного лейбористского и консервативного реформизма к середине 70-х годов зашло достаточно далеко. Создались реальные предпосылки **массовой** политической переориентации, способной коренным образом изменить укоренившуюся модель политического поведения, при которой одна реформистская партия сменяла у кормила правления другую и в результате которой обеспечивалось сохранение в неизменном виде возникшей после войны модели общественных отношений.

Превратить эти предпосылки в политическую реальность и призваны были новые, популистские методы мобилизации массовой поддержки, взятые на вооружение Тэтчер, а вслед за ней и многими ее единомышленниками. Преимущество Тэтчер как партийного и политического деятеля перед многими ее коллегами и оппонентами состояло в том, что она лучше их всех осознала важность изменений, происшедших в обществе, ощутила потребность значительной его части в новом стиле политического лидерства и, не жалея сил и энергии, стала насаждать этот стиль.

Хотя сфера потенциального воздействия этой тактики была достаточно широкой, Тэтчер отнюдь не пыталась апеллировать одновременно ко всей этой достаточно разнообразной аудитории. Опять-таки чисто интуитивно она избрала в качестве своего рода референтной группы гораздо более узкий спектр социальных сил, умонастроения и психология которых ей были наиболее близки и язык которых она усвоила еще с детства. Что же до остальных, то в силу отмеченных выше особенностей их положения им также могла в той или иной степени импонировать мелкобуржуазная риторика Тэтчер, хотя захватить их целиком она вряд ли могла. Однако и временное, непрочное притяжение в сложившихся условиях обеспечивало высокие шансы на успех. Судя по целому ряду высказываний Тэтчер, с приходом к власти она надеялась осуществить такую глубокую трансформацию от "полусоциализма" к "народному капитализму", которая в скором времени превратила бы едва ли не все население страны в ее единомышленников. Несмотря на элемент утопии или, точнее, антиутопии, во всем этом был и свой трезвый расчет, нацеленный на то, чтобы превратить потенциальных временных союзников в постоянных и тем самым не просто взойти на политический олимп, но и надолго там закрепиться.

Выбор сравнительно узкой "референтной группы" позволил Тэтчер довольно быстро освоить одну из наиболее характерных черт ее популизма, а именно сугубо доверительный, почти интимный стиль общения с аудиторией. Прежде всего она стремилась максимально упростить сюжеты бесед и выступлений, ввести в них элемент "бытовой" проблематики. Нужно сказать, что здесь она выступила в полном смысле этого слова как пионер, первопроходец "бытовизированного" стиля общения.

Излюбленным ее приемом было обращение к временам своего детства, из которых она любила черпать примеры "добродетельного" поведения и высокой, викторианской морали. Однако это не было просто обращением к истокам и тем более ностальгией по усвоенным в детстве и юности жизненным правилам и установкам, а нечто гораздо более

сложное, своего рода политизация и идеологизация жизненного среза, казалось бы никакого отношения к политике и идеологии не имеющего. За простыми, "примитивными" рассуждениями и примерами прослеживалась умело замаскированная избирательность, четкая привязка к принципам и концепциям, которые должны были лечь в основу будущей политики. "Воспоминания" детства и юности помогали найти верный тон, интонацию, форму общения. Так что примитив здесь был всего лишь кажущимся, в действительности же это была самая что ни на есть высокая политика и даже, без преувеличения, высокое искусство. Тэтчер так органично и непосредственно входила в роль умудренного опытом наставника, что никому из ее политических противников так и не удалось использовать, казалось бы, столь очевидную "примитивизацию" и "вульгаризацию" против нее.

Главная сфера, где Тэтчер наиболее преуспела в "бытовизированном" стиле общения, была сфера экономики. Своего рода коньком, который она прочно оседлала, было разъяснение принципов и постулатов экономического либерализма и монетаризма на примерах "семейной экономики" и отношений между продавцом и покупателем. Сравнивая государственный бюджет, национальные финансы с семейным бюджетом и заявляя, что тратить нужно не более, чем зарабатываешь, а лучше и откладывать что-то на будущее, она пыталась популяризировать, сделать азы монетаристской доктрины понятными для миллионов британцев. Вот лишь одно из таких ее рассуждений: "Я хотела бы, чтобы (консерваторы) стали партией бережливых людей. Моя бабушка, муж которой был охранником на железной дороге, оставила после своей смерти в 1935 г. 600 фунтов сбережений. То поколение умело это делать. И смотрите, мои дорогие, правительство за правительством обкрадывали их с помощью того, что они называли рефляцией. В результате на 100 фунтов, сбереженных в 1935 г., сейчас можно купить ровно столько, сколько тогда на 8 фунтов и 70 пенсов"⁶⁹.

Не ограничиваясь такого рода "историческими" экскурсами, она и в своих публичных выступлениях, и во время различного рода встреч приводила примеры собственной бережливости, того, как она сама делает покупки, готовит для семьи еду, стремится создать теплоту семейных уз и т.д. и т.п.

В условиях, когда значительная часть британцев проявляла все большее беспокойство по поводу эпидемии вседозволенности, которая с конца 60-х годов с пугающей быстротой распространялась среди подростков, молодежи и уже повзрослевших мужчин и женщин, такого рода пропаганда "викторианской" нравственности прочно привязывала многих не только к системе ценностей, которую она пропагандировала, но и к ней лично.

Конечно же, доверительный стиль общения Тэтчер с массами далеко не у всех, и даже не у большинства встречал благожелательный отклик. Больше того, многих он отталкивал, вызывал неприязнь, а то и прямую враждебность. Согласно данным опросов, спустя два года после ее

⁶⁹ Цит. по: *Holmes M. First Thatcher Government, 1979–1983. Brighton, 1985. P. 210.*

избрания лидером 34% сторонников консерваторов были по тем или иным причинам недовольны ею. Что касается страны в целом, то лишь немногим более 1/3 избирателей (35%) позитивно оценивали ее деятельность⁷⁰.

Однако такого рода сдержанность не только не останавливала ее, но, напротив, побуждала ко все более настойчивым и целеустремленным действиям, заставляла оттачивать и совершенствовать свой пропагандистский инструментарий.

Ни в коей мере не заблуждаясь по поводу возможных пределов своей популярности, Тэтчер вполне сознательно шла на прямую конфронтацию с теми, кто органически не мог стать ее сторонниками. Это тоже была достаточно необычная новация, ибо, пожалуй, ни один из политических деятелей столь высокого ранга не осмеливался до нее выступать с призывами нарушать, а не укреплять гражданское согласие. Как уже отчасти упоминалось выше, лейтмотивом многих ее выступлений, интервью, реплик становится решительное неприятие так называемой политики согласия, или консенсуса, практиковавшейся как консерваторами, так и другими крупными партиями, будь то либералы или лейбористы. Однако из наиболее часто повторяющихся ее высказываний этого периода звучало примерно так: "Я не политик согласия или прагматичный политик. Я политик убеждений. Моя задача – убеждать людей в том, во что я верю..."⁷¹ К вопросу о том, прагматик Тэтчер или нет, нам еще придется вернуться. Да и ее неприятие политики консенсуса, как мы увидим в дальнейшем, не являлось столь уже однозначным. Тем не менее, если говорить о стиле ее публичных выступлений и пропаганды, то он, безусловно, с самого начала носил демонстративно конфронтационный характер. С тем же конфронтационным подходом связано и резкое, категорическое неприятие Тэтчер и ее сторонниками центризма, к которому тяготели ее предшественники и который лежал в основе политики согласия, практиковавшейся ими.

В этой связи уместно привести разговор, который состоялся у Тэтчер с одним из наиболее влиятельных приверженцев традиционного, консенсусного подхода Джеймсом Прайором. После довольно продолжительного спора относительно того, в какой мере обстановка второй половины 70-х годов требует принятия радикальных мер, Прайор заявил ей, что, к сожалению, он должен прервать беседу, так как приглашен на презентацию книги Г. Макмиллана "Средний путь". Как пишет автор, этим он хотел уязвить Тэтчер, однако в ответ услышал: "Стоять на середине дороги очень опасно, вас могут сбить как с одной, так и с другой стороны". – "Не очень оригинально, – замечает, приведя этот разговор, Прайор, – но это была точная констатация ее позиции"⁷².

Основной мишенью для критики Тэтчер, естественно, стала лейбористская партия, и уже в ее первом крупном политическом выступлении на конференции партии она не преминула обрушиться на нее с серией

⁷⁰ Financial Times. 1987. Mar. 11.

⁷¹ Observer. 1979. Febr. 25. P. 33.

⁷² Prior J. The Balance of Power. L., 1986. P. 106.

обвинений, возложив на нее и ее руководство всю ответственность за переживавшиеся страной трудности. Пожалуй, одно из самых резких высказываний в адрес дейбористов прозвучало на следующей ежегодной партийной конференции. Заклеймив лейбористскую партию как источник "социалистической угрозы", Тэтчер в усвоенной ею патетической манере обвинила партию в том, что она приняла "марксистскую программу", которую трудно отличить от коммунистической. В результате, по словам Тэтчер, "теперь у британцев только один выбор: или последовать за лейбористами к восточноевропейской модели, или же откликнуться на призыв консервативной партии, которая отныне апеллирует к глубоко укоренившимся инстинктам людей"⁷³.

Действительно, принятая в 1976 г. лейбористской партией программа была достаточно радикальным документом, составленным в основном представителями левого, "беннистского" крыла партии. Однако несмотря на фразы о "социалистических приоритетах", "кризисе капитализма", решимости партии "трансформировать экономические институты и изменить характер экономической власти в интересах народа"⁷⁴, что касается реальной политики лейбористского правительства, то именно в 1976 г. она стала решительно сдвигаться в направлении "практического монетаризма" и порывать с "беннизмом". Примечательно, что еще до принятия программы А. Бенн был перемещен с ключевого поста министра промышленности на значительно более второстепенный пост министра энергетики. Ни о каком "социализме", тем более в марксистском его понимании, лейбористское правительство не помышляло, его заботили иные, куда более прозаические проблемы, и прежде всего поиски путей преодоления экономического кризиса и социального мира.

Чтобы придать своим утверждениям большую убедительность, Тэтчер изображала таких известных и уважаемых в стране лейбористских деятелей, как Вильсон, Каллаген, Хили и им подобных, которых даже при большом желании было трудно заподозрить в симпатиях к марксизму и "восточному социализму", в качестве "пленников" левого крыла, якобы неспособных сопротивляться его натиску.

Как видим, стремясь любыми путями укрепить и расширить набиравшее силу правоконсервативное течение, Тэтчер не гнушалась идти на откровенную вульгаризацию образа своего главного политического соперника, превращать сложную политическую мозаику в черно-белый пропагандистский плакат.

Одной из излюбленных тем ее выступлений стала тема свободного предпринимательства, противопоставлявшегося ею бюрократической и опутанной государственной регламентацией экономике. Не удовлетворяясь словесной пропагандой, Тэтчер с готовностью принимает приглашения на встречи и мероприятия, носившие иногда откровенно рекламный характер. Так, спустя всего полгода после ее избрания на пост лидера, она участвует в проведении "Дня свободного предпринимательства", призванного символизировать подъем новой, предпринимательской

⁷³ 93th Conservative Conference, 1976. Verbatim Report. L., 1976. P. 139-140.

⁷⁴ Labour's Programme for Britain. L., 1976. P. 9, 12.

субкультуры. Мероприятие это было противопоставлено традиционным первомайским торжествам профсоюзов, и к нему был даже сочинен гимн "Флаг свободы", написанный в пику гимну рабочего движения "Красный флаг". Гимн был положен на музыку Моцарта из "Свадьбы Фигаро" и, как писали газеты, с энтузиазмом распевался присутствовавшими в зале бизнесменами, политиками и партийными активистами.

Естественно, что главной фигурой и главным оратором на торжествах стала Тэтчер. Наибольший энтузиазм и возгласы одобрения вызвали следующие ее слова: "День свободного предпринимательства, 1 июля, знаменует начало битвы за возвращение свободы. Это битва, которую я горда возглавить и которую мы не должны проиграть"⁷⁵.

В своем стремлении укрепить, расширить новое социальное движение Тэтчер уделяла особое внимание его наиболее активной части, каковой является мелкий бизнес. Тема "освобождения" мелкого предпринимателя, торговца, от притеснения со стороны бюрократии и государства, от непосильного налогового бремени регулярно присутствует в ее речах, интервью, беседах. Известное изречение Шумпетера "Малое – прекрасно" становится на долгое время ее излюбленным выражением. Превознося независимость, чувство собственного достоинства, инициативность, свойственные представителям малого бизнеса, те неформальные, уважительные отношения, которые завязываются между торговцем, ремесленником, хозяином ремонтной мастерской, с одной стороны, и заказчиком и покупателем – с другой, она не имела себе равных в умении и даже артистичности, с которыми это делалось. Как и в случаях, описанных выше, она не упускала возможности, чтобы привязать эти рассуждения к воспоминаниям своего детства, воспроизвести атмосферу ее родного городка, лавки, вокруг которой вращалась вся жизнь семьи. Недаром некоторые наблюдатели утверждали, что ее цель – это насаждение в стране как можно большего числа "процветающих Грэхемов". Конечно же, Тэтчер вовсе не была столь наивна, чтобы всерьез стремиться к такого рода мелкобуржуазной утопии. Скорее подобные умозаключения свидетельствуют о том, сколь увлеченно и убедительно пропагандировала будущий премьер-министр свойственные мелкому бизнесу образ жизни и ценности, как легко и свободно она входила в роль.

Апеллируя к мелкому бизнесу, Тэтчер одновременно стремилась пробудить "вирус предпринимательства" и в тех, кто потенциально мог бы приобщиться к такого рода деятельности. Это ее стремление не в последнюю очередь проистекало из убеждения, что численность лиц наемного труда в стране явно превышает ту, которая необходима для функционирования существующих производственных и управленческих структур. "Вместо того чтобы держать людей на работе, не приносящей прибыли, – заявляла она, – было бы гораздо лучше дать им выходное пособие, которое позволило бы завести свой собственный малый бизнес, который в дальнейшем мог бы стать и большим"⁷⁶. Хотя это и ему

⁷⁵Morning Star. 1975. July 2.

⁷⁶Observer. 1979. Febr. 25. P. 33.

подобные высказывания очень часто интерпретировались в тот период как образец предвыборной демагогии, в действительности за ними стояло нечто большее. И рациональная оценка ситуации, и инстинкт политика приводили Тэтчер к осознанию того факта, что в условиях переживаемого экономикой структурного кризиса и растущей массовой безработицы мелкий бизнес мог сыграть немалую роль в качестве сферы приложения значительной части рабочей силы. Если при этом учесть, что увлечение Тэтчер пропагандой достоинств малого бизнеса совпало с объективной тенденцией к возрастанию его роли и места и в экономике, и в общественном развитии в целом, то станет очевидным не сводящийся к пропаганде смысл ее "млекобуржуазной риторики".

Среди "болевых точек", на которых Тэтчер акцентировала свое внимание, одно из первых мест занимала проблема законности и порядка, обеспечения условий для нормальной, "привычной" жизнедеятельности. Широкою общественность все больше беспокоило нарушение социальной стабильности, связанное главным образом с усилением стачечной активности в государственном секторе и сфере социальных услуг. Не меньшее беспокойство вызвал быстрый рост преступности, и особенно преступлений против личности, неспособность полиции, других правоохранительных органов должным образом защитить честь и достоинство граждан. На эти настроения насаивалось недовольство падением нравственности, моральной распущенностью и вседозволенностью, о которых уже шла речь выше.

Объявив себя решительной противницей любых отступлений от общепризнанных норм поведения и морали, Тэтчер сделала лозунг "закона и порядка" одним из основных лозунгов своей кампании по завоеванию идейно-политического лидерства в стране. Хотя в самом этом лозунге не было ничего нового, частота, с которой он начал повторяться и упор, который стал на него делаться, должны были убедить широкою публику в том, что Тэтчер и ее единомышленники намерены предпринять самые радикальные меры для выправления положения. Отвергая заявления, будто во всем виновата среда, окружение, в котором ныне живет и действует индивид, Тэтчер утверждала, что если б дело было только в среде и в условиях жизни, то сейчас было бы меньше преступлений, чем в 30-х годах. В действительности же их много больше, и ответственность за это, утверждала она, несут люди, находящиеся у власти⁷⁷.

Знаменательно, что уже в первой своей большой речи после избрания лидером партии она сочла необходимым не просто упомянуть об этой проблеме, но и торжественно пообещать: "До тех пор, пока я буду лидером консервативной партии, я намерена стоять твердо на страже закона и власти и разверну войну против нарушителей закона"⁷⁸.

Мессианская тональность ряда выступлений Тэтчер, несомненно, импонировала многим реальным и потенциальным ее сторонникам, внушала им уверенность в серьезности ее намерений, обещала им самим более активную роль в процессе грядущих перемен. В уже цитиро-

⁷⁷См.: Observer. 1979. Febr. 25. P. 34.

⁷⁸Morning Star. 1975. Febr. 22.

вавшейся речи на конференции 1976 г. она возвестила: "Я призываю нынешнюю консервативную партию к крестовому походу. И не только консервативную партию. Я обращаюсь ко всем мужчинам и женщинам доброй воли, которые не хотят марксистского будущего для себя, своих детей и детей своих детей. Это не просто борьба за сохранение национальной дееспособности. Это борьба за сами основы социального порядка. Это не борьба за то, чтобы временно приостановить наступление социализма, но за то, чтобы остановить его наступление раз и навсегда. Чтобы сделать это, мы должны не только повлиять на умы, но и на сердца и чувства, на глубинный инстинкт нашего народа... Мы очень часто одерживаем верх в споре, но проигрываем на выборах. Мы завоевываем умы, но теперь мы должны еще завоевывать и сердца"⁷⁹.

Думается, что этими словами Тэтчер наилучшим образом выразила "сверхзадачу" своей кампании по завоеванию избирателей, во многом предопределившую и стиль, и форму, и само ее содержание.

Реагируя на рост антистачечных и антипрофсоюзных настроений населения⁸⁰, Тэтчер поставила проблему наведения порядка в индустриальных отношениях в самый центр своей кампании за восстановление законности и порядка.

Однако ее отношение к тред-юнионам, являющимся главными организаторами и "возбудителями" забастовок, оказалось намного гибче и изощреннее, чем отношение к лейбористской партии, в которой она видела только источник угрозы "восточноевропеизации". Ни в одном выступлении Тэтчер как этого, так и последующего периода мы не найдем осуждения профсоюзов как таковых. Напротив, буквально во всех ее речах и интервью, где так или иначе затрагивалась профсоюзная тематика, она подчеркивала в целом позитивную роль профсоюзов в британском обществе, их необходимость в качестве одного из институтов британской демократии. Как заявила она в одном из своих выступлений: "Наша (т.е. консервативная. – *Авт.*) философия гораздо более сродни основополагающей философии тред-юнионизма, чем та, которую исповедует контролируемый из центра социализм"⁸¹. По ходу дела отметим и тот факт, что при ее активном содействии партийный аппарат консерваторов затратил немало усилий для вовлечения части тред-юнионов в орбиту влияния тори. Эта деятельность не принесла скольнибудь ощутимых успехов в чисто организационном плане, и созданное в 1975 г. объединение "Консервативные тред-юнионисты" (КТЮ) не превратилось в весомое образование, хотя бы в какой-то степени сравнимое

⁷⁹ 93th Conservative Conference... P. 139–140.

⁸⁰ Согласно данным проведенного в 1977 г. опроса 68% населения считало, что профсоюзы "имеют слишком много власти в сегодняшней Британии", 58% было убеждено, что они "контролируются главным образом горсткой экстремистов", и 66% рассматривало "закрытый цех", т.е. право профсоюзов иметь 100%-ное членство персонала в нем как "угрозу личной свободе" (Conservative Party Politics... P. 224).

⁸¹ Russel T. The Tory Party: Its Politics, Divisions and Future. L., 1978. P. 67.

с конгломератом коллективных членов лейбористской партии⁸². Тем не менее свою роль во внесении разлада в находившиеся под преимущественным влиянием лейбористов профсоюзные движения они сыграли. А это как раз и было главной целью "антипрофсоюзной" стратегии Тэтчер, нацеленной отнюдь не на уничтожение, а на трансформацию, "перестройку" профсоюзного движения и на привлечение симпатий значительной его части к идеям и ценностям консерваторов.

Все это предопределило двойственность популистской апелляции Тэтчер и к наемным работникам в целом, и к самим профсоюзам. С одной стороны, она, как только что отмечалось, выступала в качестве едва ли не протагониста "истинного" тред-юнионизма и тем самым стремилась привлечь на свою сторону тех, кто был заинтересован в сохранении и даже расширении профсоюзного движения в стране. Однако по сути дела тут же и одновременно с этим она предпринимала гораздо большие усилия, направленные на то, чтобы посеять семена недоверия к профсоюзам, противопоставить их "корпоративные" интересы интересам нации в целом. Повторявшаяся в самых разных вариантах и по самым разным поводам критика корпоративизма была призвана не только дискредитировать профсоюзное руководство как эгоистичное и не считающееся с национальными интересами, но и представить могущественные "корпорации" в качестве антиподов парламентской демократии, узурпирующих государственную власть.

Особым, можно даже сказать благодатным полем для конфронтационных атак Тэтчер с первых же месяцев пребывания ее на посту лидера стали отношения между Востоком и Западом, а точнее Советским Союзом и странами НАТО. Уже в первых своих выступлениях на внешнеполитические темы, произнесенных как у себя дома, так и во время визитов в США и страны Западной Европы, она взяла тон, резко отличавшийся от иногда жесткого, но всегда достаточно корректного, уравновешенного тона публичных выступлений других западных лидеров. Наряду с естественным для нее стремлением как можно громче и определеннее заявить о себе, за шокирующей манерой Тэтчер стояло ее искреннее убеждение, что за разговорами и переговорами о разрядке и разоружении идет крайне опасный для Запада процесс нарушения баланса сил и создается ситуация, когда Запад, и прежде всего Западная Европа, окажется не в состоянии противостоять потенциальному агрессору.

Впервые Тэтчер бросила вызов самоуспокоенности Запада на одном из заседаний в парламенте после совещания в Хельсинки летом 1975 г., когда она, вопреки ожиданиям и собственного партаппарата, и премьер-министра Вильсона, поставила под сомнение его оптимистическую оценку соглашениям в Хельсинки. Назвав детант и разрядку "хорошими словами", она заявила, что в течение этого "десятилетия детанта" вооруженные силы СССР продолжают расти и нет признаков их уменьшения. В то же время Брежнев утверждает, что детант не означает

⁸² К концу 70-х годов было создано 270 местных отделений организаций, сотрудничавших с консервативными ассоциациями избирательных округов. Центральное руководство КТЮ тесно связано с Центральным бюро партии и является, по сути дела, одним из его подразделений (Conservative Party Politics... P. 217, 218, 222).

снижения идеологической борьбы и ему вторят такие деятели, как Суслев и Пономарев. "Они, в принципе, выступают против всего, что дорого нам", – подытожила она. Выступая в сентябре 1975 г. в Нью-Йорке, она заявила, что в отношениях с Востоком Запад "теряет уверенность в себе и в правоте нашего дела. Мы проигрываем оттепель... и Запад стоит перед опасностью потерять свой путь в истории"⁸³. Выступление это, прозвучавшее явным диссонансом в ряду успокоительных речей других западных лидеров, встретило благожелательный отклик не только среди американских "ястребов", но и более широкой аудитории. Несмотря на попытки британского посольства ограничить круг ее общения в США⁸⁴, она и в этот и в другие свои визиты стремилась использовать любую возможность для демонстрации своего неприятия курса на расширение "взаимного доверия" Востока и Запада и тех губительных последствий, к которым, как она считала, этот курс может привести.

Свою "коронную" антисоветскую речь, заставившую заговорить о ней всерьез и ее друзей и врагов, она произнесла в своей собственной стране, в одном из знаменитых лондонских залов – Кенсингтон Таун Холл. Как заявила она в этой речи, опубликованной ею вскоре под названием "Пробудись Британия!", "стратегическая угроза для Британии и ее союзников со стороны экспансионистской державы сейчас куда более серьезна, чем в какой-либо момент после последней войны. Военные постоянно предупреждают нас, что стратегический баланс изменяется в ущерб интересам НАТО и Запада... Посмотрите, что делает Россия. Она управляется диктатурой терпеливых и расчетливых людей, которые быстро превращают свою страну в самую мощную морскую и военную державу мира... Русские поставили своей целью установить господство над миром... Люди в Политбюро не беспокоятся насчет спадов и подъемов общественного мнения. Они ставят пушки впереди масла, тогда как мы ставим пушки позади всего остального... И если мы не сможем понять, почему русские быстро превращаются в величайшую морскую и военную державу, которую когда-либо видел мир... мы обречены, по их собственным словам, оказаться на свалке истории"⁸⁵.

Чтобы этого не случилось, Тэтчер призвала и Запад в целом, и свою собственную страну не жалеть усилий и средств для "защиты свободы", заверив при этом, что консервативная партия, в отличие от лейбористской, политика которой делает страну все более уязвимой, преисполнена решимости внести свой вклад в решение этой задачи. «Через всю нашу историю мы пронесли факел свободы. Теперь же, когда я бываю за границей, люди спрашивают меня снова и снова: "Что случилось с Британией?" Они хотят знать, почему мы зарываем голову в песок»⁸⁶.

Речь Тэтчер произвела сильнейшее впечатление и в Британии и за ее пределами. Местная печать опубликовала ее полный текст, подробное изложение и пространные комментарии появились в Соединенных Штатах, странах Западной Европы, советские же средства массовой инфор-

⁸³ Cosgrave P. Margaret Thatcher. A Tory and Her Party. L., 1978. P. 201–222.

⁸⁴ Ibid. P. 203–204.

⁸⁵ Thatcher M. Let our Children Grow Tall. L., 1977. P. 41–43.

⁸⁶ Ibid.

мации, не удовлетворившись резкой критикой речи, навесили на ее автора ярлык "железной леди". Примечательно, что едва это "прозвище" появилось в печати, как Тэтчер сама упомянула его в одной из очередных своих речей и тем самым способствовала его распространению. Судя по всему, она быстрее других осознала, что "кликча" эта может в скором времени обрести совсем иной, позитивный смысл, и, как стало вскоре ясно, не ошиблась в этом.

К слову сказать, советские комментаторы не были так уж оригинальны. Еще в феврале 1975 г., т.е. почти за год до цитировавшейся речи, газета "Дейли миррор" назвала Тэтчер "железной девой" (The Iron Maiden)⁸⁷, однако тогда этот "титул" не был никем подхвачен.

Как видим, не многие годы потребовались Тэтчер для того, чтобы ее имя и ее личность начали символизировать политический стиль, отличный от того, который утвердился и в национальной, и в мировой политике. Правда, пока это был только стиль, проявившийся главным образом в словах, а не в делах, и многие умудренные опытом политики, журналисты и комментаторы считали, что словами в основном дело и ограничится.

О том, насколько серьезной была недооценка "ученичества" Тэтчер в годы оппозиции, особенно со стороны сторонников традиционного, консенсусного подхода, свидетельствует хотя бы то, что в своей статье, озаглавленной "Выработка политического курса в оппозиции", директор Исследовательского отдела партии К. Паттен (ставший в 1979 г. членом парламента, а впоследствии и членом кабинета) даже не упоминет ни Центра политических исследований, ни Института экономических проблем, ни кого-либо из известных интеллектуалов неолиберальной ориентации из тогдашнего окружения Тэтчер⁸⁸.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что сложившееся в годы оппозиции тэтчеристское кредо представлялось многим, если не большинству наблюдателей, комментаторов и политиков, в виде некоего легковесного айсберга, не имевшего сколько-нибудь основательной подводной части. Если сказать еще проще и грубее, то оно рассматривалось как достаточно привлекательный для многих избирателей мыльный пузырь, пригодный в лучшем случае для набирания очков в предвыборной борьбе. И то обстоятельство, что Тэтчер, в отличие от Хита, всячески избегала конкретизации прокламировавшихся общих положений, опять-таки воспринималось как отрыв теории от практики, идеологии и пропаганды от реальной политики и соответственно как основание для того, чтобы не принимать ее популистскую риторику всерьез.

Между тем за каждым популистским "выбросом", будь то в области внутренней или внешней политики, стояла четкая и недвусмысленная политическая позиция и политическое убеждение, идущее не просто от инстинкта политика правоконсервативного толка, но и от слияния, синтеза этого инстинкта с теоретическим знанием и основывающегося на нем. Именно в годы оппозиции Тэтчер обрела это новое качество, и ее ученичество в эти годы отнюдь не было лишь школярством усердного "зубрилы".

⁸⁷См.: Cosgrave P. Op. cit. P. 74.

⁸⁸Patten Ch. Policy Making in Opposition // Conservative Party Politics. L., 1980. P. 9–25.

При всем значении собственной популистской активности Тэтчер задача "завоевания умов и сердец" соотечественников имела хоть какие-то шансы на успех лишь при условии одновременного подключения к ее решению достаточно многочисленной и целеустремленной группы партийных функционеров, пропагандистов и активистов. И такое подключение происходило, причем довольно быстро. Пример Тэтчер не только вдохновлял, стимулировал, но и служил своего рода эталоном, образцом для подражания. Не все из ее популистского арсенала было взято на вооружение, и автор не знает ни одного случая, чтобы кто-то из последователей Тэтчер воспользовался ее манерой и "бытовизации" и "персонализации" пропагандируемых идей. Зато ему не раз приходилось наблюдать на предвыборных собраниях и в дебатах по телевидению, с какой убежденностью, уверенностью они развивали перед аудиторией типично тэтчеристскую систему аргументов, причем, как правило, в той же, броской, тэтчеристской, манере их презентации. Несмотря на свою простоту, а может и благодаря ей, эти аргументы чаще всего срабатывали. И даже в тех случаях, когда большинство аудитории оказывалось в конечном итоге на стороне их оппонентов, последнее слово чаще всего оставалось за ними и покидали зал они с видом победителей. Ощущая себя на гребне подымавшейся неоконсервативной волны, они и вели себя соответствующим образом.

Если теперь попытаться охватить весь спектр интеллектуальной и пропагандистской активности возглавленного Тэтчер праворадикального течения, то нетрудно увидеть, что между лидером партии и ее многочисленными последователями и имитаторами, с одной стороны, и интеллектуальным ядром этого течения – с другой, установилось довольно четкое разделение труда. Последние взяли на себя задачу отработки основных направлений правоконсервативного курса и его популяризации среди "образованной" части общества. На долю же Тэтчер и ее последователей в парламенте, прессе, в местных партийных организациях выпала куда более сложная задача приобщения к ценностям нового консерватизма массы "обычных" граждан. Соответственно различались и методы, которые они брали на вооружение. Каждая из этих сил имела свое собственное поле и свои собственные успехи и завоевания. Однако совокупный эффект их деятельности был куда более весомым, нежели их простая сумма.

4. Битва за Даунинг-стрит, 10

Завоевание правительственной власти является, как известно, сверхзадачей любой политической партии, и неудивительно, что, не сумев привести партию к победе на двух подряд выборах, Эдвард Хит поплатился за это постом лидера. Приход Маргарет Тэтчер к руководству партией пришелся на время, когда вопрос стал уже не просто о победе или поражении, но и о том, быть ли партии "естественной правительственной партией", каковой она считалась вплоть до середины 70-х годов, или же она должна уступить эту роль лейбористам. Опираясь на факт правления

страной в течение 10 из последних 15 лет, эти последние стали все более решительно заявлять, что именно они, а не консерваторы являются "партией власти". Резко обострившаяся у консерваторов чувствительность к вопросу о власти не могла не сказаться и на отношении к новому лидеру, и в канун очередных всеобщих парламентских выборов никто из серьезных наблюдателей не сомневался в том, что, если партия и на этот раз потерпит поражение, Тэтчер не будет позволено остаться на своем посту. Не заблуждалась на этот счет наверняка и сама Тэтчер.

Острота борьбы за власть в стране определялась в какой-то мере и тем, что на предстоящих выборах не только Тэтчер, но и лидеры двух других партий впервые вступали в противоборство в этом своем качестве. Почти ровно через год после вступления Тэтчер на пост лидера консерваторов, в середине марта 1976 г. неожиданно для всех, и в том числе для членов своего собственного кабинета, подал в отставку с поста премьера и соответственно лидера лейбористской партии Гарольд Вильсон. Правда, как выяснилось вскоре, еще в сентябре 1975 г. он проинформировал королеву, что по достижении 60-летнего возраста, т.е. примерно через 6 месяцев он намерен уйти со своего поста. В заявлении об отставке Вильсон мотивировал свой уход тем, что, находясь в общей сложности уже восемь лет на посту премьера, т.е. больше, чем кто-либо из его предшественников в послевоенные годы, он не хочет закрывать дорогу другим претендентам. Главный же его аргумент заключался в том, что, возглавляя столь длительное время правительство, он чувствует, что утрачивает способность выходить за пределы уже апробированных ранее, но необязательно оптимальных подходов и решений⁸⁹.

Неожиданность отставки премьера породила массу сомнений в истинности названных им мотивов, не развеянных до конца и до сих пор. Как представляется автору, одной из причин такого рода неверия было и остается то, что многими из тех, кто высказывал или продолжает высказывать свои сомнения на этот счет, не были приняты во внимание сами обстоятельства отставки, о которых Вильсон напрямую ничего не сказал, но которые явно ощущаются в подтексте его заявления. А обстоятельства эти были таковы, что в середине 70-х годов Великобритании переживала не просто кризисную ситуацию, но кризис политического лидерства, методов, форм, да и самого содержания проводимой облеченными высшей государственной властью людьми политики.

Будучи крупным, умудренным опытом государственным деятелем, Вильсон, очевидно, своим инстинктом политика ощутил невозможность "управлять по-старому", посчитал, что и в интересах страны, и в его собственных интересах "разморозить" ситуацию, открыть дорогу новым людям и тем самым ускорить процесс перемен. Вполне вероятно, что происшедшая в феврале 1975 г. смена руководства консервативной партии в какой-то мере подтолкнула его на этот шаг.

Основная борьба за пост лидера лейбористов развернулась между представителем умеренно правого ее крыла – Джеймсом Каллагеном и умеренно левого – Майклом Футом. В результате трех туров победу

⁸⁹Times. 1976. Mar. 17.

одержал Каллаген, набравший в последнем туре 176 голосов (против 137 у Фута). Что касается выступавшего от леворадикального крыла Тони Бенна, за него в первом туре было подано всего 37 голосов, и он не смог продолжить борьбу дальше. Избран Каллагена, лейбористские парламентарии высказались за продолжение прежнего "консенсусного" курса. Тем не менее определенные изменения в политике правительства произошли, и, хотя Каллаген был на четыре года старше Вильсона, он, как мы увидим ниже, оказался способен на достаточно нетрадиционное для лейбористов политическое поведение.

Обновленческое поветрие не оставило в стороне и третью партию, претендующую на реальное участие во власти, – партию либералов. Весной того же, 1976, года лидер этой партии Джереми Торп вынужден был в связи с распространившимися слухами о его неэтичном поведении в частной жизни подать в отставку, и на его место был избран более молодой и энергичный парламентарий Дэвид Стил. Хотя эта смена выглядит скорее как случайная, судя по дальнейшему развитию событий, она оказалась весьма своевременной. Набравшая на выборах 1974 г. почти 20% голосов (19,3% в феврале и 18,3% в октябре), либеральная партия нуждалась в лидере, ориентированном на более решительное и широкомасштабное политическое маневрирование, в человеке, способном преодолеть "изоляционистский" синдром, довлевший над Торпом. Именно таким лидером вскоре и проявил себя Стил.

Однако при всей той роли, которую играют в политическом противоборстве партийные лидеры, выборы выигрывают и проигрывают партии в целом, и потому самое время ознакомиться с каким противником предстояло сразиться партии тори в решающей для нее битве за Даунинг-стрит, 10. Тем более что исход ее отнюдь не был предрешен и сражаться предстояло вовсе не с "бумажными тиграми".

Несмотря на тяжелейшее наследство, принятое лейбористами от предшествующего правительства, они менее всего склонны были пассивно взирать на продолжавшую обостряться социально-экономическую ситуацию. Нормализовав с помощью социального контракта отношения с профсоюзами, они повели энергичное наступление на инфляцию, предприняли ряд мер по стимулированию капиталовложений в экономику, поощрению научно-технического прогресса. Достаточно быстро и эффективно отреагировало правительство Дж. Каллагена и на свалившиеся на него почти одновременно финансовый и политический кризисы, сделавшие прямое продолжение взятого в 1974 г. социал-реформистского курса практически невозможным.

Первый из них возник почти тут же после смены лидера партии, поставив правительство перед серьезнейшим испытанием. Непосредственной причиной кризиса послужило резкое, более чем на 5% падение курса фунта стерлингов по отношению к доллару и другим валютам Запада, более глубокая же его подоплека заключалась в подрыве доверия международного капитала к британской экономике. Из двух возможных вариантов ответа на кризис – возведение протекционистского барьера на пути разорительного импорта и утечки капиталов (предлагавшегося Бенном и его сторонниками) и ограничения государственных расходов и

оздоровления на этой основе финансового положения страны (на чем настаивали министр финансов Д. Хили и его единомышленники) – правительство и премьер решительно избрали второй вариант. Это позволило заручиться финансовой поддержкой Международного валютного фонда и некоторых других финансовых учреждений Запада, опираясь на которую уже к концу следующего, 1977, года, удалось стабилизировать ситуацию и восстановить нарушенное равновесие. Общая сумма сэкономленных казной средств (в основном за счет урезания ассигнований на социальные нужды) составила примерно 2,5 млрд ф.ст.⁹⁰ – по мнению многих наблюдателей, не такая уж дорогая цена за финансовое оздоровление оказавшейся в критическом состоянии экономики. Однако дело было не только и даже, скорее всего, не столько в сумме этой экономии и не в том повышении налогов, на которое сознательно пошло правительство, но и в отказе от казавшихся до того незыблемыми принципов социал-демократической политики, а именно антикризисного дефицитного финансирования и приоритетного развития государства благосостояния. Вопреки своей приверженности к кейнсианству правительство фактически пошло на антикейнсианские, монетаристские методы "лечения" и, как мы видим, достаточно преуспело в этом. Тем не менее, осуществив на практике монетаристский маневр, ни правительство Каллагена–Хили (как его тогда многие называли), ни тем более партия и ее исполком не перешли на позиции монетаризма и по крайней мере на словах остались верны кейнсианству. И все же фактически именно лейбористское, социал-демократическое правительство впервые в послевоенной истории прибегло к мерам нетрадиционного монетарного контроля и применило те меры жесткой экономии, которые в 80-х годах получили распространение почти во всех странах Запада.

Столь же успешно преодолело правительство Каллагена и подстергавший его политический кризис. Суть его состояла в том, что минимальный перевес в три мандата, который имело правительство в Палате общин после выборов в октябре 1974 г., стал после проведения ряда дополнительных выборов взамен выбывавших по тем или иным причинам лейбористским парламентариям довольно быстро сходить на нет, и уже к весне 1977 г. правительство полностью его утратило. Поэтому, когда, воспользовавшись этой ситуацией, консерваторы внесли в парламент вотум недоверия правительству, Каллагену пришлось пойти опять-таки на беспрецедентный в послевоенной истории партии шаг и предложить либералам заключить "пакт" о взаимной поддержке. После непродолжительных переговоров между лидерами партий был найден компромисс, и в день, когда на обсуждение парламента был поставлен вотум недоверия, Каллаген огласил уже одобренное кабинетом заявление двух партий. Согласно этому заявлению создавался совместный консультативный комитет, полномочный обсуждать важнейшие вопросы правительственной политики и выносить свои рекомендации. Важной уступкой со стороны Каллагена и его кабинета было согласие на свободное, т.е. не обусловленное обычной партийной дисциплиной, голосование в парла-

⁹⁰*Middlemas K. Power, Competition and the State. L., 1991. Vol. 3. P. 48.*

менте по вопросу об избирательной системе, по которой должны были проводиться выборы 1979 г. в Европарламент. В случае, если бы парламент высказался за пропорциональную систему выборов, был бы создан прецедент, способный облегчить либералам борьбу за замену существующей мажоритарной системы, дискриминирующей "третьи" партии на такую же систему и на выборах в национальные органы власти. Подобного рода замена имела для них принципиальное значение, поскольку обеспечила бы им ту же долю парламентских мест, что и доля полученных на выборах голосов. При существующей же мажоритарной системе, когда в каждом округе побеждает кандидат, набравший относительное большинство (отсюда и само название системы: английское "majority" означает "большинство"), кандидаты "третьих" партий чаще всего оказываются на третьем или втором месте и не проходят в парламент. Так, набрав на выборах 1974 г. около 1/5 всех голосов, либералы получили лишь 2% мест, т.е. почти в 20 раз меньше, чем если бы они имели при пропорциональной системе. Нет нужды доказывать, сколь серьезные последствия имела бы не только для либералов, но и для всех других партий и для политической системы страны в целом подобная замена, и недаром вопрос об избирательной системе продолжает и поныне оставаться одним из наиболее серьезных вопросов внутривнутриполитической жизни Великобритании.

Примечательно, однако, что, собрав в 1974 г. почти в 3 раза больше голосов, чем в среднем на выборах 1945–1970 гг., либералы все же смогли провести более десятка своих представителей в парламент (14 в феврале и 13 в октябре 1974 г.). Этим тринадцать дополнительных голосов в поддержку правительства оказалось вполне достаточно, чтобы отразить атаку консерваторов и продлить еще на два года деятельность парламента.

Пакт лейбористов с либералами позволил правительству Каллагана продолжить борьбу за оздоровление экономики и финансов, причем к осени 1978 г. появились и первые ощутимые результаты этой борьбы. Главным из них явилось значительное снижение инфляции – с 30% в конце 1975 г. до 10% в 1978 г. Одной из причин столь резкого, почти беспрецедентного сокращения роста цен явилось в целом достаточно успешное функционирование социального контракта правительства с профсоюзами, позволившего снизить давление на заработную плату и тем самым ограничить один из главных источников инфляционного процесса. Сказалась и политика жесткой экономики, нацеленная на сокращение государственных расходов и ограничение количества денег в обращении.

Пакт с либералами заметно усилил общий крен правительственной политики вправо, достаточно четко наметившийся уже при Вильсоне. Были окончательно отвергнуты проекты широкомасштабной национализации и перераспределения доходов и богатств, содержащиеся в программе партии 1973 и 1976 гг.

Принятые лейбористским правительством энергичные меры по стабилизации как экономической, так и политической ситуации позволили ему существенно упрочить свое положение. Так, если вплоть до осени 1977 г.

доля тех, кто был удовлетворен деятельностью правительства, составляла всего 22–25%, а тех, кто неудовлетворен, – 62–68%, то в июне же 1978 г. впервые с весны 1976 г. оно вышло на примерно тот же уровень поддержки, что и у консерваторов (45,5%). К осени 1978 г. некоторые опросы уже фиксировали небольшое преимущество лейбористов, правда весьма неустойчивое. К этому времени уровень инфляции составил всего 8%, и правительство, судя по всему, рассчитывало на дальнейшее улучшение ситуации. Иначе трудно объяснить, почему Дж. Каллаген 7 сентября 1978 г. выступил с категоричным заявлением, в котором решительно опроверг многочисленные спекуляции о том, что правительство в ближайшее время распустит парламент и назначит выборы, скорее всего, на октябрь 1978 г., т.е. на год раньше истечения срока полномочий парламента. Судя по всему, он предпочел дожидаться еще более благоприятной для партии ситуации.

Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться, и, как уже стало вскоре ясно, отложив выборы, правительство совершило грубый политический просчет. Как это случалось уже не раз в недавнем прошлом, слабым местом правительства вновь оказались отношения с профсоюзами. Пойдя на заключение социального контракта и проявив неожиданную для них сдержанность в своих требованиях, британские профсоюзы в течение трех с лишним лет соблюдали достигнутые договоренности. Тем не менее уже в 1977 г. они фактически отказались от продления контракта, а состоявшийся в сентябре 1978 г. съезд Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) подавляющим большинством голосов одобрил резолюцию, в которой заявлял о своей "оппозиции политике правительства, направленной на вмешательство в переговоры о заработной плате, включая правительственные санкции"⁹¹.

Судя по всему, правительство не придало значения этой декларации и посчитало, что сможет еще какое-то время рассчитывать на лояльность профсоюзов или же обеспечить сдерживание роста заработной платы с помощью принудительной политики доходов. Еще в июне 1978 г., т.е. до съезда БКТ, Каллаген объявил о том, что правительство устанавливает 5%-ный потолок на повышение заработной платы в течение ближайшего года. Но возможности реализации этого решения оказались весьма ограниченными, и правительство могло воздействовать на переговорный процесс лишь в случаях, когда руководство предприятий или учреждений в той или иной степени от него зависело. В основном это были предприятия и учреждения государственного сектора или же те частные предприятия, которые работали по государственным контрактам. Однако они составляли явное меньшинство, и, когда с осени 1978 г. начался процесс повышения заработной платы в частном секторе, профсоюзы государственного сектора стали проявлять возрастающую агрессивность. Началась так называемая жаркая зима 1979 г., в ходе которой забастовки работников государственных служб приобрели столь массовый и деструктивный характер, что оказали самое негативное влияние и на престиж правительства, и на общую социально-политическую обстановку

⁹¹Report of the 110th Annual Trade Union Congress, Brighton, 1978. L., 1979. P. 549.

в стране. В результате стачек мусорщиков улицы и площади многих городов стали превращаться в залежи отходов, становившихся источниками антисанитарии. Крысы стали появляться даже поблизости от славящейся своей изысканностью и чистотой лондонской Пикадилли-стрит. У ворот кладбищ начали скапливаться нагромождения незахороненных гробов с покойниками. Во многих случаях переставала выезжать даже по самым экстренным вызовам скорая помощь. Надолго задерживались операции в больницах. В результате стачек водителей грузовых машин в ряде мест ощущалась серьезная нехватка горючего. Нервозную обстановку усугубляли перебои с пассажирским и грузовым транспортом. "Тревожная зима" ("the winter of discontent"), как она вошла в историю страны, серьезно нарушила установившийся к осени 1978 г. баланс в предпочтениях избирателей и во многом способствовала резкому повышению ставок консерваторов. Сохранявшееся вплоть до начала забастовок лидирующее положение лейбористов быстро сменилось превосходством тори. Как рассказывал впоследствии один из помощников Дж. Каллагана, когда однажды он увидел по телевидению, как похоронная процессия, подъехав к воротам кладбища, встретила группу преградивших ей дорогу пикетчиков и вынуждена была повернуть обратно, он понял, что лейбористы уже проиграли предстоящие выборы. Примерно вдвое упала популярность премьер-министра, а недовольство и даже враждебность к профсоюзам охватила значительную часть их собственных членов.

На настроениях населения сказалось, бесспорно, не только то, что стачками оказались охвачены наиболее задевающие его повседневную жизнь службы, но и общий рост забастовочной борьбы. Количество потерянных рабочих дней достигло небывалого в послевоенный период уровня – 29,5 млн. Даже в 1974 г., т.е. в год поражения правительства Хита на выборах, эта цифра была вдвое меньше. В последующие же четыре года она составила соответственно: 6 млн в 1975 г., 3,5 млн в 1976 г., 10,1 млн в 1977 г. и 9,4 в 1978 г.⁹²

Наряду с общим ухудшением социально-экономической ситуации столь беспрецедентный скачок стачечной активности, сопровождавшийся "незапланированным" ростом заработной платы (в среднем на 16% вместо "нормы" в 5%), и соответственно издержек производства, обернулся реальной угрозой нового витка инфляции.

Правда, к весне 1979 г. положение в стране стало понемногу стабилизироваться, стачечная волна пошла на снижение, рейтинг правительства и его главы стал расти. У лейбористов появилась надежда, что в течение ближайшего времени оно сможет вновь поднять свои шансы на победу на выборах и в случае успешного проведения предвыборной кампании вновь одержать верх. Тем более что до истечения сроков полномочия парламента, т.е. до середины октября 1979 г. оставалось еще несколько месяцев.

Однако здесь его подстерегали неприятности уже иного, чисто политического характера. Одним из условий, на которых был заключен пакт

⁹²Riddell P. The Thatcher Decade. L., 1989. P. 50.

правительства с либералами, было всемерное содействие автономии Шотландии и Уэльса и созданию там региональных законодательных ассамблей. Такого рода ориентация обеспечивала также лояльность Национальных партий Шотландии и Уэльса, имевших после выборов 1974 г. 14 парламентариев (11 – от Шотландской национальной партии и 3 – от Плейд Кимру, как именует себя национальная партия Уэльса). Но, после того как в ходе состоявшегося 1 марта 1979 г. референдума предложение о предоставлении автономии не собрало необходимого процента голосов⁹³, положение правительства тут же пошатнулось. Хотя никакой "вины" правительства в неблагоприятном исходе референдума не было, национальные партии тут же почувствовали себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к нему и, наоборот, стали все резче критиковать его действия. Что же касается либералов, то те еще ранее, почувствовав, что их пакт с правительством не только не укрепляет их положения, но, напротив, делает их менее популярными, еще задолго до референдума заявили, что с весны 1979 г. будут считать себя свободными от взятых обязательств.

Почувствовав шаткость позиций правительства, консерваторы тут же внесли в Палату общин резолюцию с вотумом недоверия правительству, и при состоявшемся 28 марта 1979 г. голосовании большинством в один голос резолюция была принята. Это означало, что у правительства не оставалось иного выбора, как распустить парламент и назначить новые выборы за пять месяцев до истечения срока его полномочий. 13 апреля парламент был распущен и была определена дата выборов – 3 мая 1979 г. Несмотря на столь неблагоприятное стечение обстоятельств, правительство отнюдь не растерялось и проводило избирательную кампанию достаточно энергично. Тем не менее ему не удалось свести на нет преимущество консерваторов, и объяснялось это отнюдь не только эффектом "горячей зимы", но и тем, что партия тори к этому времени обрела достаточную уверенность в себе и была готова к решительной борьбе за избирателя. Причем готова еще задолго до мая 1979 г., иначе было бы трудно объяснить колебания Каллагана и его решение не проводить выборы осенью 1978 г. Шансы на победу лейбористов в тот момент были, безусловно, намного выше, однако и тогда уже консерваторы выглядели противником, к схватке с которым нужно очень и очень серьезно подготовиться.

Существенным моментом, игравшим на руку консерваторам, оказалась и все более осязаемая тенденция к снижению роли социально-классового фактора в партийных предпочтениях избирателей. Судя по опросам, тенденция эта к концу 70-х годов резко усилилась, и выборы 1979 г. полностью подтвердили это. В ходе проводившихся в предвыборный период обследований выявилось и такое немаловажное для исхода борьбы обстоятельство. По данным на апрель 1979 г., большинство традиционно голосующих за лейбористов избирателей (от 52 до 95%)

⁹³ Для положительного решения требовалось, чтобы за него высказалось не менее 40% всех избирателей. В Шотландии же за автономию высказалось 32,9% избирателей (51,6% принявших участие в голосовании), в Уэльсе и того меньше – соответственно 11,9 и 20,3% (Britain at the Polls, 1979. L., 1981. P. 85).

поддержали 6 из 7 основных требований предвыборной платформы консерваторов, касающихся укрепления законности и порядка, ограничения права на вторичное пикетирование и отмену выплаты пособий семьям забастовщиков, снижения подоходного налога, права выкупа муниципального жилья на льготных условиях, снижения численности государственной бюрократии. Лишь требования о приватизации государственной собственности поддержало менее половины лейбористских избирателей (40%), однако менее половины (49%) высказалось и против⁹⁴. Если в октябре 1974 г. 56% лейбористских избирателей высказывались в поддержку дальнейшей национализации британской промышленности, то в 1979 г. — лишь 32%⁹⁵.

Пожалуй, единственным козырем лейбористов в начавшейся избирательной кампании был относительно высокий рейтинг их лидера — Джеймса Каллагана, который, несмотря на снижение его престижа в результате "жаркой зимы", продолжал достаточно уверенно опережать по уровню популярности Маргарет Тэтчер. В своей кампании лейбористы пытались всячески обыгрывать тот факт, что у них уже имеется когорта опытных и доказавших свою компетентность политиков, тогда как у консерваторов нет ни достаточно авторитетного и признанного даже всей партией лидера, ни сплоченной группы крупных государственных деятелей. Особый акцент делался на политический "экстремизм" и экономический либерализм Тэтчер и ее единомышленников, угрожавших, как утверждали лейбористы, новым взлетом цен, ростом безработицы и общей экономической дестабилизацией. Конфронтация же с профсоюзами, к которой, как утверждали лейбористы, неизбежно приведет политика консерваторов, чревата новым взрывом стачечной активности и может породить настоящий социальный хаос.

Аргументация эта, однако, мало кого убеждала. Еще до начала официальной кампании консерваторы захватили инициативу в свои руки и прочно удерживали ее вплоть до выборов. Особая миссия при этом выпала на долю самой Тэтчер, которой пришлось не просто бороться за победу собственной партии, но и утверждать свой собственный имидж в качестве будущего главы правительства и фактического главы государства. И ту и другую задачу она успешно выполнила, не допустив, по признанию наблюдателей, ни одной непоправимой ошибки (на что так рассчитывали ее противники)⁹⁶.

Как лидер партии, определявший стратегию и тактику предвыборной борьбы, она сосредоточила и собственные усилия, и усилия своих единомышленников прежде всего на завоевании на сторону тори так называемого колеблющегося избирателя, причем не избирателя вообще, а принадлежащего в основном к "верхней" части рабочего класса. При этом они опирались на отмеченные выше изменения в настроениях данных категорий трудящихся, их тяготение к образу жизни среднего класса, износ традиционного коллективизма и притягательность для многих из

⁹⁴Britain at the Polls. P. 115.

⁹⁵Ibid. P. 298.

⁹⁶Britain at the Polls. P. 90.

них "нового индивидуализма". И сама Тэтчер, и ее коллеги нередко напрямую апеллировали к членам профсоюзов и рабочим. Так, в самый канун выборов Тэтчер и Прайор выступили на собрании, где присутствовало 2300 членов профсоюзов. По отзывам наблюдателей, это был один из наиболее успешных митингов за всю кампанию, конечно же, присутствовали в основном консервативно настроенные члены профсоюзов.

Одна из главных задач Тэтчер в процессе кампании состояла в том, чтобы укрепить свой собственный рейтинг среди избирателей, который, как уже отмечалось, заметно уступал рейтингу Каллагена и от которого не в малой степени зависел исход выборов. Для этого ей пришлось несколько изменить тон и стиль своих выступлений, носивших вначале чересчур жесткий, намеренно конфронтационный, идеологизированный характер, пришедшийся не по вкусу значительной части британцев. Как отмечают наблюдатели, Тэтчер довольно быстро сориентировалась в этой ситуации и отказалась от "жесткого догматизма" первых дней избирательной кампании, особенно в области социально-экономической политики. Это, однако, была именно коррекция стиля, но не содержания выступлений.

За время избирательной кампании Тэтчер посетила целый ряд городов и местечек Великобритании и покрыла расстояние, равное в общей сложности около 3 тыс. миль, или 5 тыс. км. Примерно треть всего времени, отпущенного на кампанию, она провела в дороге. Ежедневно делалось примерно шесть остановок для проведения митингов и встреч, причем нередко к ночи она возвращалась в Лондон, чтобы участвовать в пресс-конференциях, консультироваться с непосредственными организаторами предвыборной борьбы.

Уже к концу апреля Тэтчер удалось приостановить обозначившуюся с начала кампании тенденцию к снижению ее популярности. Более того, судя по результатам опросов, ее рейтинг с конца апреля круто пошел вверх, тогда как рейтинг Каллагена и Стила начал заметно снижаться. Правда, сравняться с Каллагеном ей так и не удалось, однако существовавший между ними разрыв сократился в течение первых дней мая примерно наполовину. Не удалось Тэтчер и добиться того, чтобы ее популярность стала выше популярности партии, и это дало повод некоторым комментаторам утверждать, будто факт смены лидера сыграл скорее негативную роль.

В то же время практически все наблюдатели были единодушны в том, что аргументация лейбористов оказалась слабее, чем аргументация консерваторов, и, прежде чем одержать победу на выборах, последние взяли верх в споре.

Состоявшиеся 3 мая 1979 г. выборы принесли весьма убедительную победу консерваторам. За партию было подано на целых 7% голосов больше, чем за лейбористов, — соответственно 43,9 и 36,9%. Такого рода разницы в распределении голосов между главными партиями не наблюдалось, как видно из табл. 1, с 1945 г. Если лейбористы утратили власть, то либералы понесли значительные потери в количестве завоеванных голосов, потеряв почти треть полученной в 1974 г. поддержки.

Таблица 1
 Результаты всеобщих парламентских выборов

Год выборов	Общее число избирателей	% принявших участие в голосовании	Консерваторы		Лейбористы		Либералы		Прочие	
			% полученных голосов	число мест в парламенте	% полученных голосов	число мест в парламенте	% полученных голосов	число мест в парламенте	% полученных голосов	число мест в парламенте
1935	31 374 449	71,1	47,7	386	38,0	154	6,7	21	5,7	11
1945	33 240 391	72,8	36,2	197	48,0	393	9,0	12	6,8	25
1950	45 412 255	83,9	45,3	298	46,1	315	9,1	9	1,3	3
1951	34 919 331	82,6	48,0	321	48,8	295	2,6	6	0,6	3
1955	34 852 179	76,8	49,7	345	46,4	277	2,7	6	1,2	2
1959	35 397 304	78,7	49,3	365	43,9	258	5,9	6	0,9	1
1964	35 894 054	77,1	43,4	304	44,1	317	11,2	9	1,3	0
1966	35 957 245	75,8	41,9	253	48,1	364	8,5	12	1,5	1
1970	39 342 013	72,0	46,4	330	43,1	288	7,5	6	3,0	6
1974	39 770 724	78,1	37,9	297	37,2	301	19,3	14	5,6	23
1974	40 072 971	72,8	35,8	277	39,2	319	18,3	13	6,7	24
1979	41 093 264	76,0	43,9	339	36,9	268	13,8	11	5,3	16

Источники: Heath A., Jowell R., Curtice J. How Britain Votes. Oxford, 1985. P. 2-3; Crag F.W.S. British parliamentary statistics. 1918-1970. L., 1971. Second ed.; Butler D., Kavanagh D. The British General Election of 1983. L., 1984. P. 299-300.

Результаты выборов подтвердили обоснованность ориентации тори на завоевание той части электората лейбористов, который и по своему положению, и по умонастроениям все более сближался со средним классом. Согласно проведенным в день выборов опросам за консервативную партию на сей раз проголосовало 44% всех квалифицированных рабочих, всего на 1% меньше, чем за лейбористов, и на целых 18% больше, чем голосовало за тори в октябре 1974 г. Среди полу- и неквалифицированных рабочих консерваторы получили 31% (на 9% больше, чем в 1974 г.), среди членов профсоюзов – 30% (на 8% больше, чем в 1974 г.). Наибольший прирост поданных за них голосов наблюдался среди безработных – с 19% в 1974 г. до 38% в 1979 г., т.е. вдвое. Объяснялось это прежде всего тем, что подавляющая их часть потеряла работу при последнем лейбористском правительстве, и голосованием за тори многие из них выражали свой протест против правительства, не сумевшего защитить их права на труд. Помимо факторов долгосрочного плана, одним из которых явилось прежде всего ослабление приверженности к "своей" партии, а также продвинувшаяся "тэтчеризация" консерватизма, немалую роль сыграли и такие обстоятельства, как поддержка тори со стороны основных средств массовой информации, уже отмечавшийся выше эффект "горячей зимы" 1979 г., ослабление позиций либералов, поплатившихся за свое сотрудничество с лейбористами.

Завоевав значительно меньше половины голосов, консерваторы тем не менее обеспечили себе благодаря мажоритарной системе выборов абсолютное большинство мест в парламенте (339 из 635). Лейбористам досталось 268 мест, либералам – 11, шотландским и уэльским националистам – по 2 места, ольстерским юнионистам – 10 и североирландским католикам – 2 места.

Несмотря на всю убедительность победы консерваторов, это не была экстраординарная и даже выдающаяся победа, особенно на фоне результатов выборов 1945–1970 гг., когда партия-победительница завоевывала (за исключением выборов 1964 г.) от 46 до 49% поданных голосов. И тем не менее в сравнении с результатами февральских и октябрьских выборов 1974 г. это был весьма существенный успех, особенно если принять во внимание внушительный абсолютный перевес тори в палате общин, дававший им возможность практически без оглядки на оппозицию проводить собственный социально-экономический и политический курс. Это отнюдь не означало, что Тэтчер и ее единомышленники имели полную свободу рук, особенно учитывая тот расклад сил, который существовал внутри самой консервативной партии.

Глава третья

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Победа на выборах, да еще принесшая столь убедительный перевес в парламенте, была и для партии, и для ее лидера поистине огромным успехом. Вознеся Тэтчер и тэтчеристов на вершину политической власти в стране, она предоставляла им уникальную возможность на практике реализовать и свой общий, неолиберальный подход, и основанные на нем конкретные планы "возрождения" страны и устранения преград на пути к этому.

1. Вхождение во власть

Заняв пост главы правительства, Тэтчер, как и любой другой британский премьер до нее, оказывалась вовлеченной в сложнейшую систему властных отношений в стране. Премьер-министр и возглавляемый им кабинет стоят в самом центре принятия важнейших политических решений и являются инстанцией, на которую так или иначе замыкаются все другие властные и управленческие структуры (кроме судебной) – монархия, парламент, государственный аппарат, органы местного управления. В основе взаимодействия с ними лежат освященные традицией и законом правила игры, которым Тэтчер надлежало неукоснительно следовать. Однако в силу уже упомянутых в предыдущей главе императивов она не могла, да и не хотела удовлетвориться лишь тем, чтобы просто подключиться к отлаженному до нее механизму, и мало-помалу начала вводить новшества, которые, ни в коей мере не разрушая этого механизма, в то же время в некоторых отношениях довольно существенно его модифицировали.

Наименьшей ревизии при этом подверглись отношения с институтом монархии и его главой – королевой, что объясняется прежде всего преимущественно ритуальным характером этих отношений. Основной формой общения двух первых лиц государства, т.е. его главы и главы правительства, являются их еженедельные встречи, в ходе которых премьер информирует монарха о деятельности кабинета и правительства, отвечает на его вопросы и выслушивает советы и пожелания. В начале каждой парламентской сессии, начинающейся в середине октября, премьер-министр вручает монарху текст тронной речи, в которой

излагается законодательная программа правительства на предстоящий год. Как известно, готовится эта речь под непосредственным руководством премьера, а монарх лишь зачитывает ее со своего трона в палате лордов (члены Палаты общин в это время находятся у входа в палату, не преступая ее порога)¹.

Хотя монарх практически не участвует в выработке государственной политики, его авторитет, равно как и авторитет института монархии в целом, является одним из существенных элементов устойчивости политической системы страны. Отсюда стремление глав правительства всемерно поддерживать и укреплять этот авторитет, и Тэтчер, естественно, не была здесь исключением. Отчетливо сознавая, сколь важен ее собственный, личный пример, она скрупулезнейшим образом соблюдала установившийся ритуал общения с королевой и членами королевской семьи. В течение всех лет своего пребывания на посту премьера она всячески оберегала двор от попыток, особенно со стороны леворадикальной оппозиции, урезать более чем щедрые траты государства на содержание многочисленной королевской семьи, принадлежащих ей дворцов, поместий и прочего недвижимого и движимого имущества.

Несмотря на строго регламентированный характер отношений между монархом и премьер-министром, это не были чисто формальные, деполитизированные отношения. И значительный политический вес института монархии, и исключительно высокий личный авторитет Елизаветы II, и, наконец, естественные различия в восприятии реалий социально-экономической и политической жизни страны неизбежно вносили в эти отношения элемент высокой политики, делали их органической частью, пусть далеко не самой важной, более широкого политического процесса.

В какой-то мере указанное соображение распространяется на отношения монарха с любым премьером, сколь бы схожих взглядов и позиций они ни придерживались. Ибо даже при максимальном совпадении последних само это согласие становится фактором политическим, поскольку усиливает позиции премьера в его противостоянии оппозиционным силам. Когда же взгляды монарха и премьера существенно расходятся, а именно такое положение дел сложилось с приходом Тэтчер на этот пост, возникающая разность потенциалов имеет тенденцию превратиться в куда более весомую составляющую политического процесса.

И в силу своего жизненного опыта, и в силу воспитания и характера Елизавета II разделяла воззрения той части правящего класса, которая идентифицировала себя с консерваторами-"патерналистами" 50-60-х годов. Тех же позиций придерживалась и большая часть королевской семьи, которую Х. Янг без обиняков называет "собранием wets"².

Имея за плечами опыт продолжавшегося более четверти века сотрудничества с деятелями типа Макмиллана и Вильсона, Елизавета II вряд ли чувствовала себя комфортно, произнося пронизанные тэтчеристским

¹ Примерно в том же порядке, что и прохождение тронной речи, осуществляются подготовка и одобрение списка лиц для присвоения почетных званий и орденов. Список лишь формально исходит от монарха, в действительности же готовится и "утрачивается" в процессе консультаций премьера с его ближайшим окружением.

² *Joung H. One of Us. L., 1989. P. 490.*

духом тронные речи или же ощущая в ходе еженедельных встреч жесткость и напористость нового премьера.

Как глава англиканской церкви, с представителями которой она постоянно общается, Елизавета II не могла, в частности, не разделять обеспокоенности становившегося все более открытым недовольства церковных кругов политикой, ведущей к углублению социального неравенства, росту числа людей, находящихся за чертой бедности, бездомных и безработных³. Не могло устраивать королеву и недостаточно "почтительное" отношение нового премьера к интересам Содружества, которые для нее, как мы увидим ниже, не входили в число наиболее приоритетных.

Вместе с тем и Тэтчер вряд ли могла нравиться, скажем, попытка наследного принца Уэльского выступать в необычной для его положения роли общественного деятеля⁴, а также те "истории", в которые время от времени попадали члены королевской семьи.

Наличие этих и им подобных "дифференций", очевидных для любого мало-мальски сведущего наблюдателя, не раз побуждало британскую печать сообщать о натянутых и не очень дружеских отношениях между монархом и премьером. Больше того, появлялись даже спекуляции о якобы причастности королевы к публикациям в печати, осуждавшим чрезмерную жесткость Тэтчер в ряде вопросов внутренней и внешней политики⁵.

В действительности же ни с той, ни с другой стороны не предпринималось никаких попыток начать даже подобие публичной полемики. Что касается королевы, то она была весьма многоопытной и трезвомыслящей, чтобы "опуститься" до этого. Для Тэтчер же, воспитанной в викторианском духе почтительности к институтам власти, покуситься на престиж монарха было бы верхом святотатства.

Конечно же, это ни в коей мере не означает, что в своих сугубо конфиденциальных⁶ беседах две дамы не пытались влиять друг на друга. Но если это и делалось, то в рамках строжайше соблюдаемого этикета. При этом нет оснований полагать, что такого рода попытки были абсолютно безрезультатны. Как будет показано ниже, в качестве главы правитель-

³ Широкую известность получили, в частности, заявления епископа Дюрамского, публично обвинившего Тэтчер в безразличии к "бедным и бессильным", в содействии процветанию тех, кто и так ни в чем не нуждается, и утверждавшего, что ее политика ведет к расколу нации (*Kavanagh D. Thatcherism and British Politics. L., 1987. P. 288-289*). В дальнейшем все более открыто стали высказывать свое неодобрение премьеру и ее политике и другие высшие церковные сановники.

⁴ Широкое паблисити, в частности, приобрели выступления принца Уэльского в защиту окружающей среды, его высказывания по проблеме бедности, безработицы, обострения социальных контрастов и т.п. Не совсем обычным для положения наследника престола была и манера его поведения, общение с людьми явно не его круга. Впрочем, эти моменты не могли не беспокоить и саму королеву.

⁵ *Joung H. Op. cit. P. 488-498.*

⁶ В мемуарах Тэтчер уделяет довольно много места описаниям своего общения с монархом и монаршей семьей, причем особенно подробно и явно не без удовольствия рассказывает она о первом своем визите к королеве, в ходе которого ей было официально поручено сформировать правительство. Однако мы не найдем в этой объемной книге даже намека ни на содержание бесед двух первых леди королевства, ни на влияние этих бесед на принимаемые Тэтчер и ее кабинетом решения.

ства Тэтчер отнюдь не вела себя как уверовавший в идею догматик. И мы с полным на то основанием можем заключить, что ее прагматизм и в целом, и в ряде конкретных вопросов усиливался, "стимулировался" в результате общения с королевой. Тем более что по общему признанию сведущих людей Елизавета II не только самый информированный в стране политик, но и человек, сознающий свое место в политической системе и свою ответственность за положение дел в стране и в Содружестве, официальным главой которого она является.

Гораздо больший простор для инициативы и "самодеятельности" премьера представляли ее отношения с другим, куда более важным институтом государства, каковым является парламент.

В противоположность Э. Хиту Тэтчер, вступив на пост премьера, не только не отдалась от массы заднескамеечников, но, напротив, сделала все, чтобы еще больше укрепить связи с ними. К этому ее, естественно, подталкивали и те непростые отношения, которые сложились у нее с членами кабинета (о чем пойдет речь несколько ниже).

Задача упрочения опоры в парламенте облегчалась для Тэтчер тем, что, став премьер-министром, она в полном соответствии с традицией и законом продолжала оставаться и лидером партии, и лидером парламентской фракции. Как премьер-министр она получала также в свое распоряжение личного парламентского секретаря, призванного служить полномочным представителем премьера среди заднескамеечников.

Вступив в должность, Тэтчер не приминула тут же резко повысить статус назначенного ею нового секретаря, освободив его от ряда других, менее существенных обязанностей. Как отмечал известный британский политолог Дж. Джоунс, за первые четыре года пребывания Тэтчер у власти занимавший этот пост Ян Гоу приобрел беспрецедентное влияние. Он действовал не только как глаза, уши и уста премьер-министра, но и выступал в качестве ее политического советника⁷.

Не удовлетворяясь непосредственными контактами, Тэтчер, особенно в первые годы своего премьерства, продолжала поддерживать и тесные личные отношения с рядовыми консерваторами, используя тот опыт, который накопила за годы пребывания в оппозиции. Наличие специальной резиденции премьера в Вестминстере давало ей благоприятную возможность, используя перерывы или же обычные отлучки с заседаний парламента, постоянно общаться с заднескамеечниками. Предметом особой гордости премьера было, по ее словам, то, что ей не припомнится случай, чтобы она отказала кому-то из них в приеме⁸. Продолжала она общаться с заднескамеечниками и в кулуарах, в столовой, причем благодаря необыкновенной своей памяти она знала по имени не только их, но и их жен, помнила предмет последней беседы с каждым из них и т.п. Благодаря всем этим "мелочам" личностный элемент отношений превращался в весомый политический фактор.

Достаточно интенсивно использовала Тэтчер и службу парламентских "кнутах", назначая на эти должности, как правило, молодых, подающих

⁷ См.: *The British Prime Minister* / Ed. A. King. L., 1985. P. 91.

⁸ *Ibid.* P. 129.

надежды парламентариев. По традиции главный "кнут", имеющий помимо своего основного кабинета в парламенте специальную резиденцию на Даунинг-стрит (соединенную прямым коридором с резиденцией премьер-министра), ежедневно докладывает премьеру о ситуации в Палате общин и получает от него необходимые указания. Тэтчер не только использовала эту традицию, но и поддерживала регулярные контакты с "младшими кнутами", что редко когда делали ее предшественники. Примечательно, что ее первый серьезный разговор с нынешним премьером Джоном Мейджором состоялся как раз в бытность того младшим "кнутом", и произошло это во время обеда, на котором присутствовали ее ближайшие коллеги и единомышленники.

Отдавая себе отчет в исключительной важности парламента как органа, формирующего общественное мнение и мнения избирателей о профессиональных и политических качествах ведущих политических деятелей, Тэтчер не жалела времени и сил на подготовку к дебатам вокруг законопроектов, ответам на вопросы, парламентским дуэлям с лидером оппозиции, другими ее ведущими деятелями. Именно при Тэтчер парламентские дебаты стали транслировать по радио и телевидению, и то обстоятельство, что они передавались выборочно, неизбежно концентрировало внимание слушателей и зрителей на выступлениях премьера и других видных государственных деятелей. В результате каждый мало-мальски интересующийся политикой гражданин мог составить пусть и не очень глубокое, но свое собственное представление о том, кто есть кто в британской политике.

Не будучи выдающимся оратором, Тэтчер тем не менее благодаря своей подготовке, темпераменту, находчивости, знанию фактов и умению оперировать ими с честью выходила из самых сложных ситуаций, не давая загнать себя в угол и почти всегда оставляя за собой последнее слово. Ее резкий, временами пронзительный голос перекрывал почти любой шум в зале, и не было случая, чтобы она стушеввалась и не высказала того, что хотела. Острота наскоков и обвинений лишь возбуждала и подзадоривала ее, и даже недоброжелатели вынуждены были признать, что в споре ей нет или почти нет равных. Примечательно, что в ходе детального обследования, проведенного, правда, уже после того, как ее популярность достигла достаточно высокого уровня, 43% опрошенных заявили, что считают ее "хорошим оратором"⁹. Этот показатель оказался намного выше, чем у любого другого из семи самых известных политических деятелей в стране. Что же касается лидера лейбористов Майкла Фута, то, несмотря на его репутацию выдающегося оратора, его рейтинг оказался заметно ниже. Видимо, одно дело было выступать с речами на традиционных людных митингах единомышленников, чем и славился прежде всего Фут, и совершенно другое дело — участвовать в жарких схватках, требующих не столько ораторского мастерства, сколько знания предмета, напористости, уверенности в своей правоте, даже в своем моральном и политическом превосходстве. По всем этим статьям лидер оппозиции, общий рейтинг которого среди избира-

⁹ Ibid. P. 112.

телей был также крайне низок на протяжении всех двух с половиной лет его пребывания на этом посту (1980–1983), явно уступал Маргарет Тэтчер, и ей было сравнительно легко его переигрывать.

И все же в деле отстаивания своих позиций решающее значение для Тэтчер имела не Палата общин, а ее собственный кабинет министров, и неудивительно, что некоторые обозреватели считали возможным в тот период говорить о последнем как о "малом парламенте"¹⁰.

В механизме государственной власти Великобритании именно кабинет министров, как уже упоминалось выше, является тем средоточием реальной политической власти, из которого исходят и основные управленческие решения, и основная законодательная инициатива. Это отнюдь не только орган исполнительной власти, но и по существу вершина власти законодательной. И это не только потому, что от его имени вносятся в парламент наиболее важные законопроекты, но и потому, что входящие в него министры являются одновременно наиболее влиятельными парламентариями, занимая в Палате общин самые престижные, передние скамьи на стороне правящей партии. Именно с передних скамей парламента вносится бюджет, подавляющая масса биллей, и именно на занимающих их министров ложится основная тяжесть их обоснования и парирования критики, в которой никогда не бывает недостатка.

Хотя чисто формально премьер-министр является не более чем "первым министром" (таково буквальное значение этого титула), в действительности он далеко не просто "первый среди равных". Уже то, что, возглавляя правительство и кабинет, он одновременно является лидером партии, лидером парламентской фракции и главой всей административной машины, именуемой "государственной службой" (civil service), ставит его в совершенно особое положение по отношению к другим членам кабинета. Как утверждал сразу же после отставки Тэтчер в ноябре 1990 г. упоминавшийся в предыдущей главе обозреватель "Файненшл таймс" С. Бриттен, "британский лидер и премьер концентрирует в своих руках больше власти, чем любой другой западный лидер", включая и американского президента. В Соединенных Штатах, аргументировал он свой тезис, президент обладает большей властью непосредственно в кабинете, поскольку его члены обладают только консультативными полномочиями. Однако зато там президент имеет дело с сильным независимым Конгрессом, чего нет в Великобритании¹¹.

Вряд ли утверждение Бриттена является столь уж бесспорным, особенно учитывая наличие ситуаций, когда правящая партия не имеет в парламенте твердого большинства. Он тем не менее абсолютно прав, заявляя об исключительности положения британского премьера и огромной важности тех рычагов влияния, которые находятся в его распоряжении. Эта уникальность положения дает возможность даже склонным к компромиссам премьер-министрам ощущать себя достаточно уверенно в своем кресле и без особого труда утверждать свое верховенство. Уже само по

¹⁰ Например, см.: Economist. 1981. Oct. 10. P. 28. Известный британский политолог А. Кинг приравнивал отношения Тэтчер с ее коллегами по кабинету с отношениями американского президента с ведущими деятелями Конгресса (The British Prime Minister. P. 118).

¹¹ Financial Times. 1990. Nov. 22.

себе право премьер-министра единолично решать вопросы назначения и смещения министров кабинета и правительства¹², в том числе в процессе проводимых им периодических "перетрясок" (reshuffles), является весьма сильным дисциплинирующим средством. Хотя согласно неписанной британской конституции кабинет принимает важнейшие решения коллективно и несет за них коллективную ответственность, последнее слово остается за премьер-министром, который к тому же единолично формулирует повестку дня проводимых не реже чем раз в неделю заседаний. В конце обсуждения обычно не проводится формального голосования, и именно премьер подытоживает его результаты. Он имеет также достаточно широкие возможности влиять на ход обсуждения как своими высказываниями по существу вопроса, так и предоставлением слова в первую очередь сторонникам угодной ему точки зрения. На заседаниях кабинета присутствуют только члены кабинета, располагающиеся за общим столом, напоминающим, согласно Г. Вильсону, "форму гроба"¹³. Если тот или иной член кабинета отсутствует, его может заменить другой министр возглавляемого им министерства, однако ему разрешается присутствовать только во время обсуждения вопросов, затрагивающих сферу компетенции данного министерства. На заседаниях присутствует также секретарь кабинета, который ведет протокол и согласовывает его затем с премьер-министром и членами кабинета. Для участия в обсуждении тех или иных вопросов на заседания могут приглашаться министры или официальные лица из различных министерств и ведомств, но правилом являются полностью закрытые заседания. Это не только обеспечивает неформальный, в чем-то "интимный" характер обсуждений, но и поднимает престиж и авторитет кабинета, окружает его ореолом таинственности и недоступности. Как известно, протоколы заседаний становятся достоянием гласности лишь спустя 30 лет, хотя благодаря откровениям министров, а иногда и самих премьеров многое становится известным и значительно ранее.

Для более углубленной проработки тех или иных проблем при кабинете создаются, большей частью на временной основе, специальные комитеты, формируемые, как правило, исключительно из его членов. Названия и количество этих комитетов, не говоря уже о содержании их заседаний, не подлежат огласке, хотя, конечно же, какие-то сведения время от времени и просачиваются в печать. Неформальный характер

¹² Единственное ограничение, которым связан премьер при назначении примерно 20 членов кабинета, – это санкция монарха. Санкция эта, однако, носит чисто формальный характер и не оказывает абсолютно никакого влияния на состав и характер правительства. Основной состав кабинета – это министры, возглавляющие соответствующие министерства (департаменты). Кроме того, в него входят "главный кнут" парламентской фракции, лидеры обеих палат парламента и председатель партии. Для придания последнему "государственного" статуса он одновременно назначается на пост канцлера герцогства Ланкастерского. В состав правительства входят также около 80 министров более низкого ранга, которые также назначаются из числа парламентариев. Большая их часть сосредоточена в министерствах и выполняет свои обязанности под непосредственным руководством глав министерств, именуемых государственными секретарями. Другая, меньшая часть выполняет функции связующего звена между министрами – членами кабинета и рядовыми парламентариями (их официальное название – парламентские секретари).

¹³ *Wilson H. A prime Minister at Work // The British Prime Minister. P. 30.*

заседаний кабинета и всей системы выработки и принятия его решений, равно как право премьер-министра формировать не только сам кабинет, но и его комитеты, представляет немалый простор для маневра, и неудивительно, что личность каждого из них накладывала тот или иной отпечаток на функционирование этого средоточия власти. Естественно, не преминула сделать это и Маргарет Тэтчер, тем более что она имела на то особые причины.

Первое, что предприняла Тэтчер, так это изменила сам характер заседаний кабинета. В отличие от своих предшественников, которые после вводных замечаний общего характера обычно предоставляли слово члену кабинета, ответственному за подготовку внесенного на обсуждение вопроса, выслушивали с теми или иными репликами мнение присутствующих и только после этого высказывались сами, Тэтчер с самого начала повела заседания принципиально иным способом. Выражаясь ее словами, она "не ждет, когда прыгнет кот", она точно знает, куда он должен направиться, и соответственно этому ведет себя¹⁴. Не рассчитывая на то, что ей удастся с помощью чистой дипломатии склонить присутствующих на свою сторону (как это не без успеха делали ее предшественники, опиравшиеся на лояльность членов кабинета и их принципиальное согласие по стратегически важным направлениям политического курса правительства), Тэтчер сразу же формулировала свою принципиальную позицию по обсуждавшемуся вопросу. Это давало ей возможность активно и решительно отстаивать свою точку зрения на протяжении всего заседания. Подобного рода манера, естественно, была чревата риском поражения, и по ряду вопросов она действительно оставалась в меньшинстве. Тем не менее она сознательно шла на такой риск, предпочитая возможности единодушия сохранение принципиальной позиции.

Казалось бы, такого рода проблемы не должны были возникать в кабинете, единолично формируемом премьер-министром. Однако, так же как и при формировании теневого кабинета, она все же вынуждена была включить в его состав не просто отдельных, не разделявших ее убеждений деятелей, но фактически всех сколько-нибудь влиятельных из них. Как пишет она в своих мемуарах, следуя традиции и здравому смыслу, она должна была "принять во внимание спектр мнений партии"¹⁵.

Хит, по существу, оказался единственным, хотя и весьма неординарным исключением (она предложила ему пост посла в Вашингтоне, от которого он, не желая оставлять политическую арену, отказался). Обойденными оказались и некоторые из второстепенных ее оппонентов.

Единственное, что в этой ситуации могла позволить себе Тэтчер, так это назначить своих ближайших единомышленников на ключевые посты в экономических министерствах. И она, конечно же, не преминула сделать это. Так, на наиболее влиятельный в правительстве пост министра финансов ("канцлера казначейства" по английской терминологии) был назначен активно сотрудничавший с ней в оппозиции и убежденный

¹⁴ *Kavanagh D.* Op. cit. P. 252.

¹⁵ *Thatcher M.* The Downing Street Years. L., 1993. P. 25.

сторонник неолиберальной экономической стратегии сэр Джеффри Хау. Пост министра промышленности и торговли был отдан ее ближайшему сподвижнику Киту Джозефу. На посту председателя партии остался сохранивший лояльность лорд Торникрофт. Ряд ответственных должностей в кабинете и правительстве был отдан менее известным, но уже достаточно основательно зарекомендовавшим себя "тэтчеристам" (Дж. Нотт, Н. Теббит, С. Паркинсон, Р. Бойсон, Дж. Биффен и др.). В числе деятелей, придерживавшихся скорее антитэтчеристской или, точнее, традиционно "макмиллановской" ориентации, назначенных в кабинет, выделялись такие известные фигуры, как министр по делам занятости Дж. Прайор, министр иностранных дел лорд Каррингтон, министр обороны Ян Гильмор, министр сельского хозяйства П. Уокер, министр, ответственный за гражданскую службу, лорд Сомс, министр обороны Фр. Пим, лидер палаты общин Н. Джон Стивас. Некоторые из членов кабинета и правительства не были ни стопроцентными "тэтчеристами", ни убежденными последователями "макмиллановской" традиции. К ним относились прежде всего заместитель премьера Уильям Уайтлоу и министр окружающей среды Майкл Хезелтайн. Хотя печать того времени нередко причисляла их обоих к группе противников Тэтчер, в действительности они были в течение всего срока пребывания в составе кабинета скорее ее сохранявшими собственное лицо сторонниками. Правда, Хезелтайн впоследствии рассорился с ней и стал ее главным соперником. Однако и тогда он не идентифицировался с деятелями типа Прайора и Уокера и, как мы увидим ниже, сумел остаться самим собой. На первых порах некоторые обозреватели причисляли к группе оппозиционеров Тэтчер и Дж. Хау, но, как вскоре выяснилось, он оказался одним из наиболее последовательных сторонников "тэтчеристской" экономической политики. Тем не менее определенные основания для сомнений его лояльности были, ибо не кто иной, как Хау, после десятилетия лет верной службы подставил ей осенью 1990 г. роковую подножку (о чем подробно будет сказано в последней главе).

Учитывая столь неблагоприятное для Тэтчер соотношение сил в кабинете, удивляет не то, что она нередко оставалась в меньшинстве и даже, по мнению некоторых наблюдателей, находилась в оппозиции к своему собственному правительству¹⁶, а то, что по большинству принципиальных вопросов она одерживала верх. Очевидно, помимо отмеченных выше преимуществ премьера немалую, а может быть даже и решающую, роль играло срежиссированное ею распределение ролей в кабинете. Занимавшие ключевые посты в экономических министерствах деятели, естественно, предлагали решения и законопроекты, которые вписывались, хотя и не всегда идеально, в "тэтчеристский" курс, и, после того как они становились на обсуждение, отклонить их даже большинству было не так-то просто.

Как мало кто другой, она умела использовать слабости своих оппонентов, заключающиеся отнюдь не в их "мягкотелости", но прежде всего в разобщенности и отсутствии четкой и убедительной альтернативы

¹⁶ См., например: Economist. 1981. Oct. 10. P. 22-27; Financial Times. 1987. Apr. 9.

отстаивавшейся ими стратегии. Это, бесспорно, сказывалось на их аргументации, заставляло сплошь и рядом пасовать перед напором и доводами премьера.

Конечно же, подобного рода агрессивная манера ведения дискуссий требовала от Тэтчер по крайней мере столь же глубокого знания обсуждавшегося предмета, что и у ее оппонентов, и она прилагала огромные усилия, чтобы не выглядеть менее информированной, чем ее министры. Ее феноменальная работоспособность поражала даже самых крепких и усидчивых деятелей из ее окружения. Рабочий день Тэтчер начинался обычно с 6.30 утра и продолжался с небольшими перерывами до 1–2 часов ночи. На намеки о том, что она чрезмерно увлекается мелочами и хочет до всего докопаться сама, она обычно отвечала: "Или вы оседлаете факты, или факты оседлают вас"¹⁷. При всем этом она выглядела всегда бодрой, энергичной и не считала, что делает что-то сверх того, что ей "положено" или необходимо.

Напористость и прекрасное знание фактической стороны дела позволяли ей одерживать верх даже, казалось бы, в безнадежных ситуациях. При всем том существовавший в кабинете расклад сил серьезно мешал Тэтчер проводить собственную политику, и это вынуждало ее искать обходные пути выработки и принятия необходимых с ее точки зрения решений. Широкие возможности здесь предоставляла ей отмечавшаяся выше возможность формировать комитеты кабинета, которые она начала все шире использовать для проработки, а иногда и принятия ответственных правительственных решений. Особая роль при этом была отведена ею комитету экономической политики, куда, естественно, вошли все ее единомышленники. Правда, наряду с ними ей пришлось включить туда и министра по вопросам занятости Дж. Прайора, поскольку в ведении его министерства находились вопросы, связанные с использованием рабочей силы, ее подготовки и переподготовки, с политикой в области безработицы и, что было важнее всего, отношений с профсоюзами.

Широкое использование комитетов, создававшихся по наиболее важным направлениям правительственной политики, не только существенно укрепляло позиции премьер-министра, но и позволяло осуществлять более глубокую и профессиональную проработку принимаемых решений. Именно на эту сторону дела обращают внимание авторы исследования, посвященного изменениям в политическом механизме в первые годы пребывания Тэтчер у власти. В отличие от кабинета, обсуждающего уже практически готовые законопроекты и другие важные политические предложения, комитеты осуществляют длительную профессиональную экспертизу, привлекают компетентных государственных служащих и специалистов из различных ведомств и учреждений, консультируются с представителями влиятельных заинтересованных групп. В результате вся система выработки и принятия решений становится более эшелонированной в глубину и одновременно опирается на более широкую профессиональную проработку. Логическим завершением этой системы должно

¹⁷ The British Prime Minister. P. 130–131.

было бы быть принятие окончательных решений всем составом кабинета, однако Тэтчер этой последней стадии по возможности старалась избежать. Более того, в целом ряде случаев решения принимались узкой группой членов кабинета во главе с премьером, минуя кабинет и комитеты. Так, в частности, было принято одно из важнейших внешнеполитических решений о покупке американских ракет "Трайидент" для обновляющегося подводного флота в июле 1980 г., обошедшееся налогоплательщику более чем в 10 млрд ф. ст.¹⁸ В феврале 1981 г. таким же образом было принято решение об отказе от закрытия двадцати с лишним угольных шахт.

Правда, нельзя сказать, что Тэтчер была здесь очень уж оригинальна. В ряде случаев премьер-министры и до нее принимали ответственнейшие решения в обход кабинета. Так, в частности, решение о производстве британской атомной бомбы было принято первым послевоенным премьером К. Эттли лишь при консультации с министрами – членами подкомитета по обороне. Кабинет же был впоследствии только поставлен об этом в известность, причем довольно оригинальным способом – путем ознакомления его членов с соответствующим протоколом. Как писал один из них – Р. Кроссмэн, "не было произнесено ни одного слова"¹⁹. Члены же парламента узнали об этом уже от сменившего Эттли У. Черчилля в 1951 г., т.е. после того, как была успешно испытана первая английская ядерная бомба. Аналогичным образом сменивший Черчилля А. Иден провел подготовку к англо-французскому вторжению в Порт-Саид, а затем принял решение об этом вторжении, положившем начало печально известной Суэцкой акции, лишь в узком кругу наиболее приближенных членов кабинета и советников. Без обсуждения в кабинете преемником Идена Г. Макмилланом был осуществлен в конце 50-х – начале 60-х годов кардинальный поворот во внешнеполитической ориентации страны в сторону сближения с Европой²⁰. То же самое, наконец, можно сказать и о решении Э. Хита осуществить знаменитый поворот на 180°, реализованный им спустя два года после прихода к власти.

Так что ничего нового в установившуюся практику игнорирования кабинета при подготовке и принятии важнейших политических решений Тэтчер не внесла, и удивляет здесь скорее не столько сама эта практика, сколько то, что, оставаясь в меньшинстве в кабинете и еще не упрочив как следует своих позиций в системе власти, Тэтчер начала столь широко ее использовать. Естественно, что это сказывалось на ситуации внутри кабинета и правительства и обостряло и без того не слишком корректные ее отношения с рядом министров. Более того, создавалось впечатление, что Тэтчер вполне сознательно идет на это.

Впрочем, не оставалась в долгу и "противная" сторона. Чисто внешним проявлением подобного рода взаимной нетерпимости стало то откровенно неуважительное отношение, которое начали демонстрировать по отношению друг к другу обе главные группировки. Оппоненты Тэтчер в

¹⁸ Ibid. P. 124.

¹⁹ Crossman R.H.S. Prime Ministerial Government // The British Prime Minister. P. 191–192.

²⁰ Ibid. P. 166.

частных беседах, а иногда и более открыто нередко весьма нелестно отзывались о ней, отпускали язвительные шуточки, давали обидные прозвища. В то же время с подачи тэтчеристов и самой Тэтчер к ним самым прочно прилипла кличка "wets", или "мягкотелые" (буквально – "сырые")²¹, от которой они так и не смогли "отмыться".

В свою очередь лиц, принадлежащих к тэтчеристской группировке, вскоре стали именовать по принципу от противного "жесткими" или, точнее, "сухими" ("dryies"). Так новая политическая реальность тут же сказалась на британском политическом лексиконе, традиционные штампы которого типа "левые", "правые", "центр" оказались в новой ситуации неспособными отразить усложнившуюся политическую палитру.

Дело, однако, не ограничивалось чисто словесными дуэлями. Ставки с обеих сторон были слишком высоки, и это неизбежно ставило вопрос в куда более серьезную плоскость: "кто кого".

Самый серьезный кризис, во многом предопределявший и все последующее развитие событий, произошел летом 1981 г., в момент, когда позиции Тэтчер оказались под особенно сильным огнем критики в стране (о чем подробнее ниже). Воспользовавшись этим, ее оппоненты добились того, чтобы экономическая политика обсуждалась кабинетом в полном его составе²². Как рассказывает она в своих мемуарах, в середине июня кабинет в течение двух часов обсуждал экономическую стратегию, основанную на материалах, представленных министерством финансов и обосновывавших правильность жесткого монетаристского курса. Однако некоторые министры пытались дать иную, преимущественно негативную оценку ситуации. Новое, решающее столкновение произошло на заседании 23 июля. Перед заседанием, признается она, "я сказала Денису (мужу), что мы зашли так далеко не для того, чтобы повернуть назад. Я не останусь премьер-министром, если не смогу отстоять принятую стратегию"²³. "Произошедшее на заседании столкновение мнений, – пишет она далее, – явилось одним из самых острых не только по вопросу экономики, но и по любому другому вопросу, о котором я могу вспомнить за все время моего премьерства. Даже те, кто, как Дж. Нотт, выступал за здоровые финансы, атаковали предложения Хау как чрезмерно жесткие. Это было так, будто терпение внезапно лопнуло. Я тоже страшно обозлилась... И я просто бросилась на защиту канцлера казначейства со всей своей силой и решимостью... Я была убеждена, что стратегия должна сохраняться. Но когда я закрывала заседание, я знала, что слишком много членов кабинета не разделяют этой точки зрения. Больше того, после всего, что было сказано, мы уже не сможем действовать как одна команда"²⁴.

Впрочем, Тэтчер и не думала сдаваться, тем более что в "резерве" у нее

²¹ Впервые это прозвище появилось еще в 60-х годах, когда деятели правоконсервативного "Клуба понедельника", отстаивавшие правление "Белого меньшинства" в тогдашней Родезии, нацелили ее на тех представителей партии тори, которые, с их точки зрения, проявляли пораженческие настроения и выступали против признания основанного на расовых привилегиях режима.

²² The British Prime Minister. P. 117.

²³ Thatcher M. Op. cit. P. 148.

²⁴ Ibid.

оставался такой мощный рычаг воздействия на министров, как упомянутое выше право на "перетряски" (reshuffles) состава кабинета и правительства. И Тэтчер, конечно же, постаралась в полную силу его использовать. Еще в январе 1981 г. она нанесла первый, скорее предваряющий удар по своим противникам в кабинете, довольно бесцеремонно удалив из его состава лидера палаты общин Дж. Стиваса. Причиной отставки послужила не только публичная критика им некоторых действий премьер-министра, но и то, что он позволял себе нелицеприятные колкости в ее адрес. Как пишет она сама, Стивас "имел первоклассный ум и отличался остроумием. Но он обратил неуважительность в политический принцип". Главное же заключалось в том, что некоторые министры не ограничивались нюансами в презентации правительственной политики, а "пытались дискредитировать саму стратегию. Такое, – подытоживает она, – нельзя было терпеть дальше"²⁵. Естественно, что не оставила она без ответа и тот вызов, о котором шла речь выше. Причем на сей раз она уже не ограничивалась предупредительным ударом, а была, что называется, "на поражение"²⁶.

Жертвами произведенной ею в сентябре "большой перетряски" стали такие влиятельные фигуры, как главный идеолог традиционалистов министр обороны Ян Гильмор, лорд-президент – глава государственной службы Соумс, а также министр образования М. Карлиси. Одновременно был отстранен с поста председателя консервативной партии и член кабинета, не выдержавший летом 1981 г. испытания на лояльность, лорд Торникрофт. Оставив наиболее влиятельного из оппозиционных ей министров Дж. Прайера в составе кабинета, она тем не менее переместила его на пост министра по делам Северной Ирландии, и он был обречен на относительную изоляцию, особенно от социально-экономических министерств. На место смещенных и перемещенных деятелей Тэтчер ввела в кабинет "второе поколение" решительных и энергичных своих сторонников – Нормана Теббита, Леона Бриттана, Николаса Ридли и Сесилия Паркинсона.

Используя весь имеющийся в ее распоряжении арсенал давления на "непокорных" и наглядно показав, чем может эта непокорность обернуться, она получила значительно большую свободу рук, нежели прежде.

Как будет подробно показано ниже, действуя столь решительно, Тэтчер опиралась на далеко не символическую поддержку "внешних" сил. К тому же элемент особой, "тэтчеристской" хватки, ее умение использовать права и прерогативы "первого министра" были далеко не последними факторами, решившими исход дела.

Держать в повиновении своих коллег по кабинету Тэтчер помогал в меру своих сил ее пресс-секретарь, на должность которого она назначила бывшего журналиста, а затем высокопоставленного государственного

²⁵ Ibid. P. 130–131.

²⁶ "События, последовавшие после описанного выше заседания, и, в частности, продолжавшиеся утечки информации со стороны некоторых министров, – объясняет она свои действия, – убедили меня в том, что большая перетряска необходима как для того, чтобы экономическая политика могла продолжаться, так и для того, чтобы я, возможно, оставалась у власти" (Ibid. P. 150).

служащего Бернарда Ингхэма. В отличие от лиц, занимающих эту должность при прежних премьер-министрах, Ингхэм нередко выходил за рамки информирования прессы о решениях, принимаемых премьер-министром и кабинетом. В ходе его еженедельных встреч с журналистами он, информируя их (со слов премьера или секретаря кабинета) о только что окончившемся заседании и отвечая на их вопросы, время от времени высказывал в довольно бесцеремонной форме замечания, по которым присутствующие довольно легко могли судить о том, насколько прочно тот или иной министр сидит в своем кресле. Именно он в канун отставки Дж. Стиваса обвинил его в утечке информации и таким образом предварил решение о его отставке. Примерно такую же роль сыграл он в момент отставок Ф. Пима, М. Хезелтайна, Л. Бриттана, Дж. Биффена, Дж. Хау и некоторых других членов кабинета. Как писал известный обозреватель Р. Харрис после отставки Тэтчер и вслед за ней Ингхэма, он участвовал в вытеснении из состава кабинета примерно четверти всего его первоначального состава²⁷. Естественно, делал все это он не по собственной инициативе. По словам Харриса, Тэтчер имела обыкновение спрашивать своего пресс-секретаря: "Не пора ли нам отказать в наших симпатиях такому-то?" После нескольких отставок, пишет Харрис, многие министры стали изучать прессу как "нервные крелинологи", пытаясь определить, не настал ли их черед.

Немалую роль в укреплении позиций Тэтчер сыграли члены кабинета, которые по своим убеждениям были скорее ближе к "мягким" тори, однако ставили лояльность по отношению к лидеру партии выше своих личных пристрастий. Особенно большую роль в этом плане играл такой многоопытный и авторитетный деятель, как Уильям Уайтлоу. Назначенный Тэтчер на пост заместителя премьер-министра и министра внутренних дел и занимая второе после нее место в министерской иерархии, он служил одновременно и "амортизатором", смягчающим наскоки сторон друг на друга, и надежным плечом премьера. Оценивая роль Уайтлоу уже после драматической отставки Тэтчер в ноябре 1990 г. (к этому времени он уже переместился в палату лордов и не входил в состав правительства), некоторые журналисты отмечали поистине уникальную роль, которую он играл особенно в первые годы правления Тэтчер, когда страсти с обеих сторон накалялись до предела. Используя свой авторитет в партии и стране, он способствовал поддержанию репутации премьер-министра в качестве деятеля, опирающегося не на секту, а на влиятельных представителей основных группировок партийного истеблишмента. По мнению некоторых обозревателей, без поддержки Уайтлоу Тэтчер вряд ли вообще смогла бы удержаться у власти²⁸.

Помимо кабинета и его комитетов важное место в системе выработки и принятия решений исполнительной власти в Британии занимает институт политических советников премьера и кабинета. Получив от своих предшественников группу личных советников (Policy unit) и группу пла-

²⁷ Sunday Times. 1990. Dec. 9.

²⁸ Как писал по горячим следам событий "Экономист", именно благодаря Уайтлоу Тэтчер удалось осуществить так много для нее значившую "большую перестройку и перетряску сентября 1981 г." (Economist. 1981. Oct. 10. P. 28).

нирования центральной политики (Central Policy Review staff), созданную Хитом в качестве "мозгового треста" при кабинете министров, Тэтчер не преминула внести существенные коррективы в функционирование этих структур. На место группы политических советников из десяти человек она назначила, не упраздняя саму группу как официальное подразделение, всего двух своих ближайших единомышленников. Один из них – Джон Хоскинс (получивший пост главы подразделения), другой – Норман Страус, специалист по системным исследованиям из всемирно известной фирмы "Юниливер". В помощь им была придана пара высокопоставленных государственных служащих, сохранивших свои посты в министерствах. Кроме того, время от времени она привлекала в качестве политических советников лиц, близких ей по годам оппозиции, на временной, "разовой" основе (Хью Томас, Альфред Шерман и некоторые другие). В качестве своего личного экономического советника она привлекла в январе 1981 г. Алана Уолтерса. При преемнике Хоскинса Ф. Маунте численность группы личных политических советников достигла девяти, т.е. стала такой же, как и при Хите. Больше того, в результате привлечения советников на временной основе фактическое их число даже возросло, и это, естественно, не могло не сказаться на общей расстановке сил на Даунинг-стрит, 10. Дело, однако, было отнюдь не только в количестве, но и в той особой, исключительной роли, которую стали некоторые из них играть в системе власти. Влияние Хоскинса и Уолтерса можно без преувеличения сравнить с влиянием близких к Тэтчер членов кабинета. Им были предоставлены самые широкие права в области разработки основных направлений правительственной политики. Как сообщала "Санди таймс" в ноябре 1979 г., Хоскинс представил от имени своей группы конфиденциальный документ, в котором предлагал собственную версию правительственной политики по таким вопросам, как поощрение мелкого бизнеса путем распределения в нем правительственных заказов; меры, направленные на ослабление профсоюзов, снижение влияния защитников окружающей среды на предпринимательскую активность, ограничение привилегий государственных служащих. Примечательно, что, несмотря на прямое вторжение в сферу компетенции министерства занятости, его глава, Дж. Прайор, которого газета называла "наиболее важным потенциальным критиком экономической политики Тэтчер-Хау", не вошел в узкую группу министров, приглашенных для обсуждения представленных Хоскинсом предложений²⁹.

Еще бóльшим влиянием стал пользоваться А. Уолтерс, советы которого по существу легли в основу экономической политики Тэтчер. Само приглашение его на пост экономического советника было результатом стремления Тэтчер укрепить свои позиции и свою аргументацию в том противостоянии с ее оппонентами, которое началось сразу же после формирования кабинета и в котором Тэтчер не всегда чувствовала себя достаточно хорошо подготовленной. Примечательно, что в свое время Вильсон, сформировав в 1964 г. лейбористское правительство, также почувствовал необходимость в советах и рекомен-

²⁹ Sunday Times, 1979. Nov. 18.

дациях экономистов, симпатизирующих лейбористам и разделяющих их стремление начать проводить активную политику экономического роста и научно-технического прогресса. На учрежденный новым премьером пост экономического советника был приглашен тогда всемирно известный экономист Томас Балог (впоследствии лорд Балог). Однако, испытывая мощнейшее давление со стороны финансовых кругов Сити и министерства финансов, Вильсон предпочел оставлять советы Балога без последствий и так и не решился на то, чтобы пойти на радикальные меры по стимулированию научно-технического обновления британской промышленности. Предлагавшаяся его ближайшими коллегами и Балогом девальвация фунта стерлингов была отложена им на два года, момент был упущен. Как заявлял потом, как бы извиняя Вильсона, Балог, "дело эксперта – говорить политику, что нужно делать, но не его дело определять, насколько это политически возможно"³⁰.

Не в пример Вильсону, Тэтчер и ее личные советники, напротив, считали, что задача экспертов состоит не просто в том, чтобы давать рекомендации, но и добиваться того, чтобы они осуществлялись на деле. Во всяком случае, мнение Алана Уолтерса для Тэтчер значило подчас куда больше, чем мнение любого из ее министров, и в том числе – непосредственно ответственного за экономическую политику – канцлера казначейства³¹. Как мы увидим позже, один из них – Н. Лоусон, не желая быть на вторых ролях, не выдержал такого унижения, хлопнул дверью и подал в отставку.

Помимо института политических советников Тэтчер получила в наследство от своих предшественников созданный Хитом "мозговой трест". Поскольку ее явно не устраивала "приписка" к кабинету министров, она вначале попыталась использовать его в качестве части своего личного аппарата³². Однако и официальный статус этого учреждения, и, главное, довольно быстрое освоение премьером собственных каналов получения экспертизы побудили ее в скором времени принять решение об упразднении "Группы планирования центральной политики". Так, поставив вначале группу в положение, при котором она мало что могла добавить к политическому весу кабинета, а затем и ликвидировав ее, Тэтчер нанесла еще один, пусть и в чем-то символический, удар по реальному весу кабинета как института власти.

Помимо использования в качестве "сил поддержки" института профессиональных советников Тэтчер не прекратила и усилий, нацеленных на

³⁰ Observer. 1968. Nov. 9. P. 40.

³¹ В опубликованной в 1986 г. книге "Экономическое возрождение Британии" Уолтерс утверждал, что именно монетаристская стратегия, убежденным сторонником и проводником которой он являлся, вывела страну из экономического тупика. Помещая хвалебную рецензию на эту книгу и оценивая его роль в качестве советника, газета "Таймс" отмечала, что потребовалась сила убеждения монетариста Уолтерса, чтобы помочь осуществить переход с позиций "широких денег" на позиции "узких денег". Выражая сожаление по поводу того, что, пробыв два года на Даунинг-стрит и получив почетный титул "рыцаря", Уолтерс вернулся в США, автор рецензии довольно прозаично намекал на то, что после этого решимость Тэтчер проводить жесткую монетаристскую политику заметно поубавилась (Times, 1986. Mar. 27).

³² Economist. 1979. May 26. P. 24.

более прочное идеологическое и теоретическое обоснование своей политики. Важную роль здесь играл организованный ею семинар по вопросам теории и практики современного консерватизма, основными участниками которого были те лица, которые составляли ее интеллектуальное окружение в годы пребывания в оппозиции. Эпизодическое участие в семинаре принимал Милтон Фридман, которому во время его визита в 1980 г. был обеспечен широкий доступ к средствам массовой информации. По его работам и при его участии были сняты серия телевизионных фильмов под общим названием "Свобода выбора", издана его книга под тем же названием. Однако главным событием визита явились посещения Даунинг-стрит, 10, во время которых, как сообщала печать, он консультировал Тэтчер и ее коллег по кабинету³³.

Успехи Тэтчер в утверждении своей доминирующей роли в системе власти тем более впечатляют, что они одержаны были без каких-либо существенных изменений в самом механизме принятия решений. Она наотрез отвергла предложения некоторых своих ближайших советников о создании "департамента премьер-министра", который служил бы ей опорой для более решительных и самостоятельных действий. Скорее всего, она почувствовала в этом предложении опасность институционализации конфликта и предпочла действовать более привычными и гибкими неформальными методами. Тем более что их эффективность оказалась столь высока, что позволила ей уже спустя два года после выборов стать одним из наиболее "крепких" премьер-министров страны. Как мы увидим ниже, этому способствовал и ряд других, чисто политических и социально-экономических факторов. Тем не менее и после этого Тэтчер продолжала достаточно широко использовать описанные выше методы "дистанцирования" от своих коллег по кабинету, причем, как оказалось впоследствии, не без нежелательных последствий уже и для самой себя.

Об этих последствиях, кстати, заранее предупреждали некоторые из наиболее проницательных британских политологов. В опубликованной в 1984 г. и переизданной в 1985 г. книге "Британский премьер-министр" ее редактор и один из основных авторов Антоний Кинг, в частности, писал: "По мере того как пребывание на Даунинг-стрит, 10 продолжается, возрастает опасность того, что она (Тэтчер) может в будущем попасть в ловушку преувеличения собственного политического веса... Как отмечал много времени тому назад Макиавелли, страх является самым эффективным из всех политических средств, но только до тех пор, пока он может поддерживаться. Если же по каким-то причинам люди перестают бояться, они одновременно перестают быть послушными и, более того, становятся способными проявить жестокость по отношению к тому, кто однажды наводил на них страх"³⁴.

В свете случившегося позднее последние слова звучат особенно пророчески, однако в период, о котором здесь идет речь, до исполнения этого пророчества было еще очень далеко. Тэтчер только осваивала механизм

³³ Political Quarterly. 1980. N 3. P. 349-354.

³⁴ King A. Margaret Thatcher: The Stile of a Prime Minister // The British Prime Minister. P. 135-136.

власти, и один из важнейших государственных институтов, который ей также предстояло взять под свой контроль, был постоянный чиновничий аппарат, официальным главой которого она как премьер становилась.

Роль и место "гражданской службы" (как обычно именуется в Британии этот аппарат) определяется прежде всего тем, что она осуществляет функции предварительной проработки и реализации основных управленческих решений. С одной стороны, она как бы выдает "черновые" проекты этих решений, а с другой – обеспечивает их выполнение уж после того, как они прошли окончательную доводку и апробацию в вышестоящих институтах исполнительной и законодательной власти. Иначе говоря, она выполняет важнейшую часть обеих составляющих управленческого процесса, который без ее участия вообще не мог бы состояться.

Несмотря на лежащую в основе всей деятельности гражданской службы доктрину политической нейтральности, эта деятельность отнюдь не носит чисто технического или вспомогательного характера. Нейтральность эта понимается и по возможности соблюдается лишь в плане дистанцирования от партийно-политических пристрастий и партийно-политической борьбы с тем, чтобы постоянный госаппарат был готов к конструктивному сотрудничеству с правительством любой партийной окраски³⁵. Учитывая же выполняемые этим аппаратом функции политического управления, его роль как политического института очевидна. Помимо масштаба и характера выполняемых функций она вытекает также из тех политических пристрастий, которые в нем неизбежно проявляются как в силу определенной корпоративной общности государственной бюрократии, имеющей собственные интересы, так и в силу доминирующих в его среде общественно-политических взглядов и концепций.

Как и в любой другой стране, и, может быть, даже больше чем где-либо, административно-бюрократический аппарат в Великобритании строго иерархизирован. Вплоть до конца 60-х годов он был разбит на многие десятки достаточно изолированных друг от друга "классов", высшим из которых являлся "административный" класс, насчитывавший около 3–4 тыс. человек. Общая же численность государственных служащих в послевоенный период составляла (включая служащих местного управления) 500–600 тыс. человек. По рекомендации комиссии Фултона, созданной в 1966 г. тогдашним лейбористским правительством Вильсона классы были упразднены, сохранилось деление на укрупненные категории. Растворения элиты в основной массе госслужащих не произошло и "высшая гражданская служба", как стал именоваться несколько расши-

³⁵ Хотя государственным служащим не возбраняется быть членом той или иной партии, они могут принимать лишь ограниченное участие в партийно-политической деятельности. Во-первых, такая деятельность разрешается только в неслужебное время и она не может вестись по месту службы. Во-вторых, государственные служащие, включая военных, полицейских, не могут выдвинуть свою кандидатуру даже в самый низший представительный орган власти, не подавая одновременно в отставку со своего поста. Не могут они быть и партийными функционерами. Обычно их участие в партийно-политической жизни ограничивается участием в выборах и, если они состоят в партии, уплатой членских взносов.

рившийся административный класс, начала насчитывать примерно 6 тыс. человек.

Наиболее влиятельная группа "гражданской службы" – это постоянные секретари министерств и их заместители, возглавляющие весь административно-бюрократический аппарат и выполняющие функции "передаточного звена" от этого аппарата к соответствующим министрам. Влияние этих людей, аккумулирующих немалый политический вес госаппарата и связанных с мощными группами интересов, настолько велико, что многие исследователи приравнивают его (а иногда и ставят выше) влиянию правительства и кабинета министров. Как писал, например, Иван Майский, много лет проведенный в качестве посла СССР в Великобритании и проявлявший глубокий интерес к политической жизни этой страны, "хотя де-юре Великобританией правит парламент и выдвигаемый из его среды кабинет министров, де-факто эту задачу выполняет высшая бюрократия..." Помимо своих собственных наблюдений Майский ссылается на мнение одного из основателей Фабианского общества Беатрисы Вебб, также считавшую, что "действительно управляет Англией и Империей высшая бюрократия"³⁶. Сторонников подобной точки зрения немало и среди современных британских политиков и обществоведов³⁷.

Представляется, однако, что ближе к истине те из них, которые не противопоставляют представительные органы власти (каковыми по существу являются не только парламент, но и кабинет министров) и постоянный госаппарат, а считают их взаимодополняющими друг друга. Причем не столько в том смысле, что одни дают указания, а другие их выполняют, сколько в смысле их взаимного политического влияния друг на друга.

В основе власти, которой располагает госаппарат и его верхушка, не только огромный опыт управленческой и законотворческой деятельности, но и прекрасное знание социальной и политической обстановки в стране, уже упоминавшиеся тесные связи и контакты с миром бизнеса, профсоюзами, экологистами, другими общественно-политическими силами. При каждом министерстве в Великобритании, как, впрочем, и в других странах Запада, существуют исчисляемые иногда десятками комитеты, в которых регулярно вместе с чиновниками и независимыми экспертами заседают представители различных групп и объединений по интересам³⁸. Осуществляя консультативные функции по тем или иным направлениям деятельности министерств, они вырабатывают рекомендации, учитывающие не только назревшие общественные потребности, но и расстановку социально-политических сил в стране. В деликатной сфере отношений министра, особенно начинающего, с постоянным

³⁶ Майский И. Воспоминания советского посла. М., 1964. С. 75–76.

³⁷ См. обзор этих книг в: *New Statesman*. 1980. June 6. P. 860–862.

³⁸ Согласно официальным данным, количество таких органов, именуемых как "квазиправительственные", только за 1950–1975 гг. увеличилось в 3 раза и составило в середине 70-х годов почти две с половиной сотни (*Public Administration*. 1979. Autumn. P. 315). Подробно о консультативных комитетах см.: Современный капитализм: политические отношения и институты власти. М., 1984. С. 178–200.

аппаратом министерства и его главой каждая сторона располагает своими позициями силы и своими "эшелонами поддержки", и, как свидетельствует накопленный за многие годы опыт, верх далеко не всегда одерживает министр. То же самое можно сказать и об отношениях правительства и государственной службы в целом, которые складываются далеко не просто. Именно постоянный госаппарат, как уже отмечалось, непосредственно подготавливает законопроекты и другие государственные акты и решения. И хотя в принципе он должен при их разработке руководствоваться общими политическими установками правительства, не менее важным для него является учет других факторов, о которых шла речь выше и которые имеют для него самое первостепенное значение.

По общему мнению исследователей британской системы власти, политическая роль госаппарата обычно сводится к тому, что он выступает как сдерживающая, "выравнивающая" сила. Лейбористам он не дает отклоняться чересчур влево, в направлении излишней уравнительности, а консерваторов удерживает от чрезмерного "правого склонения", особенно в вопросах социально-экономической политики. В целом его "философия", как она сложилась в течение ряда довоенных и особенно послевоенных десятилетий, вполне укладывалась в рамки той умеренно-реформистской политики, которую проводили и консервативные, и лейбористские правительства. И это вполне устраивало и тех и других.

Из всего, что мы уже знаем о Тэтчер и ее единомышленниках, такой подход вступал в серьезные противоречия с их философией, и потому одной из задач, вставшей перед новым премьер-министром, была далеко идущая переориентация госаппарата в удобном ей направлении.

Хотя премьер-министр является "политическим шефом" министерства государственной службы (Civil Service Department), повседневное практическое руководство этим органом, ведающим прежде всего кадровыми перемещениями, структурной реорганизацией и вопросами финансирования госаппарата, осуществляется назначаемым им министром по делам гражданской службы, являющимся одновременно членом кабинета. Двойное подчинение государственных служащих, и, в частности, тот факт, что министр не имеет права назначать и смещать служащих собственного министерства, ставит последних, и особенно их высший эшелон, в особое положение по отношению к соответствующим министрам, позволяя верхушке постоянного аппарата действовать как своего рода полунезависимый клан, имеющий собственные приоритеты.

Придя к власти, Тэтчер унаследовала положение, при котором обычной практикой было чисто формальное утверждение премьер-министром наиболее ответственных изменений в составе и формировании госаппарата. И на первых порах многие полагали, что так оно останется и впредь. А некоторые из бывших министров даже публично заявляли, что пройдет совсем немного времени и давление государственной службы вынудит Тэтчер свернуть на проторенную дорожку политики консенсуса и забыть о предвыборных обещаниях³⁹.

³⁹ Conservative Century / Ed. A. Seldon and St. Ball. Oxford, 1994. P. 390.

Однако еще до выборов Тэтчер и ее ближайшие соратники, предвидя возможную обструкцию со стороны чиновничества, продумывали меры, которые помогли бы им ее преодолеть.

Первым и, пожалуй, наиболее серьезным нововведением Тэтчер было то, что сразу же по вступлении в должность она поломала практику автоматического утверждения премьером предлагавшихся изменений в структуре и составе госаппарата. При первых же новых назначениях она завернула подготовленный специальным комитетом по отбору кандидатур на высшие посты этого аппарата список перемещений и стала непосредственно контролировать весь этот процесс. Причем не просто контролировать, но предлагать собственные кандидатуры и отвергать те, которые по тем или иным причинам не устраивали ее. Главная цель при этом состояла в том, чтобы поставить на ключевые посты энергичных и близких ей по духу и по подходам специалистов и одновременно освободиться от людей, олицетворявших "старый" реформистский режим. По сути дела это была еще одна линия наступления на позиции умеренных в кабинете и правительстве, попытка обойти их с тыла. Линия эта выдерживалась настолько последовательно, что уже летом 1980 г. еженедельник "Нью стейтсмен" писал о "настоящей войне", объявленной против "манدارинов" гражданской службы (так нередко называют в Британии наиболее влиятельных и высокопоставленных ее представителей). Цель этой войны, писал еженедельник, состоит в том, чтобы трансформировать политику консенсуса "батскеллистского" типа. Высшие государственные служащие, утверждал он, смещаются дюжинами, идет перетряска администраторов внутри департаментов⁴⁰. В чем-то еженедельник, встревоженный начавшейся "тэтчеристской революцией" сгущал краски, ибо основной костяк государственных служащих сохранялся. По сообщению газеты "Таймс", к февралю 1980 г. было заменено 17 постоянных секретарей и их заместителей, что составило менее десятой части лиц этой категории⁴¹. Тем не менее перемещения, производившиеся Тэтчер на наиболее важных постах, создавали в высших эшелонах государственной бюрократии обстановку неуверенности, резко усиливали позиции протэтчеристски ориентированных "мандаринов", меняли общий политический и психологический настрой в угодном премьер-министру духе.

Не удовлетворяясь персональными перемещениями, Тэтчер в 1981 г. решила избавиться от "посредника" в виде главы государственной службы в ранге министра и распорядилась упразднить министерство гражданской службы. Ответственность за положение дел в ней была возложена на министерство финансов (которое осуществляло эти функции до 1968 г.) и, что крайне важно, на Канцелярию кабинета (Cabinet Office), глава которой – постоянный секретарь кабинета непосредственно подотчетен премьер-министру. В таком же подчинении главе кабинета оказался и заместитель постоянного секретаря министерства финансов, ответственный за руководство гражданской службой. В 1983 г.

⁴⁰ New Statesman. 1980. June 6. P. 861.

⁴¹ Times. 1980. Febr. 14. P. 5.

Тэтчер пошла еще дальше, сделав после ухода в отставку последнего единственным главой государственной службы постоянного секретаря кабинета Роберта Армстронга. Все это позволило ей не только упростить процедуры кадровых изменений, но и развязать себе руки и для других, не менее существенных инициатив.

Наиболее далеко идущая из них была нацелена на повышение эффективности управленческой деятельности госаппарата и его персонала путем использования в этих целях богатейшего опыта, накопленного в процессе "управленческой революции" в крупнейших корпорациях частного бизнеса. Другим существенным ее приоритетом была "разгрузка" "перегруженного государства" путем уменьшения численности чиновничества, сокращения его функций, рационализации его структуры. Для разработки рекомендаций во всех этих областях она пригласила директора всемирно известной торговой фирмы "Марк энд Спенсер". Дерек Рейнер своим личным советником по проблемам эффективности, создав для этого специальную должность при канцелярии кабинета. Заняв этот пост, Рейнер вместе с двумя помощниками развернул, по выражению еженедельника "Экономист", настоящую военную кампанию против неэффективности и расточительства на Уайтхолле. Уже осенью 1979 г. он представил серию предложений, которые настолько понравились Тэтчер, что она посвятила им специальное заседание кабинета. Согласно этим предложениям министры должны были активно вмешиваться в деятельность своего аппарата, уточняя круг обязанностей и функций различных его подразделений в духе рекомендаций, предлагавшихся Рейнером.

Министры должны были также один раз в году проверять хотя бы один из отделов своих министерств с точки зрения их эффективности и приносимых результатов. Кабинету министров рекомендовалось один раз в году рассматривать обзор административных расходов для выявления возможных мер по их экономии. Наконец, предлагалось подвергнуть тщательному анализу условия функционирования правительства, взаимоотношения министров и государственных служащих, а также взаимодействия ведомств, курирующих гражданскую службу, со всеми остальными министерствами и ведомствами⁴².

Не ограничившись разработкой предложений общего характера, Рейнер и его команда занялись поисками резервов для сокращения численности госаппарата и составлением рекомендаций по приданию некоторым из его структур полунезависимого статуса. Уже к декабрю 1979 г. в соответствии с этими рекомендациями численность государственных служащих была сокращена на 20 тыс., 6 декабря было объявлено о дальнейшем сокращении еще на 40 тыс., причем значительная их часть производилась за счет только что упомянутого перевода отдельных подразделений госаппарата на положение автономных агентств⁴³. Примечательно, что в сфере деятельности Рейнера оказалось и министерство обороны, численность аппарата которого была уменьшена на 7,5 тыс.

⁴² Ibid.

⁴³ Morning Star. 1979. Dec. 7.

человек. Несмотря на протесты и изнутри госаппарата, и извне, главным образом со стороны профсоюзов⁴⁴, линия на "разгрузку" и дебиюкратизацию госаппарата продолжалась, и весьма успешно.

Примечательно, что, принимая поистине драконовские меры по сокращению госаппарата, Тэтчер не только не стремилась подорвать престиж "гражданской службы", но немало делала для его поддержки и укрепления. Одной из первых ее мер после занятия поста премьер-министра было повышение жалования высшим государственным служащим почти на 40%⁴⁵. И это при жесткой финансовой политике, которую правительство проводило в целях обуздания инфляции и оздоровления экономики. Там, где того требовали ее политические цели, Тэтчер никогда не останавливалась перед нарушением ею же установленных приоритетов.

Если попытаться подвести какой-то общий итог действий Тэтчер по "освоению" государственного механизма, то напрашиваются два вывода. Первый, наиболее очевидный, заключается в том, что она не только смело, но и умело использовала огромные возможности своего поста премьер-министра для завоевания и утверждения командных позиций во всех трех институтах политической власти – парламенте, кабинете и постоянном госаппарате. Это позволило ей обрести репутацию сильного и авторитетного руководителя страны и, что еще более существенно, достаточно последовательно, хотя и не без отклонений, начать осуществление стратегии, выработанной в годы пребывания в оппозиции.

Другой, менее бесспорный с точки зрения многих ее критиков, вывод состоит в том, что процесс вхождения во власть был использован ею в целях рационализации и совершенствования государственного управления, особенно на уровне постоянного госаппарата. На решение этой задачи были направлены и меры по ликвидации или автономизации перегружавших его звеньев, и внедрение рекомендованных Рейнером и его командой управленческих методов, оправдавших себя в мире большого бизнеса и больших корпораций. В этой связи нельзя не отметить и того факта, что, вмешиваясь в процесс обновления кадров, Тэтчер руководствовалась не только тем, являются ли ее выдвиненцы на ответственные посты преданными тэтчеристами, но и тем, насколько они профессионально подготовлены. Причем согласно некоторым наблюдателям главным критерием для нее являлся именно этот последний. Заслуживает упоминания и то, что сам стиль нового премьера, ее вмешательство в деятельность основных центров выработки и принятия политических решений способствовал если не ломке, то по крайней мере нарушению той бюрократической рутины, которая была характерна для привыкшего двигаться по накатанной колее аппарату. Как писал осенью 1981 г. "Экономист", "вмешательство премьер-министра в обычные каналы Уайтхолла может казаться грубым, но она вернула эти каналы к жизни"⁴⁶.

Серьезный отпечаток наложили Тэтчер и ее сподвижники и на дея-

⁴⁴ См.: Times. 1980. Sept. 10; Morning Star. 1979. Dec. 8.

⁴⁵ Financial Times. 1979. June 21.

⁴⁶ Economist. 1981. Oct. 10. P. 22.

тельность парламента. Поставив в центр дебатов в нем вопрос о путях выхода страны из казавшейся многим тупиковой ситуации, они перенесли на парламентский уровень тот "большой спор", который начали в оппозиции и кульминационным пунктом которого была избирательная кампания 1979 г. Оборонительные позиции, которые заняла в этом состязании лейбористская оппозиция и ее лидеры, вынудила их начать процесс переосмысления принятых после поражения на выборах леворадикальных, основанных на идеологических догмах подходов, а это в свою очередь приводило к далеко идущей переориентации всего общественно-политического развития страны.

Главным итогом предпринятых Тэтчер мер в механизме политической власти явилось не только усиление ее собственных позиций в этом механизме, но и повышение способности госаппарата вырабатывать и принимать неординарные политические решения, нацеленные на переориентацию общественно-политического развития страны в направлении нового консерватизма.

Однако произошло это далеко не сразу, и в течение довольно длительного времени новой власти и ее главе пришлось действовать в обстоятельствах, требовавших от их не просто выдержки и самообладания, но также немалой гибкости и умения идти на компромиссы, не теряя при этом лица.

2. Испытание на прочность

Положение, в котором находилась страна и в момент выборов, и сразу после них, было таково, что новое правительство практически не имело времени на "раскачку". Британия пребывала в тисках глубокого экономического спада, снижалось промышленное производство, росла безработица. Возникла масса внешнеполитических проблем, нужно было принимать множество ответственных и срочных решений. Неудивительно, что обычные после столь внушительных побед на выборах "сто дней", в течение которых вновь избранный премьер или президент и его ближайшее окружение позволяют себе расслабиться и насладиться ощущением одержанной победы, пришлось ужать до минимума, если не забыть о них вообще. "Медовый месяц" Тэтчер оказался, как писала в те дни пресса, удивительно коротким, ибо уже через три-четыре недели кредит доверия, полученный на выборах, стал неожиданно быстро утрачиваться⁴⁷.

"Беспокоющим" фактором номер один по-прежнему оставалась инфляция, которая не поддавалась быстрому лечению и вызывала все более серьезные нарекания со стороны избирателя. Продолжала быстро расти безработица, особенно среди молодежи. Полученная в наследство армия безработных, составившая во II квартале 1979 г. 1,24 млн. человек, вскоре увеличилась до 1,5 млн., а в 1980 г. уже превысила двухмиллионную отметку. В конце же 1981 г. число безработных составило 2,8 млн., превысив 10% рабочей силы. Среди молодых людей 18–25 лет это доля достигла 40%.

⁴⁷ Morning Stat. 1979. July 2.

Помимо молодежи в наиболее тяжелом положении оказывались работники старых, традиционных отраслей промышленности, не выдержавших обострившейся международной конкуренции и требовавших либо полной реконструкции, либо решительного свертывания. В течение 1979–1982 гг. промышленное производство в стране снизилось на 17%.

Все сильнее давала о себе знать проблема "оздоровления внутренних городских территорий". Еще в недавнем прошлом это были относительно благополучные рабочие районы, однако после переселения в 50–60-х годах значительной части квалифицированных рабочих в пригороды и заполнения освободившихся домов и кварталов семьями иммигрантов и люмпенами, они стали утрачивать свойственный им первоначальный облик и превращаться в труппобные или полутруппобные анклавы. Доля проживающих "нормальных" рабочих семей быстро сокращалась, и в них стало складываться "новое большинство", состоящее из безработных и полубезработных, иммигрантов, живущих на скудные государственные пособия пенсионеров, матерей-одиночек, лиц без особых занятий, неприкаянной молодежи. Кризис 70-х и начала 80-х годов резко ускорил процессы люмпенизации этих районов, многие из которых стали обретать недобрую славу рассадников попрошайничества, вымогательства и преступности.

Казалось бы, первой заботой правительства в сложившейся ситуации должно было быть принятие неотложных мер по смягчению кризиса, помощи попавшим в тяжелое положение фирмам, социальной защите малоимущих. Собственно, именно так и поступали предшествующие правительства, стремившиеся свести к минимуму последствия спада, максимально облегчить выход из него. Однако как раз такой способ реагирования, основанный на кейнсианских подходах к политике консенсуса, и был подвергнут жесточайшей критике Тэтчер, Джозефом и их единомышленниками в годы пребывания в оппозиции. Согласно взятым ими на вооружение доктринам наилучшим лекарством должны были стать свободный рынок и свободная конкуренция, а также ограничение государственного расхода, призванное вновь сделать деньги дорогими и вернуть им роль "эликсира", взбадривающего весь рыночный механизм.

Разрабатывая эти подходы, Тэтчер и тэтчеристы, скорее всего, предполагали, что применять их на практике придется в более или менее нормальных условиях, когда неизбежные негативные последствия не окажутся чересчур тяжелыми и не затронут столь значительную часть наемной рабочей силы и предпринимательства. Однако в условиях "жесткого мирового спада"⁴⁸, с собой силой ударившего по слабозащищенной британской экономике, применение этого курса было чревато издержками, которые вполне могли оказаться чрезмерными даже для не избалованных экономическим чудом англичан.

И тем не менее ни сама Тэтчер, ни ее ближайшее окружение даже в мыслях не допускали возможности отказа, пусть временного, от разработанной ими стратегии.

Среди ряда британских "тэтчероведов", особенно придерживающихся

⁴⁸ *Middlemas K. Power, Competition and the State. L., 1991. Vol. 3. P. 115.*

центристской ориентации, стало едва ли не общим методом утверждение о том, что первые годы пребывания Тэтчэр у власти не ознаменовались ничем таким, что позволяло бы говорить о проведении в этот период последовательной стратегической линии, нацеленной на реализацию приоритетов нового консерватизма⁴⁹.

Подобного рода вывод не учитывает всей сложности и противоречивости процесса "тэтчеризации" Британии, который не был и не мог быть одномоментным.

В свете всей истории тэтчеристского правления (включая и период оппозиции) представляется целесообразным рассматривать феномен тэтчеризма как прошедший различные стадии, отличающиеся немалым качественным своеобразием. С момента прихода партии к власти начинается новый этап становления тэтчеризма как особой разновидности политического лидерства и политической практики, не имеющей аналогов ни в современной, ни тем более в более отдаленной истории Британии. Описанные выше меры по модификации системы власти премьера и правительства явились важнейшей составной частью "тэтчеристской революции", о которой британские политологи чуть ли не в один голос заговорили чуть позднее.

В первые же недели и месяцы работы нового парламента правительство провело через него законы, резко снижающие налоги с высоких доходов и прибылей, добилось отмены контроля над ценами и дивидендами. Было положено начало мерам по приватизации некоторых находящихся в ведении государства компаний и корпораций. В целях борьбы с инфляцией был введен режим жесткой экономии государственных средств на социально-экономические цели. Несмотря на глубокий экономический спад, бюджеты, предложенные парламенту летом 1979 и особенно весной 1980, 1981 гг., носили ярко выраженный монетаристский характер. Традиция искусственного стимулирования потребительского спроса и инвестиций в промышленность путем снижения учетной ставки и увеличения государственных расходов была решительным образом отвергнута.

Как мы увидим ниже, Тэтчэр не удалось выдержать на все 100% выработанные в оппозиции подходы, и в ряде существенных моментов она вынуждена была от них отступить. Тем не менее ориентация на жесткую экономию государственных средств, на минимальное вмешательство в социально-экономические процессы упорно сохранялась, и это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны тех, кто так или иначе чувствовал себя ущемленным.

Несмотря на спад рабочего и профсоюзного движения после "горячей зимы" 1979 г. и отсутствие активных действий с его стороны, социальная напряженность в стране нарастала. Все чаще появлявшиеся в печати, по радио и телевидению репортажи о безысходном, отчаянном положении лиц, оказавшихся без работы, особенно из числа здоровых и сильных молодых людей, были лишь одним из наиболее очевидных симптомов растущего социального неблагополучия и быстро накапливавшегося

⁴⁹ См.: *Riddell P.* The Thatcher Government. Oxford, 1983; *Idem.* The Thatcher Decade. Oxford, 1989; *Middlemas K.* Op. cit.; *Joung H.* Op. cit.

недовольства, которое в той или иной форме должно было прорваться наружу. Правда, случилось это не сразу, и в течение целых двух лет после выборов страна жила внешне спокойной жизнью. Зато события, которые произошли летом 1981 г., отпечатались в памяти многих англичан не с меньшей силой, чем события "жаркой зимы" 1979 г.

Эпицентром протеста стали упомянутые выше бедняцкие городские кварталы крупных городов, включая Лондон, Манчестер, Бирмингем, Ливерпуль и некоторые другие. Внезапно, словно по какому-то сигналу, их буквально захлестнула волна необузданных молодежных бунтов, особенностью которых явилось полное отсутствие какого-либо организованного начала. Хотя главным объектом атак молодых бунтарей явилась полиция, происходило это не потому, что участники выступлений (в основном это была безработная и полубезработная молодежь) сознательно стремилась к подрыву основ существующих порядков, но прежде всего потому, что в силу своих обязанностей полиция пыталась остановить волну погромов, грабежей, поджогов и восстановить порядок. Основной потерпевшей стороной были владельцы расположенных в этих кварталах лавочек и магазинов, а также оказавшихся на улицах автомашин, другого имущества. Но опять-таки не в силу какой-то особой ненависти к ним, а по той простой причине, что имущество это оказывалось наиболее доступным для агрессивных действий и на нем можно было как-то вымещать обуревавшие толпу страсти.

Поскольку среди "бунтарей" было немало цветной молодежи, некоторые органы печати пытались вначале квалифицировать эти вспышки насилия как чисто расовые. Однако участие значительного числа белой молодежи побудило вскоре практически всех наблюдателей признать преимущественно социальной характер протеста.

Бунты 1981 г. нанесли серьезнейший удар по престижу правительства и его главы. Но одновременно они продемонстрировали и весьма низкий потенциал активного общественного противодействия политике правительства. Никакой цепной реакции они не вызвали. Напротив, дикий, необузданный, нецивилизованный характер поведения их участников вызывал у большинства англичан осуждение, симпатии же скорее оказывались на стороне стремившейся навести порядок полиции и владельцев разгромленного или разграбленного имущества. Становилось очевидным, что цивилизованные формы протеста, по крайней мере на этапе кризисного развития 70-х – начала 80-х годов, исчерпали себя и что опасность "больших волнений" правительству не угрожает.

Тем не менее сигнал тревоги прозвучал, причем не только с этой стороны. На фоне драматических событий лета 1981 г., а в какой-то мере и под их влиянием стала быстро расти и принимать угрожающие размеры для Тэтчер и тэтчеристов и до того достаточно высокая волна общего недовольства политикой правительства и его главы. 1981 год стал годом рекордной непопулярности консервативного правительства и консервативной партии. До беспрецедентно низкой отметки упал и уровень популярности премьер-министра⁵⁰. По уровню поддержки избирателей

⁵⁰ Economist. 1981. Oct. 10. P. 21–22.

консервативная партия оказалась позади не только соперничавшей с ней лейбористской партией, но и возникшей весной 1981 г. коалиции (Альянса) центристских партий, т.е. либералов и отколовшихся от лейбористов социал-демократов⁵¹. Партии Альянса одержали в 1981 г. ряд сенсационных побед на дополнительных парламентских выборах, а их поддержка избирателями, судя по данным опросов, нередко превышала сорок процентов. И хотя инициаторы и создатели Альянса замыслили его как альтернативу ушедшим далеко влево лейбористам, его успехи на выборах и в обретении популярности одерживались, особенно в начальный период его существования, главным образом за счет консерваторов.

Недовольство политикой правительства Тэтчэр отнюдь не ограничивалось "низами" общества и рядовыми избирателями. Чем дальше, тем нагляднее стали выражать свое неприятие правительственной политики собственники и менеджеры промышленных корпораций, которых явно не устраивала ориентация на свертывание государственной поддержки, отказ от стимулирования экономического роста. Оказавшиеся в затруднительном положении и уверенные в необходимости активной промышленной политики, они требовали снижения учетной ставки процента (для удешевления кредита и поощрения инвестиций), субсидий переживавшим трудности фирмам, поддержки приходящих в упадок регионов.

Уже в июле 1989 г. руководство основной предпринимательской организации страны – Конфедерации британской промышленности (КБП) – выступило с заявлением, в котором отмечалось, что снижение помощи регионам ведет к уменьшению инвестиций и прибылей, росту безработицы⁵². Одобряя политику правительства, направленную на сокращение расходов на социальные цели, уменьшение пособий безработным, ограничение прав профсоюзов, КБП в то же время высказывалась против жесткого монетарного контроля, в результате которого промышленность несет неоправданно большие потери. Все чаще стали звучать и намеки на то, что КБП имеет большой опыт давления на правительство и что в случае нужды она может им воспользоваться.

Своей кульминации накал антиправительственных настроений достиг на состоявшейся в ноябре 1980 г. ежегодной конференции КБП, участники которой представляли около 300 тыс. входящих в Конфедерацию компаний и ассоциаций бизнеса. Выражая преобладавшие в зале настроения, генеральный директор организации сэр Т. Бекетт в заключение своей речи заявил: "Мы должны лучше осознать тот жестокий факт, что консервативная партия представляет собой узкую группу лиц. Многие ли из тех, кто заседает в парламенте и вошел в правительство, имеют опыт предпринимателя?.. Они не принимают вас всерьез... Мы можем выиграть битву против инфляции, но проиграть битву за процветание... Мы должны снять перчатки и вступить в

⁵¹ Подробно об изменениях в расстановке партийно-политических сил Великобритании в начале 80-х годов см.: Политические сдвиги в странах Запада. М., 1989. Гл. III.

⁵² Morning Star. 1979. July 17.

настоящий кулачный бой – потому что мы должны иметь эффективную и процветающую промышленность”⁵³.

Конечно же, говоря об узости партийного руководства и правительства и непонимании им интересов бизнеса, глава КБП явно сгущал краски. Представительство бизнеса в кабинете Тэтчер было ничуть не меньшим, чем в любом другом консервативном кабинете⁵⁴, и дело было не в составе правительства, а в той общей идейно-политической ориентации деятелей, которые задавали в нем тон. Тот же К. Джозеф, назначенный Тэтчер на пост министра промышленности и являвшийся одним из главных архитекторов экономической политики правительства, являлся главой крупной строительной фирмы "Бовис", да и сама Тэтчер, являясь супругой бизнесмена, была не так уж далека от интересов "промышленности" (этим словом англичане часто обозначают не промышленность как таковую, а "промышленников", т.е. когорту лиц, владеющих и управляющих ею). Другое дело, что среди членов кабинета не было профессиональных менеджеров, имевших опыт непосредственного управления компаниями и предприятиями. Но такого рода практиков не было и в предшествующих правительствах, исключая, быть может, одного-двух членов правительства Хита.

Тот факт, что внутри кабинета отсутствовало единство по кардинальным, стратегическим вопросам правительственной политики, естественно, не мог не осложнять положения Тэтчер и тэтчеристов. Тем более что несогласные с ней деятели могли опереться, как мы только что видели, на серьезную поддержку извне.

Хотя наклеенный на умеренных тори уничижительный ярлык, равно как и сама их реформистская, нацеленная на достижение общественного согласия "консенсусная" психология, предполагали склонность к уступкам и компромиссам, это вовсе не означало, что они были изначально обречены на поражение и что с ними можно было не церемониться. Все они действительно отличались более "мягкими", "воспитанными" манерами, проявляли завидную выдержку даже в экстремальных ситуациях. Но и в чисто личном плане, и в плане отстаивания своих убеждений это были люди в высшей степени принципиальные, и как политические деятели они не только не уступали, но сплошь и рядом превосходили своих зачастую менее опытных и выдержанных коллег из окружения Тэтчер. Большинство наблюдателей были почти уверены в том, что перед Тэтчер не остается иного выбора, как либо уйти в отставку (или же быть "свергнутой"), либо совершить тот самый поворот на 180°, который после двух лет пребывания у власти совершил ее предшественник Э. Хит.

Примечательно, что уже с лета 1979 г. в прессе появляются первые спекуляции на этот счет, причем чаще всего поводом для них служили те

⁵³ Times. 1980. Nov. 12.

⁵⁴ Как писал сразу после формирования нового кабинета автор знаменитых "Анатомий Британии" Антони Сэмпсон, "можно со всей определенностью утверждать, что это кабинет крупных промышленников, обладающих опытом управления бизнесом". Анализируя социально-профессиональный состав ведущих министров, Сэмпсон приходил к выводу, что кабинет Тэтчер мало чем отличается от кабинета Макмиллана (The Observer. 1979. May 13. P. 9).

или иные конкретные шаги правительства, не укладывавшиеся в жесткую схему неолиберальной политики. Как писал уже в августе 1979 г. еженедельник "Нью сосяти", почти никто ни в прессе, ни в мире бизнеса не верит в стратегию Тэтчер. Отсюда "бесконечные поиски признаков поворота на 180°"⁵⁵. Вскоре, однако, оказывалось, что "генеральная линия" сохранялась и отклонения от нее – не более чем тактика. Тем не менее спекуляции возобновлялись. Больше того, где-то с конца 1980 г. стали появляться слухи о возможности своего рода дворцового переворота, причем "альтернативным лидером" обычно называли либо Э. Хита, либо Ф. Пима⁵⁶.

О настроениях, царивших в тот период в консервативном истеблишменте, да и не только в нем, красноречиво говорят слова Макмиллана, который, согласно некоторым свидетельствам, в частных разговорах жаловался: "Эта женщина не только угробит страну, она угробит нас"⁵⁷.

Примерно в это же время Тэтчер была атакована еще с одной стороны: 31 марта 1981 г. в газете "Таймс" было опубликовано пространное письмо 364 видных британских экономистов, решительно осуждавших взятый ею курс и настаивавших на принципиальном его пересмотре. Как утверждали авторы письма, политика правительства чревата тяжелыми социально-экономическими последствиями, ведет страну в тупик, и чем скорее оно от нее откажется, тем лучше.

В этот наиболее сложный для нее период Тэтчер в полную силу продемонстрировала перед всей страной одно из наиболее характерных для нее качеств, а именно способность отвечать на вызов еще более сильным вызовом, на наступление – контр наступлением.

Как писал осенью 1981 г., в момент наивысшего накала страстей, еженедельник "Экономист", несмотря на критическую ситуацию, "Тэтчер держится так, будто ничего не замечает, всегда подтянута, решительна... Идет как паровой каток"⁵⁸.

При всем том было бы верхом субъективизма утверждать, будто в своем противостоянии оказывавшемуся на нее давлению Тэтчер опиралась лишь на собственную волю, политический талант и сознание своей правоты. Помимо группы единомышленников в кабинете и правительстве в ее активе был целый ряд "факторов силы", которые она активнейшим образом использовала.

Пожалуй, на первое место среди них следует поставить поддержку, оказывавшуюся ей со стороны влиятельных кругов британской экономической элиты. Знаменательно, что сразу же после упомянутого драматического выступления главы КБП руководители пяти крупных фирм в знак протеста заявили о своем выходе из Конфедерации. Однако не эти корпорации делали погоду в мире бизнеса и, хотя в политическом плане их жест имел отнюдь не символическое значение, общей ситуации они изменить не могли. Несравненно важнее было другое, а именно позиция, которую последовательно отстаивала та часть британского

⁵⁵ New Society. 1979. Aug. 30. P. 461–462.

⁵⁶ Morning Star. 1980. Nov. 6; Gardian. 1981. Oct. 17.

⁵⁷ Observer. 1990. Nov. 30. P. 51–52.

⁵⁸ Economist. 1981. Oct. 10. P. 21–22.

бизнеса, которая обычно идентифицируется с лондонским Сити. Представляющие интересы британского финансового капитала руководство банковских учреждений Сити традиционно оказывало сильнейшее влияние на экономическую политику правительств – консервативных или лейбористских. При этом это давление было значительно более весомым, нежели то, которое исходило от кругов, связанных с промышленностью. Неоднократные попытки последних покончить с традиционным размежеванием между финансовым и промышленным капиталом, и в частности создать на базе Конфедерации британской промышленности единую Конфедерацию британского бизнеса, неизменно оканчивались провалом. Руководству КБП удавалось привлечь лишь отдельные, причем далеко не самые влиятельные банки и страховые компании. Что же до тех, кто делал погоду в Сити, то, располагая мощными рычагами воздействия на правительство и используя издавна установившиеся каналы связей с ним через Банк Англии и министерство финансов, эти круги явно не желали лишиться своего особого положения в системе экономической и политической власти. Предлагавший КБП механизм согласования интересов промышленного и финансового капитала, безусловно, еще более укрепил бы общие позиции бизнеса, особенно в противовес профсоюзам и другим массовым общественным организациям. Но одновременно Сити пришлось бы пожертвовать известной долей самостоятельности, на что оно явно не желало идти.

Естественно, что монетаристская ориентация Тэтчер и ее ближайших единомышленников как нельзя более устраивала влиятельные круги Сити, и нет ничего удивительного в том, что они оказывали ей самую решительную поддержку. Правда, поддержка эта никак не афишировалась, если, конечно, не считать воздействия на общественное мнение через находящуюся под влиянием этих кругов прессу.

Все это позволило Тэтчер довольно спокойно реагировать на угрозы со стороны КБП и ее руководства. Как писала в конце 1980 г. газета "Morning Star", там, где раньше слово КБП было "законом для консервативных правительств, нынче, как кажется, оно пропускается мимо ушей"⁵⁹.

Разумеется, слово КБП и раньше не было "законом" для консерваторов, однако факт существенного снижения влияния этой организации и представляемого ею промышленного капитала при М. Тэтчер подмечен газетой в принципе верно. Примечательно, что, критикуя правительство Тэтчер и требуя от него тех или иных уступок, КБП одновременно не уставала заверять его в своей общей поддержке. Это относилось прежде всего к его линии на снижение налогов и высвобождение предпринимательской инициативы, жесткой экономии расходов на социальные цели, ослабление рабочего движения и профсоюзов. По всем этим вопросам КБП была гораздо ближе к Тэтчер, Хау и Джозефу, чем к их оппонентам, и неудивительно, что уже к июлю 1981 г. наметившийся было союз умеренных и КБП распался. Не желая идти на принципиальную конфронтацию с премьером, КБП предпочла добиваться от него частичных

⁵⁹ Morning Star. 1980. Nov. 13.

уступок в области налогообложения и создания более благоприятного инвестиционного климата⁶⁰.

Ослабление влияния промышленных кругов бизнеса вовсе не вело автоматически к повышению зависимости правительства от финансового капитала и Сити, и, судя по дальнейшим его шагам и по мерам по наведению порядка в сфере финансовых операций, оно отнюдь не превратилось в марионетку этой влиятельнейшей части истеблишмента. Существовавшие в мире бизнеса противоречия помогали тэтчеристскому руководству сохранять свободу рук, хотя, разумеется, и весьма относительную.

В политическом плане наиболее серьезную поддержку Тэтчер получала от рядовых парламентариев – тори, общению с которыми она отдавала немало времени. Особенно активно держали ее сторону заднескамеечники из "группы Боу", объединяющей парламентариев в возрасте 35 лет и меньше. Знаменательно, что, выступавшая в течение большей части послевоенного периода с умеренно-левых, "прогрессистских" позиций, эта группа заняла с конца 70-х годов жесткую протэтчеристскую линию и, как писала "Таймс", "превратилась в один из активных монетаристских мозговых трестов правительства"⁶¹.

Лишь отдельные заднескамеечники осмеливались открыто выступать с критикой линии, занятой премьером, да и то большей частью по конкретным вопросам (сокращение ассигнований на те или иные социальные и социально-экономические программы, жесткая линия в области иммиграция⁶² и т.п.). В целом же, судя по тому энтузиазму, с которым встречали Тэтчер участники заседаний Комитета 1922 г.⁶³, объединяющего всех заднескамеечников, поддержка парламентского большинства ее политике даже в самые критические для правительства 1980 и 1981 гг. была практически гарантирована. Это же подтверждали и более основательные изыскания. Согласно обследованию, проведенному в мае – июле 1980 г. по инициативе еженедельника "Нью стейтсмен", лишь около 100–120 консервативных членов парламента, т.е. трети всей фракции, можно было бы отнести к категории умеренных тори, причем менее половины из них (от 40 до 50) относились к разряду "твердых антитэтчеристов". По наиболее важным проблемам (монетаристские методы контроля над денежной массой, снижение налогов на прибыли, антипрофсоюзное законодательство, снижение правительственного контроля над промышленностью, ключевая роль крупного и мелкого частного бизнеса) тэтчеризм поддерживало от 71 до 94% членов парламента – консерваторов⁶⁴. Статья называлась "Тэтчеризм: что думают члены парламента". Видимо, что было одно из самых первых, если не самое первое появление слова "тэтчеризм", которое вскоре стало общепринятым термином для обозначения всех тех новаций, которые внесли в политическую жизнь страны новый премьер и ее единомышленники.

⁶⁰ Middlemas K. Op. cit. P. 252.

⁶¹ Times. 1980. Aug. 5. P. 12.

⁶² См.: Morning Star. 1979. Dec. 17; 1980. Mar. 6; 1981. Febr. 24.

⁶³ Ibid. 1979. Dec. 17.

⁶⁴ New Statesman. 1980. Oct. 24. P. 5.

Не менее существенное значение имела для Тэтчер и тэтчеристов поддержка партийного актива, задающего вместе с заднескамеечниками тон в партийных организациях избирательных округов и в партии в целом. Описывая состоявшиеся в марте 1981 г. в Кардиффе ежегодные заседания Совета консервативной партии, в котором приняло участие 500 делегатов, газета "Файнэншл таймс" отмечала, что собравшиеся на форум руководители местных ассоциаций, председатели женских групп, другие подобные объединения резко высказывались против тех, кто пытался "раскачать лодку", настаивали на проведении жесткой линии по отношению к государственным расходам, решительно выступали в поддержку линии премьера. Суммируя общие настроения этих "сверххлояльных" делегатов, газета писала, что для них "правительственная политика не имеет альтернативы"⁶⁵.

Сторону М. Тэтчер взяли некоторые из наиболее влиятельных представителей "четвертой ветви власти", т.е. средств массовой информации. Обычно умеренно-консервативная "Таймс" с переходом ее в конце 70-х годов к космополитическому магнату Мёрдоку почти тут же заняла жесткую, протэтчеристскую линию практически во всех вопросах внутренней и внешней политики. С таких же позиций выступала и купленная им еще раньше газета "Сан" – одна из самых многотиражных газет страны. Линию премьера активно поддержали и такие влиятельные традиционно консервативные газеты, как "Дейли телеграф", "Санди телеграф", еженедельник "Спектейтор".

Несколько особняком от "протэтчеристской" печати стояли такие солидные издания, как "Файнэншл таймс" и "Экономист". Стремясь соблюдать дистанцию и публикуя как про-, так и антитэтчеристские статьи, они в то же время не давали ни малейшего повода считать их выразителями взглядов умеренных тори, которые так и не смогли обрести свой собственный голос в средствах массовой информации.

Что же касается печати, поддерживавшей лейбористов, либералов, социал-демократов, и в том числе таких солидных, как "Обсервер", "Гардиан", а также еженедельников "Нью стейтсмен", "Нью сосаяти", популярной "Дейли миррор", то, во-первых, их совокупный тираж заметно уступал тиражу перечисленных выше изданий, а во-вторых, и это главное, им так и не удавалось перехватить инициативу у "протэтчеристских" газет и журналов.

Парадоксально, но факт – несмотря на ухудшившееся социально-экономическое положение страны и растущую непопулярность правительства и премьер-министра, инициатива в "пропагандистской войне" прочно удерживалась тэтчеристами и именно они выступали в качестве группировок не только стоящих у руля, но и задающих тон в идейно-политическом противоборстве.

Не в малой степени этот парадокс объяснялся состоянием, в котором пребывала лейбористская оппозиция. Не оправившись от поражения на выборах, лейбористская партия оказалась в состоянии жесточайшего кризиса, вызванного резким обострением борьбы между ее правым и

⁶⁵ Financial Times. 1982. Mar. 30.

левым крылом. После того как под мощным напором со стороны левого крыла, взвалившего на находившихся у власти деятелей умеренного и правого толка вину за поражение и за отступление от намеченной в оппозиции программы, в партии и ее руководстве произошел серьезный сдвиг влево, в результате чего из нее вышла группа деятелей, образовавших в начале 1981 г. уже упоминавшуюся выше Социал-демократическую партию Великобритании. И хотя раскол этот носил верхушечный характер, он еще более ослабил партию и отнюдь не привел к консолидации ее рядов.

Популярность партии продолжала падать, чему не в малой степени способствовали максималистские требования, которые удалось навязать ей левому крылу, в основном в духе программы 1976 г. На пост лидера партии в 1980 г. был избран известный деятель левого крыла М. Фут. И хотя он еще в 70-х годах заметно поправел, в глазах большинства англичан он олицетворял тот самый левый лейборизм, который предоставил чрезмерную свободу рук профсоюзам, способствовал огосударствлению экономики, росту бюрократии и социального иждивенчества.

Казалось бы, серьезным идейно-политическим соперником сторонников Тэтчер станет созданный в 1981 г. избирательный союз (Альянс) либеральной и социал-демократической партии, взлет популярности которых, как уже отмечалось, пришелся на первые годы тэтчеровского правления. Однако ничего подобного не произошло, поскольку ни социал-демократы, ни либералы, ни Альянс в целом не смогли разработать программ и подходов, существенно отличавшихся от тех, которые уже были опробованы в недавнем прошлом лейбористами и умеренными консерваторами. Их успех у избирателей объяснялся прежде всего резким расхождением позиций двух главных партий, полевением одних и поправением других. Не склонный к радикализму избиратель в этой ситуации предпочитал держаться "золотой середины", что ни в коей мере не означало его уверенности в том, что партии центра способны управлять страной лучше, чем их предшественники.

Как видим, несмотря на критическую ситуацию, в которой оказались Тэтчер и тэтчеристы, ее оппоненты ни вне, ни внутри партии не смогли пересилить сохранявшую свой наступательный порыв неоконсервативную волну. "Решительный подход", провозглашенный Тэтчер, оказался важнейшим фактором силы, без которого тэтчеризм как политическая стратегия и как социально-экономический проект вряд ли мог состояться. Примечательно, что в самый тяжелый для себя период лета и осени 1981 г., когда, казалось бы, все указывало на то, что правительство зашло в тупик, Тэтчер не только не потеряла голову, но и нашла в себе силы выступить с одной из самых ярких и впечатляющих деклараций о решимости продолжать взятый на вооружение курс. Выступая на ежегодной конференции партии в октябре 1981 г., она в самой резкой форме осудила "малOVER" и заявила, что ни за что не изменит своей политики лишь для того, чтобы "обрести популярность". "Леди, стоящая перед вами, — воскликнула она, — не для разворотов!" Если вспомнить, сколь многие внутри и вне партии только и ждали тогда, что поворот на 180° вот-вот произойдет, то станет понятным тот прилив верно-

подданнических чувств, который эти слова вызвали у радикально настроенной публики в зале конференции и за его пределами⁶⁶.

Сохранение Тэтчер и тэтчеристами идейно-политической инициативы вовсе не означало, что они могли позволить себе роскошь полностью игнорировать те влиятельные социальные и политические силы, которых не устраивал либо полностью, либо частично взятый правительством курс. Да и объективные обстоятельства требовали внесения существенной поправки в ту идеологизированную и порой упрощенную до пропагандистских штампов версию неоконсервативной стратегии, с которой они пришли к власти.

И эти поправки были действительно внесены. Одной из наиболее существенных уступок, на которые пошли Тэтчер, Джозеф и их единомышленники, был отказ от немедленной ликвидации созданного лейбористами Национального управления промышленности (НУП) – органа, призванного осуществлять прямое вмешательство в частнопредпринимательскую деятельность в целях поддержания "на плаву" крупных корпораций и технологического обновления промышленности. Хотя находящиеся в распоряжении НУП пакеты акций наиболее прибыльных фирм – "Бритиш петролеум", "Бритиш эрвейз", "Ферранти" были проданы и ему было запрещено приобретать и контролировать новые крупные фирмы и предприятия, за ним сохранялись функции поддержки деловой активности в терпящих кризис регионах, гаранта рискованных капиталовложений в высокие технологии, а также поддержки находившихся на его попечении корпораций, банкротство которых могло бы нанести существенный ущерб национальной экономике⁶⁷. Крупнейшей среди такого рода корпораций была автомобилестроительная фирма "Бритиш Лейланд". Автор биографии К. Джозефа М. Холкроу подробно описывает ту полную драматизма ситуацию, которая возникла в правительственных и околоправительственных кругах в связи с "делом Лейланд". Требования об оказании помощи этому гиганту автостроения шли вразрез с главным принципом провозглашенной самим же Джозефом неолиберальной экономической стратегии, а именно невмешательства государства в конкурентную борьбу и борьбу предприятий и корпораций частного бизнеса за выживание.

Подробно излагая дискуссии, развернувшиеся в правительственных кругах в 1979–1981 гг. в связи с положением в "Бритиш Лейланд" и НУП,

⁶⁶ Далеко не всеми, однако, эта речь и эти слова были оценены по достоинству. Так, комментируя выступление Тэтчер на тогдашней конференции, обозреватель газеты "Гардиан" Питер Дженкинс в статье под заголовком "Как долго партия может позволить себе иметь лидером миссис Тэтчер" писал: "Это была наверняка ошибочная речь. Ее наиболее уважаемые коллеги надеялись, по словам одного из них, что она обратится к нации, а не к партии. Но ей оказалось нечего сказать нации... Партия в замешательстве, – утверждал Дженкинс, – доверие к правительству падает, страх перед катастрофой на выборах растет, и мистер Пим (которого автор считал наиболее приемлемой заменой Тэтчер) ждет..." (Guardian. 1981. Oct. 17. P. 17).

Комментарий Дженкинса особенно интересен в свете появившейся несколько лет спустя его книги "Революция Тэтчер", в которой дается принципиально иная оценка "решительного подхода" Тэтчер в указанный период. Впрочем, переоценка отношения к Тэтчер стала тогда довольно обычным делом.

⁶⁷ См.: Morning Star. 1979. Aug. 11; Observer. 1979. July 22.

автор биографии не без сочувствия пишет о той незавидной роли, которая выпала на долю Джозефа, вынужденного поступать вопреки своим убеждениям и принципам и даже подумывавшего в какой-то момент об отставке с поста министра промышленности. Однако в сложившейся ситуации от него мало что зависело. И дело было отнюдь не только в том, что банкротство компании и прекращение деятельности НУП оставило бы страну почти без собственного автомобилестроения и нанесло бы удар по ряду других производств. Не меньшую роль в изменении первоначальных замыслов оказало давление на него со стороны собственного министерства, коллег по кабинету, руководства компании и НУП. Глава же НУП сэр Л. Мерфи настаивал даже на расширении инвестиций управления в передовые в технологическом отношении производства. Вынужденный вступить в изнурительный диалог, Джозеф, как не без сарказма писал еженедельник "Обсервер", показал себя человеком, который "любит дискутировать", но очень не любит (буквально "ненавидит") принимать решения⁶⁸.

Как стало позднее известно из откровений бывших министров, Джозеф, когда он еще склонен был отказать фирме в помощи и обречь ее на банкротство, не получил поддержки в кабинете и был "заголосован". Даже Тэтчер, опасаясь серьезных политических последствий такого решения, не поддержала его⁶⁹. В итоге на помощь корпорации была ассигнована огромная сумма – 900 млн ф. ст., и она смогла выжить. Среди других аналогичного рода решений, на которые была вынуждена пойти премьер-министр, были дотации угольной и сталелитейной отраслям промышленности, уступки горнякам, менее резкие, чем намечалось, сокращения расходов на социальные нужды.

В числе уступок, на которые пошла Тэтчер, следует упомянуть и снижение учетной ставки на два процента после встречи с представителями КБП сразу по окончании конференции 1980 г., о которой шла речь выше⁷⁰. После конференции Т. Бекетт и его коллеги вынуждены были принести извинения за некорректные выражения и им пришлось выслушать довольно неллицеприятные слова в свой адрес.

Хотя решения, которые Тэтчер и ее сподвижникам приходилось принимать в нарушение провозглашенных ими же самими принципов, касались отнюдь не мелочей, они все же носили строго дозированный характер. В большинстве случаев им удавалось стоять на своем, иногда прибегая к довольно рискованным методам. Так, когда во время стачки государственных служащих летом 1981 г. министр, ответственный за гражданскую службу, лорд Соумс при поддержке своих коллег начал на заседании кабинета упорно настаивать на том, чтобы пойти навстречу бастующим и повысить им жалованье на 7,5%, она пригрозила своей отставкой⁷¹.

Идя на риск и проявляя исключительное упорство, Тэтчер в то же время инстинктом политика ощущала ту грань, за которой может

⁶⁸ Observer. 1979. July 22. P. 21.

⁶⁹ Middlemas K. Op. cit. P. 292.

⁷⁰ Ibid. P. 307.

⁷¹ Ibid. P. 293.

наступить срыв того шаткого, крайне неустойчивого равновесия, которое установилось тогда в высших эшелонах правительственной власти. Оценивая сложившуюся ситуацию, газета "Таймс" писала в марте 1981 г.: "Сила Тэтчер в том, что ее критики внутри кабинета не могут свалить ее, не отстраняя фактически от власти и саму партию. Они не сделают этого, но при условии, что и она в свою очередь не будет толкать их за черту, где неизбежно наступит конец их терпению"⁷². Черты этой Тэтчер не преступила ни в этот критический для нее период, ни в последующие годы. Лишь в самом конце ее политической карьеры политический инстинкт изменил ей, но это уже было другое время, когда "эпоха Тэтчер" подходила к концу. Пока же оптимальное сочетание "догматизма" и прагматизма строго выдерживалось, причем побудительным мотивом для прагматизма служила отнюдь не только активность критиков тэтчеризма.

Важнейшим направлением политики правительства, в котором Тэтчер также пришлось не раз отступить от занятой ею первоначально жесткой линии, была политика в отношении профсоюзов. Вопрос об ограничении влияния тред-юнионов и их руководства был одним из ключевых в планах правительства, причем и сама Тэтчер и сами солидарные с ней "жесткие" тори настаивали на его быстром и радикальном решении. Однако ответственным за проведение профсоюзной политики и соответствующего законодательства оказался один из наиболее влиятельных и твердых ее оппонентов министр по вопросам занятости Дж. Прайор. Уже с первых дней своего назначения Прайор повел себя отнюдь не так, как того хотела Тэтчер и тэтчеристы. Подготовленный им законопроект оказался, с их точки зрения, чересчур мягким и недостаточно далеко идущим. В нем, в частности, отсутствовал целый ряд жестких запретов и санкций, на которых настаивали радикальные тори (ограничение стачечной активности профсоюзов путем наложения штрафов, аресты на профсоюзные фонды и другие подобные меры). Конфронтационному стилю, усвоенному профсоюзами и властями, он противопоставлял не ответную конфронтацию правительства и бизнеса, а серию мер, постепенно ограничивающих свободу рук профсоюзного руководства и переключающих их активность в более консервативное русло. Отсюда и ставка не на обуздание или, точнее, главным образом не на обуздание, а на демократизацию профсоюзов, на то, чтобы поставить их актив и руководство под контроль куда менее "агрессивной" членской массы.

Вокруг проекта Прайора и в кабинете, и в партии развернулась острая борьба, причем разногласия в кабинете тут же стали достоянием гласности⁷³. Прайор, однако, твердо стоял на своем и даже публично пригрозил в начале марта 1980 г. своей отставкой в случае, если кабинет не одобрит его принципиальных подходов и будет настаивать на более жесткой линии⁷⁴. Примечательно, что в дискуссию включился даже сам теоретик неолиберализма Ф. Хайек, опубликовавший в июне 1980 г.

⁷² Times. 1981. Mar. 19. P. 14.

⁷³ Ibid. 1980. Febr. 7. P. 1.

⁷⁴ Morning Star. 1980. Mar. 6.

письмо правительству с выражением недовольства курсом кабинета и рекомендацией исправить, пока не поздно, этот курс. "Я... убежден, – писал он, – что реформа профсоюзов должна предшествовать монетарной реформе. При тех позициях силы, которыми в настоящее время располагают профсоюзы, никакое правительство не будет в состоянии регулировать денежную массу. Поэтому столь необходимое ограничение инфляции не может быть достигнуто до тех пор, пока сила профсоюзов не будет сломлена"⁷⁵.

Несмотря на мощное давление, оказанное на него со стороны и самой Тэтчер, и ее радикально настроенных сподвижников, Прайор, поддерживаемый другими единомышленниками, упорно продолжал держаться своей линии, и первые два законопроекта были приняты почти в том виде, в котором он их представил. В сентябре 1981 г. он, как уже отмечалось, был отстранен от руководства министерством занятости и перемещен на сравнительно второстепенный пост государственного секретаря по делам Уэльса (оставаясь в составе кабинета). Тем не менее метод постепенного закручивания гаек не был отброшен целиком и его преемником на этом посту – убежденным тэтчеристом Н. Теббитом.

До поры тот же прагматический подход преобладал и при решении конкретных вопросов трудовых отношений и отношений с профсоюзами. В условиях создавшейся в 1980–1981 гг. "предгрозовой" ситуации, разрядившейся молодежными бунтами 1981 г., Тэтчер и ее правительству буквально как воздух была необходима хотя бы видимость социального мира. Именно поэтому, а не только из-за давления со стороны умеренных критиков в кабинете, правительство очень быстро пошло на перемирие с шахтерами в 1981 г., когда, объявив о намерении закрыть ряд нерентабельных шахт, оно осознало, что просто так профсоюз горняков не уступит и что предстоит длительная борьба, исход которой отнюдь не предопределен. Решение о закрытии шахт было взято обратно, и ситуация быстро разрядилась. Еще раньше, весной 1980 г. правительство пошло на уступки профсоюзу сталелитейщиков, требовавшему существенного повышения заработной платы. Тем самым наступательный порыв профсоюзов был сбит и обстановка довольно быстро нормализовалась.

Это было тем легче сделать, что профсоюзы с конца 70-х годов вступили в период затяжного кризиса, вызванного упадком основных индустриальных отраслей, где они были наиболее сильны, ростом безработицы и угрозы увольнения, утратой четких ориентиров деятельности. Как жаловался в своем письме в газету "Морнинг стар" один местный профсоюзный деятель, "очень трудно поднять рабочих на борьбу, когда они подвергаются столь изоэренной пропаганде со стороны прессы, радио и телевидения. Рабочим трудно не принять мизерных прибавок к зарплате, когда им угрожают увольнениями и когда они являются свидетелями закрытия возрастающего числа предприятий... Где же, – вопрошал он, – то массовое рабочее движение, которое должно показать Тэтчер, как оно показало правительству Хита, что рабочие не

⁷⁵ Times. 1990. June 13. P. 14.

потерпят понижения зарплаты, закрытия предприятий и массовой безработицы?"⁷⁶

Таким образом, осуществив целую серию мер, направленных на либерализацию экономических отношений, правительство одновременно стремилось не обострять ситуации и не идти напролом там, где это могло обернуться либо невосполнимыми экономическими потерями, либо серьезным социальным конфликтом. С начала 1982 г. ситуация в экономике страны начала меняться к лучшему, появились первые признаки экономического оживления, пошла на убыль инфляция. Становилось очевидным, что худшие времена либо уже позади, либо вот-вот останутся позади.

Однако весной 1982 г. на пути успешной реализации тэтчеристского проекта возникло еще одно, на этот раз мало кем прогнозировавшееся препятствие.

3. Фолклендский кризис, "фактор Тэтчер" и выборы 1983 года

"Ничто не отпечталось столь живо в моем сознании за все годы пребывания на Даунинг-стрит, 10, как 11 недель весны 1982 г., когда Британия сражалась в Фолклендской войне и одержала победу в ней, — пишет Тэтчер в своих мемуарах. — На карту было поставлено многое, и боевые действия за 8 тыс. миль в Южной Атлантике были не только сражением за территорию, сколь бы большое значение они ни имели. Мы защищали нашу честь как нация..."⁷⁷

Нет нужды говорить, что и для самой Тэтчер, и для ее правительства это было жесточайшее испытание, и от того, как они его выдержат и какими они из него выйдут, во многом зависела их собственная судьба и судьба всей их стратегии.

Высадке аргентинских войск на острова 2 апреля 1982 г. предшествовал приход к власти в стране в декабре 1981 г. военной хунты во главе с генералом Галтиери, установившим режим жесточайшей диктатуры. Но еще задолго до этого аргентинские власти проявляли растущее нетерпение в затяжных переговорах с британской стороной, тщетно добываясь существенных уступок от нее и в области суверенных прав на острова, и непосредственного их освоения и эксплуатации⁷⁸. Еще в июле 1981 г. британская разведка предупреждала правительство, что, если Аргентина "будет сильно разочарована ходом переговоров, возникнет риск того, что она прибегнет к силовым приемам решения проблемы, причем сделает это внезапно и без предупреждения"⁷⁹.

⁷⁶ Morning Star. 1979. Dec. 17; 1980. Mar. 7.

⁷⁷ Thatcher M. The Downing Street Years. P. 173.

⁷⁸ Свое право на острова аргентинская сторона обосновывала тем, что до окончательного захвата их Англией в 1833 г. они длительное время принадлежали Аргентине. Британская сторона в свою очередь заявляла, что, поскольку на островах проживают лишь выходцы из Великобритании, желающие сохранить свое прежнее подданство, "исторические права" Аргентины не обоснованны, и потому речь может идти лишь о тех или иных частичных уступках.

⁷⁹ Riddell P. The Thatcher Government. Oxford, 1983. P. 216.

Несмотря на такого рода сигналы, министерство иностранных дел продолжало делать ставку на мирное решение спора и лишь затягивало переговоры. Принятая лордом Каррингтоном в сентябре 1981 г. установка на то, чтобы вести переговоры, не определяя границы возможных уступок, сохранялась, и это еще более запутывало ситуацию. И даже после того, как в феврале 1982 г. зашедшие в тупик переговоры были прерваны, а на одном из островов высадилась аргентинская команда якобы для сбора металлолома (что явно было сделано с целью прощупать реакцию англичан), никаких серьезных шагов с британской стороны не последовало.

Неожиданное вторжение аргентинских войск на острова буквально взорвало политическую атмосферу в стране. Лорд Каррингтон и министр обороны Джон Нотт тут же подали в отставку. Однако Тэтчер настояла на том, чтобы Нотт остался на своем посту. Каррингтон же, несмотря на все уговоры Тэтчер, не изменил своего решения, взяв, таким образом, на себя всю полноту ответственности за допущенные промахи. Сыграли свою роль и ожесточенные нападки, обрушившиеся на него со стороны резко активизировавшегося имперского лобби в Палате общин.

В противоположность поведению до 2 апреля реакция британской стороны на вторжение оказалась необычайно быстрой и энергичной. Через Совет безопасности ООН в спешном порядке была проведена резолюция, осуждавшая действия Аргентины, получена поддержка от Европейского Сообщества, начались интенсивные консультации с Соединенными Штатами, некоторыми латиноамериканскими государствами. Были прозондированы и возможные способы мирного решения конфликта. Однако чем дольше новый министр иностранных дел Пим и его министерство занимались этим "зондажем", тем большее недовольство это вызывало у тех, кто хотел как можно быстрее перейти от слов к делу. Склонность Пима к занятию более осторожной позиции (при полной публичной солидарности с действиями премьера) вызывала все большее раздражение и у самой Тэтчер.

Судя по действиям премьер-министра, она не сомневалась в том, что никакого иного способа решить проблему, кроме применения силы, в сложившихся условиях не существовало. Поэтому не препятствуя поискам мирного решения, которые призваны были показать готовность Британии к переговорам, она с первых же дней после оккупации островов встала на путь подготовки крупномасштабной военной операции. Уже в первый день после вторжения она провела через кабинет решение о формировании экспедиционного корпуса для посылки в район конфликта. Почти одновременно она создала военный кабинет для стратегического планирования и руководства военными действиями. В состав кабинета, который возглавила она сама, вошли министры обороны и иностранных дел Нотт и Пим, заместитель премьера Уайтлоу и председатель партии Паркинсон. На заседаниях комитета постоянно присутствовали также начальник Генерального штаба адмирал флота сэр Теренс Левин. Именно к его советам и рекомендациям Тэтчер прислушивается более всего. Постоянные контакты устанавливаются ею с командующим военно-морскими силами сэром Генри Личем, другими высокопоставленными

военными. Примечательно, что в число членов военного кабинета не был включен даже министр финансов Хау, причем мотивом такого решения было, как отмечает в своих воспоминаниях Тэтчер, стремление иметь полную свободу рук в вопросах финансирования кампании и избежать возможных возражений главного держателя государственного кошелька.

Посвящая целых две главы своих мемуаров Фолклендскому кризису, Тэтчер подробнейшим образом описывает те действия, которые ей как руководителю операции приходилось предпринимать по ее политическому, дипломатическому и материальному обеспечению. Причем всю ответственность за принимаемые принципиальные решения она брала на себя лично.

По мере того как экспедиционный корпус двигался к цели, принимались решения о посылке дополнительных подкреплений. О масштабе всей операции говорит хотя бы тот факт, что всего в ней было задействовано свыше 100 надводных и подводных кораблей, а их команды насчитывали свыше 25 тыс. человек. При всем том это была весьма и весьма рискованная операция. Однако, взяв курс на возвращение островов силой, Тэтчер решительнейшим образом отклоняла все предложения о компромиссе, как бы соблазнительны они ни были и от кого бы они ни исходили (наибольшую активность в этом направлении проявлял тогдашний госсекретарь Хейг и правительство Перу).

Начало активным военным действиям было положено неожиданным торпедированием 2 мая 1982 г. британской подводной лодкой аргентинского крейсера "Генерал Белграно", в результате которого корабль затонул, погиб 321 член его экипажа. Нападение было непосредственно санкционировано М. Тэтчер и военным кабинетом. Согласно одной из версий в основе данного решения лежало стремление положить конец неопределенности и исключить возможность принятия Аргентиной перуанского проекта компромисса, на который якобы Аргентина вот-вот была готова согласиться. Тот факт, что крейсер был затоплен за пределами 200-мильной зоны вокруг островов, т.е. в международных водах, причем на пути не к островам, а в обратном направлении, вызвал в скором времени острейшую полемику, в том числе и в парламенте, относительно целей этого нападения и его правомерности с точки зрения международного права и военной целесообразности. В ответ на обвинения противников Тэтчер в том, что ее действия носили безответственный характер и она повинна в гибели людей, не участвовавших в военных операциях, Тэтчер и ее сторонники возражали, что приказ о нападении был отдан в обстановке, когда находившиеся поблизости два британских авианосца "Гермес" и "Инвинсибл" опасались атаки со стороны "Белграно" и аргентинского авианосца, причем "Белграно" двигался не по прямой, а зигзагами.

Как бы то ни было, торпедирование "Белграно" развеяло все иллюзии относительно невоенных способов урегулирования конфликта, и теперь ничто уже не могло предотвратить прямого вооруженного столкновения сторон. Спустя два дня аргентинскими морскими силами был потоплен британский эскадренный миноносец, 21 член его экипажа погиб, и десятки других были ранены.

Несмотря на отдельные голоса, "примиренцев" и те или иные оговорки, касавшиеся в основном отношения к переговорам, фактом оставалось то, что посылку экспедиционного корпуса одобрили все представленные в парламенте партии и "военный кабинет" Тэтчер стал фактически выступать как выразитель общенациональной воли. Своим политическим инстинктом Тэтчер чутко уловила набиравшее силу недовольство британцев снижением престижа и авторитета страны в мире, их нежелание смириться с ролью второстепенной и даже третьестепенной державы в мировом сообществе, превращением "Великой Британии" в "Малую Англию". Как и она сама, большинство населения страны воспринимало вспыхнувший конфликт не столько как столкновение двух противников, не поделивших между собой конкретную территорию, сколько как вызов национальному достоинству, попытку унижить "великую нацию" и заставить ее склонить голову перед фашиствующим диктатором. Именно такой политический и психологический контекст сделал фолклендский конфликт событием, значение которого вышло далеко за рамки чисто военного эпизода.

Твердость и высокий профессионализм военно-политического руководства и оперативного командования обусловили быстрое продвижение экстраординарного экспедиционного корпуса, который уже к середине мая, преодолев расстояние в 8 тыс. миль, достиг театра военных действий. Существенная помощь в снабжении, предоставлении разведывательных данных и средств транспорта, базирования и связи была оказана американскими вооруженными силами. Немалую роль сыграла и политическая поддержка, оказанная Тэтчер и ее правительству Соединенными Штатами и странами Западной Европы.

25 апреля у аргентинцев был отобран о. Южная Джордания. После ряда успешных маневров 21 мая был осуществлен десант в порте Стэнли, главном опорном пункте архипелага. Сопряженная с немалым риском, эта операция прошла на редкость успешно. Поддержанный с моря и воздуха десант довольно быстро сломил сопротивление аргентинских войск и, водрузив британский флаг над административным центром, восстановил британский суверенитет над архипелагом.

Блистательно завершенная операция при минимальных потерях (255 убитых с британской и 650 с аргентинской стороны) серьезнейшим образом повлияла на политическую ситуацию в стране. "Фолклендский фактор" на несколько месяцев как бы заслонил собой большинство других факторов и обстоятельств, определявших внутривнутриполитический климат в стране, и обеспечил консерваторам лидирующее положение в общественном мнении. Если в конце 1981 г. рейтинг консерваторов и Тэтчер, согласно опросам, составлял всего 27 и 25%, то сразу же после фолклендской операции он подскочил соответственно до 48 и 59%.

Для понимания роли и значения операции по освобождению Фолклендских островов важно иметь в виду, что вся эта акция была проведена не просто как чисто военная, но и как политическая. Тот факт, что организовавший вторжение на острова аргентинский режим был авторитарного, полуфашистского толка, придавал этой акции в глазах многих англичан оттенок "освободительной миссии", и потому распространившееся в

некоторых британских и зарубежных газетах утверждение, будто весной 1982 г. страну охватил "джингоистский ажиотаж", лишь в очень малой степени отражало реальное положение дел. Автору этих строк довелось присутствовать на параде победы, устроенном в лондонском Сити в честь войск, участвовавших в операции, и зрелище огромных масс людей, запрудивших прилегающие улицы и площади и буквально свисавших из окон близлежащих зданий, вызывало скорее ощущение возрожденного национального достоинства, нежели шовинистического угара. Хотя, безусловно, элементы шовинизма и джингоизма также присутствовали, и отрицать это — значило бы не говорить всей правды.

При всем том огромном значении, которое имел "фолклендский фактор" в переломе общественных настроений в пользу консерваторов и их лидера, он тем не менее был лишь одной, пусть и самой очевидной, составляющей целой совокупности идейно-политических, экономических и социально-психологических факторов, обусловивших этот перелом. Если попытаться определить эту совокупность одним словом, то наиболее подходящим здесь будет "тэтчеризм" и лежащий в его основе "решительный подход", демонстрировавшийся Тэтчер и ее сторонниками во всех основных сферах общественно-политической жизни. Из преимущественно идеологического и политического течения, каким был он в 1974–1979 гг., в начале 80-х годов неоконсерватизм превратился в осязаемую, персонифицированную политическую практику.

Выше уже говорилось об изменении к лучшему экономической ситуации в стране. Стала снижаться инфляция, остановился рост налогов. И хотя во многом эти изменения, и особенно оживление экономической активности, мало зависели от действий правительства и носили объективный характер, чисто психологически это воспринималось значительной частью населения как результат нового курса и нового стиля руководства, олицетворявшихся с Маргарет Тэтчер. Не случайно, что где-то с середины 1982 г. в политическом лексиконе англичан появляется новое словосочетание "фактор Тэтчер", а понятие "тэтчеризм" становится одним из самых распространенных и широко дискутирующихся.

Тем самым были созданы предпосылки для продолжения взятого курса и выхода на "новые рубежи" неоконсервативной стратегии, которую во многом еще предстояло реализовать. А для этого, естественно, нужно было получить новый мандат от избирателя, и чем скорее, тем лучше.

Хотя срок полномочий избранного весной 1979 г. парламента истекал лишь весной 1984 г., Тэтчер и ее ближайшие советники предпочли не рисковать и назначить выборы годом раньше⁸⁰, в момент, когда и "фолклендский фактор", и "фактор Тэтчер" еще не утратили своей силы и новизны.

Состоявшиеся 9 июня 1983 г. выборы не принесли консерваторам сенсационных успехов, на которые, возможно, они рассчитывали. Доля полученных ими голосов в сравнении с выборами 1979 г. даже несколько

⁸⁰ Согласно неписаной британской конституции правительство вправе в любой момент (с формального согласия монарха) распустить парламент и назначить новые выборы. Выборы, однако, должны быть проведены в течение пятилетнего срока полномочий Палаты общин, и ни днем позже.

снизилась (с 43,9 до 42,4%). Тем не менее число завоеванных в парламенте мест существенно возросло – с 339 до 397. Причина подобного несоответствия в том, что в отличие от всех других послевоенных выборов на сей раз в них участвовали не две, а фактически три партии. Наряду с консерваторами и лейбористами за победу боролась "третья партия" или, точнее, избирательное объединение – Альянс либералов и социал-демократов. В результате подобного раздвоения оппозиции действовавшая в стране мажоритарная система сработала в пользу партии, сумевшей оторваться от обоих своих соперников и выйти на первое место во многих округах.

В целом обе оппозиционные консерваторам партии получили около 55% всех голосов, причем разделились эти голоса между ними почти поровну. Лейбористы завоевали 28,3, а партия Альянса – около 26%. При этом, однако, лейбористы, опять-таки благодаря мажоритарной системе, набрали относительное большинство голосов в 209 округах, тогда как партия Альянса, голоса избирателей которых распределялись более равномерно по всей стране, – всего в 23 округах. В результате парламент сохранил свой двухпартийный характер, и это стало одной из причин последующего кризиса Альянса.

Одним из примечательных результатов выборов 1983 г. стало то, что впервые за послевоенный период консерваторы определили лейбористов по числу поданных за них голосов квалифицированных рабочих (за тех и других было подано соответственно по 36 и 37% всех голосов данной категории избирателей). И даже среди членов профсоюзов, большая часть которых входит в лейбористскую партию на правах коллективного членства, лейбористам удалось собрать всего 39% (за консерваторов проголосовало 32, за партии Альянса – 28%). Особенно заметный успех одержали консерваторы в борьбе за голоса рабочих, имеющих собственные дома или квартиры, т.е. тех, кто переселился в пригороды или в более благополучные районы. За них проголосовало 47% рабочих данной категории, тогда как за лейбористов – всего 28%.

Таким образом, выборы 1983 г. не только дали новый мандат на власть правительству Тэтчер, но и зафиксировали заметное расширение его социальной базы за счет традиционных противников тори – лейбористов.

Глава четвертая

ТЭТЧЕРИЗМ В НАСТУПЛЕНИИ

Успех на выборах 1983 г. и слабость расколотов оппозиции создавали благоприятные условия для продолжения разработанной в оппозиции неолиберальной социально-экономической и основанной на приоритете державных интересов политической стратегии. Однако на пути ее реализации правительству и его главе пришлось столкнуться с массой проблем как внутри-, так и внешнеполитического плана. Нередко эти проблемы обострялись настолько, что оттесняли на второй план решение задач более крупного, стратегического порядка. В результате и у сторонников радикальных мер, и у беспристрастных наблюдателей порой складывалось впечатление, что правительство погрязло в конъюнктуре, топчется на месте и даже теряет четкие ориентиры¹. Схожие заключения делались и рядом исследователей позднее, когда они анализировали более длительные периоды деятельности Тэтчер и ее кабинета².

Существуют, однако, и другие оценки тэтчеристского правления тех лет, довольно резко расходящиеся с приведенной. Одна из них представляет это правление как своего рода триумфальное шествие тэтчеризма, в результате которого наступил, как пишет один из авторов, "коллапс древнего режима"³.

Не разделяя ни той, ни другой точки зрения, автор считает, что истинную оценку положения дел следует искать где-то между этими крайностями. По его глубокому убеждению, как до выборов 1983 г., так и в последующий за этими выборами период ни сама премьер, ни сплотившееся вокруг нее ядро государственных деятелей не теряли ориентации на осуществление принципов и постулатов тэтчеризма, как они были сформулированы еще в период оппозиции. Однако в ходе реализации этой стратегии первоначальные цели порой серьезнейшим образом корректировались, и конечный результат порой далеко не совпадал с первоначально задуманным.

¹ Например, см.: *Economist*. 1983. Oct. 3. P. 12–14.

² К. Миддлмасс, к примеру, пишет о периоде 1982–1985 гг. как о времени, когда экономическая политика правительства выдохлась, а само оно утратило уверенность в себе (*Middlemas K. Power, Competition and the State*. L., 1991. Vol. 3. P. 239). П. Риддл заявляет о "потерянных 18 месяцах после выборов 1983 г." (*Riddel P. The Thatcher Decade*. Oxford, 1989. P. 12).

³ Цит. по: *Jenkins P. Mrs. Thatcher's revolution*. L., 1986. P. 379.

1. Приватизация и "демократия собственников"

Поставив во главу угла своей социально-экономической стратегии задачи разгосударствления экономики и освобождения ее от пут бюрократической регламентации, правительство Тэтчер уже в первые годы пребывания у власти осуществило ряд мер, направленных на частичный демонтаж механизма государственного регулирования и приватизацию ряда находящихся в государственной собственности фирм. Наиболее крупными из них были авиационная корпорация "Бритиш эрспейс", "Кейбл энд Вайрлесс" и нефтяная корпорация "Бритиш петролеум", в которой правительство располагало контрольным пакетом акций. Приватизация этих и большинства других фирм осуществлялась поэтапно, путем продажи акций. Так, первая партия акций "Бритиш петролеум" была продана еще осенью 1979 г., а последняя – осенью 1983 г. Приватизация двух других упомянутых корпораций началась в 1981 г., а закончилась лишь в 1985 г. Всего в 1979–1983 гг. было продано государственной собственности на сумму, превышающую 1,7 млрд. ф.ст. После победы на выборах 1983 г. темпы приватизации значительно ускорились. В 1983–1984 гг. сумма продаж государственной собственности составила 1,1 млрд. ф.ст., в 1984–1985 гг. – 2,1 млрд., в 1985–1986 гг. – 2,7 млрд. и в 1986–1987 гг. – 4,4 млрд. ф.ст. В числе приватизированных в этот период оказались такие гиганты, как "Бритиш портс", в ведении которой находятся основные портовые службы, сооружения и оборудование, сталелитейная корпорация "Бритиш стил", автомобилестроительные фирмы "Ягуар" и "Роллс Ройс", крупнейшая авиационная корпорация "Бритиш эрвейс", национальная корпорация грузовых перевозок, корпорация по переработке и снабжению газом – "Бритиш газ", "Энтерпрайз ойл" и ряд др.

Но, пожалуй, наиболее существенным актом такого рода явилась приватизация в ноябре 1984 г. телефонной и телеграфной связи ("Бритиш телеком"). Из 3,5 млрд. ф.ст., вырученных от распродажи акций государственных корпораций и фирм в 1983–1985 гг., на долю последней пришлось 1,34 млрд. ф.ст., причем эта сумма включала выручку только первой, правда наиболее весомой, партии акций.

Всего к выборам 1987 г. было приватизировано свыше трети промышленных, транспортных и коммерческих структур, находившихся в государственной собственности⁴. Доля государственного сектора снизилась с конца 70-х годов к 1987 г. с 10 до 6,5% совокупного общественного продукта. Численность занятых в нем сократилась с 8 до 5,5% (на 655 тыс. рабочих мест).

После столь широкомасштабной приватизации в собственности государства остались в основном отрасли и предприятия экономической инфраструктуры (водоснабжение, электроэнергетика, почта, железнодорожный транспорт), а также угольная промышленность и пассажирский транспорт Большого Лондона. Однако правительство отнюдь не считало принадлежность той или иной отрасли к экономической инфраструктуре

⁴The Next Move Forward. The Conservative Manifesto, 1987. L., 1987. P. 35–36.

и "обслуживающему" сектору экономики основанием для того, чтобы сохранять их в руках государства.

Консерваторы провели также резкое снижение других форм субсидирования и государственной помощи фирмам частного и государственного сектора. Если в 1980 г., когда правительство еще только готовилось к осуществлению своих программ разгосударствления, национализированные отрасли и фирмы получили 3 млрд. ф. ст. субсидий, то в 1987 г. — всего 300 тыс., т. е. в 10 тыс. раз меньше. Что же касается частных фирм, то их субсидирование также было почти что прекращено. Приведенный в предшествующей главе пример с "Бритиш Лейланд" был скорее исключением, которое подтверждает, а не опровергает это правило. Как заявила после успешного завершения операции по ее спасению Тэтчер, «я никогда не захочу взять на себя еще одну "Бритиш Лейланд"»⁵.

Негативное отношение к государственной собственности для Тэтчер и "тэтчеристов" отнюдь не означало безразличия к тому, как идут дела в государственном секторе экономики. Скорее наоборот, вмешательство в эту сферу заметно возросло. Однако суть и характер его довольно резко изменились. Если прежние правительства заботились преимущественно о том, чтобы поддерживать этот сектор "на плаву" путем все новых и новых вливаний государственных средств, то правительство Тэтчер свою главную задачу видело в том, чтобы повысить его эффективность и конкурентоспособность, поставив в те же жесткие экономические условия, в которых действуют и фирмы частного сектора. Это происходило главным образом за счет обновления их руководства и внедрения режима жесткой экономии, ведущего к "удушению" нерентабельных предприятий. Если в "Бритиш Лейланд" подобного рода линия проявилась в основном во внутренней технологической ломке и закрытии отдельных производств, то в сталелитейной и угольной отраслях она обернулась ампутацией целого ряда устаревших предприятий и шахт. Первой корпорацией, на которой был впервые в широких масштабах испытан этот метод, явилась сталелитейная корпорация "Бритиш стил", которая к концу 70-х годов оказалась настолько технически и организационно отсталой, что могла существовать лишь с помощью всевозрастающих государственных дотаций. Преисполненное решимости резко изменить ситуацию в отрасли, правительство Тэтчер пошло на то, что пригласило на пост председателя правления корпорации крупного американского менеджера (родившегося и выросшего в Шотландии и бывшего в течение нескольких лет заместителем председателя правления "Бритиш Лейланд") Яна Макгрегора. Чтобы привлечь его, правительство установило ему небывало высокий по британским стандартам оклад, а фирме, которой он руководил, было заплачено 1 млн. 825 тыс. ф. ст. отступного. Даже такая протэтчеристская газета, как "Таймс", была против этой сделки, а один лейбористский член парламента во время дебатов по этому вопросу спросил К. Джозефа, ответственного в качестве министра промышленности за эту операцию, "чувствует ли себя высокочтимый джентльмен в порядке", т. е. в своем ли он уме. Тем не менее бурные дебаты в

⁵Halcrow M. Keith Joseph. L., 1989. P. 151.

парламенте окончились победой консерваторов, решительно парировавших ожесточенные нападки лейбористов.

Пользуясь данными ему полномочиями, Я. Макгрегор осуществил далеко идущую реорганизацию сталелитейной промышленности, закрыл ряд наиболее устаревших производственных комплексов, произвел реконструкцию оставшихся на новейшей технологической базе, сократив при этом 55 тыс. ставших ненужными рабочих мест. Увольняемым были выплачены солидные пособия, что наряду с повышением зарплаты основному контингенту работающих способствовало разрядке опасной напряженности трудовых отношений.

С середины 80-х годов британская сталелитейная промышленность и по качеству продукции и по эффективности и производительности труда вышла на одно из первых мест в Западной Европе и мире, а опыт ее реорганизации и модернизации начал рассматриваться как едва ли не образец лечения "хромых уток".

Неудивительно, что, когда Тэтчер решила наконец "вылечить" страдавшую от тех же болезней британскую угольную промышленность, она пригласила на пост председателя национального управления угольной промышленности того же Я. Макгрегора. Начав свою деятельность с закрытия 20 нерентабельных шахт и увольнения работавших на них горняков, Макгрегор и подобранные им менеджеры, опираясь на полную и всестороннюю поддержку правительства, смогли в течение года противостоять мощнейшему нажиму забастовавших горняков (о чем подробнее ниже), а после поражения забастовки добились существенного повышения эффективности отрасли, опять-таки при резком сокращении персонала.

Приведенные примеры отнюдь не единичны. Они характеризуют политику правительства в отношении всего государственного сектора, эффективность которого при правительстве Тэтчер существенно возросла.

Парадокс ситуации заключался в том, что, добившись эффективной и прибыльной работы находившихся в собственности государства корпораций и отраслей и резко ослабив "поводок", привязывавший их к государству, правительство тем самым, хотело оно того или нет, демонстрировало возможность их возрождения и без прямого и полного разгосударствления. Именно это обстоятельство, судя по всему, послужило одной из главных причин растущего сопротивления, на которое позднее, уже к концу 80-х годов, стали наталкиваться приватизаторские планы правительства. Однако в обстановке тэтчеристского наступления 1982–1987 гг., когда преобладал стереотип громоздкого, дорогостоящего и неэффективного государственного сектора, все хуже и хуже справлявшегося со своими функциями, приватизаторская активность правительства лишь укрепляла его политические позиции.

Эта активность теснейшим образом увязывалась с его же линией на предоставление большей свободы от государственного вмешательства частному сектору. Одним из важнейших средств реализации этих целей являлось ослабление налогового бремени, тяжелым грузом давившего на бизнес и бизнесменов и сковывавшего предпринимательскую активность.

Наряду со снижением максимальной ставки подоходного налога с 83 до

63%, первое правительство Тэтчер уменьшило среднюю ставку налогообложения с 33 до 30%. После выборов 1983 г. эта ставка была снижена до 27%. Одновременно снижались налоги на прибыли корпораций и фирм, что существенно укрепляло их экономическую самостоятельность и способность к маневрированию ресурсами.

У этой политики была и своя негативная сторона, поскольку нарушался механизм перераспределения прибылей в пользу наукоемких отраслей и фирм, связанных с высокой технологией. Однако, несмотря на порой достаточно острую критику действий правительства и со стороны лейбористов, и со стороны значительной части промышленных кругов бизнеса, правительство упорно следовало избранной им линии.

Наряду с облегчением налогового бремени были сняты практически все ограничения на вывоз капиталов, равно как и на ввоз товаров и капиталов из других стран. Тем самым не только достигалась большая свобода для британских и зарубежных транснациональных корпораций, банков и других финансовых учреждений, но и повышался барьер выживаемости британских фирм, ужесточались условия конкуренции.

Всячески превознося роль собственности и делая максимум возможного для поднятия ее роли и роли собственников, М. Тэтчер и ее сторонники ставили перед собой весьма амбициозную цель приобщения к собственности в том или ином виде практически всего дееспособного населения Британии, превращения британского общества в "нацию собственников".

Особенно близкой сердцу М. Тэтчер была идея расширения мелкого предпринимательства, будь то производство, торговля или сфера услуг. Уже в бюджете 1980 г. был предусмотрен ряд налоговых скидок для мелких бизнесменов, и особенно для тех, кто открывал свое небольшое дело. В ряде случаев эти люди вообще освобождались от уплаты налогов на тот или иной срок. Были также облегчены условия кредитования мелкого бизнеса, созданы консультационные и иные службы, помогавшие новичкам организовывать и вести незнакомое дело.

Конечно же, далеко не все требования и пожелания мелкого бизнеса правительство выполняло. Несмотря на его стремление способствовать подлинному процветанию мелкого предпринимательства, главной его заботой было тем не менее создание "наибольшего благоприятствования" для развития большого бизнеса, от состояния которого в решающей степени зависело и зависит экономическое положение страны. Для широкомасштабной программы развития мелкого предпринимательства потребовалось бы не просто "скрытое субсидирование" типа того, о котором речь шла выше, а гораздо более впечатляющие меры поощрения и поддержки. Отметим, что предпринятые правительством шаги дали свои результаты, и результаты весьма ощутимые. Если в 1979 г. количество лиц, имеющих собственное дело, составляло 1,9 млн. человек, то к выборам 1987 г. их уже насчитывалось почти 3 млн.

Число мелких предпринимателей в обрабатывающей промышленности возросло с 62 тыс. в 1979 г. до 106 тыс. человек в 1988 г.⁶ В целом же в

⁶Economic Trends. L., 1989. P. 218; Annual Abstract of Statistics. L., 1983. P. 131; 1989. P. 119.

секторе малого бизнеса к концу 80-х годов оказалась занята четвертая часть всего самостоятельного населения. Он уже не рассматривался даже самыми скептически настроенными деятелями как некий "рудимент" эпохи "свободного капитализма", а его престиж и авторитет поднялись практически во всех слоях британского общества, и в том числе – в рабочем классе. В не малой степени этому способствовал и рост безработицы, вынуждавший тех, кто получал сравнительно высокое выходное пособие или же имел накопления, попытать счастья на новом поприще.

Одной из форм поощрения бизнеса, в том числе мелкого и среднего, явилось создание "предпринимательских зон" в старых городских районах. Проживавшим и пожелавшим участвовать в восстановлении и развитии этих зон бизнесменам, помимо налоговых скидок и кредитования, предоставлялась большая свобода от бюрократического контроля местных властей, на льготных условиях предоставлялись помещения или площади под застройку, оказывалась другая помощь. Согласно выдвинутому идею создания зон П. Холлу, они должны были стать своего рода мини-Гонконгами в пришедших в запустение городских районах и послужить очагами их возрождения. Как сам П. Холл, так и подхватившие его идею тэтчеристы рассматривали предпринимательские зоны как альтернативу линии на "городское планирование", активно пропагандируемую левыми лейбористами и проводившуюся рядом лейбористских городских советов. Уже в первом бюджете было объявлено о создании 11 таких зон. В 1983 г. их число было доведено до 23. Как писали авторы книги "Местное управление и тэтчеризм", несмотря на далеко не равноценные результаты внедрения предпринимательских зон, "большинство их заметно способствовало восстановлению нормального облика территорий, в известной степени стимулировало экономическую активность"⁷.

О том, на сколь благоприятную почву упали семена тэтчеристской "демократии собственников", свидетельствует и успех еще одной инициативы правительства, связанной уже с прямым приобщением наемных труженников к владению капиталом. Речь идет о политике "распыления собственности", проводимой в основном с помощью широкой распродажи населению акций приватизируемых корпораций и фирм. Согласно установленным правительством правилам, значительная часть этих акций была пущена в продажу мелкими партиями с тем, чтобы как можно больше людей могло стать акционерами. Акции такого рода продавались на льготных условиях, причем каждый гражданин мог купить лишь строго ограниченное их количество. Был даже случай, когда обнаружилось, что один член парламента через подставных лиц скупил весомый пакет подобных акций, за что и поплатился вскоре весьма неприятным для него разбирательством.

Особенно поощрялась покупка акций рабочими и служащими самих приватизировавшихся корпораций, с тем чтобы повысить их заинтересованность в их успешной деятельности и одновременно создать прецедент для распространения этой практики и на фирмы частного сектора.

⁷Butcher H. et al. Local Government and Thatcherism. L., 1990. P. 108.

Некоторые из солидарных с консерваторами владельцы и менеджеры частных фирм стали предпринимать и собственные усилия, нацеленные на приобщение персонала к собственности и участию в прибылях.

Так, идея "народного капитализма", усиленно насаждавшаяся М. Тэтчер и ее сподвижниками, как бы получала второе рождение (как известно, первая волна "народного капитализма" прошла по странам Западной Европы в 50-х годах, и ее эпицентрами были ФРГ и США), причем на этот раз она захватила гораздо более широкий круг лиц наемного труда.

Несмотря на то что значительная часть новоиспеченных акционеров поспешила при первом же удобном случае с выгодой продать свой "пакет", основная их масса предпочла не расставаться с ним. В результате доля акционеров, пусть даже и в значительном числе символических, выросла с 7% взрослого населения в 1979 г. до 20% в 1987 г., а их число достигло внушительной цифры в 10 млн. человек. Согласно официальным данным, число компаний, целиком выкупленных персоналом и менеджерами у их собственников, составило в 1982–1988 гг. около 1900. Число же трудящихся, задействованных в различных системах соучастия в прибылях, в конце 80-х годов достигло 1 млн. 750 тыс.⁸

Характеризуя отношение правительства к участию персонала в национальном капитале, газета деловых кругов "Файненшл таймс" писала: "Правительство приветствует их, поскольку оно является сторонником идеала народного капитализма, для развития которого само по себе распыление акций еще недостаточно". Отсюда, указывала газета, подготавливаемые им меры по введению налоговых льгот на компании, встающие на этот путь. При приватизации Национальной корпорации грузового автотранспорта правительство содействовало передаче ее целиком в собственность персонала. Поощрялась также деятельность организаций, созданных для стимулирования такого рода активности, а также для пропаганды более богатого опыта, накопленного предпринимательскими кругами США⁹.

Было бы, конечно, серьезным преувеличением истинного влияния тэтчеризма полагать, что процесс "распыления собственности", об интенсивности которого красноречиво свидетельствуют приведенные цифры, являлся лишь следствием целенаправленной политики М. Тэтчер и ее правительства. Успех этой политики был обусловлен прежде всего тем, что она имела под собой прочную основу в виде объективных тенденций общественного развития, сдерживавшихся до поры насаждением этатистских, бюрократических форм псевдообществления. Понимая "демократию собственников" весьма широко, М. Тэтчер и ее правительство отнюдь не желали ограничиться лишь мерами по рассредоточению собственности на капитал, являющийся основой народного хозяйства. Не менее серьезные усилия были приложены ими и для того, чтобы поощрять расширение владения имуществом, находящимся в непосредственном пользовании населения и определяющим уровень его благосостояния —

⁸Britain 1990. An Official Handbook. L., 1990. P. 251.

⁹Financial Times. 1986. Dec. 15.

домом, легковым автомобилем, теле- и аудиоаппаратурой, и т.д. и т.п. При этом отчетливо сознавалось, что приобщение все большего числа граждан к владению этим имуществом будет стимулировать их стремление к совладению капиталом и наоборот. Как заявила еще в 1981 г. М. Тэтчер, "наш метод – экономика, наша цель – изменить душу"¹⁰.

Не удовлетворяясь приведенными выше мерами по стимулированию "накопительства", правительство предпринимало и более целенаправленные усилия по расширению числа обладателей собственности. Одной из таких мер явилась предусмотренная еще в разработках конца 60-х годов распродажа муниципального жилья, находящегося в собственности государства.

Как известно, обладание собственным делом или квартирой традиционно является предметом особой заботы и устремлений англичан. Неудивительно, что уже к началу 70-х годов добрая половина их жила в собственных домах, хотя многим новым собственникам еще предстояло выплатить немалые суммы по закладным, т.е. кредитным обязательствам, выданным в обмен на построенное жилье. Из другой половины семей свыше 30% проживало в муниципальных домах, предоставляемых за сравнительно небольшую плату, примерно 10% снимали квартиры у частных домовладельцев (в 1914 г. эта доля составляла 90%)¹¹. При этом число последних имело тенденцию к снижению, а первых – к довольно быстрому росту. Муниципальное жилищное строительство являлось одним из приоритетных направлений социальной политики как лейбористов, так и консерваторов и было признано наиболее эффективным средством решения жилищной проблемы. Благодаря этому миллионы английских семей смогли получить после войны сравнительно благоустроенные дома или квартиры, а острота нехватки жилья довольно быстро стала смягчаться.

Однако по мере роста благосостояния населения набирал силу и другой упоминавшийся выше процесс исхода наиболее преуспевающей части трудящихся, и в первую очередь высококвалифицированных рабочих и специалистов, из старых городских районов в пригороды, где частные строительные компании развернули весьма интенсивное жилищное строительство. Благоустроенные отдельные домики с небольшим полисадником, а иногда и крошечным садиком или лужайкой, гаражом разительно отличались от даже самых лучших муниципальных домов, где, несмотря на наличие элементарных удобств, а иногда и двух этажей, правил бал "его величество" стандарт. Длинные ряды этих домов, отгороженных друг от друга капитальной перегородкой, поражали и поражают до сих пор удивительным однообразием и монотонностью. Особенно же неприглядную картину представляли собой почерневшие от копоти и пыли построенные еще в прошлом веке многоэтажные жилые дома в рабочих районах старых индустриальных городов – Лондона, Глазго, Манчестера, Бирмингема и многих др. И неудивительно, что как только появилась возможность сменить это унылое жилье на новое,

¹⁰Observer. 1988. Apr. 30.

¹¹Butcher H. et al. Op. cit. P. 127.

значительно более комфортабельное и, что не менее существенно – свое, миллионы людей не преминули ею воспользоваться.

Как известно, явление это было не только британским, обширные пригороды в 50–60-х годах стали создаваться и в других странах Запада, и многие из читателей, наверно, помнят, как наша пропаганда умудрялась видеть в этом исходе населения из центра на периферию признаки "упадка" и чуть ли не деградации образа жизни горожан. Слов нет, у жизни в пригородах есть и свои минусы, и главные из них – отдаленность от культурных центров, сложности с сообщением, растянутость коммуникаций. Однако, если учесть, что переселявшиеся семьи, как правило, имели собственный автомобиль, а часто и не один, а также все средства массовой информации, эти проблемы в подавляющем большинстве случаев решались относительно легко.

Был у этой миграции и другой, социально-политический аспект. Разрушение некогда компактных рабочих "комьюнити" (общин) с их сложившейся социальной инфраструктурой и специфической субкультурой, приводило к ослаблению, а нередко и распаду наиболее надежных бастионов профсоюзного и лейбористского влияния. Автору этих строк во время кратковременного пребывания в г. Лидсе в гостях у известного исследователя британского лейборизма Люиса Минкина привелось воочию убедиться в поистине опустошительном воздействии, которое исход в пригороды оказывал на традиционные рабочие районы. Бывшие некогда очагами спайки и солидарности бары, клубы, школы, церкви, спортивные площадки либо обрели уже иную "мультирасовую" жизнь, либо пришли в запустение. Тон в микрорайоне стали задавать наиболее энергичные, склонные к коммерции выходцы из Пакистана и отчасти Индии, что особенно наглядно проявлялось в оживлении, царившем вокруг многочисленных принадлежавших им закусочных и магазинчиков, превратившихся в своеобразный центр нового сообщества. Как объяснил мне профессор Минкин, практически распались и прекратили существование некогда жизнестойкие и активные местные партийные и профсоюзные организации.

Подобную же картину полного или частичного разрушения традиционных рабочих субкультур мне приходилось наблюдать и в ряде других некогда процветающих промышленных центров страны.

Естественно, что переселявшийся в пригород рабочий и его семья уже оказывались совершенно в иной социальной среде, среде "среднего класса". Да и его собственный образ жизни и особенно образ жизни его детей мало чем напоминал их прежнее, "пролетарское" существование. Отсюда – и ослабление заинтересованности в поддержании связей с некогда столь близкими ему и по духу, и по требованиям лейбористами, превращение "естественных" связей с партией в связи "инструментальные", основанные на рациональной оценке той "выгоды", которую дает ему поддержка этой партии и ее приход к власти. А отсюда всего один шаг и до перехода на сторону другой партии, что, как мы уже видели, стало происходить все чаще и чаще.

Еще быстрее ослаблялись или утрачивались прежние политические связи у тех, кто полностью порывал с рабочей профессией и либо

становился "мелким буржуа", либо превращался в хронически безработного.

Преисполненное решимости реализовать свою программу разгосударствления жилья, сформированное в 1979 г. правительство в срочном порядке провело через парламент законодательство, согласно которому каждый желающий мог на сравнительно льготных условиях (рассрочка выплаты стоимости дома, невысокая оценка и т.п.) приобрести занимавшееся им жилище в собственность со всеми вытекающими отсюда правами. И практически тут же началась распродажа. Десятки, а затем и сотни тысяч семей становились домовладельцами, а к концу 80-х годов число их превысило миллион. Это составило около пятой части всего муниципального жилого фонда, доля которого сократилась с 30% в конце 70-х годов до 25% в 1988 г.

Популярность мер по продаже муниципальных домов во многом объяснялась тем, что у новых домовладельцев оказывались развязанными руки для всякого рода улучшений, перестроек и даже реконструкций ставших их собственностью домов. В периодической печати начала 80-х годов нередко встречались снимки традиционной муниципальной застройки, на которых унылая и однообразная череда домов то и дело прерывалась выбивавшимися из общей картины домиками или секциями с новыми, более широкими и нестандартными оконными рамами, красивым крыльцом с верандой, веселой раскраской фасада и т.п. В дальнейшем такие картинки уже перестали быть новинкой, и каждый житель страны или иностранный визитер, не поленившийся посетить такие районы, мог легко убедиться в этом.

Описанные изменения – отнюдь не мелочь и не экзотическое украшение тэтчеристской Британии. Они наглядно свидетельствовали о том, что и психология "демократии собственников" стала укореняться в сознании все более широких масс британцев, готовых ради удовлетворения своих "мелкособственнических" инстинктов платить деньги, и порой немалые, за право жить в своем, а не наемном жилище и распоряжаться им по собственному усмотрению.

Продажа муниципальных домов была, бесспорно, наиболее крупной и результативной мерой поощрения частного домовладения. Однако она не была единственной. Несмотря на заметно улучшившееся экономическое положение страны, консерваторы вдвое снизили ассигнования на государственное жилищное строительство, тем самым вызвав немалое недовольтство малоимущих слоев населения. Центр тяжести своей жилищной политики они сосредоточили на поощрении частного домостроения, введении ряда льгот на выплату процентов за кредит, субсидий и налоговых льгот строительным кампаниям. Целью всех этих мер, во-первых, было ускорение частного строительства и, во-вторых, недопущение повышения цен на рынке жилья.

"Собственнический" или "частнособственнический" дух в не малой степени стимулировался и общим ростом потребительского спроса в стране, начавшимся еще в конце пребывания у власти первого правительства М. Тэтчер, но ставшим особенно заметным после выборов 1983 г. К моменту новых выборов 1987 г. средний уровень доходов в стране возрос в

сравнении с 1979 г. примерно на 25%, причем в наибольшем выигрыше оказались состоятельные слои населения, включая и часть квалифицированных рабочих. "Обуржуазивание" рабочего класса, которое многие левые авторы пытались либо отрицать, либо рассматривать как нечто преходящее, пошло еще более быстрым ходом, чем когда-либо прежде, приобрело отчетливые, видимые невооруженным глазом черты. Стало очевидным, что это не какое-то отклонение от нормального развития, а естественный процесс, который, как бы к нему ни относиться, уже нельзя было остановить и который приносит силам, стимулирующим его, ощутимые политические дивиденды. Дух предпринимательства, конкуренции, успеха переносился из сравнительно узкой сферы собственников и менеджеров на значительно более широкие общественные слои и в какой-то мере – и на общество в целом.

Ниже мы познакомимся с теми новыми противоречиями, к которым привела политика форсированного насаждения и поощрения собственных устремлений и "обуржуазивания". Однако прежде попытаемся проследить другие, выходящие за пределы отношений собственности аспекты тэтчеристской политики.

2. Антиколлективизм и посткорпоративизм

Среди ценностных ориентаций неоконсерватизма вообще и тэтчеризма в частности особое место принадлежит индивидуализму, или, что почти то же, антиколлективизму. По существу индивидуалистическая, антиколлективистская философия лежит в основе всей социально-экономической политики тэтчеризма, включая и те ее составляющие, которые были рассмотрены выше. Однако наиболее решительно и даже агрессивно эта философия стала проявлять себя после выборов 1983 г. в сфере, где коллективизм и "коллективистская политика" непосредственно реализуется, а именно – в отношениях между трудом и капиталом.

Основным носителем коллективистских начал здесь являются, как известно, профсоюзы, от действий и поведения которых во многом зависит состояние трудовых отношений и уровень социального согласия в обществе в целом.

Имея у себя за плечами долгую и полную драматизма историю борьбы за права и благосостояние своих членов, британские профсоюзы обрели довольно сильные позиции как в отношениях с работодателями, так и в общественно-политической жизни вообще. Можно сказать, что они превратились в своего рода классический образец силы и организованности рабочего движения, его способности, не прибегая к революционным действиям, добиваться существенных уступок со стороны предпринимателей и государства.

Как в руководстве консервативной партии, так и среди части лейбористов еще в конце 60-х годов сложилось твердое убеждение в том, что одной из главных причин "английской болезни", или болезни британской экономики, являлась чрезмерная власть и влияние профсоюзов, добивающихся неоправданно высокого прироста заработной платы, поощряющих

"излишнюю занятость" и препятствующих повышению интенсивности труда, организационно-техническим нововведениям и тем самым снижающих конкурентоспособность британской промышленности. Естественно, что одним из приоритетных направлений социально-экономической политики правящих кругов в этой ситуации становится политика, направленная на ограничение власти и влияния профсоюзов.

Неспособность предшествующих правительств решить эту проблему побуждала М. Тэтчер поставить свою антиколлективистскую стратегию во главу угла всей внутренней политики. Однако, наученная горьким опытом своих предшественников, она, несмотря на радикальную риторику, не пошла по линии немедленного и быстрого "закручивания гаек". Как уже отмечалось, на пост министра занятости, ответственного за отношения с профсоюзами, был назначен представитель умеренного крыла партии Дж. Прайор, а каждый из подготовленных им и сменившим его Н. Тэббитом законопроектов вводил сравнительно небольшую, хотя и достаточно жесткую дозу ограничений на стачечную активность, пикетирование, "солидарные действия", свободу действий профсоюзных организаций на предприятиях и т.д. Более того, при проведении законов о профсоюзах правительство и особенно сама премьер-министр не уставали подчеркивать, что предпринимаемые ими меры нацелены не против их рядовых членов, а скорее на защиту их от экстремистов из числа профсоюзного руководства и актива. Именно этой цели демократизации британских профсоюзов, утверждали они, служат такие меры, как голосование по почте при выборах руководства (которое дает возможность всем членам профсоюзов, а не только узким группам активистов, участвующим в профсоюзных собраниях, влиять на состав этого руководства). Точно так же интерпретировались и статьи законов, согласно которым решения о проведении забастовок могли вступать в силу лишь с одобрения большинства членов профсоюза, намеревавшегося забастовать (также в том числе и путем голосования по почте). Законодательство запрещало забастовки солидарности, массовое пикетирование и пикетирование объектов, персонал которых не участвовал в забастовках, а также вводило жесткую систему штрафов за нарушение новых правил.

Отдавая себе отчет в том, что принятие законов само по себе еще мало что значит, правительство Тэтчер стремилось создать общественную атмосферу, которая позволила бы ему противостоять давлению профсоюзов. Этой цели служили и многочисленные выступления самой Тэтчер, не устававшей варьировать фразы о "тирании профсоюзов", и публиковавшиеся в изобилии статьи и другие материалы в средствах массовой информации, в том числе и многие из тех, которые не были сторонниками консерваторов. Одной из излюбленных тем выступлений Тэтчер и ее сторонников был "антикорпоративизм", т.е. острая критика системы выработки и принятия социально-экономических решений, в которой профсоюзы получали возможность не только быть вхожими в "коридоры власти", но и оказывать существенное влияние на политику правительства. Корпоративизм, по словам Тэтчер, не только предоставлял непомерную и ничем не обоснованную власть и влияние профсоюзам и предпринимательским организациям, но и одновременно вел к выхола-

щиванию традиционной представительной демократии, лишая парламент реальной власти.

Тэтчер пошла на существенное ограничение функций и полномочий Национального совета экономического развития (НСЭР), его отраслевых ответвлений, в рамках которых реализовывалось корпоративистское взаимодействие. Число этих последних было сокращено, а их статус, равно как и статус НСЭР, был на несколько порядков снижен. В отличие от прежних времен на заседаниях советов присутствовали, как правило, лишь второстепенные должностные лица, сама же М. Тэтчер ни разу не удостоила НСЭР своим посещением. (Тогда как Вильсон, Хит и Каллаген нередко председательствовали на его заседаниях.) Соответственно и перечень обсуждавшихся проблем был низведен до сравнительно частных вопросов преимущественно технико-экономического свойства (охрана труда, переподготовка и трудоустройство свободной рабочей силы и т.д.). Было также ограничено участие профсоюзов во множестве других органов такого рода (именовавшихся для краткости "кванго")¹², и в частности в Комиссии по рабочей силе, региональных и местных органах социально-экономического регулирования. Целый ряд "кванго" был снят с бюджетного финансирования, и многие из них были вынуждены прекратить свое существование. Нередко это были органы, в составе которых были особенно сильны позиции профсоюзов и местных органов власти левой ориентации.

Своими законами, регламентирующими деятельность профсоюзов, и линией на вытеснение профсоюзов из полугосударственных структур и их деполитизацию правительство существенно ограничило свободу действий тред-юнионов, их возможности влиять на социальный климат и политическую ситуацию в стране. Немалую роль в этом процессе сыграла упомянутая выше антипрофсоюзная пропаганда, а также общее довольно резкое снижение престижа и авторитета профсоюзов в британском обществе.

На руку правительству действовал и обострившийся в тот период кризис профсоюзов, проявившийся, в частности, в довольно резком снижении как их общей численности, так и особенно численности тех из них, которые объединяли занятых в традиционных отраслях экономики, тем более что именно они отличались наибольшей силой и боеспособностью.

Тем не менее правительство Тэтчер сознавало, что прямого столкновения с профсоюзами ему не избежать. К тому же иногда создавалось впечатление, что, выиграв выборы 1983 г., оно лишь ищет повода для такого столкновения, провоцирует его. Именно так даже правая печать интерпретировала решение о ликвидации профсоюзной организации и запрещении персоналу вступать в профсоюз в военном разведывательном комплексе в местечке Челтенхэм, принятое правительством в начале 1984 г. Даже обычно подталкивавший правительство вправо еженедельник "Экономист" фактически осудил это решение премьера, квалифицировав его как "неуместное"¹³. Вызванная этим решением волна

¹² Английское "Quango" расшифровывается как "квазинеправительственные организации" ("Quasi nongovernmental organisations").

¹³ Economist. 1984. Mar. 3. P. 15.

критики в адрес премьера, которая, судя по всему, хотела лишь продемонстрировать серьезность своих намерений, вскоре, однако, улеглась, не причинив Тэтчер и ее правительству особого вреда.

Куда более драматичные события развернулись в ходе конфликта типографских рабочих с владельцем "Таймс", "Сан" и ряда других газет страны – Мёрдоком. Поставив целью превратить эти и другие издания в прибыльные, Мёрдок повел линию на замену устаревшего типографского оборудования новой, гораздо более эффективной и трудосберегающей техникой. После безуспешных попыток склонить профсоюз типографских рабочих к соглашению о радикальном сокращении рабочих мест, серии забастовок, нацеленных на срыв задуманной операции, Мердок неожиданно для профсоюза объявил о закрытии старого издательского комплекса на Флит стрит в Лондоне и о переносе места печатания газет в один из пригородных районов столицы, где в тайне от профсоюза была подготовлена новая, оснащенная самым современным оборудованием издательская база и нанят новый технический персонал, состоящий в основном из специалистов-электронщиков. Хотя комплекс был предусмотрительно обнесен ограждением из колючей проволоки, только поддержка правительства помогла Мердоку выстоять в этой борьбе. Используя положения закона о противоправности массового пикетирования и солидарных действий, власти бросили на разгон тысячных толп разгневанных типографских рабочих и поддержавших их работников других отраслей, пытавшихся заблокировать новый комплекс, мощные отряды конной и пешей полиции. Именно тогда впервые за послевоенный период британская общественность стала свидетельницей сцен насилия и ожесточенных столкновений, напоминавших скорее картины из книг о сражениях почти столетней давности, нежели цивилизованные методы разрешения конфликтов, возобладавшие во второй половине XX в.

"Осада" построенной Мердоком "крепости" продолжалась несколько месяцев, однако организовать ее блокаду профсоюзам типографских рабочих так и не удалось, и им пришлось отступить.

Победа Мердока одновременно была и победой властей, впервые применивших в ходе конфликта новые методы подавления массовых действий и убедившихся в их эффективности в случае, если они применяются достаточно решительно и бескомпромиссно. В отличие от правительства Вильсона, которому впервые пришлось столкнуться с методами массового пикетирования, и правительства Хита, испытавшего эти методы в их наиболее отработанном, "классическом" варианте, правительство М. Тэтчер не было застигнуто врасплох. И идеологически, и политически, и организационно оно было готово к самым жестким методам борьбы и, когда час настал, без колебаний применило их.

Однако главное испытание для Тэтчер и ее правительства было еще впереди. И они тщательнейшим образом к нему готовились, тем более что первая попытка сломить или резко ослабить профсоюз горняков, предпринятая еще в начале 1981 г., окончилась неудачей. Тогда в ответ на решение правительства о закрытии 23 нерентабельных шахт профсоюз горняков тут же дал понять, что не остановится перед самыми решительными действиями и добьется отмены этого решения. Взвесив все за и

против и оценив общую ситуацию в стране, правительство Тэтчер, даже не попытавшись прощупать противника, взяло свое решение о закрытии шахт обратно. Руководство профсоюза горняков восприняло это решение как свою победу, но, как выяснилось впоследствии, явно преждевременно. Через три года борьба возобновилась, правда теперь уже на ином плацдарме. За эти годы правительство не только провело законы, резко ограничивающие возможность активных действий профсоюзов, но и предприняло ряд мер иного, так сказать "материального" порядка. На электростанциях были накоплены большие запасы топлива, которые могли обеспечить длительную их работу без подвоза извне. В результате быстрого роста добычи нефти и Северном море резко снизилась общая зависимость экономики от добычи угля. Укрепились и прошли тренировку силы, готовые противостоять массовому пикетированию важных объектов и обеспечить подъезд к ним. Наконец, ряду профсоюзов, и прежде всего профсоюзу электриков, работников водоснабжения и некоторым другим, были сделаны довольно щедрые уступки, чтобы не допустить распространения забастовки на смежные отрасли. Что же касается сталелитейщиков, то незадолго до забастовки горняков была закончена упомянутая реорганизация отрасли, которая исключила по меньшей мере на ряд лет опасность нового конфликта.

Как видим, подготовка к схватке с профсоюзом горняков была проведена по правилам, более напоминающим военное, нежели политическое, планирование. И едва только эта подготовка была завершена, началась бескомпромиссная борьба, за драматическими перипетиями которой с напряженным вниманием следила не только британская публика, но и общественность многих других стран.

Оставаясь якобы в стороне от конфликта и неоднократно заявляя, что он имеет место не между правительством и горняками, а между Национальным управлением угольной промышленности (НУУП) и Национальным союзом шахтеров, Тэтчер в то же время не уставала осуждать "противозаконные" действия профсоюза, организовывала мощное идеологическое и политическое давление на него. Больше того, как выясняется из ее мемуаров, вся эта деятельность, и в том числе меры организационного плана, направлялась и координировалась из единого центра, каковым стал созданный сразу же после начала конфликта в марте 1984 г. специальный комитет кабинета министров, возглавлявшийся непосредственно премьером. Воспроизводя во всех подробностях перипетии борьбы, Тэтчер особо подчеркивает ключевую роль комитета, тщательнейшим образом анализировавшего ситуацию и принимавшего основные решения. Были моменты, пишет она, когда Управление угольной промышленности было готово идти на компромисс, однако, как она дает понять, ее собственная непримиримость и способность держать ситуацию под личным контролем помогали пресекать в зародыше подобного рода поползновения¹⁴.

¹⁴ Со своей стороны Я. Макгрегор обвиняет Тэтчер в том, что она лишила его возможности заключить соглашение с шахтерами уже спустя два месяца после начала стачки, когда профсоюз горняков фактически раскололся и возникли условия для компромисса (Times. 1989. Mar. 15).

Как правительство, так и поддерживавшие его средства массовой информации в полной мере использовали тот факт, что, объявив в ответ на решение о закрытии двух десятков нерентабельных шахт забастовку, руководство шахтерского профсоюза не провело, как того требовало законодательство, голосования среди его членов, а также начало использовать такие противозаконные средства, как массовое пикетирование, блокирование дорог, неподчинение приказам властей. Шахтеры и их руководство были обвинены в действиях, идущих вразрез с национальными интересами страны, и не кто иной, как сама М. Тэтчер бросила крылатую фразу о "внутреннем враге", в борьбе с которым не должно быть проявлено никаких колебаний.

В соответствии с принятым к этому времени законодательством на профсоюз горняков был наложен огромный штраф, а его счета в банках были арестованы. Что же касается силовых методов массового пикетирования и блокады подъездных путей, то на "расчистку" дорог и предотвращение проникновения пикетчиков на жизненно важные объекты были брошены отборные силы полиции, в том числе и конной.

Масштабы, острота и длительность столкновений на этот раз намного превзошли все то, что происходило в период конфликта с типографскими рабочими. Тысячные "армии" противостоявших друг другу шахтеров и полицейских чуть ли не ежедневно в течение целого года пытались оттеснить друг друга со "спорных" территорий, будь то дороги, подъездные пути и т.д. В ответ на наезды конной полиции, использование служебных собак, резиновых дубинок шахтеры применяли палки, камни, железные пруты, другие "подручные" средства, наиболее эффективным средством защиты против которых оказывались пластиковые щиты. Иногда столкновения сторон напоминали рукопашные схватки воюющих сторон во времена средневековья, и можно только удивляться, как в этой раскаленной до предела обстановке острейшего силового противостояния ни та, ни другая сторона не прибегла к более "радикальным" средствам борьбы и не спровоцировала кровопролития. Судя по всему, срабатывали не только внутренние "табу", воспитанные длительной демократической традицией, но и оглядка на реакцию общественного мнения, которое тут же решительно осудило бы сторону, осмелившуюся преступить роковую черту. Показательно, что, когда пикетчики, стремясь преградить путь к одному из объектов, стали сбрасывать с моста на пролежавшую под ним шоссеюную дорогу бетонные блоки, одним из которых был убит водитель грузовика, общественность единодушно осудила этот акт, ставший объектом длительного судебного разбирательства, а виновная сторона всячески доказывала неумышленность своих действий. Как бы то ни было, это был единственный смертельный случай за весь год забастовки.

Лишенные возможности использовать средства профсоюза, шахтеры не получили сколько-нибудь существенной поддержки и от других профсоюзов. Их сдержанность во многом объяснялась неприязнью к лидеру горняков Скаржиллу, подчеркивавшему, что стачка носит политический характер и что, как и стачка 1974 г., нацелена на свержение "реакционного правительства". Подобного рода трактовка целей забастовочной борьбы в корне противоречила убеждениям лидеров БКТ и

основной массы членов и активистов тред-юнионов. И неудивительно, что, заявляя о своей солидарности с горняками и их борьбой, профсоюзное движение страны мало что делало для практической помощи им. При всем своем неприятии тэтчеризма и тэтчеристских методов они тем не менее считали, что судьба самой Тэтчер и ее правительства должна решаться в ходе парламентских выборов, а не с помощью силы. Что же касается зарубежной помощи, то, как выяснилось позднее, Скаргилл пытался получить эту помощь не у родственных британским тред-юнионам международных и национальных профцентров, а у Советского Союза и лидера Ливии полковника Каддафи. Как бы то ни было, средства на поддержание жизни у шахтерских семей быстро оскудевали. Какую-то помощь пытались организовать, и порой небезуспешно, активистки женского и антивоенного движений, создававшие пункты бесплатного питания, собиравшие и раздававшие нуждающимся одежду и стремившиеся в первую очередь поддержать многодетные семьи.

Всего этого, однако, было явно недостаточно, чтобы удовлетворять даже самые минимальные потребности десятков тысяч шахтерских семей в еде, одежде, топливе, других средствах существования. Особенно тяжело пришлось горнякам с наступлением холодов. Чтобы не оставлять им никаких надежд и побудить к скорейшей капитуляции, правительство Тэтчер провело через парламент законопроект, в соответствии с которым бастовавшие шахтеры лишались помощи, предусмотренной социальным законодательством для семей, которые по тем или иным причинам оказывались за чертой бедности и могли выжить лишь с помощью государства.

По мере того как становилось очевидным, что правительство не думает отступать и соотношение сил все более склоняется в его пользу, Скаргиллу и его сторонникам в руководстве профсоюза становилось все труднее бороться с "пораженческими" настроениями. Особенно больно ударило по их позициям решение шахтеров наиболее преуспевающего угольного района – Ноттингемшира пойти на сепаратное соглашение с НУУП после того, как национальное руководство профсоюза отвергло их требование провести голосование среди шахтеров о целесообразности дальнейшей борьбы. Упорное нежелание Скаргилла и его сторонников осуществить эту акцию, равно как и репутация экстремистского, играющего судьбами сотен тысяч людей лидера, усиленно поддерживавшаяся средствами массовой информации и никак не опровергавшаяся им самим, серьезно снижала симпатии к горнякам, довольно широко распространенные вначале среди широкой британской общественности.

Полная бесперспективность дальнейшей борьбы вынудила в конце концов и руководство НСГ в начале марта 1985 г. заявить о прекращении борьбы. В течение последующих месяцев НУУП закрыло одну за другой все находящиеся в списке нерентабельные шахты, в результате чего десятки тысяч горняков пополнили армию безработных, насчитывавшую к тому времени свыше 3 млн. человек. Так закончился этот беспрецедентный в послевоенной истории страны трудовой конфликт, результатом которого явилось дальнейшее укрепление позиций правительства и самой М. Тэтчер, продемонстрировавших свою способность одерживать верх не только над внешним, но и над внутренним "врагом". Правда, словечко

это, вырвавшееся у Тэтчер в момент наивысшего обострения борьбы, больше не фигурировало в ее речах, а после поражения забастовки уволенным горнякам были выплачены довольно щедрые выходные пособия. Что же касается тех, кто вернулся на работу, то после осуществленной на шахтах реорганизации и реконструкции, позволившей поднять уровень производительности труда, они получили существенную прибавку, и по крайней мере до середины следующего десятилетия в угольной промышленности воцарился классовый мир.

Сочетание жесткого, "решительного" подхода с курсом на строго дозированные уступки, продемонстрированное в ходе трудовых конфликтов с профсоюзом горняков и в ряде других случаев, оказалось характерным и для общего подхода Тэтчер к профсоюзам. Несмотря на антиколлективистскую и антикорпоративистскую риторику, М. Тэтчер даже в период наибольшей напряженности в отношениях с профсоюзами вовсе не стремилась к полному прекращению диалога и консультаций с ними, в том числе и на общенациональном уровне. Снизив роль и уровень представительства в Национальном совете экономического развития, отраслевых советах и даже распустив ряд наиболее раздражавших ее "кванго", она не пошла на полный демонтаж корпоративистских структур, которого, казалось бы, требовал ее антикорпоративизм. Идущие внутри этих структур диалог и консультации способствовали снятию социального напряжения, обеспечивали необходимый любому обществу минимум социального согласия.

Однако наряду с этой "социальной" стороной проблемы корпоративизма существовал и другой, не менее важный аспект этой проблемы, заключающийся в том, что к моменту прихода правительства М. Тэтчер к власти система корпоративного взаимодействия превратилась в одно из важнейших звеньев политического управления общества, в рамках которого осуществлялся и осуществляется процесс согласования позиций влиятельных и заинтересованных групп и государства. Достаточно подробно эта система описана автором в других его работах¹⁵. Здесь лишь следует сказать, что эта система состоит из тысяч и десятков тысяч комитетов, советов и т.п. институтов, функционирующих при правительстве, министерствах, органах регионального и местного управления. Бóльшая их часть осуществляет консультативные и рекомендательные функции, однако наряду с этим возникла и масса "кванго" с административно-управленческими функциями. Замахнуться на всю эту явившуюся результатом длительной эволюции управленческих структур систему означало бы пойти против здравого смысла, и вполне естественно, что Тэтчер не могла и помыслить такого. Ее целью было лишь восстановить утраченное, по ее мнению, равновесие между двумя системами представительства, ликвидировать перекося, снизивший роль традиционной партийно-парламентской системы. Отсюда – и ограниченность антикорпоративистской стратегии Тэтчер, ее сугубо поправочный, а не радикальный характер.

¹⁵ Например, см.: Современный консерватизм. М., 1992. С. 94–106; Современный капитализм: политические отношения и интересы власти. М., 1984. Гл. V; Полис. 1993. № 4.

Главная же цель этой стратегии состояла все же не в восстановлении утраченной власти и авторитета парламента и других представительных учреждений, на что она имела обыкновение делать упор в своих публичных выступлениях, а в усилении роли исполнительной власти в институтах представительства интересов. Именно на это указывают как уже упомянутые меры против "строптивных кванго", так и меры по созданию целого ряда новых "кванго", отличительной чертой которых явились более скромная, хоть и не сведенная к символической, роль профсоюзов, предпринимательских организаций и других заинтересованных групп. Именно в таком направлении была проведена Тэтчер реорганизация Комиссии по рабочей силе путем преобразования ее в Комиссию по подготовке рабочей силы. В процессе постоянной реорганизации комиссия, с одной стороны, утратила ряд своих прежних функций по обеспечению занятости, а с другой – взяла на себя функции в области образования и подготовки кадров, ранее принадлежавшие местным советам¹⁶. Одновременно сократились возможности профсоюзов влиять на ситуацию с занятостью и безработицей в стране. В конечном итоге с помощью реорганизованных и вновь созданных "кванго" правительство, вопреки провозглашенным целям, способствовало не расширению, а сокращению роли и функций представительных учреждений, в основном, правда, на местном уровне. Как пишут исследователи политики Тэтчер в отношении органов власти на местах, с помощью этих и других мер тэтчеризм осуществляет "централизацию и приватизацию функций местного управления"¹⁷.

Другим, еще более наглядным примером подобного же рода стратегии явилось создание правительством упомянутых выше корпораций городского развития, функционирующих также на принципах "кванго". Организованные на основе представительства государства и бизнеса, а также маргинального участия других организаций, эти органы фактически изъяли из компетенции местных властей, на территории которых они действовали и действуют, полномочия по планированию и контролю городского развития. Как бы ни оценивать целесообразность такого перераспределения власти и полномочий, остается фактом, что как это, так и некоторые другие начинания правительства способствовали дальнейшему развитию корпоративистских тенденций в механизме государственного управления. Существенная разница с предшествовавшим периодом состоит, однако, в том, что если тогда преобладающей становилась версия "либерального" корпоративизма, то Тэтчер и ее кабинет стали насаждать иную, более жесткую версию "государственного" корпоративизма, что, скатаи сказать, вполне соответствовало общей авторитарной тенденции, вносимой в государственное управление.

Следует заметить, что изменение приоритетов в развитии механизма корпоративного взаимодействия с первых же месяцев правления Тэтчер испытали не только профсоюзы, но и предпринимательские организации,

¹⁶ *Butcher H. et al. Op. cit. P. 21, 30.*

¹⁷ *Ibid. P. 167.*

о чем уже отчасти говорилось выше. И дело здесь отнюдь не сводилось к снижению их "представительских функций". Отказ от государственного протекционизма, осуществлявшегося с помощью субсидий, льготных условий кредитования и прочих поощрительных мер, угрожал не только банкротством и разорением отдельных фирм и корпораций, но и деиндустриализацией целых регионов и даже в известной мере – страны в целом. Недаром этот термин с середины 80-х годов прочно вошел в оборот и специальной и популярной экономической литературы и публицистики, а сама проблема "деиндустриализации" со временем стала одной из центральных в дискуссиях между тэтчеристами и их противниками. Естественно, что такого рода стратегия не могла не ослабить позиций предпринимательских организаций и их главного рупора – Конфедерации британской промышленности.

После выборов 1983 г. перекос в сторону более тесных отношений правительства с финансовым, нежели промышленным, капиталом скорее усилился, чем ослаб. Как показали события уже второй половины 80-х годов, отношения Тэтчер с влиятельными кругами Сити также оказались не лишены противоречий и даже известного драматизма, вызванных ее стремлением "навести порядок" в функционировании финансовых институтов и исключить участвовавшие случаи коррупции, крупных спекулятивных операций, неэтичного поведения и т.д.¹⁸

Как это последнее обстоятельство, так и анализ политической стратегии Тэтчер и ее правительства в целом не дают оснований полагать, что демонстрировавшаяся ими свобода действий явилась лишь результатом игры на противоречиях внутри правящего класса, своего рода политики "разделяй и властвуй". Важнейший источник этой свободы – относительная самостоятельность государства, которая в годы правления Тэтчер существенно возросла, в частности, в результате реализации тэтчеристской доктрины "сильного государства".

Другим существенным моментом взаимодействия правительства с бизнесом явилось то предпочтение, которое начали оказывать М. Тэтчер и ее министры отношениям с отдельными крупными корпорациями, в значительной мере в обход предпринимательских организаций¹⁹.

Склонность правительства вести дела с отдельными корпорациями не в последнюю очередь вытекала из его стремления не столько ликвидировать или до крайности ослабить традиционный механизм корпоративного взаимодействия, сколько модифицировать его в указанном направлении, а также по возможности "индивидуализировать" его. Усилия Тэтчер по развитию партнерства с бизнесом преимущественно по этой, "компанейской" линии, вытекавшие из ее же антипатии к "большим профсоюзам", "большим организациям" и "большому государству", не разрушали корпоративизм, а лишь направляли его в русло более конкретных и деловых, "деполитизированных" отношений с бизнесом.

Между тем само по себе наличие множества фирм в каждой отрасли и даже в производстве какого-то одного продукта делает объективно

¹⁸ The Next Move Forward... L., 1987. P. 38.

¹⁹ Grant W. Business and Politics in Britain. L., 1987. P. 92–116.

неизбежным посредничестве или, точнее, представительские функции отраслевых, региональных и национальных предпринимательских организаций в их отношениях с государством. Поэтому ориентация на ограниченное число крупных и тем более сверхкрупных фирм, большая часть которых к тому же является транснациональными, неизбежно оттесняла на второй план средний и мелкий ассоциированный бизнес и поощряла опасную монополизацию производства. Неудивительно, что чем дальше, тем больше этот последний проявлял недовольство экономической политикой правительства. И если в первые годы правления Тэтчер в британской печати нередко можно было встретить утверждения, будто для нее и ее правительства превыше всего приоритеты малого бизнеса, то уже к концу первого срока пребывания ее у власти от этих иллюзий не осталось и следа.

Как видим, "антиколлективистская" стратегия Тэтчер, несмотря на сопровождавшую ее риторику, отнюдь не покончила ни с коллективизмом, ни с корпоративизмом. Правда, что касается первого, то он был серьезно ослаблен и идеологически, и психологически, и организационно. Тем не менее и профсоюзы как организации, и тред-юнионизм как элемент сознания и поведения лиц наемного труда никуда не исчезли и остались важной частью социального и политического ландшафта Британии. Что же до корпоративизма, то здесь дело было не столько в ослаблении, сколько в модификации утвердившейся ранее модели отношений государства с организациями и объединениями по интересам. Роль массовых организаций была существенно ослаблена, тогда как влияние более узких групп, представляющих интересы бизнеса и средних слоев, заметно возросло. Сама же система представительства интересов не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие.

3. "Государство благосостояния" и свобода выбора

Одновременно с реформированием отношений собственности и ограничением роли коллективистских начал в политическом механизме страны важнейшей целью тэтчеристского наступления явилось преобразование систем государственных социальных услуг, или "государства благосостояния". В наиболее радикальном варианте тэтчеризма, неоднократно провозглашавшемся самой М. Тэтчер и ее единомышленниками, место "государства благосостояния" в том виде, в каком оно было создано в послевоенные годы, должны занять частные, деюрократизированные институты, будь то в области социального страхования, здравоохранения, образования и других социальных служб. По их убеждению, только такая коренная реорганизация этой системы могла бы избавить британских граждан от уравнилельного характера существующего обслуживания и распространить свободу выбора и на социальную сферу. По замыслам тэтчеристов, это еще более стимулировало бы инициативу и предприимчивость, стремление во всем полагаться только на себя и свои собственные усилия.

Но "государство благосостояния" не должно было исчезнуть бесследно, его место призвано было занять другое, гораздо более скромное

социальное государство, призванное обеспечивать минимумом средств существования и услуг тех, кто оказывался по тем или иным причинам не в состоянии пользоваться полноценным (и дорогостоящим) рынком таких услуг, – безработных, живущих лишь на государственные пособия пенсионеров и инвалидов, лишенных нормального заработка матерей-одиночек и т.д.

Радикализм тэтчеристских установок в социальной сфере, однако, подвергся еще более серьезному испытанию, нежели антиколлективистская и антикорпоративистская риторика. И тому были вполне весомые причины. Во-первых, даже в случае существенного снижения налогов средняя британская семья не могла бы позволить себе отказаться от большинства государственных социальных услуг в пользу частных. Недоступная для огромного большинства британцев стоимость лечения в платных поликлиниках и больницах, обучения в частных школах (за исключением ограниченного числа стипендиатов, содержащихся за счет налогоплательщиков) побуждала и побуждает их полагаться прежде всего на государственные системы. И это при том, что в период, когда Тэтчер и ее сторонники формулировали свои идеи "свободы выбора" в самых общих чертах, им удавалось добиться относительно высокого уровня их поддержки. Особенно популярной в тот период была идея снижения налогов, львиную долю которых съедало "государство благосостояния".

Стоило, однако, британцам столкнуться с обострением проблем социального обслуживания в самых различных его областях, вызванным мерами правительства по экономии средств на его дальнейшее развитие, как их настроения стали довольно быстро меняться. Уже в середине 80-х годов большинство британцев были согласны даже на повышение налогов, лишь бы существующие системы социальных услуг отвечали своему назначению. В дальнейшем недовольство состоянием этих систем стало принимать все более ярко выраженный характер, и правительству Тэтчер, хотело оно того или нет, пришлось не сокращать, а наращивать объем средств, идущих на их поддержание и развитие. Идя же на выборы 1987 г., руководство тори уже не без гордости заявляло в своем избирательном манифесте, что за последние 8 лет правительство тратило на нужды здравоохранения больше, чем какое-либо другое из его предшественников²⁰. Примерно то же самое было сказано относительно расходов на школьное образование, социальное страхование.

Однако это вовсе не было "откатом назад", ибо чисто количественным ростом расходов на поддержание государства благосостояния проблему кризиса, в котором оно оказалось в конце 70-х – начале 80-х годов, решить уже было невозможно. Для поддержания социальных услуг на достойном человека уровне, оснащения их современным техническим оборудованием и высококвалифицированными кадрами требовались ассигнования, намного превышающие те, которые могло позволить себе государство. Больше того, это последнее зачастую не имело возможность обеспечить даже простого воспроизводства и сохранения достигнутых в

²⁰ The Next Move Forward... P. 6.

60-х и 70-х годах стандартов обслуживания, хотя бы в силу удорожания стоимости рабочей силы, роста расходов на используемые материалы и т.д. Ответ на эти трудности левых политических сил был предельно прост – нужно увеличивать налоги, наращивать поток ассигнований, осуществляя "перераспределение богатств и доходов в пользу трудящихся и их семей". Именно такая фраза содержалась в программных документах лейбористской партии, принявшихся в 1973, 1976 и 1982 гг. Как мы видим, рецепты новых консерваторов были прямо противоположными, однако и они, будучи сверх меры идеологизированными, оказывались практически неосуществимыми. В то же время эти рецепты, если их не воспринимать буквально, обладали потенциями более позитивного свойства. Для этого нужно было, как и в случае с "антиколлективизмом" и "посткорпоративизмом", не просто приспособить провозглашенные идеи и принципы к реальной ситуации, но и основательно скорректировать сами эти принципы.

Собственно, это и начало делать правительство М. Тэтчер, столкнувшись с ситуацией "непотопляемости государства благосостояния". Вместо противопоставления частных и государственных систем социального обслуживания стали мало-помалу реализовываться проекты их совмещения, главным образом путем постепенного внедрения первых во вторые.

Следует отметить, что ничего принципиально нового во всем этом не было. Задолго до Тэтчер, еще прежними консервативными правительствами, и особенно правительством Э. Хита, в больницах, принадлежащих Национальной службе здравоохранения (НСЗ), часть коек (сравнительно небольшая) начала сдаваться пациентам за деньги. Одновременно и часть персонала стала получать наряду с государственной зарплатой оплату за счет таких пациентов. Довольно быстро пошел процесс создания частных поликлиник, больниц, санаториев и т.д. Некоторые из высококвалифицированных врачей стали также практиковать лечение больных (стационарное или на дому) за плату.

Что касается системы школьного образования, то наряду с частными учебными заведениями ("паблик скулз") в стране издавна существовали другие виды частных или "получастных" школ, многие из которых, однако, получали субсидии от государства. Правда, если в здравоохранении в 70-х годах процесс приватизации стал идти по нарастающей, то в системе школьного образования, напротив, продолжалось вытеснение множества учебных заведений однотипной "объединенной" школой, находившейся полностью на содержании государства.

Наконец, не было правительство Тэтчер инициатором и частного социального страхования, получившего достаточно широкое развитие еще с 50-х годов, когда относительно высокооплачиваемые рабочие и служащие наряду с участием в государственной системе одновременно становились пайщиками частных страховых фондов. Тем самым в дополнение к мизерной государственной пенсии, составляющей всего от 1/4 до 1/5 средней заработной платы, они могли, в зависимости от взносов, получать в старости доход, обеспечивающий вполне сносное существование.

Тэтчер и ее правительству не нужно было проявлять особой изобрета-

тельности для того, чтобы начать действовать в направлении дальнейшей приватизации социальных услуг. И тем не менее тэтчеристская политика в этой области – не простое продолжение уже установившейся практики. Ибо, в отличие от своих предшественников, целью ее правительства было достижение такой степени разгосударствления, которая придала бы ему новое качество.

Подобная стратегия требовала, с одной стороны, настойчивости и политической воли, но с другой – постепенности и даже осторожности, что и обусловило длительный и порой мучительный для правительства характер перестройки социального государства. Особенно серьезных усилий стоило реформирование систем здравоохранения и школьного образования, где правительству пришлось не только изыскивать новые подходы, но и преодолевать сильнейшее сопротивление многочисленных оппонентов.

Помимо уже упоминавшихся путей внедрения "рыночных" начал в Национальную службу здравоохранения, которые правительство Тэтчер стало настойчиво поощрять и стимулировать, им начали испробоваться и другие пути деэтизации. Одним и, пожалуй, наиболее распространенным из них явилась сдача на контрактной и конкурентной основе различного рода вспомогательных служб и услуг на откуп частному бизнесу. Прежде всего это были стирка и глажка больничного белья, уборка помещений, рутинные меры по уходу за больными. Общая стоимость этих услуг определилась в 1983 г., когда руководство НСЗ издало соответствующую директиву, в огромную сумму, равную 1 млрд. ф. ст.²¹ Неудивительно, что такой большой рынок тут же стал объектом острой конкурентной борьбы, в которой приняли участие как частные фирмы, так и соответствующие службы самой НСЗ. По данным британской печати, в марте 1984 г., когда необходимые контракты были заключены, от 74 до 90% всех сделок было оформлено с частным бизнесом и лишь от 10 до 26% пришлось на долю государственных служб. При этом, чтобы закрепить за собой столь перспективный рынок, многие фирмы шли на явно убыточные для себя сделки и соглашались на неоправданно низкие расценки.

Острая конкуренция и угроза остаться не у дел заставила "подтянуться" и старые службы, которые в марте 1985 г. смогли получить половину, а в марте 1988 г., – уже 4/5 всех контрактов²². Согласно официальным данным, в результате введения системы конкурентного контракта на указанные вспомогательные службы чистая экономия государства на них составляет почти 100 млн. ф. ст. ежегодно²³.

Однако снизившаяся доля частного сектора отнюдь не означала прекращения его экспансии, развернувшейся во второй половине 80-х годов на значительно более широком пространстве. Во-первых, ряд фирм стали заключать контракты не на какой-то один вид услуг, а на всю их совокупность, включая помимо перечисленных охрану зданий, обслуживание

²¹ Labour Research. 1989. Dec. P. 11.

²² Ibid.

²³ The Next Move Forward... P. 49.

пациентов на дому, управление всем хозяйством больниц и поликлиник, поддержание чистоты вокруг помещений и мытье стекол, содержание парковочных стоянок, антиинфекционный контроль. Такого рода контракты позволили фирмам, их заключающим, маневрировать наемной рабочей силой, практиковать совмещение профессий. Во-вторых, частный сектор стал претендовать на значительно более широкий перечень услуг, подлежащих контрактации. Частные фирмы начали вторгаться уже не только во вспомогательные, но и в основные медицинские службы: дежурства в палатах, медицинская помощь на дому, отдельные виды лабораторных анализов и аптекарского обслуживания. Некоторые из управлений на местах в конце 80-х годов стали включать эти и им подобные услуги в перечень подлежащих сдаче в контракт, опять-таки на конкурентной основе. Число такого рода управлений росло, не в последнюю очередь в результате нажима со стороны министерства здравоохранения, требовавшего от них представления планов дальнейшей приватизации. Одним из последствий осуществляемых мер явилось сокращение персонала, в том числе и основного медицинского. Естественно, это стало вызывать растущее недовольство работников и их профсоюзов.

Важным нововведением тэтчеристского правительства в деятельность НСЗ явилась также далеко идущая реформа его структуры и руководства, призванная инкорпорировать в управление медицинской службы методы и персонал из сферы частного бизнеса. Как указывалось в предвыборном манифесте тори 1987 г., Национальная служба здравоохранения – "это не бизнес. Однако она должна управляться теми же способами, что и бизнес. Мы ценим предпринимательство в общественных службах столь же высоко, как и в частном секторе"²⁴. На руководящие должности в системе здравоохранения стали все чаще приглашаться квалифицированные управляющие частного сектора, привносящие в нее не только испытанные методы современного менеджмента, но и свойственный им предпринимательский дух, культ эффективности, коммерческого успеха. Стала также распространяться практика сдачи целых административно-управленческих структур частным фирмам. При этом нередко "старый" управленческий персонал или какая-то часть его переходили в состав соответствующих коммерческих фирм, условия службы в которых, как правило, были более жесткими. Наряду с "покупкой" целых управленческих подразделений стала распространяться практика передачи частным фирмам прав на управление теми или иными функциональными подразделениями в системе здравоохранения.

Еще одним способом "ползучей" приватизации являлось поощрение партнерства существующих государственных подразделений с частными компаниями, специализирующимися в области здравоохранения. Обычно такие соглашения заключались на предмет передачи этим компаниям тех или иных служб в полное распоряжение с правом определения условий найма и содержания всего персонала соответствующих служб.

Помимо коммерсализации государственного здравоохранения правительство Тэтчер всячески поощряло развитие частных больниц, клиник,

²⁴ Ibid. P. 50–51.

аптек и частного медицинского страхования. В результате если в 1979 г. ими пользовались примерно 2 млн. англичан (около 5% населения), то в 1986 г. эти цифры возросли соответственно до 5 млн., или 9%²⁵.

Несколько иной путь разгосударствления был разработан для системы школьного образования, состояние которой вызывало все более серьезные нарекания и родителей, и широкой общественности. Еще будучи министром образования в правительстве Э. Хита, М. Тэтчер вплотную познакомилась и с проблемой переполненных классов, и нехватки учителей, и с крайне скудной материальной базой многих школ, и со снижением "стандартов", т.е. качества преподавания и уровня знаний учащихся. Представители правого крыла партии тори того периода видели главную причину всех этих бед в проводившейся в те годы школьной реформе, нацеленной на форсирование создания "объединенных" школ, призванных дать полноценное среднее образование основной массе учащихся. Поскольку создание этих школ нередко приводило к слиянию существовавших ранее "грамматических" средних школ, в которые осуществлялся довольно строгий отбор на основе экзаменов²⁶, оппозиция "уравниловке" в образовании находила весьма благожелательный отклик и поддержку среди значительной части родителей, опасавшихся за уровень знаний и будущее своих детей. Как правило, это были родители из среднего класса, которые могли использовать различные, нередко дорогостоящие способы подготовки своих детей к экзамену. Но чаще всего им этого и не требовалось, поскольку сама среда, в которой вырастали их дети, обеспечивала более высокий уровень знаний и общего развития в сравнении с детьми из менее состоятельных, часто многодетных семей.

У части населения росла тревога и по поводу судьбы частных школ, в которых обучается около 10% детей и которые также находились под угрозой со стороны наиболее радикально настроенных реформаторов. При этом наряду с самими родителями таких детей, большая часть которых принадлежала к верхушке британского общества, будущее частных школ волновало и тех, кто считал и считает, что именно они и пополняемые в значительной мере за счет их выпускников наиболее престижные университеты (и прежде всего Кэмбридж и Оксфорд) обеспечивают Британию авторитетной и высокоэффективной правящей элитой.

При всем том не только лейбористским, но и консервативным правительствам 60–70-х годов становилось все более очевидным, что прежняя, основанная на жесткой селекции и не дававшая среднего образования основной массе англичан система становилась чем дальше, тем больше

²⁵ *Edgell St., Douke V. A Measure of Thatcherism. L., 1991. P. 147.*

²⁶ По результатам этого экзамена все школьники, достигшие 11-летнего возраста, делились на два неравных потока. Один, меньший, состоял из счастливых, успешно выдержавших экзамен и тесты на определение умственных способностей и получивших возможность поступить в классическую "грамматическую" школу (около 20% всех детей), другой, больший, – из всех остальных, поступавших в "современную", значительно менее престижную школу. Обучение в ней заканчивалось в 16 лет, и она не давала права поступления в вузы. Часть детей, обнаружившая практические наклонности, поступали в "технические" школы, которые, однако, так и не получили в то время сколько-нибудь широкого распространения.

серьезным тормозом и экономического, и более широкого, общественно-политического развития страны и потому подлежала серьезно реформированию.

Примечательно, что именно в бытность Тэтчер министром образования в правительстве Хита местными органами было создано наибольшее число объединенных школ. К началу 1975 г. их количество в сравнении с 1970 г. более чем удвоилось, а контингент учащихся составил почти 70% всех детей соответствующей возрастной группы страны.

Как уже отмечалось выше, в 1970 г. руководимое ею министерство опубликовало циркуляр, приостанавливавший действие циркуляра ушедшего в отставку правительства, согласно которому объединенные школы в обязательном порядке вводились по всей Англии. Местным советам вновь предоставлялось право самим решать вопрос о создании объединенной школы на подведомственной территории. Министерство также выделило дополнительные ассигнования школам "прямого субсидирования"²⁷ и тем самым способствовало повышению жизнеспособности частного сектора в школьном образовании. В то же время министерство отказалось проводить меры по "позитивной дискриминации" (т.е. приоритетному финансированию и помощи) объединенных школ, расположенных в обездоленных районах. Иногда Тэтчер и напрямую вмешивалась в чересчур радикальные планы местных властей. Так, она даже вошла в конфликт с местным советом городка Эпсом, который намеревался преобразовать две крупные грамматические школы с высокой академической репутацией в объединенные, и, опираясь на поддержку части учителей и родителей, отменила план совета. Уже в тот период Тэтчер налаживает связи с влиятельными родительскими ассоциациями правого толка, стремившимися не допустить реализации идей "всеобщего и равного" среднего образования.

В 1975–1977 гг., т.е. практически сразу после прихода лейбористов к власти, руководство этих ассоциаций опубликовало вторую серию так называемых черных книг, в которых "уравнительная" система образования и принятые лейбористским правительством меры по повсеместному внедрению объединенных школ квалифицировались как ведущие к полной деградации средней школы²⁸. Тот факт, что и сам тогдашний премьер-министр Дж. Каллаган вынужден был признать наличие серьезных проблем в подготовке квалифицированных кадров для промышленности и даже призвал к "большому спору" о кризисном положении в образовании, способствовал выдвижению проблемы школьной реформы в качестве одной из первостепенных. Однако предложения лейбористов о внесении тех или иных поправок в создаваемую систему при сохранении ее принципов и структур не могли устроить критиков реформы, требовавших их пересмотра.

²⁷ Школы прямого субсидирования финансируются в основном за счет платы за обучение. Однако значительная часть учащихся обучается в них на "стипендиальной" основе, т.е. за счет государства. Кроме того, государственные субсидии помогают снизить плату за обучение и для основного контингента учащихся.

²⁸ Первая серия этих книг вышла в 1969–1971 гг. и содержавшаяся в них критика была выдержана в сравнительно умеренных тонах.

Предметом противоборства стала и система управления школами. Если лейбористы делали ставку на "производителей", т.е. учителей и школьные управления местных советов, а также на Национальный школьный совет, в котором тон задавали те же "производители", то правые радикалы выдвигали на передний план интересы "потребителей", т.е. родителей, университеты и бизнес.

Как бы то ни было, в течение 70-х годов объединенная школа уже прочно утвердилась в качестве основного учебного заведения, дающего среднее образование. Согласно официальным данным к концу 70-х годов в этих школах обучалось более 80% всех учащихся средних школ и споры вокруг их дальнейшей экспансии утратили прежнюю актуальность. Вместо этого на первый план выдвинулся вопрос о путях развития самих этих школ и всей системы школьного образования в стране. А это в свою очередь предопределило довольно резкое обострение отношений между сторонниками "нормального" среднего образования для всех, каковыми по-прежнему являлись лейбористы, и теми, кто считал, что "уравнильность" в образовании пагубна для страны и ее будущего.

Настроившись на неоконсервативную волну, возглавлявшееся Тэтчер партийное руководство стало все решительнее выступать за пересмотр самих основ политики в области образования. Так, уже в упоминавшемся первом программном заявлении партии "Правильный подход" во главу угла была поставлена проблема стандартов обучения и "родительского выбора". Этот последний стал органической частью общей неоконсервативной концепции "свободы выбора", причем он не просто провозглашался здесь, но и конкретизировался в разделе "Родительская хартия", идея которой впервые была выдвинута в упомянутых "Черных книгах". Суть содержащихся в ней предложений сводилась к предоставлению родителям всей необходимой информации об интересующих их школах и права участвовать в школьных своетах, полномочия которых должны быть существенно расширены²⁹. Одновременно подчеркивалась необходимость реального обеспечения свободного выбора родителями школы для своих детей. В качестве одного из возможных средств предлагалось изучить перспективу внедрения "ваучеров", т.е. своего рода сертификатов, выдаваемых родителям с правом передачи их в любую выбранную ими школу. Количество набранных школой ваучеров определяло бы состояние ее финансов и, соответственно, возможности подбора учителей, приобретения оборудования, строительство и содержание их зданий и т.д. Получившая распространение в некоторых штатах США, эта система настойчиво пропагандировалась авторами "черных книг", всеми активными сторонниками свободы выбора. В то же время она наталкивалась на решительное неприятие левых и умеренных кругов, включая либералов и части консерваторов, опасавшихся чрезмерной коммерциализации всей системы школьного образования.

Неоконсерваторы теснейшим образом увязывали идеи "родительского выбора" и поднятия стандартов обучения с необходимостью восстановления "плюрализма" в школьном образовании. Предлагалось, в частности,

²⁹ См.: The Right Approach. L., 1876. P. 61-64.

создать целостную систему стипендий для одаренных учеников, родители которых не имеют возможности послать их в платные школы. Наконец, родителям, чьи дети не проявляют желания заканчивать средние школы, обещалось право забирать их оттуда с тем, чтобы они либо шли учениками на предприятия, либо поступали на курсы профессиональной подготовки. Все эти идеи и предложения, за исключением идеи "ваучеризации", вошли в предвыборный манифест 1979 г., а затем – в той или иной степени – в проведенные через парламент в 1980, 1986 и 1988 гг. законодательные акты.

Закон 1980 г. предписывал всем школам в обязательном порядке распространять среди родителей исчерпывающую информацию о себе с тем, чтобы дать возможность осуществлять "родительский выбор" не вслепую, а со знанием дела. Одновременно вводилось обязательное участие представителей родителей в школьных советах, узаконивалось более широкое использование системы субсидируемых мест. Закон также отменил положение об обязанности местных советов преобразовывать грамматические и современные школы в объединенные. Тем самым оставшиеся 260 грамматических школ (из примерно 5 тыс. государственных средних школ) сохраняли шансы на выживание³⁰.

Закон 1986 г. был нацелен в основном на повышение стандартов обучения, им предусматривалась реорганизация управления и самими школами, и процессом обучения. Что касается школьных советов, то в их составе расширялось представительство родителей и бизнеса, они получали более широкие полномочия по контролю над преподаванием. Предусматривались также четко регламентированная система оценки деятельности учителей и более эффективные методы их переподготовки.

Благодаря этому закону и последующим распоряжениям министерства образования усиливалась профессиональная ориентация обучения, вводилась более дифференцированная оценка знаний учащихся. В соответствии с новой системой достигшие 16-летнего возраста учащиеся по результатам экзаменов получали один из 7 видов аттестатов, которыми определялись виды и направления дальнейшего обучения. Выявлялись реальные претенденты на поступление в университеты и политехнические институты (для чего им предстояло еще 2 года более целенаправленной учебы) и определялись возможности дальнейшего общего и профессионального обучения основной массы учащихся. Подобного рода "селекция", однако, была далеко не единственной. Несмотря на все усилия левых радикалов, им так и не удалось добиться внедрения "урavnительной" системы в объединенные школы. Примечательно, что в 1978 г. только 2% из объединенных школ не имели селективных, т.е. основанных на отборе учащихся по успеваемости и способностям, потоков обучения. Почти в двух третях этих школ отсутствовали потоки и классы "смешанных способностей", вызывавшие особо острую неприязнь противников реформы образования. Помимо "внутренней" селекции сохранялась и "внешняя", основанная на систематическом

³⁰ Подробно об этом и последующих законодательных актах правительства Тэтчер в области образования см.: *Бурнашев И.Л.* Тэтчеризм и проблемы среднего образования в Англии: Дисс. на соискание ученой степени кандидата политических наук. Алма-Ата, 1994.

оттоке способных учащихся из объединенных школ в грамматические и независимые, поощрявшемся доброй половиной местных органов образования страны.

Воплотив многие идеи тэтчеризма, законы 1980 и 1986 гг. тем не менее не сняли остроту кризиса в образовании, а также не решили проблему его качества. Оставалась нереализованной и наиболее амбициозная идея оппозиции, а именно введение ваучеров. Значение, которое придавала Тэтчер реформе образования, было столь велико, что после выборов 1987 г. она назначила на пост министра образования наиболее правого и влиятельного тэтчериста – Кейта Джозефа, который уже в 1988 г. провел через парламент новый закон о "реформе в образовании". Основной целью закона было провозглашено создание условий для поднятия "стандартов" обучения и его профессионализации, а также достижение большего "плюрализма" в образовании. Что касается этой последней задачи, то на сей раз она решалась не столько охраной от посягательств на существующие независимые и грамматические школы (что уже было сделано в принятых ранее законах), сколько путем дальнейшего внедрения принципов селективности в объединенную школу.

В соответствии с обязательствами предвыборного манифеста законом были введены экзамены для школьников на основных ступенях обучения. Сохранялись и экзамены в 16-летнем возрасте. Эти экзамены, позволявшие выявить наиболее способных и прилежных учащихся, призваны были не только поднять "стандарты", но и стимулировать состязательность среди учащихся и родителей, поощрять мобильность школьников как в рамках одной школы, так и в более широком плане.

Помимо введения системы промежуточных экзаменов закон 1988 г. предусматривал упорядочение всей системы преподавания на основе единых школьных программ, разрабатываемых "Программным советом" Англии и Уэльса, а также органами с подобными полномочиями в Шотландии и Северной Ирландии. Соответственно, унифицировались и требования к экзаменуемым на промежуточных и "выходной" стадиях обучения³¹.

В соответствии с законом 1988 г. существенной реорганизации подверглась и система управления школами. Закон еще более расширил полномочия школьных советов, решающую роль в которых наряду с родителями должны были играть представители бизнеса. Подобные же меры по включению бизнесменов в управленческие структуры были, кстати, предусмотрены и применительно к системе высшего образования. В вузах же осуществлялись и другие меры по преодолению "антипредпринимательского синдрома"³². Управляемым "потребителями" школьным советам было даже предоставлено право выводить школы из-под контроля местных органов народного образования, что, помимо

³¹ Social Trends. L., 1989. P. 182. До принятия этого закона составление программ находилось в ведении местных органов народного образования и руководства самих школ. Национальный совет по программам и экзаменам выполнял лишь консультативную и информационную функции.

³² Britain 1990... P. 174.

прочего, было нацелено на общее ослабление влияния местных органов власти в социально-политической жизни страны.

Одной из целей школьной реформы, проводившейся правительством, было создание условий для более разностороннего и качественного технического образования. Еще в 1986 г. правительство объявило о планах создания городских технологических колледжей, финансируемых напрямую государством и частным бизнесом. Цель этой инициативы заключалась в том, чтобы дать возможность способным детям получать профессионально-техническое образование, а также способствовать решению общих проблем "внутренних городов". В продолжение этой инициативы закон 1988 г. определял конкретные пути создания подобных колледжей, порядок их финансирования (с привлечением спонсоров из среды бизнеса). В 1988 г. был открыт первый из таких колледжей, а вскоре было объявлено о конкретных проектах создания 13 аналогичных колледжей.

Были предприняты и другие меры по приближению школьного образования к нуждам развития экономики. По инициативе правительства 1986 год был объявлен "годом промышленности" с целью налаживания тесного сотрудничества между школами и бизнесом. Проводилась стажировка части учителей в фирмах и на предприятиях, отдельные учащиеся стали проходить производственную практику, регулярными стали посещения предприятий и фирм школьниками. По официальным данным, эта инициатива привела к осязаемому успеху: к концу года доля школ, имеющих связи с предприятиями и фирмами, составила около 90%. В продолжение и развитие предпринятых мер в 1988 г. была объявлена "Инициатива сотрудничества предпринимательства и образования", в рамках которой 10% учителей ежегодно должны были получать опыт работы в сфере бизнеса, а каждый учащийся — приобрести как минимум опыт двухнедельной работы на предприятии³³.

Тем же целям была подчинена и созданная еще при лейбористах система стимулирования возможностей молодежи, предназначенная для обретения специальности теми, кто окончил среднюю школу без аттестата, дающего право на поступление в вуз. При всем многообразии и даже радикализме осуществленных консерваторами мер им все же не удалось даже приблизиться к реализации своей главной идеи, провозглашенной еще в упоминавшемся документе 1976 г., а именно — идеи ваучеров. Даже такой ее сторонник, как К. Джозеф, став министром образования и взвесив все за и против, вынужден был в конце концов от нее отказаться. Судя по всему, не настаивала на ее реализации и сама Тэтчер.

Примечательно, что, еще формируя свой первый кабинет, министром науки и образования она назначила не одного из инициаторов и авторов "черных книг" Бойсона, считавшегося первым претендентом на этот пост, а относительно умеренного и менее известного М. Карлипа. Бойсон же, считавший реализацию идеи ваучеров первостепенной задачей, получил пост младшего министра, ответственного за высшее образование. До

³³ Ibid. P. 175.

подготовки и проведения школьной реформы его попросту не допускали. Не менее показательно и то, что переход к системе ваучеров в манифесте 1987 г. даже не упоминался.

Биограф Джозефа довольно подробно разбирает мотивы, побудившие его отказаться от "ваучеризации". Главная из них, по его словам, – это нежелание заменить одну монопольную схему объединенных школ другой столь же единообразной системой "ваучерских" школ, ставящей все средние учебные заведения, включая и частные, по сути дела в одинаковые условия. Немалую роль сыграло и опасение нежелательных социально-политических последствий соответствующей законодательной инициативы. Примечательно, что проводимые министерством обследования не выявили ни одного региона или района, который был бы готов провести эксперимент. Как полагал Джозеф, вполне возможно, что борьба растянулась бы на десятилетие, причем, возможно, с ничтожно малым результатом.

Представляется, однако, что главное было даже не в опасениях по поводу возможного сопротивления, а в осознании неприменимости самой этой идеи к условиям Британии 80-х годов и ее системе школьного образования. Конкуренция между школами за ваучеры наверняка привела бы к банкротству целого ряда "слабых" школ, сделав непомерной нагрузку на сильные. В особо тяжелом положении оказалось бы население депрессивных городских районов с его ограниченными транспортными возможностями. Плюрализм и свобода выбора в образовании могли бы легко обернуться фактической сегрегацией, чреватой далеко идущими социально-политическими последствиями.

О том, что угроза подобной сегрегации отнюдь не была выдумкой противников ваучеризации, свидетельствует хотя бы то, что даже некоторые предусмотренные законом 1988 г. меры, и в частности введенные им новые правила финансирования (в зависимости от числа учащихся), стали в целом ряде случаев приводить к превращению школ, расположенных в бедных и депрессивных районах, во второсортные и третьесортные учебные заведения. Неудивительно, что чем дальше, тем больше подобное положение дел стало вызывать растущее беспокойство в обществе.

Что же касается самой Тэтчер, такого рода издержки не слишком ее тревожили, и, судя по ее воспоминаниям, она отнюдь не расставалась с идеями ваучеризации. Через систему субсидируемых мест и реализацию права родительского выбора, пишет она, «мы проделали известный путь к этой цели и с помощью финансирования по числу школьников ввели "ваучер общественного сектора"... Я хотела бы идти дальше, к внедрению по возможности полномасштабного ваучера... но у меня не хватило времени...»³⁴

Означала ли нереализованность радикального варианта преобразования системы школьного образования провал тэтчеризма на одном из ключевых направлений его активности? С точки зрения "идеальной" неоконсервативной модели это можно было бы расценить и таким

³⁴ *Tratcher M. Downing Street Years. L., 1993. P. 591–592.*

образом. Но как мы могли убедиться на примере других постулатов тэтчеризма, идеальная модель практически всюду подвергалась далекой идущей коррекции. В области образования эта коррекция оказалась также весьма существенной, но и здесь тэтчеризм не отступил на исходные позиции, но пошел по тому же пути совмещения "старых" и "новых" идей и подходов, "старой", реформистской и "новой", неоконсервативной моделей.

Согласно официальным прогнозам 70-х годов число учащихся независимых и частных школ в Великобритании должно было снизиться с 615 тыс. в 1979 г. до 564 тыс. в 1981 г., 485 тыс. в 1986 г. и 464 тыс. в 1991 г. В действительности, однако, Тэтчер и ее правительству удалось не только приостановить это снижение, но и обернуть процесс вспять. Доля учащихся таких школ, составившая в 1979 г. 5,8%, поднялась к 1988 г. до 7%, причем среди учеников 16-летнего возраста и старше она составила 19% (против 17,6% в 1981 г.)³⁵.

Заметим при этом, что утвердившаяся после войны "эгалитаристская" модель в образовании не только не была разрушена, но и сохранялась в качестве основы того синтеза, о котором говорилось выше. Более 90% детей по-прежнему обучаются в государственных школах, а объединенная школа, являвшаяся объектом ожесточенных нападков правых радикалов, явно укрепила свои позиции. Наконец, при всех усилиях по обеспечению "родительского выбора" решающее значение все же, если говорить о государственной системе образования, имеет не состязание между родителями, а между самими учащимися.

Наряду с системами здравоохранения и образования важнейшим слагаемым "государства благосостояния" является система социального страхования, а также поддержания "на плаву" граждан, оказавшихся в силу тех или иных обстоятельств не в состоянии зарабатывать на жизнь. Когда-то эту роль "страховщика" выполняли семья или же личные сбережения "на черный день", а также частная благотворительность. Однако гуманизация общественных отношений и успехи рабочего и демократического движений привели к положению, когда функция социальной защиты взяло на себя общество в целом, как бы "уполномочив" на это государство. Как уже было показано в главе второй, экспансия социальной активности государства в конце концов привела к тому, что и в этой области возникли острые проблемы, негативно воздействовавшие как на состояние самой сферы социального страхования, так и на экономическое развитие страны в целом. В качестве рецепта лечения и здесь был выдвинут принцип свободы выбора и поощрения различных видов частного страхования. Одновременно ставилась задача снижения роли государственного социального страхования и сохранения его в основном для тех, кто в силу определенных причин оказывался не в состоянии воспользоваться услугами частного сектора. Стимулом для перехода к частным системам должен был стать чисто страховочный характер государственных систем, которые не давали бы человеку опуститься на самое "дно", но не более. Как указывалось уже в

³⁵ Social Trends. L., 1989. P. 54; *Edgell St.*, Duke V. Op. cit. P. 148.

программном документе 1976 г. "Правильный подход", "именно в системе помощи бедным система социального страхования обрела наиболее уродливый характер. Мы, кажется, отказались от принципа, что работать должно быть всегда выгодно, в результате чего многие люди, живущие на пособия, оказываются в лучших условиях, чем те, кто работает"³⁶.

Как предельная четкость данных установок, так и та роль, которая им отводилась в деле оздоровления экономики страны, побудили консерваторов сразу же по приходу к власти достаточно энергично взяться за их реализацию. В результате принятых ими серии законодательных мер, в том числе и по линии ежегодных бюджетов, они существенно уменьшили пособия по безработице, главным образом путем прекращения практики установления их размеров в соответствии с размерами заработной платы и последующего повышения пропорционально росту цен. В результате покупательная способность пособий по безработице в реальном выражении оказалась к концу 80-х годов на 1/4 ниже, чем покупательная способность средней государственной пенсии³⁷, причем этот разрыв имел отчетливую тенденцию к дальнейшему увеличению.

Что же касается пенсий, то вместо осуществлявшегося ранее периодического поднятия их в соответствии с ростом заработной платы правительством была введена система "привязки" к уровню цен. Соответственно, и до того весьма значительный разрыв между пенсией и заработной платой, о котором упоминалось выше, еще более возрос. Были также ликвидированы надбавки к пенсии по инвалидности, пособиям для вдов, матерей-одиночек и безработных, выплачивавшиеся ранее для приведения их в соответствие с ростом заработной платы. Согласно некоторым оценкам только на пенсиях "экономия" государства составила в 1979–1988 гг. 4 млрд. ф. ст.³⁸

Предметом особых усилий правительства стала ревизия проведенного в 1975 г. лейбористским правительством законодательства о введении принципиально новой пенсионной системы, в соответствии с которой вводилась система пенсий, устанавливаемых в зависимости от заработной платы. Примечательно, что требования реформы пенсионной системы были настолько популярными практически среди всех слоев общества, что консервативная оппозиция в парламенте также голосовала за эту реформу. Внедрение этой системы, даже по лейбористскому закону, должно было растянуться с 1978 до 1998 г. Ее целью было обеспечение "приличной" государственной пенсией всех, кто не пожелал или не смог участвовать в частных пенсионных фондах, и давало бы им возможность обходиться без поисков дополнительных источников существования. Идея состояла в том, чтобы довести размер государственных пособий в Британии до уровня, на котором они находились в большинстве западноевропейских стран.

Хотя законодательство 1975 г. шло в разрез с идеей частного социального страхования и превращения его в "норму" для большинства

³⁶ The Right Approach. . . P. 58.

³⁷ Social Trends. P. 92.

³⁸ Edgell St., Duke V. Op. cit. P. 7.

граждан, в течение довольно длительного времени правительство не предпринимало никаких практических шагов для аннулирования указанного закона. И только в 1985 г. министр по вопросам социальных услуг Н. Фаулер опубликовал доклад, в котором предлагалось в течение 5 лет покончить с системой, которая уже начала внедряться. Знаменательно, однако, что это предложение натолкнулось на столь мощное противодействие общественности и парламентариев, что от этих предложений пришлось отказаться. Тем не менее в новую систему внесены существенные поправки, в результате которых доля заработной платы при исчислении пенсии была снижена до 20%³⁹. Одновременно было разрешено переводить эту часть пенсий в коммерческие фонды и пенсионные фонды фирм, устанавливались различного рода поощрительные меры (включая налоговые скидки) для такого рода переводов.

Как видим, если лейбористы пытались "европеизировать" британскую систему социального страхования, то консерваторы, напротив, ставили целью ее "американизацию". Однако, испытывая мощное давление общественного мнения и опасаясь утратить поддержку избирателей, они вынуждены были, особенно в годы быстрого экономического роста, повышать размер государственных социальных выплат, главным образом пенсий. Как заявляли тори в избирательном манифесте 1987 г., за время пребывания их у власти расходы государства на пенсии и другие выплаты пожилым людям в реальном исчислении возросли на 29%⁴⁰. Правда, при этом они умалчивали об одновременном значительном росте числа пенсионеров и некоторых других моментах, по причине которых покупательная способность средней государственной пенсии увеличилась не более чем на 5%⁴¹. Тем не менее сам факт представления роста государственного пенсионного фонда в качестве своего достижения весьма симптоматичен. В манифесте также всячески превозносились меры, предпринимавшиеся правительством для помощи многодетным семьям, инвалидам, подчеркивалось стремление направить "больше средств тем, кто больше всего в этом нуждается".

Основную же свою заслугу консерваторы видели в том, что благодаря их усилиям заметно возросли негосударственные источники доходов пенсионеров. Более 3/4 тех, кто находится на пенсии, заявляли они, имеют теперь личные сбережения, благодаря чему их доходы увеличиваются ежегодно на 7%⁴². Одна из главных задач, по их мнению, состояла теперь в том, чтобы добиться практически поголовного участия наемных работников в "служебных" пенсиях и в частном пенсионном страховании, которое они намеревались всячески поощрять. В результате всех этих мер процесс коммерциализации пенсионного обслуживания еще более ускорился. До данным на конец 80-х годов около половины экономически ак-

³⁹ *Kavanagh D. Consensus politics. L., 1989. P. 83.*

⁴⁰ *The Next More Forward...P. 52.*

⁴¹ *Social Trends. P. 92.* Согласно подсчетам специалистов, в случае, если бы консерваторы придерживались отвергнутого ими принципа синхронного роста пенсий и заработной платы, супружеская пара пенсионеров получала бы в 1989 г. не 65, а 80 фунтов в неделю (*ABC of Thatcherism, 1979-1989. L., 1989.P. 20.*)

⁴² *The Next Moves Forward. . . P. 52.*

тивных граждан участвовали в пенсионных фондах своих предприятий⁴³. Что же до самих пенсионеров, то в начале 90-х годов почти 90% из них имели помимо государственной пенсии еще один источник существования⁴⁴.

Тем не менее даже для большинства пенсионеров, которые стали получать возросшую часть своих доходов от частного страхования и личных сбережений, государственное страхование отнюдь не превратилось в некую побочную статью дохода. Так что, приостановив тенденцию к "европеизации" системы, Тэтчер и ее правительство не смогли ее "американизировать". Однако, создав своего рода гибрид европейской и американской систем, тэтчеризм, возможно, открыл путь к конвергенции их обеих.

4. За новую роль в мировом сообществе

Фолклендский эпизод со всей ясностью продемонстрировал, что свой "решительный подход" М. Тэтчер отнюдь не ограничивает сферой внутренней политики. Как помнит читатель, среди выдвигавшихся ею популистских целей и установок немалое место занимали претензии на занятии Британией достойного места в мировом сообществе, на повышение ее роли в отношениях Восток – Запад, во всей системе международных отношений. Сознательно или бессознательно утвердившейся концепции "малой Англии" она решительно противопоставляла концепцию "Великой Британии", с которой должны считаться и большие и малые государства и влияние которой в международных делах должно не снижаться, как это беспрерывно происходило в послевоенные годы, но, напротив, возрастать, и весьма существенно. Одновременно с этим, естественно, должна была возрасти и роль первого лица государства среди группы мировых лидеров. Причем, как прекрасно понимала Тэтчер, от того, как она "поставит" себя в этой когорте сильных мира сего, во многом будет зависеть и решение главной стратегической задачи.

Решение столь неординарной задачи зависело прежде всего от усилий на таких важнейших направлениях, как отношения с США, СССР и Западной Европой. И неудивительно, что Тэтчер попыталась сказать собственное слово прежде всего в этих трех областях. Причем с самого начала она заметно изменила не только подходы, установившиеся в каждой из них, но и саму систему приоритетов, в рамках которой эти подходы определялись и реализовывались.

Стремление поставить жесткий заслон на пути "экспансии коммунизма" при одновременной нацеленности на проведение более самостоятельной политики в рамках Европейского сообщества побудили Тэтчер с самого начала существенно усилить акцент на укрепление отношений с США как ведущей страной Атлантического союза. К тому же побуждала ее и общность неолиберальной ориентации двух стран во внутренней и

⁴³ Britain 1990. . . P. 167.

⁴⁴ The Campaign Guide 1992. L., 1992. P. 117.

жесткой антикоммунистической линии во внешней политике, установившаяся после победы Рейгана на президентских выборах 1979 г.

Поскольку администрация Рейгана была также заинтересована во всемерном укреплении отношений с Великобританией как одним из наиболее стойких бастионов, противостоящих советской угрозе, каких-то особых усилий для сближения с США Тэтчер прилагать не пришлось. Тем более что еще в годы оппозиции у нее установились тесные, почти дружеские отношения с Р. Рейганом. Ее визиты в Вашингтон в качестве премьер-министра проходили в исключительно благожелательной атмосфере. Из числа наиболее важных договоренностей особое значение имели такие, как сделка о закупке Британией в США партии новейших ядерных ракет (Трайидент) для оснащения второго поколения подводных лодок, а также согласие британской стороны на размещение американских ракет среднего радиуса действия в качестве ответного шага на размещение в странах Варшавского пакта советских ракет СС-20, другие подобного же рода акции атлантической солидарности. Со своей стороны американская администрация отвечала тем же, и когда английским войскам во время фолклендского конфликта потребовались промежуточные военные базы, средства связи и другие виды помощи, администрация Рейгана предоставила эту помощь.

Вместе с тем неизбежные несовпадения подходов и интересов двух государств и даже сама их "разнокалиберность" иногда приводили к довольно серьезным разногласиям в отношениях их лидеров. Первое серьезное столкновение произошло в конце 1981 г., когда в ответ на объявление генералом Ярузельским чрезвычайного положения в Польше администрация президента Рейгана ввела эмбарго на поставку в Восточную Европу и Советский Союз обширного списка техники, материалов и лицензий. Одна из целей эмбарго состояла в том, чтобы воспрепятствовать строительству гигантского газопровода "Сибирь-Западная Европа", который должен был обеспечить СССР значительные валютные поступления. Сделано это было главным образом путем запрета к вывозу из США оборудования и лицензий, предназначенных для участвовавших в строительстве западноевропейских фирм, причем запрещалась к вывозу из США и соответствующая продукция американских филиалов европейских компаний. Фактически все это вело к приостановке реализации дорогостоящих контрактов и било как по интересам самих этих компаний и их персонала, так и по интересам государств – будущих покупателей газа, поскольку он должен был покрывать от 20 до 30% всей потребности Западной Европы в этом виде топлива.

Хотя Британия и не входила в число будущих получателей газа, интересы британского бизнеса были затронуты самым непосредственным образом. Одна только фирма "Джон Браун", переключившая на выполнение советских заказов значительную часть своей деловой активности, в результате американского эмбарго могла потерять сумму, превышающую стоимость всего экспорта американской промышленности в СССР. Деловым и политическим кругам Великобритании было ясно, что Соединенные Штаты пытаются нанести удар по экономике СССР, не считаясь с интересами западноевропейцев. Подобного рода "невнимание"

было для них тем более неприемлемо, что наиболее дорогостоящие и выгодные для США контракты на поставку зерна в СССР администрация Рейгана и не думала ставить под вопрос.

Неудивительно, что Тэтчер, у которой международные связи и обязательства неизменно преломлялись через призму обостренного национального интереса, резко отрицательно прореагировала на действия администрации Рейгана. Действия эти были расценены ею как "несоразмерное реагирование", лишаящее страны Запада средств эффективного нажима на случай дальнейших осложнений ситуации в Польше или вокруг нее⁴⁵. В ходе довольно напряженных переговоров между высшими должностными лицами и переговоров по линии министерства иностранных дел в конце концов был достигнут компромисс, позволивший продолжать начатое дело.

Другой, сходный с только что описанным, инцидент произошел уже после выборов 1983 г. Правда, на этот раз речь шла скорее о "протокольных" вещах и о нарушении Рейганом этики двусторонних отношений. Свержение в октябре 1983 г. группой левых заговорщиков законно избранного правительства островного государства Гренада, являющегося членом Содружества, вызвало серьезное беспокойство американской администрации, которая уже через неделю после переворота осуществила десантную операцию, свергла "незаконное" правительство и сформировала там марионеточную администрацию. Тот факт, что эти действия были осуществлены против одного из членов Содружества, имеющего в качестве своего официального главы британскую королеву, серьезно задевал честолубие королевского двора и правящих кругов Великобритании в целом. В конце концов, после довольно резких неофициальных представлений с британской стороны и со стороны самой Тэтчер, а также публичного осуждения американской акции, сделанного более дипломатичным языком, удалось урегулировать и этот инцидент.

Если, однако, критические моменты в отношениях с США были скорее лишь эпизодическими отклонениями от общей линии, то этого никак нельзя сказать о полных драматизма и неожиданных поворотов отношениях с другими странами и регионами мира, включая и ближайших западноевропейских соседей.

"Генеральный" курс Тэтчер в отношении "Европы", как принято в Британии неофициально именовать ЕС, был в общих чертах обозначен уже в период пребывания в оппозиции. Будучи сторонницей участия Британии в Сообществе, она в то же время явно с неодобрением относилась к идеям и планам создания "федеральной Европы". Эти идеи резко контрастировали с ее "патриотическим" мироощущением и представляли в ее глазах угрозу столь высокочтимой ею и ее сторонниками национальной самобытности. Соответственно, она более критически, чем ее предшественники, относилась к тому "бремени", которое несла Британия как участница ЕС, и потому готова была в гораздо большей степени, чем они, внести в отношения с партнерами элемент типичной британской меркантильности. Акцент на "меркантилизм" не только сулил

⁴⁵ *Joung H. Thatcher's Phenomenon. L., 1986. P. 256–257.*

ощутимые материальные дивиденды от реализации ее "националистических" устремлений, но и в немалой степени способствовал им. Во-первых, он формировал имидж Великобритании как страны, ищущей в ЕС прежде всего собственной выгоды и собственного интереса, и тем самым "работал" против федеративного, основанного на приоритете общей выгоды статуса Сообщества. Во-вторых, задерживая продвижение интеграции вглубь, он и в чисто практическом плане играл на руку сторонникам концепции "Европы Отечества". Так что необыкновенная, поразившая многих участников и наблюдателей настойчивость и "упрямство" Тэтчер в переговорах вокруг бюджетно-финансовых проблем ЕС опирались на нечто большее, нежели просто жесткий характер и неуступчивость "железной леди".

В соответствии с правилами формирования бюджета ЕС и общей сельскохозяйственной политики, Британия финансировала примерно пятую часть всех расходов Сообщества. Столь высокая доля объяснялась, во-первых, самими принципами формирования бюджета, учитывавшими не столько объем национального дохода, сколько уровень внешней торговли страны-участницы, а во-вторых, высоким уровнем расходов Сообщества на компенсацию производителям сельскохозяйственной продукции. Поставив под вопрос оба эти принципа и исходя из подсчетов, основанных на соответствии вклада Британии в бюджет и получаемых ею от участия в ЕС дивидендов, Тэтчер с самого начала заняла предельно жесткую позицию на переговорах. Она не только заявила о необходимости существенного сокращения суммы ежегодных взносов (составившей в 1980 г. свыше 1 млрд. ф. ст.) Британии в общий бюджет, но и на получении компенсации за "переплату" в предшествующие годы. Уже на первой встрече в верхах в Дублине в ноябре 1979 г. произошло жесткое столкновение Тэтчер со своими партнерами. Все они были буквально шокированы не только требованиями, выдвинутыми ею, но и той резкой, бескомпромиссной манерой, в которой они были высказаны⁴⁶. Последовавший затем тур длинных, длившихся полгода переговоров привел к тому, что другие страны-участницы согласились пересмотреть принципы формирования бюджета, а пока этого не произошло, компенсировать "чрезмерные" расходы Британии за 1980, 1981 и, возможно, 1982 гг., если к тому времени не будет найдено долгосрочное решение проблемы. Общая сумма компенсации за 1980 и 1981 гг. составила 1,8 млрд. ф. ст., и в результате ее "зачета" выплаты Британии в бюджет Сообщества в эти годы составили менее 200 млн. ф. ст.⁴⁷ В 1982 г. возник новый кризис из-за блокирования Британией решений о ценах на сельскохозяйственную продукцию, во многом определявших объем бюджета Сообщества. Британское вето, однако, было проигнорировано министрами сельского хозяйства, и кризис в отношениях с партнерами был смягчен в результате принятия позднее в том же году соглашения о пересмотре взноса

⁴⁶ Вот как описал Дж. Прайор ее манеру ведения переговоров: "чтобы лучше донести до их участников свои требования, она колотила руками по столу, причем звук, производимый ее кольцом, явно действовал ее собеседникам на нервы" (*Prior J. A Balance of Power. L., 1986: P. 144-145*).

⁴⁷ *Riddell P. Op. cit. P. 213.*

Британии за 1982 г. Но долгосрочные проблемы финансирования по-прежнему оставались нерешенными, и трудные переговоры продолжались в 1983 г., когда британская сторона добилась компенсации в 440 млн. ф. ст. В целом объем компенсации составил 2,5 млрд. ф. ст., или 65,4% первоначальной суммы взносов. Тем не менее окончательно проблема не была решена. Особенно трудно оказалось примирить позицию Британии с позицией государств с большим, нежели у нее, объемом сельскохозяйственного производства.

И до выборов 1983 г., и сразу же после выборов избранная Тэтчер линия на защиту интересов Британии в сугубо конкретной и "осязаемой" для большинства жителей страны области ее финансовых интересов полностью оправдывала себя и неплохо работала на укрепление как внутривнутриполитических, так и международных позиций тэтчеризма. Согласно опросу, проведенному институтом Гэллага в июне 1983 г., европейскую политику консерваторов одобряло на 50% людей больше, чем политику лейбористов (официально выступавших за выход страны из ЕС). Причем большинство опрошенных высказывалось за неуклонное отстаивание британских интересов в Сообществе, одновременно признавая необратимость участия страны в нем⁴⁸.

На европейской арене позиция Тэтчер, конечно же, не вызывала восторга ни среди лидеров, ни среди широкой общественности. Тем не менее и настойчивость, с которой Тэтчер отстаивала интересы Британии, и ощутимые успехи в этой ее деятельности способствовали росту ее "европейского" и международного престижа.

Несмотря на разыгрывавшуюся Тэтчер национальную и патриотическую карту, ни она, ни ее сторонники не помышляли о каком-то возврате к "имперскому" прошлому страны. Ни в области отношений со странами Содружества, ни в более широкой сфере отношений с "третьим миром" Тэтчер и тэтчеристы по существу не предлагали ничего нового. Тем не менее после прихода Тэтчер к власти ей пришлось и здесь сказать свое слово, причем каждый раз в сугубо конкретной, кризисной ситуации.

Первая из них возникла вокруг Родезии, где в канун прихода Тэтчер к власти обстановка осложнилась до такой степени, что стала поистине взрывоопасной. Основные противоборствующие силы этой страны – режим белого меньшинства во главе с Яном Смитом и Патриотический фронт, возглавляемый Р. Мугаве и Дж. Нкомо, – дрейфовали в сторону крупномасштабной гражданской войны, чреватой непредсказуемыми последствиями. В этой ситуации очень многое зависело от позиции Британии, сохранившей сильные экономические и политические позиции в стране. Кроме того, несмотря на провозглашение Яном Смитом независимости Родезии, Британия и Содружество в целом не признавали этой независимости и сохраняли моральную и юридическую ответственность за положение дел в ней.

Казалось бы, вся система взглядов и убеждений Тэтчер должна была побуждать ее взять сторону белого меньшинства и склонных к сотрудничеству с ним коллаборационистов. И поначалу, судя по всему,

⁴⁸ Ibid. P. 214.

она склонялась именно к такому решению. Однако ориентация на такого рода исход не получила поддержки министра иностранных дел лорда Каррингтона, который после изучения ситуации и консультаций с должностными лицами и специалистами своего министерства пришел к выводу, что формирование марионеточного правительства лишь ужесточит противостояние враждующих сторон, усилит и враждебность к новому режиму соседних "черных" государств, а также поставит под серьезную угрозу крупные интересы британского бизнеса в Родезии. Свои спасения и соображения Каррингтон изложил в специальном меморандуме, Тэтчер, которая вынуждена была признать серьезность его доводов и, взвесив все за и против, приняла сторону министра. И хотя влиятельное родезийское лобби было крайне недовольно этой акцией, весь его критический запал обернулся против лорда Каррингтона, чье влияние на Тэтчер им было явно не по вкусу.

Впрочем, звезда Каррингтона вскоре потускнела и без их особых усилий, и случилось это уже в связи с другим, еще более крупным, фолклендским кризисом, о чем уже было рассказано выше. Однако и после своей отставки он сохранял довольно значительное влияние на премьера, причем особенно сильно это проявлялось в политике по отношению к СССР и другим странам Варшавского договора.

Следует сказать, что в своих отношениях с СССР Тэтчер следовала линии, намеченной еще в годы оппозиции и весьма удачно названной затем "мегафонной дипломатией"⁴⁹. Ее стержнем было громогласное обличение экспансионистского курса советских лидеров, прикрываемого разговорами о разрядке и миролюбивыми жестами. В то же время правительством не предпринималось практически никаких конкретных шагов, направленных на сокращение и тем более свертывание советско-английских связей и отношений. Но ничего не делалось и в направлении их даже минимального развития. Фактически был взят курс на замораживание отношений, и это уже само по себе было достаточно серьезное изменение.

Однако главный новый момент, определявший характер советско-английских отношений, заключался в ином, а именно – в политике "довооружения", которую начала проводить вместе с американской британская сторона. Именно своей решимостью ответить на вызов СССР не менее твердым вызовом Атлантического союза и Запада в целом оказывали Тэтчер и ее правительство наиболее существенное влияние на развитие советско-британских отношений, и именно здесь личная позиция Тэтчер сыграла решающую роль. В результате ряда мер, связанных главным образом с "довооружением" и модернизацией вооруженных сил, военные расходы страны (в реальном исчислении) возросли в 1982/83 фин. г. на 16,7% в сравнении с 1978/79 фин. г.⁵⁰ В этот же период их доля в совокупном общественном продукте достигла 5%, что существенно превышало эту долю во Франции, Италии и ФРГ, чье экономическое положение было в тот период куда благополучнее, чем Британии.

⁴⁹ *Joung H.* Op. cit. P. 105.

⁵⁰ *Riddell P.* Op. cit. P. 220.

Правительство твердо придерживалось решения НАТО о ежегодном увеличении военных расходов стран-участниц на 3%.

Примечательно, что в своей политике наращивания военных расходов Тэтчер не только не встречала сопротивления со стороны оппонентов в кабинете, но где-то даже должна была сдерживать рвение некоторых из них. Как утверждает П. Ридделл, ей пришлось переместить Ф. Пима с поста министра обороны на пост лидера Палаты общин из-за того, что он слишком рьяно настаивал на увеличении военного бюджета и сопротивлялся любым мерам по экономии средств по линии своего ведомства. Именно в этом направлении развернул довольно энергичную деятельность преемник Пима и твердый тэтчерист Джон Нотт, взявший курс на создание более компактных военно-морских сил. Режим жесткой экономии, на котором настаивала Тэтчер, был призван прежде всего сберечь средства для реализации программ "Грайдент", которая поглощала примерно 6% всего военного бюджета и почти 12% средств, выделяемых на производство и содержание военной техники⁵¹. Вся же программа, согласно первоначальным наметкам, должна была обойтись в 7,5 млрд., а в конечном итоге стоила более 10 млрд. ф. ст.

Сменивший Пима новый министр обороны Нотт также недолго пробыл на этом посту. Уже через полгода после завершения фолклендской операции, в ходе которой он проявил себя не лучшим образом, Нотт был смещен, и его место занял М. Хезелтайн. Одной из причин этого назначения было то, что значительно более коммуникабельный и обладающий популистскими наклонностями Хезелтайн мог гораздо более успешно противостоять наступлению, развернутому противниками размещения американских крылатых ракет на территории Британии. Организовав неофициальное пропагандистское подразделение в министерстве обороны и инициировав создание ряда независимых общественных групп в поддержку размещения ракет, Хезелтайн довольно быстро перешел в контрнаступление на антивоенное движение, оплотом которого стал женский "лагерь мира" у колючей проволоки, ограждавшей военно-воздушную базу "Гринхэм коммон". Противники ракет осуждались как пораженцы, играющие на руку агрессивным устремлениям СССР.

Развертывая кампанию против антивоенного движения, Тэтчер и ее единомышленники отдавали себе отчет в том, что то ее успеха зависит не только "морально-политическое" обеспечение предпринимавшихся усилий в чисто военной области, но и прочность позиций самого правительства в стране. Как уже отмечалось, после выборов 1979 г. в лейбористской партии резко усилились левые и даже левацкие тенденции, одним из проявлений которых стало принятие партией требований одностороннего ядерного разоружения. В этих условиях политическое и пропагандистское обеспечение военных программ приобретало не меньшее значение, чем реализация самих этих программ. Соответственно кампания против движения за ядерное разоружение и ее главного звена – антиракетного движения становилась частью общей, гораздо более широкой политической кампании, острие которой было направлено на главный источник

⁵¹ Ibid. P. 224.

угрозы – Советский Союз. И в этом контексте "мегафонная дипломатия" М. Тэтчер уже не выглядела столь примитивной и "наивной", как она представлялась не только многим наблюдателям, но и непосредственным сторонникам Тэтчер в тот период.

Во внешнеполитической области тандем Рейган–Тэтчер способствовал занятию всеми странами НАТО более жесткой, бескомпромиссной позиции в отношении СССР, вынуждая его политическое руководство и внешнеполитические ведомства к маневрированию и известной сдержанности. Одновременно Тэтчер из рядового участника международных переговоров превратилась в одну из ведущих фигур. Еще более ощутимыми были дивиденды в области внутренней политики. Не только позиции антиракетного и антиядерного движения, но и позиции главного политического противника тори – лейбористов становились все более уязвимыми. Продолжая отстаивать становившиеся все более непопулярными требования одностороннего ядерного разоружения и удаления американских баз с британской территории, лейбористское руководство утрачивало и без того крайне низкий кредит доверия среди избирателей, что и продемонстрировали со всей наглядностью выборы 1983 г.

С началом перестройки в СССР, как известно, стала существенно меняться вся конфигурация международных отношений, и в том числе англо-советских отношений. Примечательно, однако, что еще задолго до прихода М. Горбачева к власти Тэтчер стала постепенно отходить от бескомпромиссной позиции по отношению к СССР. По словам авторов книги "Феномен Тэтчер", где-то с осени 1983 г. "после трубных (антикоммунистических. – *Авт.*) призывов через мегафон она начала сбавлять тон". По свидетельству одного из ее ближайших сподвижников – Дж. Хау, будучи одной из тех немногих лиц, которым пришлось бы, в случае чего, "нажать кнопку", она ощутила всю меру своей ответственности, связанную с такой возможностью⁵². Как пишет автор книги "Революция Тэтчер" Питер Дженкинс, уже после выборов 1983 г. Тэтчер начала более внимательно присматриваться к тому, что происходит в СССР, и специально для нее министерство иностранных дел организовало несколько "небольших семинаров" с экспертами по советским делам. Немалая роль в этом процессе принадлежала лорду Каррингтону, который еще в бытность свою министром иностранных дел проявлял недовольство практиковавшейся ею "мегафонной дипломатией". Уйдя в отставку, Каррингтон тем не менее продолжал оказывать на Тэтчер влияние, встречаясь с ней в загородной резиденции⁵³.

В свете этих фактов уже не выглядит случайностью тот огромный интерес, который Тэтчер проявила по отношению к визиту М.С. Горбачева в Великобританию в конце 1984 г. Проведенные в ходе этого визита многочасовые переговоры и беседы, несомненно, позволили Тэтчер более основательно уяснить положение дел в Советском Союзе, те новые тенденции, которые уже в тот период стали выявляться в советской политике. И конечно же, она могла воочию убедиться, что за люди

⁵² *Joung H.* Op. cit. P. 105.

⁵³ *Jenkins. P.* Mrs. Thatcher's Revolution. L. 1987. P. 288.

вскоре придут к руководству советским обществом. Главный вывод, который она сделала в ходе этих бесед и переговоров, – это вывод о том, что с такими людьми "можно иметь дело"⁵⁴.

Начавшаяся вскоре в СССР перестройка еще более убедила ее в том, что у нового советского руководства слова не расходятся с делами, что это люди, которым можно и нужно доверять. В противном случае вряд ли она столь решительно поддержала бы процесс нормализации международных отношений, причем не просто поддержала, а использовала свой уже к тому времени немалый международный авторитет, чтобы всемерно ему способствовать.

Что касается непосредственно англо-советских отношений, то большое значение для их развития имел визит М.Тэтчер в СССР в конце марта – начале апреля 1987 г., в ходе которого был заключен ряд соглашений, призванных обеспечить более тесное сотрудничество двух стран в политической, научной, культурной областях. Визит содействовал изменению общей атмосферы советско-английских отношений, стимулировал стремление обеих стран и народов к лучшему взаимопониманию и взаимодействию.

Тот факт, что Маргарет Тэтчер, будучи одной из главных "запевал" в холодной войне и гонке вооружений, стала также и одним из главных инициаторов их прекращения, больше, чем какой-либо другой аспект внешнеполитической деятельности, способствовал обретению тэтчеризмом весомого "международного статуса". Тэтчеризм как политика обрел в результате ту же целостность, что и тэтчеризм как идеология, стиль. Однако в отличие от идеологии политика и стиль тэтчеризма, с одной стороны, оказались значительно более податливыми "внешним влияниям", а с другой – еще в большей степени привязанными к личности премьера.

Эта привязка не была той же самой на разных этапах пребывания Тэтчер у власти, и, как мы увидим в следующей главе, это обстоятельство во многом определило и политику правительства, и судьбу самой Тэтчер после выборов 1987 г.

⁵⁴ *Thatcher M.* Op. cit. P. 463.

Глава пятая

КРИЗИС ТЭТЧЕРИЗМА И ОТСТАВКА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Несомненный успех, которым увенчались инициативы правительства как в области внутренней, так и внешней политики после выборов 1983 г., естественно, побуждал премьер-министра и ее единомышленников к тому, чтобы продолжить начатое, и если не завершить "тэтчеристский проект", то по крайней мере реализовать основную его часть. Если при этом учесть, что в канун новых выборов Тэтчер удалось избавиться от наиболее влиятельных из ее оппонентов в кабинете, то станет понятным и тот "новый радикализм", который зазвучал в подготовленном к очередным выборам избирательном манифесте. По общему признанию наблюдателей и исследователей, он оказался значительно более далеко идущим документом, нежели манифест 1983 г. Однако приходится констатировать и другое, а именно то, что как раз при попытке реализации этого нового радикализма обнаружились и в полной мере заявили о себе моменты, которые сперва привели к кризису тэтчеризма, а затем и к отставке самой Тэтчер.

1. Выборы 1987 г. и "новый рывок вперед"

В своем предисловии к манифесту 1987 г. Тэтчер писала: "За последние годы Британия изменилась, и изменилась к лучшему. Мы придали ей новую силу и новую гордость. Мы укрепили новый дух предпринимательства. Мы достойно ответили на вызовы внутри страны и за рубежом... Консервативная мечта становится явью. Манифест указывает на дальнейшее продвижение вперед"¹. Как следует из этого предисловия и из самого содержания манифеста, консерваторы не предлагали в нем каких-либо новых поворотов своей политики. Задача состояла в другом, а именно в последовательном претворении в жизнь уже провозглашенных и начинавших реализовываться приоритетов. Отличие от манифеста 1983 г. состояло лишь в том, что эти приоритеты и цели были определены более четко и конкретно, а весь тон документа буквально излучал уверенность и оптимизм.

¹ The Next Move Forward. The Conservative Manifesto, 1987. L., 1987. P. 3.

Тот факт, что подобного рода настрой отнюдь не был наигранным и отражал реальное превосходство тори над их оппонентами, в полной мере подтвердили результаты состоявшихся 9 июня 1987 г. всеобщих парламентских выборов. Как и выборы 1983 г., они были проведены за год до истечения срока полномочий парламента.

Для партии, которая уже "отработала" два срока подряд, исход выборов был более чем благоприятным. Доля поданных за нее голосов сократилась всего на 0,1% и составила 42,3%, а их общее число даже возросло. Лейбористы несколько улучшили свой предшествующий результат (доля полученных ими голосов возросла с 28,3 до 32,1%), но прирост этот был явно недостаточен, чтобы партия и ее руководство могли почувствовать себя вышедшими или даже выходящими из кризиса. Наибольшее разочарование, однако, выборы принесли партиям Альянса либералов и социал-демократов, доля которых снизилась с 26 до 22,9%. И хотя в абсолютном выражении снижение это было не столь уж большим, и для сторонних наблюдателей, и для самих партий Альянса было очевидно, что попытка превращения этого объединения в некую третью силу, способную встать вровень по своему влиянию с главными партиями, терпит явный провал. Из 650 мест в Палате общин партии Альянса смогли получить лишь 22, на одно место меньше, чем в 1983 г. Число мест у консерваторов составило 376 (против 397 в 1983), а у лейбористов – 229 (против 209 в 1983 г.). Главным итогом выборов стало то, что консерваторам вновь удалось заручиться твердым парламентским большинством, и они могли, не особенно оглядываясь на оппозицию, продолжать начатое.

В области приватизации, которой по-прежнему придавалось приоритетное значение, наиболее крупными мерами была приватизация аэропортов, систем водоснабжения и электроэнергетики, а также систем управления речным хозяйством. Продолжалась также распродажа муниципального жилья, поощрялись и другие формы приобщения населения к собственности. В результате к весне 1990 г. в частных руках находилось около половины всей собственности бывшего государственного сектора экономики. Общая сумма выручки от продажи этого имущества составила к этому времени 27,5 млрд. ф.ст., что позволило решить целый ряд бюджетно-финансовых проблем². Как отмечалось в официальном партийном издании; подводящем итоги 11 лет пребывания консерваторов у власти, эти и другие меры "открыли дорогу для еще более быстрого продвижения по пути народного капитализма"³. В качестве иллюстрации приводились следующие цифры. С 1979 по 1990 г. было продано 1,4 млн. муниципальных домов и квартир и доля владельцев собственных домов возросла с 55 до 66%. Численность владельцев акций за тот же период утроилась и составила примерно 11 млн. человек, или 24% от всего взрослого населения страны. Число лиц, имеющих собственное дело, увеличилось в сравнении с 1979 г. на 1 млн. 335 тыс. и составило свыше 3 млн. 250 тыс. человек. Число наемных работников, владеющих акциями своих предприятий, увеличилось до 1,5 млн. Высшая ставка налогообложения была

² Politics Today. 1990. May 28. P. 191–192.

³ Ibid. P. 191.

снижена в 1988 г. с 60 до 40%, налог на прибыль уменьшился с 52 до 35% для крупных компаний и с 38 до 30% – для мелких. Средняя ставка подоходного налога была снижена на 1/4 и составила 25%.

Заметную отдачу давали и другие меры по поощрению мелкого бизнеса. Наиболее эффективными из них оказались налоговые льготы, нацеленные на рост инвестиций, в результате которых многие сотни миллионов фунтов были вложены в этот сектор. Тот же эффект имели и меры по льготному кредитованию мелких фирм, а также прямые правительственные гранты, свободные от налогообложения.

Для более целенаправленного использования всех этих и других поощрительных мер были созданы центральное и местные агентства содействия мелкому бизнесу, деятельность которых оценивалась консерваторами как весьма эффективная.

В 1988–1990 гг. был в основном завершен цикл профсоюзного законодательства. Наиболее важной мерой здесь явился Акт о занятости 1988 г., в соответствии с которым заметно ужесточились меры против профсоюзов, организующих забастовки в обход установленных законодательством процедур. Самым главным своим достижением в области трудовых отношений консерваторы с полным на то основанием считали окончательную отмену актами 1988 и 1990 гг. существовавших ранее положений о "закрытом цехе", благодаря которым на ряде предприятий тред-юнионы могли добиваться поголовного членства в них всех наемных работников и не допускать найма лиц, не состоящих в профсоюзе. Благодаря указанным актам "закрытый цех", являвшийся одним из наиболее важных завоеваний британского профсоюзного движения, фактически был поставлен вне закона и перестал существовать.

В области школьного образования принятием Акта 1988 г. (содержание которого достаточно подробно было изложено в предшествующей главе) была по существу завершена программа реформ, намеченных в оппозиции. Согласно оценке самих консерваторов, закон 1988 г. явился "наиболее важным" законодательным актом из всех, которые были когда-либо приняты после 1944 г. Как известно, в 1944 г. коалиционное правительство Черчилля–Эттли провело через парламент закон, вводивший принципы всеобщего и бесплатного среднего и неполного среднего образования.

Стремясь придать школьному образованию "рыночную" ориентацию, консерваторы настойчиво продолжали стимулировать связи школ с бизнесом. Рост такого сотрудничества всемерно поощрялся и в области высшего образования. Одним из его результатов явилось получение университетами дополнительного финансирования. "Частные" источники во второй половине 80-х годов стали покрывать примерно 25% всех их расходов (против 10% десять лет назад)⁴. Для решения проблем финансирования университетов был создан специальный совет, видное место в котором заняли представители промышленности и коммерции. Широкое распространение стала получать система контрактов на выполнение заказов деловых кругов.

⁴ Ibid. P. 207.

Еще одной мерой, направленной на коммерциализацию высшего образования, явилось введение с осени 1990 г. системы долгосрочных беспроцентных кредитов студентам. Более гибкой становилась и система грантов (стипендий) студентам, расходы государства на которые за 80-е годы выросли в 2,5 раза. К 1990 г. один из шести выпускников средней школы становился студентом (против 1:8 в 1979 г.). Общее число студентов за тот же период возросло с 780 тыс. до 1060 тыс. человек.

В соответствии с общей линией на "дебюрократизацию" политехнические вузы и часть колледжей, находившихся ранее в ведении местных властей, получили, как и университеты, статус независимых. Кстати, уже позднее, ближе к середине 90-х годов многие политехнические институты были преобразованы, а точнее, переименованы в университеты.

Повышалось внимание, уделяемое консерваторами проблеме профессиональной подготовки молодежи, что далеко не в последнюю очередь объяснялось высоким уровнем молодежной безработицы и возрастающими потребностями экономики в квалифицированной рабочей силе. В мае 1990 г. они реформировали эту систему, сделав ее более гибкой и специализированной. Каждый окончивший школу 16–17-летний подросток получил право на переподготовку. Расходы государства на содержание системы составили внушительную сумму в 1 млрд. ф.ст. в год⁵.

Серьезные меры предпринимались и в области профессиональной переподготовки безработных. Только в 1990 г. на эти цели было израсходовано около 1,2 млрд. ф.ст. Общее же количество безработных, которые получили новую или обновили старую специальность, достигло почти 0,5 млн. человек.

В соответствии с обязательствами манифеста правительство продолжало реформировать систему государственного здравоохранения. В опубликованной после выборов белой книге "Работать на пациента" правительство предусмотрело ряд мер, направленных на ее дальнейшую коммерциализацию. Одной из них явилась предоставление гражданам права менять прикрепленного к семье врача и в том числе на врача за пределами своего района (с его согласия). Как и школы (в соответствии с Актом 1988 г.), отныне больницы должны были финансироваться в соответствии со степенью их "наполнения", т.е. в зависимости от числа больных (которые также получали "свободу выбора"). Значительно повышалась степень автономии больниц, особенно по отношению к органам местного самоуправления.

Согласно приводимым консерваторами данным объем государственных расходов на здравоохранение увеличился за 11 лет на 45% (в реальном исчислении) и составил в 1990/91 фин. г. 29,1 млн. ф.ст. Число врачей увеличилось на 14 тыс., а медсестер и акушерок – на 70 тыс. Их заработная плата возросла соответственно на 41 и 54%⁶.

Достаточно впечатляющими выглядели и меры, предпринятые правительством в области социального страхования. В 1988 г. они провели через парламент закон о реформе системы государственного пенсионного

⁵ Ibid. P. 204.

⁶ Ibid. P. 210.

обеспечения и социального вспомоществования. Закон упрощал правила и методику исчисления пенсий и выплат различного рода пособий (инвалидам, многодетным семьям, матерям-одиночкам и т.д.), а также облегчал перевод государственных пенсий на личные счета граждан. Подводя итоги своей деятельности здесь, консерваторы отмечали, что с 1979 по 1990 г. расходы на помощь хроническим больным и инвалидам возросли с 1,8 млн. до 8,3 млн. ф.ст. (очевидно, без поправки на инфляцию). Что касается пенсий (частных и государственных), то их размер в реальном выражении возрос на 31%. При этом доходы от собственных сбережений возросли более чем в 2 раза⁷.

В числе наиболее амбициозных планов и проектов правительства в конце 80-х годов оказались планы дальнейшей коммерциализации государственного управления. В феврале 1988 г. правительство провозгласило широкообластную программу, нацеленную на реформирование в этом духе значительной части подразделений государственной службы. Согласно этой программе чисто исполнительские звенья госаппарата должны были по возможности переводиться на положение независимых агентств, функционирующих на основе контракта и имеющих право распоряжаться выделенными средствами по собственному усмотрению. К весне 1990 г. для этого уже было создано 30 таких агентств, включая "Статистическую службу ее величества", "Центр лицензирования водителей", "Агентство по социальным пособиям" и др.

Как уже было показано выше, целый ряд принятых правительством Тэтчер мер был нацелен если не прямо, то косвенно на ослабление прерогатив местных органов власти. Такого рода линия не только соответствовала доктрине "малого государства" и минимального государственного вмешательства, но и призвана была еще более ослабить главного политического противника тэтчеризма – лейбористов, чьи позиции в местном самоуправлении были особенно прочными. Первый крупный шаг на этом пути был сделан еще в 1986 г., когда в соответствии с обязательствами манифеста 1983 г. правительство провело через парламент решения о роспуске Совета большого Лондона и еще нескольких "суперсоветов", функционировавших в крупнейших городских агломерациях. Большинство этих организаций возглавлялось лейбористами, которые, обладая немалым политическим весом, серьезно затрудняли реализацию неолиберальной стратегии тэтчеризма.

После выборов 1987 г. упор был сделан уже на более широкое и решительное, чем прежде, функциональное ослабление местных органов власти, изъятие из сферы их полномочий и ведения ряда важнейших сфер социально-экономической жизни или же резкое снижение их роли в данных сферах. Однако при всей серьезности этих мер их последствия для местного самоуправления оказывались не столь уж серьезными, и главная причина заключалась в том, что правительство было лишено реальных возможностей сколько-нибудь существенно повлиять на главный источник силы и влияния местных органов власти – их бюджеты. Предпринимавшиеся им довольно жесткие меры по установлению верхних лимитов

⁷ Ibid. P. 212.

расходов и их ограничению имели, как правило, весьма слабый эффект, ибо основным источником бюджетных поступлений являлся местный налог, величина которого фактически произвольно определялась муниципалитетами. Особенностью этого налога было то, что он исчислялся в зависимости от стоимости недвижимости, находившейся в собственности гражданина и фирмы, т.е. фактически он был налогом на богатство. Подобного рода дискриминация собственников и собственности, естественно, шла вразрез со всей философией неоконсерватизма, исходившей из того, что всем заработанным или приобретенным должен по возможности распоряжаться сам владелец.

Основанная на таком подходе аргументация обретала особую силу в тех нередких случаях, когда владельцем собственности оказывались лица со сравнительно небольшими доходами – пенсионеры, лица со средней и тем более низкой заработной платой, не говоря уже о безработных. Тяжелым бременем лежал этот налог и на массовых "мелкобуржуазных" слоях, чьи доходы, как правило, были довольно ограниченными. Часто из-за этого налога они были не в состоянии расширять, а иногда и даже поддерживать свое дело.

Признав слабую эффективность предпринимавшихся ранее мер по ограничению налогов, авторы манифеста 1987 г. писали: "Теперь мы займемся самими корнями проблемы. Мы реформировали финансы местного управления с тем, чтобы укрепить демократию и ответственность. Мы проведем законодательство, которое упразднит существующую систему местного налогообложения и заменит ее на более справедливый коммунальный налог"⁸.

Несмотря на ожесточенное сопротивление лейбористов, социал-демократов и либералов, консервативное большинство в 1987–1988 гг. одобрило внесенные правительством законопроекты. С апреля 1989 г. они начали действовать в Шотландии, а с апреля 1990 г. – в Англии и Уэльсе.

Таким образом, решающий шаг был сделан, и Тэтчер и тэтчеристы поспешили зачислить эти меры в ряд своих наиболее выдающихся успехов. Однако случилось обратное, и "коммунальный налог" не только не принес новых лавров его инициаторам, но и стал, как мы увидим ниже, одним из главных факторов, вызвавших кризис тэтчеризма.

2. Тэтчеризм в обороне

В мае 1989 г. торжественно отмечался 10-летний юбилей пребывания Маргарет Тэтчер у власти. Был поставлен рекорд непрерывного правления, которого в течение полутора столетий не удавалось достичь ни одному премьер-министру. Да и с точки зрения результатов тэтчеристское десятилетие, как было показано выше, выглядело достаточно впечатляющим. Неудивительно, что отставка М. Тэтчер всего полтора года спустя явилась для многих полнейшей неожиданностью. Однако еще в преддверии юбилея целый ряд наблюдателей не без основания отмечали, что тэтчеризм переживает серьезные трудности и что политическая ситуация

⁸ The Next Move Forward... P. 62–63.

в Великобритании становится все менее благоприятной и для самой М. Тэтчер, и для консерваторов вообще. И действительно, в стране возрасла социальная и географическая поляризация, еще выше подскочила преступность, все отчетливее стали выявляться признаки нарастающих экономических затруднений. К тому же и отдача реформаторских усилий правительства оказывалась куда менее заметной, нежели это было прежде. Больше того, все чаще она становилась явно контрпродуктивной. Приватизация основных национализированных отраслей была закончена еще до выборов 1987 г., оставались лишь энергетика, водоснабжение и некоторые другие общественные службы, передача которых в частные руки не встречала столь широкой общественной поддержки, каковая наблюдалась в прежние годы. Да и экономический эффект от такого рода "остаточной" денационализации был уже не столь внушительным. Что же до реформирования трудовых отношений и отношений собственности, то здесь произошли хотя и весьма существенные, но все же больше чисто количественные изменения. В то же время накопившиеся за предшествующие годы социальные проблемы, среди которых особенно выделялись проблемы пришедших в упадок городских районов и отставание регионов с преобладанием старых отраслей экономики, требовали осуществления мер, не ложившихся в русло неоконсервативной философии минимального государственного вмешательства.

Правда, учитывая остроту проблемы, после выборов правительство расширило программу "возрождения внутренних городов", начатую раньше. Для этого оно почти сразу после выборов создало в дополнение к ранее существующим четыре новые корпорации городского развития. Результаты деятельности указанных корпораций были весьма впечатляющими, причем две из них, за сравнительно короткий период возродившие районы Лондонских доков и ставших опасными для здоровья горожан территорий Ливерпуля, накопили ценнейший опыт, распространенный затем и на другие проекты. Давали свою отдачу и мероприятия, осуществлявшиеся по линии "предпринимательских зон". Однако, в какой-то степени сняв остроту проблемы и вернув к новой жизни ряд запущенных районов, корпорации и "зоны" не решились, да и не могли решить главного, а именно ликвидировать или даже сколько-нибудь существенно смягчить остроту социальных контрастов внутри самих жилых кварталов и между ними.

Единственная действительно крупная мера, призванная придать "демократии собственников" новое качество, была связана с описанной выше реформой системы местного налогообложения и распределением его бремени на всех дееспособных граждан, независимо от доходов и находящегося в их распоряжении имущества. Однако негативные социальные последствия этой меры были столь очевидны, что еще до принятия нового закона она вызвала решительные протесты не только со стороны сторонников лейбористов и либералов, о чем уже упоминалось, но и в рядах самих консерваторов. Попытки смягчить неблагоприятную реакцию населения введением компенсации для наименее защищенных слоев населения, может быть, и предотвратили худшее, но восстановить утраченное доверие уже не смогли. Согласно приводившимся в печати данным, значительная часть населения либо полностью, либо частично стала бойкотиро-

вать уплату "подушного налога". Как сообщал еженедельник "Обсервер", в начале декабря 1990 г. сумма поступлений от этого налога составляла лишь примерно половину расчетной (53% в сельской и 51% в городской местности). В Лондоне же удавалось собрать лишь 42%. Около 3 млн. человек могло быть привлечено к ответственности за неуплату налога⁹.

Одновременно сообщалось, что попытки ввести некоторые льготы при взимании налога мало что меняли с точки зрения облегчения бремени и в то же время очень дорого обходились центральной казне. Средняя сумма налога с одного совершеннолетнего составляла около 400 ф.ст. в год, и ее снижение всего на 29 ф., предлагавшееся министерством окружающей среды, стоило бы государству около 1 млрд. ф.ст.¹⁰

"Подушный налог" оказался столь непопулярной мерой, что она вызвала буквально взрыв недовольства правительством. Однако вряд ли этот взрыв оказался бы столь мощным и возымел столь роковые для Тэтчер последствия, если бы ко времени его введения уже не назрела почва для такого недовольства. Еще до выборов 1987 г. стали вновь набирать силу инфляционные процессы, причем если в 1987–1988 гг. уровень роста цен лишь ненамного превышал аналогичный уровень в странах "большой семерки" и не превышал 4–5%, то в 1989 г. и особенно 1990 г. он стал увеличиваться настолько быстро, что превысил 10%-ную отметку. Тем самым одно из главных достижений, которым гордилась Тэтчер и ее сподвижники, оказалось утраченным. И какими бы временными обстоятельствами ни объясняло правительство причины столь неблагоприятного положения дел, серьезно задевавшего интересы потребителя, его негативная реакция на такое положение от этого практически не менялась.

Столь же серьезное недовольство вызывали у населения и высокие процентные ставки, с помощью которых правительство пыталось предотвратить дальнейший рост инфляции. Особенно серьезно ударяли эти ставки по тем многочисленным категориям граждан, и прежде всего молодым семьям, которые выплачивали проценты по закладным, составившим в этот период 14–15%. Возросло число семей, которые вынуждены были оставлять жилье и становиться бездомными. Это в свою очередь обостряло жилищную проблему. Если в 1979 г. число официально зарегистрированных бездомных семей составляло 57 тыс., то к началу 80-х годов оно уже удвоилось и составило около 110 тыс. Из них 13% оказывались без пристанища из-за неспособности выплачивать проценты по закладным. Согласно оценке благотворительной организации "Шелтер", в конце 80-х годов в стране насчитывалось около 150 тыс. одиноких молодых людей, в том числе только в центральном Лондоне от 25 до 40 тыс., которые спали где придется¹¹. В то же время жилищное строительство постоянно сокращалось, особенно из-за резкого ограничения ассигнований на муниципальное домостроение. Очередь имеющих право на получение муниципального жилья возросла к 1987 г. почти вдвое и составила 1289 тыс. человек¹².

⁹ Observer. 1990. Dec. 2. P. 1.

¹⁰ Ibid.; Economist. 1990. Dec. 1. P. 40.

¹¹ ABC of Thatcherism. L., 1989. P. 23.

¹² Ibid.

Все более серьезное недовольство населения стало вызывать к концу 80-х годов состояние таких важнейших общественных служб, как образование и здравоохранение.

Вынужденное отступить от принятой вначале жесткой ориентации на минимальное социальное государство и на приватизацию социальных услуг, правительство тем не менее весьма неохотно шло на увеличение государственных средств на эти цели. И хотя текущие расходы все равно увеличивались, качество служб оставалось желать лучшего. Вложения же в инфраструктуру образования и науки с начала 80-х годов сократились примерно на 10%¹³. Нехватка учителей, особенно в "непрестижных" районах¹⁴, плохое состояние многих школьных зданий и оборудования, невысокая профессиональная подготовка молодежи стали всерьез беспокоить не только родителей, но и самую широкую общественность.

В области здравоохранения главной проблемой стала растущая очередь в больницы и на операции, в том числе и на неотложные. Общее число ожидающих госпитализации составило в конце 80-х годов свыше 800 тыс. человек¹⁵.

Разумеется, в первую очередь все эти проблемы ударяли по интересам малоимущих семей, находящихся на уровне или ниже официальной черты бедности. Их число возросло с 1979 г. к концу 80-х годов на 55% и составило 17% всего населения (9,4 млн. человек, из них 1,25 млн. детей)¹⁶. Этот беспрецедентный в послевоенный период рост бедности, и даже то, что это увеличение происходило на фоне продолжающегося роста уровня жизни и реальных заработков (выросших в среднем за "тэтчеристское десятилетие" примерно на треть)¹⁷, вызывал чем дальше, тем все более явное недовольство даже среди тех, кто на протяжении большей части 80-х годов поддерживал Тэтчер. Удовлетворенность личным благополучием совмещалась, а где-то и "перебивалась" неудовлетворенностью общим положением дел в стране, тем упорством, с которым правительство и его глава продолжали держаться за взятый с конца 70-х годов неолиберальный курс. Если к этому добавить начавшийся в 1990 г. экономический спад, рост безработицы, отсутствие весомых признаков возрождения "деиндустриализированных" регионов средней и северной Англии, Уэльса и Шотландии, особенно на фоне процветающего юга и юго-востока, то смена общественных настроений, происшедшая к концу 80-х годов в стране, станет более чем понятной.

Уже где-то с весны 1989 г. лейбористы по уровню популярности уверенно вырвались вперед. К лету 1990 г. этот разрыв достиг 10–15% и вплоть до ноября, т.е. до отставки Тэтчер, сохранялся на этом небывало высоком уровне¹⁸.

Убедительным подтверждением утраты партией доверия среди растущей части избирателей явились серьезные провалы на нескольких допол-

¹³ ABC of Thatcherism. P. 22.

¹⁴ Social Trends. L., 1989. P. 51.

¹⁵ Ibid. P. 129.

¹⁶ ABC of Thatcherism. P. 16.

¹⁷ Eleven Years's Work. L., 1989. P. 187.

¹⁸ New Statesman and Society. 1990. June 15. P. 14; Economist. 1990. Nov. 10. P. 25.

нительных выборах в 1989–1990 годах в парламент, а также неудачи на выборах в органы местного управления.

Одновременно с падением популярности партии стала снижаться, причем еще более резко, и популярность ее лидера, опустившаяся весной 1990 г. до самой низкой отметки, когда-либо фиксировавшейся опросами общественного мнения.

Далеко не последнюю роль в столь резком падении престижа Тэтчер сыграли и некоторые шаги самого премьера. Нежелание прислушаться к предостерегающим голосам в кабинете, парламенте и общественному мнению проявилось не только в случае с "подушным налогом", но и в вопросах социально-экономической и особенно европейской политики (о чем подробнее ниже). Ее "решительный" стиль входил во все большее противоречие с реальными потребностями социально-экономического развития страны.

Одним из факторов, способствовавших ослаблению, а затем и подрыву политической гегемонии партии, явилось усиление внутренних разногласий в ее высшем руководящем звене.

Своего рода прелюдией к серии этих скандалов явилась произошедшая еще в 1986 г. отставка министра обороны М. Хезелтайна. Поводом для конфликта послужило нежелание премьер-министра и солидарного с ней министра промышленности согласиться на европейский вариант слияния находившейся на грани банкротства вертолетной компании "Вестланд" с итальянской фирмой и их решение отдать предпочтение американскому варианту соглашения. Однако, как выяснилось позднее, наряду с принципиальными расхождениями по отношению к Европейскому сообществу, в основе конфликта лежало также неприятие Хезелтайном авторитарного стиля руководства М. Тэтчер, ее жесткой социальной политики. В результате конфликта после отставки Хезелтайна вынужден был уйти в отставку и Л. Бриттен, назначенный затем Тэтчер членом Комиссии ЕС.

Отметим, что если конфликт с Хезелтайном выглядел по крайней мере тогда лишь как неприятный эпизод, то наделавшая немало шума отставка министра финансов Н. Лоусона в ноябре 1989 г. явилась началом целой серии больших и малых конфликтов в партийных и правительственных верхах.

Трудности, с которыми столкнулись тори, создавали особенно благоприятную обстановку для "обновленческих" действий лейбористов.

Новым серьезным моментом в расстановке политических сил после выборов 1987 г. стало также "возвращение к двухпартийности", явившееся следствием серьезного кризиса политического центра. Вторая подряд неудача на выборах привела к распаду Альянса, а затем к расколу и фактической самоликвидации СДП. Ее "остатки" слились с либеральной партией, которая стала именоваться партией либеральных демократов. И хотя влияние обновленной партии оказалось несколько выше, чем влияние "старой" либеральной партии в 50–60-х годах, с претензией на роль, аналогичную роли двух главных партий, было практически покончено. В результате практически был сведен на нет один из важнейших факторов, обусловивших успех М. Тэтчер на выборах 1983 и 1987 гг., а именно глубокий раскол оппозиции. Это, естественно, делало гораздо

менее предсказуемыми результаты следующих парламентских выборов и не могло не стимулировать обострения политического соперничества между главными партиями.

Продолжавшееся более полутора лет отставание консерваторов от лейбористов по уровню популярности, достигшее особенно опасной черты после введения подушного налога весной 1990 г., начало вызывать все большую тревогу в торийском истеблишменте и особенно среди парламентариев, часть которых еще в 1989 г. стала склоняться к мысли о необходимости замены Тэтчер на посту лидера. Наиболее решительно были настроены те из них, кто был избран со сравнительно небольшим перевесом голосов и кому угрожала вполне реальная опасность оказаться на следующих выборах за бортом Палаты общин. При сохранении существующего разрыва число таких парламентариев составило бы более 100 человек.

Однако главными мотивами недовольства были все же не эти "корыстные" соображения, а убеждение в том, что партии пора если не сменить, то по крайней мере модифицировать проводимый ею курс, отказаться от политики, усиливающей социальную поляризацию и вызывающей растущее раздражение населения. Социально-экономическая и политическая стратегия тэтчеризма вступила в полосу кризиса, и нежелание Тэтчер прислушаться к критике, упорное ее стремление держаться усвоенных во второй половине 70-х – начале 80-х годов идей и подходов способствовали тому, что назревавшие подспудно разногласия готовы были при первой же возможности вырваться наружу.

3. Обострение разногласий в консервативной партии и отставка Маргарет Тэтчер

Несмотря на бытующую иногда точку зрения о том, что отставка Тэтчер являлась лишь следствием случайного стечения обстоятельств, что, к примеру, не будь рокового для нее совпадения момента выборов нового лидера и Парижского совещания глав правительств по проблемам европейской безопасности, она осталась бы лидером партии и премьер-министром, есть все основания считать эту отставку кульминационным пунктом уже давно назревшего кризиса тэтчеризма и резкого обострения внутренних разногласий в партии тори.

В свете упоминавшихся выше данных о падении популярности партии и ее лидера становилось очевидным, что консерваторы стоят перед перспективой серьезного поражения на предстоящих выборах и что, если не будут предприняты меры, способные повысить ее престиж, к власти придут либо лейбористы, либо коалиция лейбористов и либеральных демократов. Естественно, что подобная перспектива не устраивала ни Тэтчер и ее сторонников, ни тех тори, кто не был согласен с ее курсом.

Что касается самой Тэтчер, то она считала упадок популярности партии сугубо временным, конъюнктурным явлением, обычным для победившей партии в середине срока пребывания ее у власти. Расчет делался на то, что к моменту новых выборов правительство сможет восстановить доверие избирателя рядом популярных мер социально-экономического

характера, и в частности снизит уровень инфляции, стимулирует экономическую активность. Тэтчер по-прежнему считала, что последовательность в проведении намеченного курса, верность принципам неолиберальной экономической политики и сильной, суверенной Британии являются ее наиболее ценными избирателями качествами и что в момент, когда им нужно будет уже не просто высказывать свое мнение, но решать, кому же доверить рычаги управления страной, именно эти качества и перевесят чашу весов.

Оптимизм М. Тэтчер и ее ближайших сторонников, однако, находил с течением времени все меньший отклик в партии.

Растущее число консервативных членов парламента, включая министров, стали склоняться к мнению, что главной причиной снижения популярности партии как раз и является упорное нежелание премьер-министра модифицировать намеченный еще в 70-х годах курс, проявить гибкость, учесть прошлые ошибки и просчеты.

Естественно, что все лишь усиливало антитэтчеровские настроения, создавало условия для "бунта" против нее.

Обострение разногласий между премьером и ее оппонентами в парламенте и в кабинете шло по многим линиям. Однако в центре их почти неизменно оказывалась политика правительства в отношении Европейского сообщества. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что Тэтчер была особенно чувствительна к угрозе утраты суверенитета Британии в связи с углублением европейской интеграции, и никакие рациональные доводы не могли убедить ее в том, что в интересах самой же Британии (как и Сообщества в целом) пойти на определенные уступки. Сыграло, очевидно, свою роль и то обстоятельство, что именно по вопросам отношений с ЕС ей пришлось вступить в противоборство с наиболее сильными министрами. Наконец, любое выступление на "большую" внутреннюю тему наверняка спровоцировало бы острую дискуссию в партии и, возможно, даже глубокий раскол в ее рядах, чего не мог себе позволить ни один дорожающий своей репутацией в партии политик.

Но как бы то ни было, все без исключения случаи открытого неповиновения политике Тэтчер во второй половине 80-х годов (а вплоть до 1986 г. таких случаев вообще не было) происходили именно по вопросам "европейской" политики. Разумеется, и здесь Тэтчер не могла не проявлять определенной гибкости и прагматизма. Будучи твердой сторонницей голлистской концепции "Европы отечеств", она готова была идти достаточно далеко по пути либерализации экономических отношений и снятия барьеров, препятствующих функционированию ЕС как единого экономического пространства. Но она решительным образом противилась любым мерам, нацеленным на создание общей для Сообщества валютно-финансовой системы, принятие "социальной хартии" и усиление роли политических институтов ЕС. Помимо опасений, что все эти меры подрвут суверенитет Британии и сделают "евробюрократов" истинными хозяевами на всей территории Сообщества, Тэтчер считала также, что создание европейского "супергосударства" почти наверняка сведет на нет все то, за что она боролась все эти годы, и вновь поставит страну на "социал-демократический" путь. Недаром она назвала "Социальную хартию" Сообще-

ства "социалистической хартией" и отчаянно сопротивлялась проектам регионального развития и другим мерам регулирования экономики на национальном уровне, квалифицируя их как попытки протащить изгнанный ею социал-реформизм через заднюю дверь.

Наиболее решительным оппонентом Тэтчер в этом вопросе (но и не только в нем) с самого начала выступал бывший министр ее кабинета Майкл Хезелтайн, подавший, как уже упоминалось, в 1986 г. в отставку в знак протеста против отказа Тэтчер согласиться с предлагавшимся им "европейским" вариантом решения о будущем одной из производящих вооружение компаний страны. Как и многие другие политики и представители делового мира, Хезелтайн считал, что будущее Британии неразрывно связано с Европейским сообществом, вне или на обочине которого она обречена на изоляцию и отставание. В отличие от Тэтчер его не пугала вероятность усиления роли "евробюрократов" и "надгосударственного" регулирования, поскольку он считал такое вмешательство в рыночные отношения в определенных пределах не только не опасным, но и целесообразным. В этой связи уместно упомянуть и о том, что именно Хезелтайн в бытность министром окружающей среды в первом правительстве Тэтчер явился руководителем проектов по созданию корпораций городского развития, деятельность которых оценивалась позитивно даже многими противниками консерваторов.

В опубликованной в 1987 г. книге "Там, где есть воля"¹⁹, Хезелтайн не только поведал о своей деятельности на постах министра окружающей среды и обороны, но и изложил достаточно цельную программу изменений, которые он считал необходимым внести в социально-экономический курс правительства. В книге обосновывалась необходимость осуществления целеустремленной "промышленной стратегии", стержнем которой являлось внедрение с помощью государства новейших достижений научно-технической революции и повышение уровня квалификации рабочей силы. В качестве одной из важнейших задач этой стратегии, равно как и всей социально-экономической политики, Хезелтайн считал преодоление упадка некогда процветавших индустриальных районов северной и центральной Британии, а также принятие более кардинальных мер по решению проблем "внутренних городских территорий".

Хотя в книге не содержалось прямой критики в адрес М. Тэтчер, это был открытый вызов ее политике, своего рода альтернатива тэтчеристской версии неоконсерватизма, абсолютизовавшей рынок и свободное предпринимательство. Серьезность этого вызова обуславливалась не только тем, что Хезелтайн был одним из наиболее влиятельных министров правительства и, в отличие от ряда других не согласных с его главой и уволенных ею в отставку министров, сам не пожелал сотрудничать с ней. Главное заключалось в том, что альтернатива Хезелтайна, не в пример тому, что предлагали противники Тэтчер до него, была нацелена не на возвращение вспять, к консерватизму 40–60-х годов, но на осуществление той же неоконсервативной политики, но не в тэтчеристском, а в "посттэтчеристском" варианте. Главной заботой Хезелтайна, как и Тэт-

¹⁹ *Heseltine M. Where There's a Will. L., 1987.*

чер, была эффективная, конкурентоспособная, процветающая Британия. Однако если Тэтчер рассчитывала достичь этого путем "раскрепощения" рыночных сил, полагая, что этого достаточно, то Хезелтайн не без основания считал, что раскрепощенный рынок сам по себе не может решить многих экономических и социальных проблем и потому нуждается в гораздо более целенаправленном и далеко идущем вмешательстве. Предлагавшиеся им реформы в области образования, подготовки и переподготовки кадров, здравоохранения, в инвестиционной и региональной политике были призваны в первую очередь обеспечить более высокую экономическую эффективность и уже потом – и на этой основе – большую социальную справедливость.

"Неостейтизм" Хезелтайна, как квалифицировал его концепцию известный британский социолог леворадикального направления Б. Джессоп²⁰, нашел свое выражение и в его предложениях принять на вооружение западногерманский и японский варианты неоконсерватизма, в которых, как писал он, государство играет более активную роль, а не выступает как "сторонний наблюдатель или, в лучшем случае, судья" и где существует партнерство между правительством и миром промышленности²¹.

Хотя Тэтчер довольно легко пережила эпизод с отставкой Хезелтайна, почти не отразившейся на результатах выборов 1987 г., эпизод этот отнюдь не стал, как это было в случаях с другими ее оппонентами, лишь достоянием истории. В отличие от Ф. Пима и некоторых других уволенных в отставку министров, безуспешно пытавшихся сколотить нечто вроде антитэтчеровского блока, Хезелтайн не пошел по этому пути. Во всяком случае, никаких попыток создать группу или объединение своих сторонников он не предпринимал. Не скрывая своих далеко идущих амбиций, он в то же время постоянно заявлял, что выставит свою кандидатуру на пост лидера партии лишь в случае, если Тэтчер сама подаст в отставку. Иначе говоря, его расчет был не на сколачивание организованной оппозиции или "заговора", но на "стихийный" рост антитэтчеровских настроений на всех ступенях партийной иерархии. Подобная тактика позволила ему апеллировать к самому широкому спектру консерваторов и одновременно избегать обвинений в провоцировании раскола. Как показали дальнейшие события, Хезелтайну не удалось до конца выдержать такую линию поведения. Тем не менее он достаточно долго не поддавался искушению бросить открытый вызов М. Тэтчер, причем это не только не снижало его шансов, но, напротив, чем дальше, тем больше поднимало их. И в глазах оппонентов, и в глазах сторонников Тэтчер Хезелтайн довольно быстро превратился в главного ее политического соперника, и, по общему мнению, нужно было только время, чтобы наступила развязка.

Естественно, что любой промах Тэтчер, любая неудача партии на местных или дополнительных парламентских выборах тут же добавляли новый политический вес Хезелтайну, усиливали интерес к его личности. В 1990 г. он опубликовал свою новую книгу, посвященную уже исключительно проблеме Европы и Европейского сообщества и озаглавленную

²⁰ См.: *New Left Review*. 1990. Jan.-Febr. P. 102.

²¹ *Heseltine M. Were There's a Will*. P. 24.

"Европейский вызов: может ли Британия выиграть?"²². В этой книге Хезелтайн недвусмысленно высказался за шаги, направленные на превращение ЕС не только в широкий экономический, но и политический союз. Иначе говоря, там, где Тэтчер видела опасность, Хезелтайн усматривал новые возможности.

С легкой руки Хезелтайна разногласия в партии консерваторов по вопросам "Европы" начали принимать особо острый характер и перерастать в лишь слегка замаскированную политическую борьбу. Это, в частности, подтвердили три скандальные отставки членов кабинета, которые произошли в течение последнего года пребывания Тэтчер у власти. Первый из этих скандалов, о котором уже упоминалось, был связан с отставкой осенью 1989 г. министра финансов Лоусона.

Поводом для отставки явилось опубликование в печати статьи экономического советника М. Тэтчер А. Уолтерса, в которой тот критиковал политику канцлера казначейства и выражал общую с премьер-министром точку зрения на спорные вопросы финансовой политики, связанные главным образом с отношением к ЕС. Как и Хезелтайн, Лоусон резко критически высказался по поводу стиля руководства М. Тэтчер, который он в своих мемуарах характеризует как "квазипрезидентский"²³.

В этих же воспоминаниях он признался, что как министр финансов он был противником введения "подушного" налога и предупреждал против неизбежных его последствий, которые характеризовал как "ужасные"²⁴.

Широкий общественный резонанс, который получила отставка Лоусона, был явно не на пользу Тэтчер, и ее рейтинг среди избирателей, и без того к тому времени невысокий, еще более снизился.

Неудивительно, что именно в этот период в консервативных кругах, и в том числе достаточно влиятельных, стала муссироваться идея о необходимости смены лидера, как якобы исчерпавшего свои возможности позитивно влиять на социально-экономические и политические процессы в стране и лишь затруднявшего решение назревших проблем партийной и государственной политики. Нашлись люди, попытавшиеся если не реализовать эту идею (что было явно нереально), то хотя бы бросить пробный шар с тем, чтобы, во-первых, продемонстрировать нелояльность к лидеру, нанести удар по его престижу и, во-вторых, выявить степень недовольства им. Миссию "темной лошадки", неожиданно заявившей о готовности принять участие в этой политической игре, взял на себя один из мало чем примечательных заднескамеечников сэр Антони Мейер, и на состоявшихся 5 декабря 1989 г. выборах Тэтчер вынуждена была впервые за почти 15 лет своего лидерства отстаивать право на это. Несмотря на то что шансы ее соперника были равны нулю и в этом плане выборы были чистой формальностью, и сам факт открытой оппозиции, и то, что группа парламентариев, поддерживавших ее соперника или воздержавшихся от голосования, оказалась не столь уж мизерной и составила 60 человек, продемонстрировала явное ослабление позиции премьера.

²² *Heseltine M. The Challenge of Europe: Can Britain Win? L., 1990.*

²³ *Lowson N. The View From N 11. Memoirs of a Tory Radical. L., 1994. P. 561.*

²⁴ *Ibid. P. 562, 607.*

Введение весной 1990 г. коммунального налога не просто нанесло удар по престижу правительства самой Тэтчер, но и создало ситуацию, которую можно с полным основанием квалифицировать как кризис тэтчеризма, как рубеж, обозначивший конец его идейно-политической гегемонии. С этого момента тэтчеризм как политическое течение и как проект общественной реконструкции утрачивает свой наступательный порыв и переходит к обороне. Критика тэтчеризма становится все острее и нетерпимее, и даже консервативные издания начинают всерьез обсуждать вопрос о замене лидера.

На этой критической волне Тэтчер приходится расстаться еще с одним министром кабинета, причем на этот раз уже со своим ближайшим единомышленником. Знаменательно, что снова, уже третий раз подряд камнем преткновения становится все тот же "европейский вопрос". Поводом для отставки министра торговли и промышленности Николаса Ридли послужило его интервью, опубликованное в начале июля 1990 г. в газете "Спектейтор" по горячим следам совещания, проведенного у М. Тэтчер по проблемам предстоявшего объединения Германии и ее места в ЕС. Судя по этому интервью и по некоторым сведениям о самом совещании, появившихся в прессе, и премьер-министр, и ее единомышленники были крайне встревожены развитием событий в Центральной Европе и не стеснялись в выражениях, высказывая свое отношение к ним. Ридли осудил планы единой финансовой политики ЕС, назвав ее "германским рэккетом, нацеленным на захват всей Европы". Германия, утверждал он, скоро попытается диктовать Британии, как ей проводить ее собственную финансовую и налоговую политику. При том что Франция "ведет себя как пудель", заключал он, необходимо, чтобы Британия снова взяла на себя роль уравнивающей силы в Европе. Если Британия пойдет по пути отказа от суверенитета в пользу "17-ти никем не избранных отставных политиков"²⁵, то "откровенно говоря, – утверждал он, – это было бы то же самое, что отдать этот суверенитет Гитлеру"²⁶.

Интервью сыграло роль детонатора, спровоцировавшего взрыв дискуссий по поднятым в нем вопросам. Однако вместо поддержки позиции министра и подъема национально-патриотических настроений (на что оно, скорее всего, и было рассчитано) его эффект оказался прямо противоположным. Реакция почти всех без исключения средств массовой информации, равно как и широкой публики, была явно не в пользу автора интервью, позиция которого была воспринята как одиозная, основанная на восприятии вчерашнего или даже позавчерашнего дня и способная лишь повредить интересам Британии и в Европе, и в мире. В парламентских кругах, и в том числе в самой парламентской фракции консерваторов, был поднят вопрос об отставке Ридли. Все попытки Тэтчер спустить это дело "на тормозах" потерпели неудачу. Поскольку в случае обсуждения этого вопроса в парламенте существовала реальная угроза раскола консерваторов, Тэтчер сочла за благо не испытывать судьбу и принять отставку министра.

²⁵ Имелись в виду члены Комиссии ЕС, играющей роль исполнительного органа Сообщества, назначаемого нередко из числа отставных министров.

²⁶ Цит. по: Marxism today. 1990. Oct. P. 36.

Поражение, которое потерпели Тэтчер и ее сторонники в связи с "делом Ридли", явно укрепило позиции "европеистов", однако не заставило ее пересмотреть свои взгляды. И хотя под нажимом своих наиболее влиятельных министров Дж. Мейджора и Д. Херда она согласилась вскоре на подключение Британии к валютной системе ЕС, ее общее отношение к "федеральной Европе" осталось столь же негативным, что и прежде. Было очевидно, что борьба отнюдь не закончена, более того, по мере приближения новой сессии парламента и соответственно возможного нового вызова лидеру практически ни у кого не было сомнений относительно того, что на этот раз предстоит уже не пристрелка, а настоящая борьба. Сомнения вызывал только вопрос, будет ли это Хезелтайн или же кто-то другой, тем более что Хезелтайн продолжал утверждать, что выставит свою кандидатуру лишь в случае, если место лидера станет вакантным, т.е. если Тэтчер сама подаст в отставку.

Обстановка обострявшейся внутрипартийной борьбы отчетливо проявилась на состоявшейся в начале октября 1990 г. ежегодной конференции партии. Прошедшая по заранее отработанному сценарию, она в то же время содержала и новый элемент. В ходе неофициального выступления М. Хезелтайна в переполненном "боковом" зале ему был оказан столь благожелательный прием, что это выступление стало, по крайней мере в освещении многих средств массовой информации, едва ли не главным событием конференции.

Наиболее драматические события, однако, разыгрались в конце октября – начале ноября, и связаны они оказались с последней и ставшей роковой для Тэтчер отставки члена ее кабинета – сэра Джеффри Хау. Непосредственным поводом для отставки послужила опять-таки оппозиция Тэтчер мерам по дальнейшему укреплению наднациональных начал в ЕС. На состоявшемся в октябре совещании глав Сообщества она отказалась согласиться на введение в ближайшем будущем единой валюты ЕС и осталась в одиночестве. Ее отчет в Палате общин, где она со свойственной ей категоричностью обосновывала свои возражения против "федерации" ЕС, равно как и занятая ею позиция на самом совещении, вызвал резкое недовольство "европеистов", кульминацией которого и стала отставка заместителя премьер-министра и лидера палаты общин Хау.

Некогда один из наиболее лояльных сподвижников Тэтчер, которого многие считают архитектором успешной антиинфляционной политики правительства 1979–1983 гг., Дж. Хау был последним из тех двух десятков министров, которые входили в кабинет, сформированный Тэтчер после победы на выборах 1979 г. Все другие либо были отстранены во время многочисленных реорганизаций, либо, что случалось гораздо реже, ушли сами. Столь длительное пребывание в кабинете тем не менее вовсе не говорило о том, что Хау был лишен твердых принципов и был готов следовать за лидером, невзирая ни на что. Как писал о нем еще в 70-х годах один из первых биографов М. Тэтчер, Хау имел "репутацию сторонника правых взглядов в области экономики, но был склонен к либерализму в социальной сфере"²⁷. Его жена активно участвовала в движении за женское

²⁷ *Cosgrave P. Margaret Thatcher: A Tory and her Party. L., 1978. P. 72.*

равноправие и даже провела однажды ночь в картонном боксе в знак солидарности с бездомными лондонцами²⁸. Как выяснилось уже в годы пребывания Хау на посту министра иностранных дел, не разделял он и всех политических взглядов премьера. Особенно неприемлемой для него была позиция премьера по отношению к Европейскому сообществу, которую он в меру своих сил старался смягчить и скорректировать. Такого рода линия поведения министра чем дальше, тем больше раздражала Тэтчер, и, как писала сразу после его отставки "Санди таймс", "ей доставляло все большее удовольствие публично унижать его"²⁹.

Наиболее серьезным ударом по Хау явилось решение Тэтчер перевести его в 1989 г. с поста министра иностранных дел на должность своего заместителя и лидера Палаты общин. К тому же выяснилось, что несколько позднее, осуществив эту перестановку, Тэтчер одновременно почти перестала приглашать его на наиболее важные совещания и не включила его даже в комитет кабинета, созданный в связи с кризисом в Персидском заливе. Находясь в положении "полубезработного", Хау начал все более демонстративно высказывать свое несогласие с Тэтчер. В июне 1990 г. он выступил с лекцией о месте Британии в мире в Лондонской школе экономики и политических наук, в которой солидаризировался с "проевропейской" позицией Макмиллана и процитировал его высказывание о том, что, если Британия желает играть надлежащую роль в мире, она должна стать органической частью Европейского сообщества. В таком же духе он высказался и на упоминавшейся уже конференции партии в начале октября.

Первая реакция Тэтчер и ее сторонников на заявление Хау об отставке была достаточно спокойной. Осуществив сравнительно небольшие перестановки в кабинете, премьер-министр продолжала вести дела в своей обычной, уверенной манере. Хау же, несмотря на большое число друзей и сторонников среди парламентариев, явно не собирался вести активную кампанию против Тэтчер и тем более выдвигать свою кандидатуру на пост лидера. Тем не менее сразу же после его отставки большинство наблюдателей пришли к выводу, что в ближайшее время Тэтчер придется столкнуться с куда более серьезным вызовом, чем это было в 1989 г. И тот факт, что отставка Хау совпала по времени с началом выдвижения кандидатур на этот пост, естественно, придавал ей особую значимость. Практически тут же стали обсуждаться возможные претенденты, причем, не сговариваясь, все как один органы печати и другие средства массовой информации сосредоточили внимание на личности Хезелтайна как наиболее вероятном сопернике Тэтчер в предстоящей схватке. «И его враги, и его сторонники, – писал "Экономист", – согласны в том, что именно этот человек находится в центре событий»³⁰.

Сразу после отставки Хау Хезелтайн обратился с письмом к руководству партийной организации своего избирательного округа, в котором присоединялся к обвинениям Хау и утверждал, что отставка последнего лишней раз свидетельствует о кризисе доверия в партии. Этот кризис,

²⁸ Sanday Times. 1990. Nov. 4.

²⁹ Ibid. P. 14.

³⁰ Economist. 1990. Nov. 10. P. 36.

заявил он, необходимо как можно быстрее разрешить. Заявляя, что внутри кабинета министров налицо все оттенки мнений об отношении Британии к ЕС, он обвинил Тэтчер в том, что вместо обсуждения этого вопроса и нахождения компромисса она проводит лишь ей угодную политику. "Европа, – писал он, – это минное поле, полное латентных предрассудков и глубоко укорененных эмоций. Но это минное поле нужно пройти, чтобы не остаться позади. В движении вперед, конечно, есть риск, но альтернативой может быть только изоляция и одиночество"³¹. Связывая напрямую "европейский" вопрос с вопросом о единстве партии, Хезелтайн заявлял, что кризис в партии должен быть как можно быстрее разрешен, и давал понять, что препятствием для этого является премьер-министр, и никто другой. Неудивительно, что письмо Хезелтайна было единодушно расценено как серьезный шаг по пути к предстоящей борьбе за власть в партии, своего рода пристрелочный выстрел, призванный выявить степень оппозиции Тэтчер и одновременно дать понять, что в случае необходимости он готов пойти на решающий шаг. Правда, первая реакция на это письмо и со стороны окружной организации, и со стороны прессы была для него скорее разочаровывающей. В своем ответе председатель окружной организации сделал упор на лояльности по отношению к лидеру партии. Не последовало ожидаемой реакции и со стороны более широких партийных и политических кругов.

Однако ситуация мгновенно изменилась после того, как 13 ноября Дж. Хау произнес в Палате общин речь, в которой разъяснял мотивы своей отставки. Вот как описывал происходившее обычно сдержанный еженедельник "Экономист": "Вестминстер не был свидетелем столь драматических событий со времени Суэца. Сэр Джеффри Хау... отбросил свойственные ему манеры и язык и поднял бунт против миссис Маргарет Тэтчер... Вежливо улыбаясь и глядя ей прямо в лицо, он вонзил нож в своего прошлого лидера. Вначале она почти не чувствовала входившего в нее лезвия, улыбаясь его издевкам. Но по мере того как он продолжал, ее лицо превращалось в жалкую маску"³². Обвинив Тэтчер в запугивании собственного народа, в изображении европейского континента как пространства, наполненного злонамеренными людьми, стремящимися якобы "задушить демократию", "разрушить национальную идентичность", Хау заявил, что всем этим она подрывает усилия ее же собственных министров, нацеленные на позитивное участие страны в европейских делах. "Это все равно, – заявил он, – что посылать ваших ведущих игроков в крикет на линию только затем, чтобы в момент, когда им нужно сделать первый удар, они обнаружили, что их биты еще накануне игры сломаны самим капитаном команды". Назвав эту ситуацию "трагедией", он заключил: "Пришло время, чтобы кто-то другой подумал над тем, какой ответ дать на этот трагический конфликт лояльности, с которым я сам, возможно, пытался ужиться слишком долго"³³.

"Убийственная речь"³⁴ Хау вызвала настоящий фурор и в парламенте,

³¹ Sunday Times. 1990. Nov. 4. P. 13.

³² Economist. 1990. Nov. 17. P. 37.

³³ Times. 1990. Nov. 14.

³⁴ Observer. 1990. Nov. 25. P. 11.

и за его пределами, и не только потому, что в ней в нарочито дерзкой и даже неуважительной форме бросались тягчайшие обвинения в адрес премьера и лидера партии. Главной причиной почти беспрецедентного резонанса, который за ней последовал, было то, что она была произнесена на волне резко нараставшей критики Тэтчер и тэтчеризма, в момент, когда партия была подведена всем предшествовавшим развитием событий к необходимости перемен и в ее политике, и в ее руководстве. За видимым затишьем после отставки Хау в партии и особенно ее верхах продолжался процесс размежевания сил и консолидации противников Тэтчер. Как сообщала пресса, уже к моменту выступления Хау в парламенте сторонники Хезелтайна уведомили его, что им удалось заручиться поддержкой более 100 парламентариев³⁵.

Примечательно, что еще за десять дней до речи Хау в парламенте вполне солидная консервативная газета "Санди таймс" назвала Тэтчер "ослабленным" премьер-министром³⁶, выражая одновременно надежду, что в этих условиях ее ведущим министрам Хёрду и Мейджору удастся более успешно преодолевать ее сопротивление назревшим шагам в европейской политике и смягчить стиль ее лидерства. Однако если такая возможность и была, то Тэтчер не воспользовалась или, возможно, не успела ею воспользоваться. Речь Хау, названная Хезелтайном "катализатором", равно как и давление со стороны противников Тэтчер, побудили его уже на следующий день отбросить колебания и заявить о выдвижении своей кандидатуры на пост лидера. Это было явным отступлением от его прежней позиции, но в сложившейся ситуации даже если б он и захотел воздержаться от борьбы, он вряд ли смог бы это сделать. Для его сторонников это было бы, как писал "Экономист", проявлением трусости³⁷, и, зная, как изменчива бывает политическая фортуна, он решил, что настал час действовать. Риск поражения, на который он шел, был явно предпочтительнее риска упустить шанс и подорвать доверие к себе как к претенденту в будущем.

В заявлении о выдвижении своей кандидатуры Хезелтайн заверил парламентариев-тори, что в случае победы он постарается преодолеть раскол партии по отношению к Европейскому сообществу, поддерживая прогресс в области интеграции и в то же время отстаивая право парламента на вето в отношении тех решений ЕС, которые будут вести к неприемлемой утрате суверенитета страны. Он также обещал осуществить "немедленный и функциональный пересмотр законодательства о подушном налоге", заменив его более приемлемой и справедливой системой местного налогообложения. Наконец, он пообещал восстановить "кабинетное правление", т.е. сделать вновь кабинет министров центром обсуждения и принятия важнейших политических решений³⁸.

Сознавая, что самой сложной его задачей является привлечение на свою сторону хотя бы части сторонников премьера, Хезелтайн постарался не выпячивать те положения своей программы, которые были абсолютно

³⁵ Economist. 1990. Nov. 17. P. 37.

³⁶ Sunday Times. 1990. Nov. 4. P. 14.

³⁷ Economist. 1990. Nov. 17. P. 37.

³⁸ Sunday Times. 1990. Nov. 18. P. 13.

неприемлемы для тэтчеристского крыла партии и могли бы углубить раскол. Однако почти сразу же после выдвижения им своей кандидатуры и сама Тэтчер, и ее сторонники постарались "восполнить" то, о чем предпочел умолчать Хезелтайн. Оправившись от шока, вызванного выступлением Хау, они довольно быстро перешли в контрнаступление, обвинив претендента в стремлении возродить этатизацию экономики и корпоративную систему тесных консультаций и сотрудничества правительства с группами по интересам, т.е. прежде всего с ассоциациями бизнеса и профсоюзами. Как первое, так и второе было анафемой для истинных тэтчеристов, каковыми все еще оставалась значительная часть парламентариев-тори. И хотя то, что предлагал Хезелтайн в своих упоминавшихся выше работах менее всего было призывом "назад к Хиту" и его корпоративистской стратегии, противниками Хезелтайна было сделано все для того, чтобы представить его как деятеля, зовущего не вперед, а назад. Не обошлось и без явных перехлестов, которые играли скорее на руку Хезелтайну, поскольку позволяли ему и его сторонникам обвинить своих оппонентов в явной предвзятости и необъективности. Одним из таких "ляпов" было заявление Тэтчер, в котором она назвала его позицию "полусоциалистической" и осудила его как сторонника всего того, что тянуло страну вниз, как человека, считающего, что "у других все лучше", что "за границей трава зеленее". "Такие люди, – утверждала она, – не видят достоинств собственного народа и принижают его достижения... В случае победы Хезелтайн поставит под удар все то, за что я боролась"³⁹. Иначе говоря, Хезелтайн был уже не просто соперником, его пытались представить в образе "врага", что, конечно же, не могло не возмутить не только его сторонников, но и многих умеренных тэтчеристов. Со своей стороны Хезелтайн продолжал вести свою "центристскую" линию и, несмотря на свойственную ему категоричность суждений, не опускался до резкостей и личных нападок на премьера.

Такого рода тактика позволяла ему день за днем наращивать поддержку, чему в немалой степени способствовали результаты проводившихся в эти критические для судеб партии и ее лидеров дни опросов общественного мнения. Согласно этим опросам в случае победы Хезелтайна и отставки Тэтчер популярность партии возросла бы на 10–15% и значительный перевес лейбористов сменился бы перевесом тори⁴⁰. Естественно, что для многих парламентариев, опасавшихся за свои места и за общий исход предстоящих в недалеком будущем выборов, результаты этих зондажей были весьма существенным аргументом против дальнейшего пребывания Тэтчер на посту лидера. Как выяснилось позднее, некоторые из голосовавших за Хезелтайна в первом туре делали это не ради последнего (его победа в этом туре практически исключалась), а для того, чтобы "свалить" Тэтчер и дать возможность вступить в борьбу другим претендентам, и прежде всего Дугласу Хёрду и Джону Мейджору. Оба они сразу после выступления Хезелтайна заявили о своей поддержке Тэтчер и осудили его демарш как несвоевременный и деструктивный.

³⁹ Economist. 1990. Nov. 24. P. 36.

⁴⁰ Sunday Times. 1990. Nov. 18. P. 1.

Однако было очевидно, что, в случае если Тэтчер на каком-то этапе откажется от борьбы, либо оба они, либо кто-то из них обязательно выставит свою кандидатуру.

Результаты состоявшегося 20 ноября первого тура голосования, как и ожидалось многими, не дали определенного результата. Тэтчер набрала 204 голоса (из 372), всего на два голоса меньше, чем ей требовалось для победы. (Согласно утвержденным в 1975 г. правилам, чтобы победить в первом туре, претендент должен набрать не менее половины голосов плюс 15% от числа голосов своего ближайшего соперника. Сделано было это для того, чтобы преимущество лидера было достаточно весомым и чтобы избежать ситуации, чреватой расколом.)

Результат первого тура был сильнейшим ударом по престижу Тэтчер, ибо ее не поддержало 45% фракции. Для Хезелтайна же, получившего 152 голоса (16 парламентариев воздержались), такого рода результат, дававший ему возможность продолжать борьбу и, как казалось многим, достаточно реальные шансы на победу, был явным успехом. В то же время первый тур выборов не только наглядно продемонстрировал глубину раскола партии, но и сам явился катализатором этого раскола. Обнаружился весьма малоутешительный для большинства парламентариев факт, что Тэтчер, и Хезелтайн олицетворяют крайние позиции в партии и вряд ли кто-либо из них способен вывести ее из кризиса.

Можно лишь гадать, какими были бы результаты выборов, если бы Тэтчер в самый критический момент не была бы вынуждена покинуть Лондон, чтобы присутствовать на Совещании глав правительств-участниц Хельсинкского процесса в Париже. Возможно, что ей и удалось бы перетянуть на свою сторону кое-кого из тех 16 парламентариев, которые предпочли воздержаться. Но если б Тэтчер и победила, она стала бы во главе уже другой, расколотой партии, а не той, какой эта партия была даже до начала выборов. И вряд ли у нее были достаточно весомые шансы вновь сплотить ее воедино и привести к победе. Как заявил один парламентарий-тори, даже если б она получила необходимый минимум голосов, она была бы истекающим кровью "подранком"⁴¹.

Видимо, эти обстоятельства и предопределили в те полные драматизма дни и часы поведение тех, от кого в решающей степени зависело дальнейшее развитие событий. Уверенная в своей правоте и в том, что именно ее стратегия более всего отвечает национальным интересам страны, Тэтчер не задумываясь отвергла возможность ухода в отставку. Как свидетельствуют очевидцы, получив в Париже известие о результатах голосования, она даже не пыталась выяснить мнение своих коллег по кабинету и партии. Отобрав микрофон у телекомментатора, ведшего передачу на Лондон из соседнего помещения в посольстве, она заявила: "Я, естественно, рада, что получила поддержку более половины членов парламентской партии, но я разочарована тем, что этого недостаточно для победы в первом туре. И я подтверждаю мое намерение выставить свою кандидатуру на второй тур"⁴².

⁴¹ Observer. 1990. Nov. 25. P. 8.

⁴² Ibid. P. 7.

Столь четкая и недвусмысленная позиция тем не менее не внесла успокоения в ряды парламентариев, большинство из которых оценили ситуацию как моральное поражение Тэтчер. Неудивительно, что на следующее утро Палата общин, по свидетельству наблюдателей, наполнилась "слухами, перешептыванием и интригой". Несмотря на неимоверные усилия тэтчеристской группы "Нет повороту назад" повлиять на колеблющихся и консолидировать всех потенциальных сторонников Тэтчер, ситуация в парламентской фракции становилась для нее все более угрожающей.

Сознавая, что решается ни больше ни меньше как судьба партии и ее будущее, возможно, не только ближайшее, политическое ядро партии решило проявить ту твердость, которую и прежде проявляла ее верхушка, когда наступало время освободиться от лидера, по тем или иным причинам ее более не устраивавшего. Так было в 1922 г. с О. Чемберленом, который был буквально свергнут взбунтовавшимися против его попыток продолжения коалиции с либералами заднескамеечниками. Так было с Невилем Чемберленом в 1940 г., после того как провалилась его мюнхенская политика. Так было, наконец, с Антони Иденом в 1956 г. после краха его суэцкой политики. Да и сама Тэтчер, как известно, пришла к власти в партии не в результате "естественной" смены лидера, а благодаря жесткой, бескомпромиссной борьбе с Эдвардом Хитом, после того как его социально-экономическая стратегия оказалась дискредитированной, а ведомая им партия дважды подряд потерпела поражение на выборах. Правда, на этот раз никакого явного провала в политике премьера и лидера партии не произошло. Однако тот факт, что она не смогла сохранить единство партии, предотвратить кризис доверия к ней и, главное, скорее уменьшала шансы партии на предстоящих вскоре выборах, чем увеличивала их, побуждал ее верхушку проявить тот же самый жестокий реализм, который сталкивал в политическое небытие ряд ее предшественников.

Свидетельством того, что тэтчеризм, по крайней мере в его начальной форме, исчерпал себя, стало и появление в 1989 г. и особенно в 1990 г. ряда книг и статей как в "тонких", так и в "толстых" журналах, авторы которых с большей или меньшей категоричностью пытались подвести итоги правления Тэтчер и отстаивали тезис о том, что пришло или приходит время для "посттэтчеристской" политики⁴³. Как писал, к примеру, профессор А. Гэмбл: "Со своим нынешним лидером, своей нынешней политической идеологией они (консерваторы. – Авт.) начинают выглядеть утратившими чувство времени. В британской политике появились новые моменты, и они не являются более тэтчеристскими... Они утрачивают контроль за политической повесткой дня"⁴⁴.

Судя по сообщениям печати, еще накануне первого тура группа влиятельных деятелей партии решила, что в случае, если Тэтчер наберет менее 200 голосов, они должны потребовать ее отставки и не допустить,

⁴³ См.: *Jessop B. et al. Farewell to Thatcherism? // New Left Review. 1990. Jan.–Febr. N 179; The End of Thatcherism // Marxism Today. 1989. Oct.; New Statesman and Society. 1990. May 18.*

⁴⁴ *Gamble A. Continuity and Change in British Politics // Korea and U.K. Seoul, 1990. P. 63–66.*

чтобы премьер участвовала во втором туре. Как писала "Санди таймс", в группу вошли бывший заместитель Тэтчер на посту премьер-министра лорд Уайтлоу, бывший министр иностранных дел лорд Каррингтон, председатель Комитета 1922 г. К. Онслоу и бывший председатель партии Дж. Янгер⁴⁵.

Сразу же после того, как были объявлены результаты первого тура, стало известно, что свыше 20 парламентариев, отдавших свои голоса Тэтчер, предупредили еще накануне голосования своих парламентских организаторов, что, если она не победит в первом туре, они не будут голосовать за нее во втором. Уже в день голосования поздно вечером в обстановке строжайшей секретности на квартире одного из консерваторов собралась группа влиятельных деятелей партии, в числе которых были пять членов кабинета, главный парламентский организатор Т. Рентон, а также несколько младших министров, выступавших на стороне Тэтчер. Встреча продолжалась несколько часов и закончилась далеко за полночь. Как стало известно позднее, большинство из ее участников пришли к заключению, что Тэтчер не сможет одержать победу во втором туре и что ее карьера подошла к концу⁴⁶.

Правда, вывод о том, что Тэтчер не могла победить во втором туре, отнюдь не бесспорен, и, как утверждают некоторые обозреватели, он играл скорее "служебную" роль. По словам обозревателя воскресной газеты "Обсервер" А. Уоткинса "план заключался в том, чтобы ей (Тэтчер) было несколько раз сказано, что она проиграет... Что они (участники совещания. – *Авт.*) в действительности имели в виду, так это то, что они не хотели ни ее победы, ни победы Хезелтайна"⁴⁷.

Тот же вывод о неизбежности поражения Тэтчер был сделан и на другом, более "низком" уровне – совещании членов правительства, состоявшемся примерно в то же время, что и упоминавшееся выше. При этом, чтобы "остановить Хезелтайна", они предложили выдвинуть кандидатуру министра финансов Джона Мейджора. Одновременно возникло довольно острое соперничество между сторонниками Мейджора и теми, кто хотел добиться избрания другого компромиссного кандидата – министра иностранных дел Дугласа Хёрда. Оба они, однако, отсутствовали в парламенте: Хёрд был вместе с Тэтчер в Париже, а Мейджор приходил в себя дома после зубокарической операции.

Как утверждали журналисты, к моменту возвращения Тэтчер в Лондон главный парламентский организатор партии Рентон и лидер Палаты общин Макгрегор уже знали, что большинство членов кабинета были против того, чтобы Тэтчер продолжала борьбу. 12 из них считали, что она должна уйти в отставку, 7 заявили, что готовы поддержать ее в случае, если она сама захочет продолжать борьбу, и только 2 были настроены на бескомпромиссную борьбу в ее пользу⁴⁸.

Почти сразу после появления Тэтчер в своей резиденции на Даунинг-

⁴⁵ Sunday Times. 1990. Nov. 18. P. 1.

⁴⁶ Observer. 1990. Nov. 25. P. 8.

⁴⁷ Ibid. P. 11.

⁴⁸ Ibid. P. 8.

стрит, 10 в середине дня в среду там собрался, как выразился журнал "Экономист", "военный совет"⁴⁹. Среди присутствовавших был лорд Уайтлоу, главный парламентский организатор Т. Рентон, председатель партии К. Бейкер и председатель Комитета 1922 г. К. Онслоу. Этот последний не смог представить единого мнения руководства комитета, поскольку оно оказалось глубоко расколотым.

Тэтчер упрекнула собравшихся в том, что организация кампании в ее пользу была слабой и что, как она считает, при более хорошей организации она победит во втором туре. Знаменательно, что никто из присутствовавших не осмелился, как утверждал "Обсервер", открыть ей в этот момент "ужасную правду" и не предложил снять ее кандидатуру. Тем не менее некоторые из них выразили свою неуверенность в благоприятном для нее исходе второго тура.

Как малообнадешивающие результаты этого совещания, так и неудача продолжавшихся усилий твердых ее сторонников добиться перелома в настроениях парламентариев⁵⁰, видимо, зародили у нее первые сомнения относительно правильности принятого ею решения. Времени оставалось, что называется, в обрез, и она решает срочно проконсультроваться со всеми членами кабинета. Свою встречу с ними Тэтчер провела, не собрав их вместе (что было чревато, как писали некоторые из газет, выдвиганием требования о снятии ею своей кандидатуры и замены ее компромиссной фигурой)⁵¹, а с глазу на глаз с каждым из министров в отдельности. В ходе этих встреч, проведенных уже вечером в ее кабинете в Вестминстере, она, как выяснилось вскоре, обращалась к ним по очереди с одними и теми же словами, сводившимися к следующему: она выиграла трое выборов подряд, ни разу не потерпела поражения в Палате общин, большинство парламентской партии поддержало ее вчера вечером (т.е. в первом туре), она пользуется огромной популярностью среди партийных активистов по всей стране. И тем не менее ей говорят, что она должна выйти из игры и что Хезелтайн нанесет ей поражение. Что они думают обо всем этом? Как говорил потом один из членов кабинета, он ожидал, что она будет "твердой и холодной, она же выглядела ранимой и подавленной, скорее расстроенной"⁵².

В прессе появились разные версии этих бесед. Одни утверждали, что большинство министров заверяли ее в своей лояльности, другие – будто они говорили ей, что им очень жаль терять ее, но что она должна уйти. Даже наиболее стойкие ее сторонники, согласно этой версии, не скрывали плохих новостей: она не сможет победить и, чтобы позволить кому-то другому нанести поражение Хезелтайну, ей лучше отступить. Тем не менее все обозреватели сошлись на том, что по крайней мере несколько министров действительно сказали ей что-то подобное. Больше того, кто-то из них даже сделал отдаленный намек на свою отставку в случае, если она не выйдет из игры.

⁴⁹ Economist. 1990. Nov. 24. P. 29.

⁵⁰ Согласно некоторым сообщениям, в беседе с Тэтчер Т. Рентон заявил, что как главный парламентский организатор партии он не может гарантировать ей победу.

⁵¹ См.: Observer. 1990. Nov. 25. P. 8.

⁵² Ibid.

После всех этих бесед Тэтчер, видимо, стало ясно то, что, даже если ей и удастся победить, это будет, скорее всего, пиррова победа и она уже будет другим лидером, другой, расколотой партией. В случае же вероятной победы Хезелтайна осуществится то, чего она более всего опасалась.

Хотя почти все средства массовой информации отмечали ту или иную роль, которую сыграл в этот решающий момент муж премьеры Дэнис Тэтчер, которому в свою очередь советовал повлиять на супругу Уайтлоу⁵³, есть все основания полагать, что свой выбор она сделала сама, еще находясь в здании парламента. Главным вопросом для нее после возвращения в Лондон и проведенных со своими коллегами бесед стал уже, судя по всему, не вопрос о том, сможет она победить или нет, а вопрос, что даст ей и ее партии эта победа. Представляется, что именно пришедшее к ней в этот день отчетливое понимание всей ситуации и подвинуло ее на столь нелегкое для нее решение.

В девять вечера Тэтчер вернулась в свою резиденцию на Даунинг-стрит, где целых четыре часа работала над своей речью в парламенте в назначенных на следующий день дебатах по вотуму недоверия правительству, внесенному лейбористской оппозицией в связи со сложившейся ситуацией. Только в 2 часа ночи она закончила свои дела и отправилась спать. На следующий день, как обычно, она проснулась в 6 часов, побеседовала с мужем и уже в 7.30 информировала секретарей о своем решении уйти в отставку. В 9 часов, на час раньше обычного, Тэтчер созвала заседание кабинета, перед которым зачитала заявление о снятии своей кандидатуры. В заявлении, в частности, говорилось: "После обстоятельных консультаций с моими коллегами я пришла к выводу, что задачи укрепления единства партии и достижения победы на всеобщих выборах будут решаться лучше, если я выйду из игры и позволю моим коллегам из кабинета вступить в борьбу за лидерство". Один из старейших членов кабинета лорд Макей сказал, выражая мнение всех присутствовавших: "Ваше место в истории нашей страны уже обеспечено. И для нас, ваших коллег, было большой честью работать под вашим руководством". После этого, как сообщали газеты, состоялся "скорее натянутый общий разговор за чашкой кофе, и на этом все кончилось. Эра Тэтчер подошла к концу"⁵⁴.

Тут же новость была объявлена по радио и телевидению, и уже спустя некоторое время появились первые букеты цветов у решеток, отгораживающих вход на Даунинг-стрит. Однако тут же проявились и другие, прямо противоположные чувства. Группа тех, кто только и ждала поражения Тэтчер, устроила неподалеку импровизированное торжество, откуда-то появилось шампанское, распиваемое под радостные возгласы возбужденной публики. То же самое происходило и во многих других местах.

⁵³ Согласно сообщениям печати лорд Уайтлоу якобы нащептал на ухо Денису Тэтчер что-то вроде следующего: "Взгляните на все это с точки зрения ее собственных интересов. Она сделала чудеса, никто этого не отрицает. Но никто и не хочет, чтобы все это закончилось дурно пахнущей потасовкой" (Ibid. P. 7).

⁵⁴ Ibid. P. 9.

Когда машина премьер-министра выезжала на Уайт-холл, чтобы затем проследовать к Букингемскому дворцу, у ворот собралась толпа людей, часть которых горячо и сочувственно приветствовала ее, а часть, напротив, не стеснялась в выражении своих недружественных чувств. Как утверждают очевидцы, видя все это, Тэтчер не смогла сдержать слез. Во время аудиенции у королевы она сообщила, что как только определится ее преемник, она сложит с себя полномочия премьер-министра.

Тот факт, что решение об отставке М. Тэтчер приняла сама, без явного давления со стороны своих высокопоставленных коллег и заднескамеечников, казалось бы, опровергает тезис о том, что она была "безжалостно свергнута" со своего поста консервативным истеблишментом. И тем не менее тезис этот отнюдь не придуман лишь ради "красного словца" броской до сенсационных заголовков прессы. Всем, кто мало-мальски знаком с манерами поведения англичан, хорошо известно, какое огромное значение, особенно при решении того или иного вопроса в "своем" кругу, имеет для них интонация, полунамек, а нередко и умолчание. Наверное, ни у одной нации диапазон выражения одних и тех же мнений и чувств не является столь широким, как у англичан. Причем степень действенности тона и слов отнюдь не прямо пропорциональна их категоричности. Резкий и даже переходящий границы приличия выпад против политического противника может отскакивать, что называется, как от стенки горох, и в то же время сказанный как бы невзначай полуупрек или недомолвка могут буквально потрясти собеседника, если он почувствует, что за этим стоит нечто такое, что может перевернуть его судьбу. Жесткость и даже жестокость истеблишмента, когда на чаше весов оказываются его общие интересы, проявляются в этой стране обычно без крика и шума, и чаще всего человек уходит из мира большой политики, даже не хлопнув дверью. Скандальные и полускандальные отставки Хезелтайна, Лоусона и Хау – это скорее исключение (за годы правления Тэтчер она отправила в отставку около сотни своих министров). Как известно, не сдерживала себя в этих случаях и Тэтчер, всегда предпочитавшая наступление обороне. Однако положение, в котором она оказалась в те драматические ноябрьские дни 1990 г., требовало и от нее, и от ее ближайших коллег соблюдения особых правил игры и особой осторожности. Окруженные со всех сторон жадной до сенсаций прессой, а также готовой использовать любой промах оппозицией и действуя почти в буквальном смысле этого слова на ярко освещенной сцене перед многомиллионным зрительным залом, они вынуждены были разыгрывать согласие даже там, где его не было. Какие-либо взаимные упреки даже в своем кругу в этих условиях начисто исключались, ибо все участники событий прекрасно отдавали себе отчет, что это тут же обернется против них. Но был и еще один момент, стимулировавший сдержанность, а именно неопределенность ситуации и особенно непредсказуемость поведения самой Тэтчер. Ее сверхкатегоричное заявление в Париже, равно как и особенности ее характера давали все основания полагать, что она может пойти на игру ва-банк и сочтет любого, кто выскажется за ее отставку, предателем.

Сознавая все это, обе стороны и вели себя соответственно. Проявляя

исключительный такт и джентельменскую сдержанность, коллеги Тэтчер тем не менее дали ей понять, как они оценивают ситуацию, и одновременно, что не менее существенно, не выражали энтузиазма по поводу ее намерения продолжать борьбу. Когда же выяснилось, что во втором туре ей либо грозит поражение, либо перспектива стать лидером вконец расколотой партии, даже самые взвешенные и выдержанные в пастельных тонах предостережения возымели тот самый эффект, на который они и были рассчитаны.

Иначе говоря, Тэтчер была "свергнута" не в результате каких-то интриг своего ближайшего окружения, а прежде всего катастрофического для нее размывания той поддержки, которую она имела среди всего консервативного истеблишмента, оплотом которого является парламентская фракция. Оспаривая впоследствии правомерность принятого Тэтчер решения и обвиняя ее ближайших коллег в "заговоре", "предательстве", твердые тэтчеристы оперировали, казалось бы, весьма убедительными цифрами. Как справедливо указывали они, Тэтчер стала лидером в 1975 г., набрав всего 146 голосов. Какой же резон был уходить в отставку, вопрошали они, после того как она набрала 204 голоса? Однако при этом упускалось два обстоятельства. Во-первых, парламентская фракция тори в 1975 г. была почти на 100 человек меньше, чем в 1980 г. (соответственно 277 и 372 парламентария), и потому, несмотря на столь большую разницу полученных голосов, процент проголосовавших за Тэтчер был примерно тем же самым (почти 53% в 1975 г. и немногим менее 55% в 1990 г.). Но главным было даже не это обстоятельство, а то, что в 1975 г. отрыв Тэтчер от своего ближайшего соперника Уайтлоу был столь велик (он получил всего 79 голосов)⁵⁵, что она вышла из того соревнования непререкаемым лидером, а Уайтлоу и все другие ее соперники тут же признали полученный ею мандат и изъявили готовность лояльно сотрудничать с ней. Таким образом, ситуация ноября 1990 г. принципиальным образом отличалась от ситуации февраля 1975 г., и, если б это не было так, никакие силы и никакой "заговор" не подвинули бы Тэтчер на решение об отставке. Тем более что решение это должна была принять она, и только она.

Как видим, "свержение" Тэтчер произошло в лучших традициях британской политической культуры и, возможно, войдет в историю как своего рода образец не только бескровного, но и почти что безболезненного переворота. Правила тончайшей политической игры были соблюдены с обеих сторон, и действия Тэтчер (как и ее окружения) были поистине безупречными. Трезво оценив поступившие к ней с разных сторон сигналы и приняв за несколько часов оптимальное и для нее и для партии решение, она не только проявила государственную мудрость и "патриотизм", но и сделала это таким образом, что вызвала прилив симпатии и уважения к себе даже со стороны многих своих политических противников.

В своих воспоминаниях Тэтчер по существу не добавляет ничего нового к той фактической стороне дела, которая изложена выше. Интересна, однако, ее интерпретация происшедшего, которая, по сути дела, впервые

⁵⁵ Остальные голоса рассеялись между другими претендентами.

публично дана в этой книге. Сводя суть конфликта едва ли не целиком к личным отношениям между нею и членами кабинета, она именно на них возлагает "вину" за случившееся.

Особое возмущение у нее вызвал тот факт, что, перед тем как идти на беседу с ней, члены кабинета заранее обсуждали между собой, "что им говорить в беседе с ней". "Как и все политики, находящиеся в замешательстве, — пишет она, — они определили общую линию поведения с тем, чтобы держаться ее и в большом и в малом. И после трех или четырех интервью я почувствовала, что тоже близка к тому, чтобы присоединиться к общему хору".

Приведя довольно подробно доводы, которыми министры аргументировали свои пожелания выйти из игры, Тэтчер никак их не комментирует. В то же время из всего контекста заключительной главы книги следует, что она не считала эти доводы достаточно весомыми и подала в отставку лишь потому, что убедилась в отсутствии необходимой поддержки. Чувства глубокой горечи и несправедливости, которые она при этом испытывала, не ослабли с течением времени, и последние страницы мемуаров буквально пронизаны ими. Вспоминая о своих ощущениях после встречи с министрами, она пишет: "Мое сердце сжимала боль. Я могла бы сопротивляться оппозиции оппонентов и потенциальных соперников и даже уважать их за это. Но что огорчило меня, так это было дезертирство тех, кого я постоянно считала друзьями и союзниками, и те уклончивые слова, которыми они пытались прикрыть свое предательство и представить его в виде заботы о моем будущем".

Финальный эпизод пребывания Тэтчер на авансцене политической жизни Великобритании оказался особенно ярким и даже торжественным, не в последнюю очередь благодаря постоянно враждовавшей с ней лейбористской оппозиции. Причем произошло это отнюдь не потому, что последняя вдруг изменила к ней свое отношение, а совсем по другой причине.

На следующей же день после объявления результатов первого тура тогдашний лидер лейбористов Н. Киннок, ссылаясь на возникшую политическую неопределенность, официально внес в Палату общин резолюцию о недоверии правительству. Чисто внешне она была направлена против премьера, однако, как расценили эту инициативу большинство наблюдателей, замысел был прямо противоположным, а именно, попытаться перед лицом атакующей оппозиции сплотить консерваторов вокруг своего лидера и обеспечить тем самым ее победу во втором туре. Такого рода исход явно устраивал лейбористов, пришедших к выводу (и не скрывавших его), что с Тэтчер во главе консерваторов они гораздо легче добьются победы нежели в случае, если партию возглавит кто-либо из ее коллег. Из этого замысла, однако, ничего не вышло, поскольку к моменту обсуждения резолюции Тэтчер уже сняла свою кандидатуру, и всем, кто был настроен на острую полемику, пришлось срочно перестраиваться. Премьер-министр выступила с блестящей прощальной речью, а когда один из левых лейбористов Д. Скиннер пытался съязвить, что теперь Тэтчер могла бы возглавить Центральный европейский банк, реакция была явно не в пользу автора этой издевки, которая вызвала

неожиданный прилив чувств к уходящему премьеру. Как писал отнюдь не симпатизировавший Тэтчер журналист, "это было большое событие в Палате, в ходе которого обе стороны, казалось бы, объединились впервые в осознании того, чего им будет не хватать в посттэтчеристскую эру... плохо задуманная резолюция недоверия обернулась для Тэтчер величайшим парламентским триумфом"⁵⁶.

⁵⁶ Ibid. 1990. Dec. 2. P. 9., 19. Не менее впечатляющим было появление Тэтчер на трибуне Палаты общин для ответа на вопросы. Как заявила она, подводя итог этому аспекту своей парламентской деятельности, в бытность свою премьер-министром она 698 раз отвечала на устные вопросы, общее число которых составило 7,5 тыс. (Financial Times. 1990. Nov. 28. P. 10).

Глава шестая

ПОСТТЭТЧЕРИСТСКАЯ КОРРЕКЦИЯ

Отставка Тэтчер означала нечто гораздо большее, чем смену лидера партии. Как уже было подробно показано выше, в состоянии острого кризиса оказались некоторые из основных принципов и постулатов тэтчеризма, и поэтому замена лидера не могла не привести к серьезному их пересмотру и обновлению. Однако точно так же, как утверждение тэтчеризма потребовало внедрения в систему власти и нового лидера, и влиятельной команды ее единомышленников, так и становление посттэтчеристского курса не могло произойти без аналогичных изменений в высших эшелонах государственной власти.

1. Новый лидер – новая команда

Поскольку после объявления Тэтчер об отставке до следующего тура выборов лидера оставалось всего четыре дня, в борьбу практически тут же вступают новые претенденты. Как и ожидалось, свои кандидатуры выставили министр иностранных дел Дуглас Хёрд и канцлер казначейства Джон Мейджор.

Каждый из трех кандидатов не только был сам по себе достаточно сильной и авторитетной в консервативных кругах фигурой, но и представлял в какой-то мере различные направления партийной власти. Поэтому развернувшаяся между ними борьба была не просто личным соперничеством, но и продолжала сохранять острый политический характер.

Сняв свою кандидатуру, Тэтчер сразу же дала недвусмысленно понять, что ее симпатии и поддержка на стороне Мейджора. Решающую роль в ее выборе сыграло то обстоятельство, что Мейджор, сделавший сногшибательную карьеру у нее на глазах и при ее прямой поддержке и покровительстве, был, как по крайней мере ей казалось, несравненно ближе к ее, "тэтчеристской" версии консерватизма, нежели принадлежащий к традиционной консервативной элите Хёрд. Как писал в те дни "Экономист", в глазах Тэтчер и ее сторонников Хёрд "олицетворяет ту самую партию, которую Тэтчер свергла"¹. Вместе с тем выдвижение кандидатуры Д. Хёрда вполне устраивало Тэтчер и ее сторонников, поскольку вносило

¹ Economist. 1990. Nov. 24. P. 37.

раскол в стан Хезелтайна и делало почти невероятной его победу во втором туре.

Благодаря поддержке и самой Тэтчер, настойчиво обзванивавшей и "уговаривавшей" наиболее неподатливых парламентариев из большинства ее сторонников, позиции Мейджора уже на старте оказались намного предпочтительнее, чем у Хёрда. Получив в свое полное распоряжение весь тот арсенал технических средств, которыми пользовалась "команда Тэтчер", и одновременно заменив ее более активной и эффективной "командой Мейджора", сторонники последнего развернули энергичнейшую кампанию в его пользу.

Наличие сразу двух противников тут же начало сказываться на уровне поддержки, оказывавшейся Хезелтайну. Примечательно, что только 20 из 152 парламентариев, голосовавших за него в первом туре, осмелились открыто высказаться в его поддержку. Сыграли свою роль и опасения репрессий со стороны партийных организаций избирательных округов, во многих из которых руководители кампании Мейджора создали, по словам "Обсервер", атмосферу неприязни по отношению к Хезелтайну. Его поддержал всего один член кабинета – министр по делам Уэльса Дэвид Хант, и это было в тех условиях смелым поступком с его стороны.

В ходе второго тура голосования Дж. Мейджору не хватило всего двух голосов для того, чтобы набрать необходимые для победы 50%. Однако преимущество его перед Хезелтайном и Хёрдом было так велико (они получили соответственно 185, 131 и 56 голосов), что оба его соперника, не колеблясь, сняли свои кандидатуры и заявили о своей поддержке Мейджора, которого объявили победителем. Все это делало третий тур выборов излишним, и уже на следующий день Джон Мейджор получил от королевы официальное поручение сформировать правительство.

Победа Джона Мейджора, не успевшего, несмотря на свое высокое положение в правительстве, обрести достаточно широкую известность, была для многих англичан, да и для широкой международной общественности, большой неожиданностью. В действительности же эта победа выглядит вполне закономерной, причем не только в связи со сложившейся политической конъюнктурой и расстановкой сил. В более широком плане его избрание продемонстрировало приверженность партии к относительно новой для нее традиции выдвижения на высший партийный и государственный пост выходца из "простого народа".

Не подлежит сомнению, что в течение четверти века, когда партию возглавляли лидеры ординарного, не аристократического происхождения и воспитания, в ней создался своего рода имидж, настрой, который если и не утвердился окончательно, то, во всяком случае, обрел достаточно высокую степень прочности и устойчивости.

Годы правления Тэтчер обычно трактуются как годы роста авторитаризма, зажима демократии, и это во многом соответствует действительности. Однако не следует забывать, что одновременно это были и годы дальнейшего ослабления общественно-политической роли "старого", полуаристократического истеблишмента и усиления роли "новой буржуазии" и нового среднего класса. Автор известной серии книг по "анатомии Брита-

ний" А. Сэмпсон писал в те же дни: "...вне всякого сомнения, в годы Тэтчер по престижу консервативной элиты... был нанесен мощный удар. В парламенте титулованные особы быстро уступали место представителям среднего класса – банковским служащим, агентам по сделкам с недвижимостью, профессиональным политикам – т.е. всем тем, кто видел в Тэтчер пророка социальной мобильности... Правда, – добавлял он тут же, – упадок аристократии неизбежно сопровождался выдвиганием плутократии. Тэтчер дала новый старт денежным мешкам Сити, которые при Хите не были в чести"².

Знаменательно, что Сэмпсон отнюдь не считал происшедшие сдвиги позитивными, полагая, что "аристократическая традиция людей, которые не принимали чью-либо сторону и говорили то, что думали, было важным преимуществом тори, будь то в кабинете или на партийных форумах". Он даже полагал, что, поскольку люди наподобие лордов Уайтлоу и Харрингтона, на влияние и авторитет которых во многом опиралась Тэтчер, уже сходят с политической арены, новый глава партии и кабинета может пожалеть о том, что около него нет столь влиятельных титулованных особ"³.

Как бы то ни было, итонско-оксфордский истеблишмент уже не воспринимался и широким общественным мнением, и даже консерваторами как "естественный" правящий класс, как это имело место еще 20–30 лет назад. От былой "почтительности" к этим людям⁴ уже мало что осталось, и в глазах большинства англичан они олицетворяют скорее прошлое, нежели настоящее и будущее. Конечно, пиетет перед истеблишментом, как таковым, по-прежнему сохраняется, но уже не столько в прежней, "почтительной" форме, сколько в форме признания авторитета и профессиональных качеств тех, кто держит в своих руках экономическую и политическую власть.

Естественно, что сразу же после избрания Дж. Мэйджора лидером партии и занятия им поста премьер-министра, внимание средств массовой информации, всей британской общественности было сосредоточено на личности нового главы правительства. В сведениях о его биографии почти не было разночтений, была лишь разница в акцентах. Практически все газеты подробно рассказывали о его "неклассовом" происхождении (основная профессия его отца – цирковой артист), типичном для обитателей бедных лондонских районов детстве, о том, что в 16 лет ему пришлось расстаться со школой и начать нелегкую трудовую жизнь. За 4–5 лет он перепробовал работу клерком в бухгалтерской конторе, в качестве строительного рабочего, мелкого служащего Управления энергетики. Не избежал он и довольно длительного периода безработицы, продолжавшегося 9 месяцев. Особенно смаковался в прессе случай, когда он, пытаясь

² Independent. 1990. Nov. 29. P. 27.

³ Ibid.

⁴ Как отмечается в исследовании И.Е. Городецкой, значительная часть избирателей тори относилась в 50-х и 60-х годах к категории "почтительных". Есть основания утверждать, что менталитет "почтительности" был в той или иной степени присущ и населению в целом (см.: *Городецкая И.Е. Великобритания: Избиратели, выборы, партии. 1945–1970. М., 1974. С. 139–142*).

устроиться кондуктором автобуса, не смог сдать экзамена по арифметике и ему было заявлено, что он слишком медленно считает. Много писалось и говорилось о его уравновешенном характере, умении ладить с людьми, а также о том, что, проявив довольно рано интерес к политике и вступив в партию консерваторов, он долгое время придерживался довольно либеральных взглядов, принадлежал, как писал журнал "Экономист", к "левому крылу" партии⁵. Отмечалось также, что в ряде вопросов социальной политики он сохранил свой либерализм, что он принципиальный противник расизма, выступает против введения смертной казни (Тэтчер, как известно, была и остается сторонницей введения смертной казни за особо тяжкие преступления против личности). Симпатизирующие ему органы печати в благожелательных тонах преподносили сведения о его успешной карьере в Сити, начавшейся после того, как в 1969 г. в возрасте 22 лет он, наконец, устроился в один из центральных банков, где его способности оценил один из его руководителей – Барбер, занимавший в правительстве Хита пост министра финансов. Благодаря Барберу Мейджор вскоре становится руководителем пресс-службы банка.

Одновременно с успешной банковской карьерой Мейджор довольно быстро продвигается и по "партийной линии". Уже вскоре после вступления в молодежную организацию партии он становится одним из ее руководителей, а спустя некоторое время – и председателем отделения консервативной партии в его родном районе Брикстоне. Несмотря на то что этот лондонский район принадлежит к числу наименее благополучных, с большим процентом "цветного" населения и острыми социальными проблемами (в 1981 г., когда по стране прокатилась серия молодежных бунтов, этот район был в числе тех, где ранее всего произошли беспорядки и где они приняли особенно бурный характер), Мейджору удалось неожиданно даже для своих сторонников добиться избрания в муниципалитет, одержав верх в округе, где до того было твердое лейбористское большинство. После двух неудачных попыток добиться избрания в парламент, Мейджор на всеобщих выборах 1979 г. одерживает победу, и уже в 1981 г. его назначают парламентским секретарем двух министров.

Организаторские способности, проявленные им на этих постах, побудили руководство партии назначить его два года спустя одним из парламентских организаторов ("кнотов") партии, а вскоре после этого и главным "кнотом". Назначение на этот ключевой в парламентской фракции пост дало ему возможность войти в ближайшее окружение премьер-министра, на которую он произвел весьма благоприятное впечатление своей компетентностью и умением отстаивать собственное мнение. Вскоре она назначает его на пост главного секретаря министерства финансов в ранге министра – члена кабинета. Там он великолепно себя зарекомендовал, выполняя деликатную обязанность "распределителя средств" между

⁵ Economist. 1990. Dec. 1. P. 34.

Как свидетельствуют те, кто подробно знакомился с прошлым Мейджора, в начале 70-х годов, когда он активно включился в политическую жизнь, он увлекся идеями "эгалитарного консерватизма" Яна Маклеода, основанного на сочетании индивидуальных свобод и социальной ответственности (Independent. 1990. Dec. 2. P. 18).

министерствами⁶. Одновременно его отношения с премьер-министром становились все более доверительными, и в рождественские праздники 1988 г. Мейджоры были даже удостоены чести быть приглашенными сначала на Даунинг-стрит, 10, а затем и в загородную резиденцию в Чекерс.

Рейтинг Мейджора как специалиста и политика стал расти столь быстро, что Тэтчер осмелилась даже назначить его в августе 1989 г. министром иностранных дел взамен Дж. Хау, который к тому времени в паре с тогдашним министром финансов Лоусоном начал все решительнее противодействовать ее политике по отношению к ЕС. Назначение это было воспринято тогда практически всеми наблюдателями как весьма неожиданное и непродуманное, ибо Мейджор был абсолютно не подготовлен к этой деятельности. Наиболее подходящим тогда для этой должности все или почти все наблюдатели считали такого опытного и высокопоставленного дипломата, как Дуглас Хёрд. Однако, не будучи уверенной в том, как поведет себя последний и не станет ли он, как и Хау, на сторону Лоусона, Тэтчер решила назначить на этот ключевой пост человека, на которого она могла положиться.

Отставка Лоусона с поста министра финансов в октябре 1989 г. позволила Тэтчер "освободить" Мейджора от должности, в которой он так и не смог проявить себя, и назначить его в конце 1989 г. на пост канцлера казначейства, справедливо считающийся вторым по влиянию после поста премьер-министра. Одновременно министром иностранных дел был назначен Д. Хёрд, который в "паре" с Мейджором уже не представлял для Тэтчер большой опасности. На своем новом посту Мейджор действовал достаточно самостоятельно, скорее в согласии с Хёрдом. Как уже отмечалось, именно под их влиянием Тэтчер пошла на включение Британии в европейскую валютную систему. Выдвинутая Мейджором концепция "твердого экю", позволяющая включить фунт в европейскую валютную систему при сохранении определенных степеней свободы, представляла собой весьма удачную, с точки зрения многих наблюдателей, основу для разумного компромисса и продемонстрировала одновременно его способность вырабатывать и принимать неординарные решения.

Изложенная выше краткая версия биографических сведений, с теми или иными вариациями обобщенная практически все британские газеты, сопровождалась гораздо более широким разбросом мнений при их интерпретации. Так, если большинство обозревателей делали упор едва ли не на "люмпенском" или "внеклассовом" прошлом Мейджора, то некоторые из них предпочитали акцентировать внимание на том, что семья, в которой он вырос, испытывала действительную нужду лишь в последние годы жизни отца, когда ему было уже далеко за 70, а Джону – уже 11 лет. Именно тогда бизнес отца, имевшего "собственное дело" (изготовление садовых украшений), постигло банкротство, и Мейджоры вынуждены были перебраться из своего просторного с садом дома в пригороде Лондона в очень тесную, состоящую всего из двух комнатушек квартирку на последнем этаже жалкого, обшарпанного дома в Брикстоне. Цирковое

⁶ Pearce E. The Quiet Rise of John Major. L., 1991. P. 111–113.

же прошлое отца относится к концу 90-х годов прошлого – началу нынешнего века. Но уже накануне первой мировой войны он становится артистом мюзик-холла, непродолжительное время владеет фермой, меняет еще несколько занятий, приносивших приличный доход.

Проследивая жизненный путь самого Джона Мейджора, с юных лет вращавшегося в конторской и банковской среде и лишь очень небольшое время работавшего на строительстве, автор статьи в "Обсервер" Л. Маркс делал вывод, что уже в возрасте 21 года, когда он проходил менеджериальную подготовку в "Стандард чате́д бэнк" и совмещал эту работу с освоением профессии квалифицированного банковского служащего, он "воссоединился со средним классом". "Трудно себе вообразить, – пишет он, – более символичного буржуа, чем банковский менеджер"⁷.

Даже принимая в расчет некоторую односторонность данного вывода, нельзя не признать, что человек, сделавший довольно быстро карьеру профессионального менеджера, несмотря на все "шероховатости" своих юношеских исканий, может и должен быть без всяких оговорок причислен к тому самому среднему классу, который составляет главную социальную, политическую и интеллектуальную опору современного консерватизма. Конечно же, это несколько не означает, что между Э. Хитом, М. Тэтчер и Дж. Мейджором вообще нет никаких различий, кроме тех, которые связаны с их личностью и характером. Опыт бизнесмена, среда, в которой вращался Э. Хит, способствовали формированию у него мировоззрения, свойственного значительной части современной британской предпринимательской буржуазии и как бы синтезировавшего корпоративное и технократическое сознание. Несмотря на свое "рабочее" происхождение, Хит как политик – типичный представитель "верхнего среднего класса", одной из характернейших черт которого являются ориентация на социальный консенсус и своего рода комплекс социальной ответственности.

Напротив, жизненный опыт М. Тэтчер и "мелкобуржуазная" среда обитания сделали ее восприимчивой к индивидуалистическим, антиколлективистским веяниям в консерватизме, предопределили радикализм ее подходов и политики. Что же касается Мейджора, то сочетание в его прошлом опыта человека, испытывавшего настоящую нужду и одновременно сделавшего блестящую профессиональную и политическую карьеру, способствовало тому, что ему оказались одновременно свойственны черты рационального технократа и социального реформатора.

Конечно же, различия между всеми тремя нетрадиционными лидерами объясняются многими другими причинами, главная среди которых – веяние времени, те настроения, которые в каждый данный период преобладают или начинают преобладать в обществе. Именно этот дух времени стимулирует у политиков одни черты и подавляет или оставляет на заднем плане другие. В обстановке демократии и здорового политического соперничества он выводит на авансцену тех из них, которые в данный момент в наибольшей степени способны выражать его. Правда, как показывает опыт той же Британии, происходит так далеко не сразу и не каждая политическая фигура оказывается в нужный момент на своем месте.

⁷ Observer. 1990. Dec. 2.

Конец 80-х годов, знаменовавшийся исчерпанием позитивного заряда тэтчеризма, потребовал новых подходов и новых людей, и длившийся около двух лет период политической неопределенности завершился новой драматической сменой первого лидера государства. Подавляющему большинству наблюдателей, да и простых англичан, стало ясно, что "эра Тэтчер" закончилась, и в жизни страны наступает новый период. Справедливостью этой оценки подтверждалась отнюдь не только и не столько контрастом между старым и новым лидером и премьером, но и главным образом тем, с какой удивительной быстротой эпизод смены власти отошел в разряд событий "исторических". Уже в начале декабря, словно по команде, уходят с полос газет и еженедельников репортажи и статьи, посвященные этому эпизоду. Почти прекращаются и споры о том, была ли Тэтчер "свергнута" или не была, во благо или во вред для нации ее уход.

Автору этих строк довелось в первой половине декабря 1990 г. несколько дней провести в Лондоне, побеседовать с рядом ученых и журналистов-консерваторов, побывать в штаб-квартире партии, и Исследовательском отделе. И первое, что бросилось в глаза, – это почти полная утрата интереса у моих собеседников к событиям, которые буквально лихорадили партию и страну всего неделю-другую назад. В вестибюле Центрального бюро был выставлен большой, примерно метр на метр фотопортрет улыбающегося Джона Мейджора. Имя Тэтчер, ее фотографии фигурировали в изобилии, но лишь на обложках находящегося тут же, в глубине вестибюля киоска с пропагандистской и иной консервативной и околосерваторивной литературой. Из беседы с сотрудниками Исследовательского отдела я вынес твердое впечатление, что для них Тэтчер и тэтчеризм – это уже вчерашний день, тогда как им нужно думать о дне сегодняшнем и завтрашнем. Их настроение я выразил бы типичной английской формулой – "бизнес как обычно" ("business as usual").

Но если "эпоха Тэтчер" закончилась, то что наступает после нее? Во многом это зависело от личности, взглядов и убеждений нового премьера, его качеств как государственного деятеля.

То обстоятельство, что Мейджора безоговорочно поддержала М. Тэтчер, к тому же заявившая, что она видит свою будущую роль в качестве "хорошего водителя на заднем сиденье", дало повод официальному представителю лейбористской партии утверждать сразу же после его избрания, будто "он ни больше ни меньше, как ее "марионетка", "серое подобие Тэтчер в брюках"⁸.

С другой стороны, среди оценок, которые давала пресса Мейджору в первые дни его премьерства, было и немало таких, как "Мейджор-метеорит", человек "выдающихся способностей", "внушающий восхищение новый премьер-министр". Однако чаще всего все же употреблялся эпитет "серый", который буквально прилип к Мейджору в эти критические дни. И хотя он вроде бы соответствовал его седеющей шевелюре, употреблялся он совсем в другом, уничижительном смысле (английское слово "grey", может употребляться и как синоним слова "серость" в русском

⁸ Economist. 1990. Dec. 1. P. 42.

языке). На фоне яркой и не оставляющей никого равнодушным М. Тэтчер спокойная, уравновешенная и неизменно корректная манера поведения и общения нового премьера действительно выглядела заурядной и малоинтересной. Явно проигрывал Мейджор в такого рода сравнении и с Хезелтайном, стиль поведения которого скорее походил на "тэтчеристский".

Заметим, что подобного рода характеристика менее всего говорит о политическом лице нового премьера. Между тем именно оно, равно как и политическое лицо кабинета и правительства в целом, определяло глубинную сущность перемен, происходивших после отставки Тэтчер.

На ключевые посты в новом кабинете министров были назначены деятели скорее посттэтчеристского, чем тэтчеристского толка. На пост министра окружающей среды, в компетенции которого находятся в числе прочих и вопросы местного самоуправления и местного налогообложения, был назначен М. Хезелтайн, получивший к тому же полную свободу рук для подготовки предложений по пересмотру фатального для партии "подушного налога". Другим важным изменением в кабинете было назначение одного из наиболее решительных противников неолиберальной социально-экономической политики Тэтчер Кристофера Паттена новым председателем партии.

Как писал "Экономист", назначение молодого, способного и имеющего репутацию независимого политика на этот пост вызвано не столько далеко неблагоприятным состоянием партийных дел и финансов (долг партии оказался равным 9 млн. ф.ст.), сколько стремлением Мейджора обновить имидж партии, сделать ее более открытой современным идеям и тем самым привлечь избирателей, которые хотели бы видеть ее отличной от той, каковой она была при Тэтчер. Одновременно Мейджор, видимо, рассчитывал и на значительно более продуктивную исследовательскую работу в партии, и в частности на то, что Паттен сможет как бывший директор Исследовательского отдела, который при Тэтчер фактически утратил свое собственное лицо, вновь превратить его в эффективный "мозговой трест" партии.

Еще одним новым назначением Мейджора было предоставление важнейшего поста министра финансов Норману Ламонту – политику не самого высокого ранга, но занимавшему важный пост в министерстве финансов. Это назначение объясняли прежде всего тем, что Мейджор хотел оставить за собой выработку и принятие наиболее ответственных решений в данной сфере. Немалую роль сыграло и то, что именно Ламонт явился инициатором и организатором кампании за избрание Мейджора, причем начал он ее фактически еще до того, как последний официально выдвинул свою кандидатуру.

Кое в чем, однако, Мейджор пошел на уступки тэтчеристам. В частности, под их прямым нажимом он переместил Т. Рентона с влиятельного поста главного парламентского организатора партии на пост рядового министра, а важный пост министра торговли и промышленности был предоставлен твердому тэтчеристу.

В целом же уход самой Тэтчер, а до нее Н. Ридли, а также добровольная отставка одного из наиболее влиятельных ее единомышленников

С. Паркинсона, равно как и выдвижение на ключевые посты в кабинете упомянутых выше лиц, придали кабинету облик, существенно отличавшийся от того, каким он был при М. Тэтчер. Как писал, оценивая все эти перемены, "Экономист", правительство Тэтчер умерло, ему на смену приходит правительство Мейджора⁹.

Примечательно, что институт политических советников, игравший при Тэтчер крайне важную роль, утратил после ее отставки свое особое положение, поскольку Мейджор с самого начала взял курс на повышение роли высших государственных служащих, с которыми у него в бытность главой основного экономического ведомства уже установились весьма конструктивные отношения. Демолитизировалась и вся система принятия решений, что не в последнюю очередь происходило в результате решительного отхода Мейджора от практиковавшегося Тэтчер "президентского" стиля проведения заседаний кабинета и возвращения к коллегиальности в деятельности и кабинета и правительства в целом.

Отход нового правительства от жесткого тэтчеристского курса подтверждался и публичными заявлениями главы кабинета. Уже в своей первой речи в парламенте в качестве премьер-министра он, хотя и в крайне осторожной форме, заявил о необходимости конструктивного подхода к процессам европейской интеграции, сделал упор на задачах улучшения системы образования, прочих государственных социальных услуг. В другом своем выступлении он отверг саму идею "второсортности" государственной системы социальных услуг, которая фактически лежала в основе тэтчеристской философии "свободы выбора".

Конечно же, вряд ли была права газета "Файнэншл таймс", заявившая сразу после его избрания, что он предстает перед британцами как "символ бесклассового консерватизма"¹⁰. И тем не менее его отношение к "социальному государству", оценка роли этого последнего как инструмента сплочения нации, преодоления ставших чрезмерно резкими социальных контрастов были принципиально иными, чем у Тэтчер¹¹.

Несмотря на свои связи с банковскими кругами Сити, кстати решительно поддерживавшими его кандидатуру, Мейджор стал проявлять гораздо большую озабоченность ухудшением позиций обрабатывающей промышленности в начале 80-х годов, чем это делала Тэтчер. За год пребывания на посту канцлера казначейства он установил деловые отношения с основной предпринимательской организацией страны – Конфедерацией британской промышленности, что снизило уровень ее критики в адрес правительства¹².

Не означает ли все это, что Мейджор после своего избрания на пост

⁹ Ibid. P. 33.

¹⁰ Financial Times. 1990. Nov. 28. P. 6.

¹¹ Свое отношение к "государству благосостояния" и его важнейшим службам Маргарет Тэтчер, в частности, показывала и тем, что предпочитала лечиться не в государственной, а в частной клинике. Причем демонстративно афишировала это. Что же касается Мейджора, то он, напротив, всячески подчеркивает свое позитивное отношение к Национальной системе здравоохранения. "Эта система, – заявил он, – спасла мне жизнь, когда я был ребенком, и спасла мне ногу, когда я был уже взрослым" (Ibid.).

¹² См.: Ibid. P. 8; также см.: Economist. 1990. Dec. 1. P. 34.

лидера партии неожиданно превратился из тэтчериста едва ли не в "антитэтчериста"? Представляется, что такого рода выводы очень упрощали бы ситуацию, а где-то и искажали бы ее. Ибо, как уже было показано выше, несмотря на свои дружеские отношения с Тэтчер, Мейджор отнюдь не был даже в начале своей партийной и правительственной карьеры человеком, который бы лишь говорил: "Да, премьер-министр"¹³.

Победив на выборах лидера и автоматически заняв пост премьер-министра, Джон Мейджор и правительство в целом тем не менее не могли не испытывать ощутимого дефицита легитимности. Не получив мандата от избирателей, они оставались лишь преемниками Тэтчер и ее правительства, по крайней мере формально связанными обстоятельствами предвыборного мандата 1987 г.

При всем том правительство отнюдь не стремилось приблизить дату выборов и даже всячески ее оттягивало. Главной причиной тому была низкая популярность консерваторов, которую, конечно же, нельзя было преодолеть в одночасье. Необходимо было убедить избирателя в том, что это уже другое правительство, способное более чутко прислушиваться к настроениям масс, влить свежую струю в политику партии и укрепить ее единство. Сделать это было далеко не просто, тем более что до истечения срока полномочий парламента оставалось совсем немного времени – всего полтора года.

Сознавая, что добиться чего-либо существенного за столь короткий период невозможно, правительство и вместе с ним и партийный истеблишмент сделали главный упор на усилия преимущественно пропагандистского плана. Ни в коей мере не становясь в позу критиков Тэтчер и тэтчеризма и умело обыгрывая их достижения и успехи, они в то же время стремились убедить избирателя в своей приверженности к большей социальной справедливости и способности создать эффективные и соответствующие самым взыскательным требованиям системы социальных услуг. Почти сразу же после занятия поста премьера Мейджор заявил о твердой решимости заменить "подушный налог" более приемлемой для населения системой местного налогообложения. Спустя примерно год, в октябре 1991 г., правительство вошло в парламента со своими предложениями на этот счет, отчасти вернувшись к прежней системе, но сделав ее более рациональной и увязанной не столько с собственностью, сколько с доходом.

Заметно изменилась и официальная ориентация в области европейской политики. Сохранив критический настрой против "федеральной"

¹³ Описывая в деталях первый обстоятельный диалог Тэтчер с Мейджором в 1983 г., когда он был всего лишь "младшим кнудом", газета "Санди таймс" отмечала, что диалог этот был примечателен прежде всего той настойчивостью, с которой Мейджор доказывал ошибочность некоторых представлений премьер-министра о положении дел на задних скамьях парламента. Разговор принял столь серьезный оборот, что все присутствующие (а это происходило за обедом в резиденции премьер-министра) вдруг замолчали и обратили взоры на этих двух собеседников. Мейджор продолжал стоять на своем, а когда премьер-министр, выслушав его возражения, молча удалилась, ее супруг Денис вдруг подошел к Мейджору, похлопал его по плечу и сказал: "Ей это понравилось" (Sunday Times. 1990. Dec. 2. P. 17).

Европы, правительство в то же время заняло более конструктивную позицию по отношению к экономической и отчасти политической интеграции.

Если акцент на социальную справедливость и обновление сферы социальных услуг помогал упрочить позиции правительства среди широких масс реальных и потенциальных сторонников партии, то поворот в европейской политике вносил успокоение в те влиятельные круги бизнеса и политического истеблишмента, которые были обеспокоены изоляционизмом Тэтчер и других "евроскептиков".

Уже спустя год после драматических событий октября–ноября 1990 г. стали выявляться первые признаки изменений в предпочтениях избирателей. Если в сентябре 1990 г., т.е. перед отставкой Тэтчер, 72% опрошенных англичан считали консерваторов "слишком жесткими и недостаточно гибкими", то спустя год эта доля снизилась до 52%. В сентябре 1990 г. 70% соглашались с утверждением, что консерваторов не беспокоят последствия их политики, наносящие ущерб людям. Спустя год эта цифра снизилась до 58%¹⁴.

Подобного рода реакция избирателя на "дерадикализацию" тэтчеризма, естественно, стимулировала дальнейшие усилия новой власти в этом направлении. И хотя практическая отдача этих усилий была крайне ограниченной, настойчивость и упорство, с которыми правительство стремилось изменить сложившийся имидж, давали свои плоды. Одним из показателей этого явилось снижение "социальных ожиданий" избирателя, которые он связывал с возможным приходом к власти лейбористов.

Не меньшие усилия тори прилагали к тому, чтобы сохранить, а если можно, то и упрочить мнение избирателей о консерваторах как о партии, способной более компетентно, чем другие, решать экономические и политические вопросы. Здесь также осуществлялась коррекция, однако в отличие от социальной сферы она никак не афишировалась и акцент делался не на перемены, а на преемственность. В результате им удалось не только сохранить, но и упрочить лидирующее положение партии в этих вопросах¹⁵.

Ставка на то, чтобы, не отрекаясь от тэтчеризма, в то же время довольно решительно отходить от его крайностей, явно оправдывала себя, и к выборам 1992 г. партия и ее руководство смогли преодолеть тот чрезвычайно опасный кризис доверия, который вполне мог окончиться ее поражением и расколом. Правительство и кабинет снова оказались в состоянии действовать как одна команда, а проводимый ими политический курс оказался гораздо более приемлемым и для населения в целом, и для подавляющей части истеблишмента.

На руку консерваторам играло и то, что, несмотря на весьма существенный пересмотр своих установок и позиций (о чем подробнее ниже), лейбористская партия все еще воспринималась миллионами избирателей как леворадикальная, способная на опрометчивые шаги партия. Неудивительно поэтому, что стоило консерваторам сдвинуться к центру, как перевес лейбористов по уровню популярности среди избирателей стал

¹⁴ King A. et al. Britain at the Polls 1992. L., 1993. P. 25, 63, 132–133.

¹⁵ Ibid. P. 135.

сходить на нет. Согласно данным опросов осенью 1990 г., за них было готово проголосовать 46,5% избирателей, тогда как за консерваторов – всего 34,5%. К весне 1992 г. рейтинг обеих партий выровнялся где-то на уровне 39–40%¹⁶. Это была, конечно же, далеко не лучшая стартовая позиция перед выборами, но она тем не менее давала реальные шансы на успех.

Впреки прогнозам многих наблюдателей, предсказывавших так называемый подвешенный парламент, т.е. парламент, в котором будет отсутствовать абсолютное большинство одной из двух партий, выборы принесли недвусмысленную победу консерваторам. По доле собранных голосов они намного опередили лейбористов – 41,9% против 34,4%. Либеральные демократы получили 17,8%, однако по числу мандатов тори превзошли и тех и других вместе взятых – соответственно 338 и 271 и 20¹⁷.

Согласно мнению большинства специалистов, решающую роль сыграло стремление избирателей к стабильности и надежности и нежелание большинства подвергать риску то, что было достигнуто в последнее десятилетие.

Хотя на этот раз абсолютное большинство консерваторов в Палате общин оказалось существенно урезанным (338 из 651 против 375 из 650 после выборов 1987 г.), правительство имело все основания рассчитывать на то, что при условии сохранения единства партии оно сможет управлять страной с не меньшей уверенностью, чем это делало большинство из его предшественников.

Однако, как уже очень скоро стало ясно, впереди его ждали далеко не легкие времена. Посттэтчеристская коррекция, которую оно решило осуществить, требовала гораздо больше и материальных, и морально-психологических ресурсов, чем те, которыми располагало правительство.

2. Новации в экономической политике

Победа на выборах 1992 г. давала новому правительству весомый шанс реализовать свои новые подходы в ряде сфер государственной политики, и в том числе в экономической. О серьезном намерении Мейджора и его коллег свидетельствовало хотя бы то, что на ключевой пост министра торговли и промышленности был назначен не кто иной, как Майкл Хезелтайн. Принимая во внимание его роль в "свержении" Тэтчер, от него можно было ожидать довольно решительного отхода, если не разрыва, от экономической стратегии тэтчеризма.

Однако в действительности ничего подобного, по крайней мере сразу после выборов, не произошло. Как в общем курсе политической политики правительства, так и в деятельности нового министра основной упор по-прежнему делался на реализацию таких базовых принципов тэтчеризма, как "демократия собственников", свобода конкуренции, приватизация, поддержка малого бизнеса, снижение прямого налогообложения и т.д.

Наиболее яркой демонстрацией преемственности в экономической поли-

¹⁶ Ibid. P. 138.

¹⁷ Britain 1995. An official Handbook. L., 1995. P. 53.

тике было настойчивое стремление правительства продолжать приватизацию. Если до выборов, закончив начатую в 1990 г. приватизацию электроэнергетики, оно выставляло на продажу еще оставшиеся в государственной собственности фрагменты уже приватизированных отраслей, то на следующее пятилетие была запланирована приватизация таких жизненно важных секторов экономики, как угольная промышленность, железнодорожный транспорт, автобусные компании, водо- и электроснабжение Северной Ирландии.

Подготовка к реализации этих планов стала в центре промышленной политики правительства и соответствующих министров, причем дело здесь не ограничивалось только законодательной сферой. Приватизация шахт и железных дорог требовала закрытия нерентабельных предприятий и линий, что оказывалось далеко не простым делом. Попытка Хезелтайна закрыть, по примеру Тэтчер, сразу несколько нерентабельных шахт в 1993 г. окончилась провалом из-за угрозы новой длительной забастовки горняков. Более успешными оказались меры по поощрению добровольных увольнений, однако за них пришлось расплачиваться дорогой ценой¹⁸. Только в 1993–1994 гг. было ликвидировано 27 тыс. рабочих мест. В огромную сумму обошлась и программа инвестиций с целью обновления оборудования (около 150 млн. ф.ст. в 1993–1994 гг.). Все это позволило в конце концов начать распродажу и сдачу в аренду значительной части шахт. Из 50 функционирующих к маю 1994 г. шахт (в 1955 г. их насчитывалось 850) было приватизировано 34, что же до остальных, то их предполагалось продать в течение того же года. На месте Управления угольной промышленности было решено создать Угольное управление, в основном как орган, ведающий вопросами аренды¹⁹.

Еще сложнее оказалась проблема национализации железнодорожного транспорта, где правительству пришлось столкнуться не только с сопротивлением значительной части наемного персонала, но и с недовольством широкой общественности. Именно этот последний момент заставил правительство затягивать с подготовкой соответствующего билля.

В 1994 г. правительство решило прозондировать почву относительно приватизации такой важнейшей общественной службы, как почта. Причем это было сделано несмотря на то, что в Манифесте 1992 г. об этом ни слова не упоминалось. В июне 1994 г. оно опубликовало "Зеленую книгу"²⁰ "Будущее почтовой службы" с целью выяснить отношение общественности к такому начинанию. Реакция населения, и в том числе значительной части консерваторов, была, однако, столь негативной, что была отвергнута и идея далеко идущей коммерциализации, также содержащаяся в документе.

¹⁸ Государственной угольной корпорации было предоставлено 900 млн. ф.ст. для компенсации расходов по закрытию шахт и выплат выходных пособий увольняемым горнякам (Ibid. P. 256–257).

¹⁹ Ibid.

²⁰ В отличие от "белых книг", представляющих собой изложение правительственных законопроектов, "зеленая книга" – это своего рода заявления о намерениях, призванные выявить мнение широкой общественности по поводу той или иной вынашиваемой правительством инициативы.

Серьезные усилия были направлены на внедрение принципов рыночной экономики в государственный сектор и на поощрение конкуренции в сохранивших монопольную структуру приватизированных отраслях. В этих целях в министерстве промышленности была разработана система "рыночных тестов" для государственных предприятий, а также подготовлен законопроект "конкуренция и услуги", усиливавший контроль государства и общественности за качеством общественных услуг, их эффективностью, демонополизацию снабженческих и распределительных систем и т.д. Были усилены также полномочия Комиссии по монополиям и слияниям, принят ряд других мер подобного же рода.

Одновременно правительство настойчиво проводило линию на поощрение мелкого бизнеса, в том числе в инновационной сфере. Еще до выборов по договоренности министра финансов и руководства крупнейших клиринговых банков была выработана "Хартия малого бизнеса", в соответствии с которой последнему обеспечивался режим наибольшего благоприятствования в области кредитования. В интересах мелких собственников было также изменено законодательство, касающееся налога на наследство с тем, чтобы этот налог не препятствовал успешному продолжению дела и не ущемлял имущественные права наследников. Был принят и ряд других мер, облегчавших открытие нового дела и создававших более благоприятные условия для его функционирования. В соответствии с обещаниями предвыборного манифеста в течение 1993–1994 гг. в рамках программы "Предпринимательская инициатива" была создана сеть консультативных бюро, которая в дальнейшем была преобразована в постоянную консультативную службу, действующую по всей стране. Ее главной задачей является предоставление квалифицированной помощи в области дизайна, маркетинга, бизнес-плана и других аспектов проектирования для фирм, в которых занято менее 500 наемных работников.

Одним из приоритетных направлений правительственной политики оставалось налоговое законодательство, призванное стимулировать сбережения в инвестиции. Помимо предоставления различного рода налоговых льгот, особенно для мелких и средних фирм, правительство настойчиво продолжало линию на перенос центра тяжести с прямого налогообложения, которое, как известно, ложится основным бременем на состоятельные слои населения и "производителя", на косвенное, объектом которого являются потребители, т.е. практически все граждане без исключения. Пожалуй, наиболее крупной инициативой здесь явилась попытка правительства в ноябре 1994 г. увеличить налог на добавленную стоимость на горючее с 8 до 17% и таким образом сэкономить свыше 1 млрд. ф.ст. для последующего снижения прямого налога в преддверии новых выборов. Однако попытка эта встретила столь сильное сопротивление и со стороны широкой общественности, и в парламенте, что даже несколько членов фракции консерваторов проголосовали против соответствующего проекта, и он был прерван. Тем не менее это поражение не заставило правительство отказаться от своих принципиальных установок в данном вопросе.

Достаточно последовательно действовало правительство и в ряде других направлений тэтчеристской политики, нацеленных на реализацию "демократии собственников". Продолжалась, в частности, льготная рас-

продажа муниципальных домов, создавались более благоприятные условия для кредитования строительства собственного жилья, был принят специальный закон, поощрявший работников приватизированных предприятий становиться их акционерами, принимались меры по расширению круга владельцев акций среди населения и т.д. Правда, отдача от всех этих мер оказывалась куда более скромной, нежели в 80-х годах.

Не столь многообещающей, как наверняка хотело правительство, оказалась и отдача от мер по более целенаправленной промышленной политике, главным инициатором и проводником которой стал Хезелтайн. Первое, что он попытался сделать в этом направлении, было установление более конструктивных отношений с "промышленностью", восстановление механизма консультаций с ней. Однако в качестве полноправных представителей промышленности признавалась лишь одна ее сторона, а именно предпринимательская. Что же до профсоюзов, то их представительство не только не восстанавливалось, но, напротив, продолжало ослабляться. В 1992 г. распоряжением министра финансов был распущен главный орган трехстороннего сотрудничества – Национальный совет экономического развития, причем, судя по всему, Хезелтайн как министр, отвечающий за положение дел в промышленности, не возражал против этого решения. Но он не остался пассивным наблюдателем событий и предпринял ряд шагов, направленных на создание альтернативной структуры. Уже в 1993 г. он организует встречу с ведущими бизнесменами страны, которую еженедельник "Экономист" именовал "новым форумом" и которая должна была положить начало регулярным консультациям. В рамках Конфедерации британской промышленности был создан совет по обрабатывающей промышленности, призванный сделать такого рода консультации более предметными²¹.

Важным шагом в том же направлении явилось восстановление ликвидированных в 1988 г. отраслевых подразделений министерства промышленности и возвращение им функций узаконенных каналов связи между ведущими представителями отраслей и правительством. По сути дела это была своего рода "перекантовка" партнерских функций от отраслевых комитетов экономического развития (существовавших как "ответвления" НСЭР) к министерству промышленности, причем опять-таки уже без участия профсоюзов. Еще одной мерой, призванной укрепить и сделать более гибкими связи бизнеса и государства, на сей раз уже преимущественно на местном уровне, было создание системы "связь с бизнесом" ("business links"). В рамках системы было создано 2 тыс. отделений, служащих местом встреч и консультаций между компаниями, местными органами власти и агентствами по предпринимательству (о которых речь шла в третьей главе). Одной из функций системы является установление партнерства крупных и мелких, действующих на местном уровне фирм²².

Таким образом, модифицируя связи между бизнесом и органами государственной власти, правительство отнюдь не старалось замкнуть всю ее на себя. Автономизация государственного управления, которую оно

²¹ Economist. 1993. May 22.

²² Britain 1995... P. 197.

настойчиво продолжало (к лету 1994 г. на контрактной основе уже функционировало 96 агентств, в которых было занято около 60% всех государственных служащих)²³, внедрялась и в сферу его взаимодействия с бизнесом. И хотя кое в чем здесь пришлось вернуться к непосредственным связям, общей тенденции к децентрализации это не нарушило. Примечательно, что, укрепляя связи с бизнесом, правительство отнюдь не отказывалось от линии на минимизацию вмешательства в экономику. В рамках "инициативы по дерегулированию" оно предприняло ревизию 3500 нормативных документов, устанавливающих те или иные меры по ограничению свободы действий бизнеса, причем к пересмотру этих документов были привлечены и заинтересованные бизнесмены²⁴.

Как было отмечено в предыдущей главе, ключевым моментом в "анти-тэтчеристской" критике деятелей типа Хезелтайна были упреки в том, что Тэтчер и ее последователи игнорировали роль правительства в стимулировании национального бизнеса, и особенно тех его структур, которые связаны с новыми технологиями. Неудивительно поэтому, что, получив полномочный мандат избирателей и право формулировать и реализовывать промышленную политику, правительство предприняло ряд мер, призванных наверстать упущенное. В 1993 г. министерством науки и образования была опубликована белая книга "Реализуя наш потенциал: стратегия для науки, промышленности и технологии"²⁵. В документе предлагались меры по усилению взаимодействия науки и промышленности внутри страны и в рамках исследовательских программ Европейского сообщества, а также повышению эффективности исследований, осуществляемых в государственных научных центрах и университетах. В этих целях был создан новый Совет по науке и технологии во главе с министром – членом кабинета. В состав совета были включены видные ученые и бизнесмены, а его целью стала выработка независимых рекомендаций для правительства по вопросам инновационной стратегии и приоритетам для государственных ассигнований в сфере науки и техники. Еще больший упор был сделан на контрактные принципы проведения исследовательских работ.

На укрепление взаимодействия бизнеса и науки была нацелена система предоставления фирмам (преимущественно мелким) грантов, предназначенных для реализации целевых инновационных проектов. В течение 1993–1994 гг. таким способом была начата реализация 320 проектов²⁶. Для более крупных фирм вводилась система "Линк" (связь), в рамках которой создавались десятки конкретных программ и проектов сотрудничества науки и бизнеса. Финансирование проектов осуществлялось на партнерской основе, причем правительство брало на себя около половины их стоимости. В свою очередь участвующие в проектах фирмы несли ответственность за их реализацию. В отличие от первой системы, стоимость которой не превышала десятков млн. ф.ст. в год, ассигнования по системе "Линк" уже исчислялись сотнями миллионов²⁷.

²³ Ibid. P. 69.

²⁴ Economist. 1994. Jan. 22. P. 36–37.

²⁵ Britain 1995. Op. cit. P. 310.

²⁶ Ibid. P. 198, 311; Campaign Gide. L., 1992. P. 20.

²⁷ Britain 1995... P. 323.

По мере углубления европейской интеграции правительство шло на более тесное сотрудничество в стимулировании научно-технического прогресса в рамках различного рода европейских программ. Наиболее значительными из них являлись "Юрека" (EUREKA), в которой к 1995 г. участвовало более 500 британских фирм, задействованных в 257 проектах²⁸, и "Кост" (COST), где британские фирмы вовлечены в 84 из 102 инициатив.

Заметно активизировалась и региональная политика, нацеленная на преодоление диспропорций в развитии различных районов страны и обновлении производственных и научно-технических потенциалов "отсталых" регионов. В 1993 г. были пересмотрены программы помощи "развивающимся" районам, результатом чего стало оказание селективной региональной помощи в реализации инвестиционных проектов в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, предоставление инвестиционных и инновационных грантов фирмам с числом занятых, не превышающим 50 человек. Ряд специальных мер подобного рода был предпринят для стимулирования промышленного и научно-технического развития Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии²⁹. Правительство приняло также более активное участие в программах регионального развития по линии ЕС.

Одним из приоритетных направлений промышленной политики оставалось создание и поощрение деятельности корпораций городского развития. Их общее число почти удвоилось (с 7 в конце 80-х до 12 в 1994 г.), причем к середине 1994 г. многие из них уже реализовали либо целиком, либо в значительной своей части намеченные планы работ. К марту 1994 г. ими было заново освоено 2,5 тыс. га пришедших в запустение территорий, построено 27,5 тыс. новых зданий и создано 152 тыс. постоянных рабочих мест. Однако большую часть работ, запланированных корпорациями, еще предстояло осуществить. Согласно уже утвержденным проектам в ближайшие годы должно быть освоено 16 тыс. га территории, т.е. в 6,5 раз более того, что уже было сделано³⁰. Значительное внимание уделяло правительство и развитию "предпринимательских зон" в пришедших в запустение городских районах.

Как помнит читатель, одной из целей промышленной политики после своей отставки в 1986 г. Хезелтайн считал активную поддержку наукоемких отраслей и превращение Британии в полноценного конкурента таких лидеров на рынке высоких технологий, как ФРГ и Япония. Но если посмотреть на результаты деятельности и самого министра промышленности, и правительства в целом с точки зрения этой сверхзадачи, то окажется, что сколько-нибудь существенных результатов достигнуто не было. Причина отсутствия "прорыва" здесь предельно проста: чтобы поднять такие наукоемкие и высокотехнологичные отрасли, как радиоэлектроника, автомобилестроение и обрабатывающую промышленность в целом на необходимый для этого уровень, необходимы были не просто меры, повышающие качество управления, эффективность производства и связь науки и бизнеса, но и достаточно масштабные инвестиции в эти

²⁸ Ibid. P. 323–324.

²⁹ Ibid. P. 199–201.

³⁰ Ibid. P. 336.

отрасли. Сознвая это, правительство стремилось облегчить бремя налогов и обеспечить рост прибылей, рассчитывая тем самым стимулировать и рост капиталовложений. Причем согласно этим расчетам меры, принятые для более тесной научно-технической кооперации, будут чем дальше, тем больше подталкивать бизнес на использование последних достижений науки и техники.

Однако, во-первых, как показали проведенные исследования, расчеты на усиление инвестиционной активности пропорционально росту прибылей, не оправдались³¹. Во-вторых, и это, наверное, главное, для того чтобы осуществить столь мощный рывок даже в одной отрасли (скажем, радиоэлектронике или автомобилестроении), необходима была не только более целеустремленная стратегия самих фирм, но и не менее целенаправленная политика со стороны правительства. Как убедительно показывает на примере электроники известный британский исследователь отношений бизнеса и государства А. Косон, в течение 70-х и особенно 80-х годов развернулась ожесточенная борьба между британскими и японскими фирмами данной отрасли за британский рынок. При этом японская сторона приняла на вооружение "стратегию узурпации", суть которой состояла в тесном взаимодействии усилий самих корпораций и правительства. Британская сторона также разработала во второй половине 70-х годов программу действий, нацеленную на реорганизацию отрасли, закрытие неэффективных предприятий и создание более крупных и конкурентоспособных мощностей. Приход к власти правительства Тэтчер, принципиально отвергавшего промышленную политику, сделал реализацию этого проекта невозможным. Начавшаяся еще до того экспансия японских фирм еще более усилилась, и выход был найден в том, чтобы поощрять создание совместных японо-британских производств. Однако продолжающаяся стратегия узурпации японских фирм обусловила закрепление их доминирующих позиций. Что касается британских фирм, то они, исходя из практики недавнего прошлого, по-прежнему уповали в основном на государственный протекционизм. В результате ни сами фирмы, ни государство, и те и другие вместе не смогли выработать адекватную угрозе стратегию, и последствия этого не заставили себя ждать. Если в 1967 г. 8 из 10 фирм, производящих в Британии телевизоры, были отечественными, то в 1989 г. число фирм осталось таким же, но ни одна из них уже не принадлежала Британии³².

В полном соответствии со стратегией "невмешательства" развивалась и динамика государственных расходов. Согласно проведенным исследованиям государственные расходы на помощь промышленности снизились с 5% ВВП в конце 70-х годов до немногим более 2% в начале 90-х годов³³. Как показывают изыскания, относящиеся к более позднему времени, каких-либо существенных изменений в обратную сторону в последующие годы не произошло³⁴. Наверняка решающую роль здесь сыграли

³¹ Britain's Economic Performance. L., 1984. P. 419, 710.

³² Cawson A. The Political Analysis of Economic Markets // IDS Bulletin. Brighton. 1993. July. N 3. P. 63-67.

³³ British Economic Policy. A Modern Introduction. L., 1993. P. 243.

³⁴ Britain's Economic Performance. P. 412-418.

серьезный циклический спад производства в 1989–1992 гг. и соответственно ограниченность финансовых ресурсов правительства. Судя по динамике последующих ассигнований, кривая вновь пошла вверх, но не настолько, чтобы можно было говорить о каком-то качественном сдвиге³⁵.

Одним из наиболее существенных достижений тэтчеризма считается, и заслуженно, впечатляющий рост производительности труда в промышленности. В среднем по стране за 80-е годы она выросла более чем в 1,5 раза³⁶. Однако, в отличие от ФРГ и Японии, где основным фактором такого роста являлись меры по внедрению новой технологии³⁷, в Великобритании он произошел в основном в результате освобождения от неэффективных производств, более рациональной организации производств, интенсификации труда и ликвидации скрытой безработицы. Технологические изменения также влияли, но, судя по оценкам специалистов, не они играли решающую роль³⁸.

Сказанное не означает, что промышленность Британии безнадежно отстала и ей не остается ничего иного, как плестись в хвосте более удачливых и сильных конкурентов. Ибо, во-первых, ряд отраслей и корпораций смогли сохранить "мировой" уровень и даже войти в число лидеров. К таковым, прежде всего, относятся авиастроение, химическая и фармацевтическая промышленность. Весьма высок рейтинг британской оборонной промышленности, которая, как известно, явилась предметом особой заботы правительства Тэтчер, да и не его одного. Во-вторых, промышленный и научно-технический потенциал Великобритании сохраняется во многом за счет иностранных капиталовложений, и особенно создания в стране широкой сети филиалов ряда крупнейших транснациональных корпораций, подавляющее число которых принадлежит Японии, США и Германии. Интервенция иностранного капитала в Британию в 80-х и 90-х годах приняла поистине широкомасштабный характер, и ныне такие отрасли, как автомобильная, бытовая радиоэлектроника, производство компьютеров, находятся либо целиком, либо почти целиком в руках иностранных корпораций³⁹.

Подобного рода "оккупация" имеет, безусловно, свои позитивные аспекты. Сохраняется или даже увеличивается занятость и квалификация рабочей силы, внутренний рынок насыщается высококачественными товарами, за счет налоговых отчислений пополняется бюджет. Однако все это не дает оснований считать такого рода производства национальным достоянием, и не только потому, что подлинным хозяином остаются зарубежные компании (даже если в число собственников допускается британский национальный капитал). В результате в случае тех или иных осложнений компании-резиденты осуществляют маневры, нередко негативно сказывающиеся на состоянии британской экономики.

Об одном из таких случаев поведала весной 1994 г. газета "Файнэншл таймс". Описанный ею казус касался электронной промышленности

³⁵ Britain 1995... P. 315.

³⁶ Britain's Economic Performance. P. 409.

³⁷ Ibid. P. 419.

³⁸ Ibid. P. 407.

³⁹ Ibid. P. 408.

Шотландии, которая была создана в 80-х годах главным образом зарубежными инвесторами.

Район ее расположения даже стали именовать, по аналогии с американской "Силикон вали" (Silicon Valley) в Калифорнии, "Силикон глен" (Silicon Glen), и он стал едва ли не символом успеха высокотехнологического производства Шотландии.

Однако начиная с 1989 г. быстрый рост производства "Силикон глен", составлявший в среднем 16,5% в год, неожиданно прекратился. Как выяснилось, лишь очень немногие из всемирно известных инвесторов, среди которых такие, как американская "Ай-Би-М", японские "Джи-Ви-Си" и "Мицубиси", проводили в Шотландии необходимые исследования, технологическое обновление и маркетинг. Кроме того, лишь 12% комплекствующих производилось в Шотландии. В результате вскоре шотландское производство оказалось значительно менее эффективным, чем аналогичное производство тех же корпораций в ряде других стран, таких, как Сингапур и Ирландия. Что же касается будущего, то оно, по мнению экспертов "Файнэншл таймс", не предвещает "Силикон глен" ничего хорошего, поскольку наиболее состоятельные инвесторы устремляют свои взгляды на страны Восточной Европы, где издержки производства обещают быть значительно более низкими. Согласно некоторым прогнозам к 1997 г. занятость в "Силикон глен" уменьшится с 45,5 тыс. в настоящее время до 27,5 тыс. человек⁴⁰.

В свете сказанного неудивительно, что вопрос об иностранном промышленном капитале в Великобритании и о структурно-инновационной политике уже в течение ряда лет является предметом острых дискуссий и в научных, и в политических кругах.

Своего рода компенсацией за ослабление Британии в ряде ключевых сфер высоких технологий и промышленном производстве вообще явилась экспансия национального капитала в непроизводственной сфере. В области финансовых услуг, страхования, туризма, рынка недвижимости, издательско-информационной деятельности, гостиничного дела Британия даже в условиях кризиса сохранила свои позиции одного из мировых лидеров. Если доля обрабатывающей промышленности в валовом национальном продукте в начале 90-х годов составила всего 22% (против 31% в середине 70-х годов и 25% в начале 80-х), то доля сферы услуг соответственно возросла до 47% (против 36% в середине 70-х годов, 39% в начале 80-х)⁴¹.

На первый взгляд подобного рода "компенсация" является вполне адекватной и естественной, особенно учитывая то, что общий объем национального дохода продолжал возрастать, а повышение роли услуг в современной экономике является скорее нормой, чем исключением.

Однако и здесь, как и в области иностранных инвестиций, все не так просто. Согласно подсчетам специалистов, отдача обрабатывающей промышленности, измеряемая объемом добавленной стоимости, в 3 раза выше, нежели отдача сферы услуг. Соответственно снижение экспорта

⁴⁰ Financial Times. 1994. Febr. 2.

⁴¹ Кричигина Н. Государственная промышленная политика (рукопись статьи). С. 8.

продукции обрабатывающей промышленности на 1% требует для сохранения внешнеэкономических показателей повышения экспорта услуг, равного уже 3%⁴². В принципе нынешний уровень этой промышленности, считают те же специалисты, достаточен для сохранения ее позиций и в будущем. Но если учесть, что снижение ее удельного веса в пользу услуг в Британии происходило в 1979 г. быстрее, чем у ее основных конкурентов, причем и до этого она имела здесь более высокие показатели, вопрос о будущем и промышленности в целом, и особенно ее наукоемких отраслей и производств, вряд ли может считаться решенным.

Очевидно, что было бы нереалистичным полагать, что в условиях кризиса 1989–1992 гг. и сравнительно короткого периода оживления, а затем подъема экономики, который наступил только в 1994 г., правительство Мейджора могло добиться сколько-нибудь впечатляющих успехов в промышленной политике. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что основная отдача от описанных выше мер в области промышленной политики и сращивания науки и бизнеса, скорее всего, будет нарастать по мере того, как это сращивание начнет становиться более органичным.

И все же остается вопрос: была ли промышленная политика Мейджора и Хезелтайна адекватна тем требованиям, которые предъявляла экономике страны международная и европейская конкурентная среда и не потребуются ли в дальнейшем более существенная коррекция тэтчеристских подходов, нежели та, которая была осуществлена в первой половине 90-х годов?

3. Посттэтчеристское социальное государство

Как и в области экономики, политика правительства Мейджора в социальной сфере складывалась из продолжения прежнего, тэтчеристского курса и определенной дозы посттэтчеристских новаций. Причем если в области экономической политики основной акцент делался все же на преемственность, то в социальной сфере значительно явственнее звучали новые мотивы.

Как следовало и из самых первых и последующих заявлений и действий правительства Мейджора, основополагающим принципом его социальной политики оставался принцип "смешанного" государства благосостояния, который, как мы помним, стал достаточно успешно претворяться в жизнь правительством Тэтчер. Разница, однако, и весьма существенная, состояла в том, что балансу между частным и государственным, который Тэтчер пыталась по возможности сместить в пользу первого, правительство Мейджора стремилось придать более равновесный характер.

Еще до выборов 1992 г. правительство подготовило и опубликовало серию документов под общим названием "Хартия граждан". Хотя эта инициатива официально была представлена как продолжение программы "Следующий шаг", разработанной и принятой в 1988 г. правительством Тэтчер, в действительности она и по замыслу и по широте охвата намного отличалась от тэтчеристского документа. Если "Следующий шаг" был в

⁴² Britain's Economic Performance. P. 395.

основном нацелен на реформирование государственной службы и повышение ее эффективности путем создания полунезависимых агентств (о чем подробно было сказано выше), то "Хартия граждан" уже делала упор на повышение стандартов и качества общественных служб и их ответственности перед потребителем. Как отмечалось в предвыборном манифесте 1992 г., Хартия "адресуется тем, кто пользуется общественными услугами, она расширяет права граждан, требует от сферы услуг установления четких стандартов и предоставления людям информации о том, насколько адекватно эти стандарты соблюдаются"⁴³. Согласно хартии главным принципом предоставления услуг является "не способность платить, а необходимость в них"⁴⁴.

Опубликованная менее чем за год до всеобщих выборов, хартия несла в себе достаточно большую пропагандистскую нагрузку. Однако, как показали последующие события, дело отнюдь не ограничилось простой пропагандой. Еще до выборов было подготовлено 18 конкретных "хартий", посвященных отдельным видам социальных услуг: "Хартия родителей", "Хартия пациентов", "Хартия квартиросъемщиков", "Хартия потребителей", "Хартия ищущих работу", "Хартия пассажиров" и др.⁴⁵

К концу 1994 г. число хартий возросло уже до сорока⁴⁶. Ответственным за их реализацию был сделан один из министров кабинета, а при офисе самого кабинета были созданы два специальных подразделения, призванные непосредственно контролировать выполнение установок хартий. Создавались также инспекционные службы на местах, в обязанности которых входило повседневное наблюдение за неукоснительным соблюдением порядка, правил и качества обслуживания. Причем центр тяжести делался на активное участие самих граждан в данной системе.

Как и в сфере экономической политики, во главу угла ставилось не количество, не объем ассигнований, а качество и эффективность существующих и вновь создаваемых служб и механизмов, более тесное их взаимодействие с заинтересованными сторонами и лицами.

Наиболее существенные изменения, естественно, должны были произойти в таких "столпах" социального государства, как системы народного образования, здравоохранения и социального страхования.

В уже упоминавшейся "Хартии родителей" основной упор делался на разнообразие и качество обучения, на сохранение независимых и частных школ как органической части системы среднего образования. При этом едва ли не основная ставка делалась на рост числа независимых государственных школ, т.е. тех, которые в соответствии с Актом об образовании 1988 г. выходили из подчинения местных школьных отделов и превращались в "самоуправляющиеся учебные заведения". Руководящий орган таких школ состоит из представителей родителей, учителей, и "коммунити", т.е. жителей территории, которую обслуживает школа. К выборам 1992 г. насчитывалось уже свыше 200 таких школ (или около 4% всех средних школ). К концу 1994 г. их число довольно резко возросло, и они

⁴³ The Best Future of Britain. L., 1992. P. 13.

⁴⁴ Ibid. P. 27.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Britain 1995... P. 518.

составили уже 16% всех средних школ, т.е. примерно в 2 раза превысив число независимых частных школ⁴⁷. Согласно закону 1993 г. руководству остающихся под управлением местных органов школ вменялось в обязанность рассматривать вопрос об их переводе в статус независимых и согласовывать свое решение с мнением родителей⁴⁸. Финансирование независимых государственных школ осуществляется непосредственно государством (через специальное Агентство по финансированию), а также по договоренностям с бизнесом, других организаций и отдельных лиц. В этом последнем случае спонсоры также представлены в правлении.

Вопрос о независимых государственных школах, или, как обычно называют их, "стипендиальных", выдвинулся к середине 90-х годов в число наиболее политически острых в школьном образовании. Сделав ставку на приоритетное развитие этих школ как наиболее перспективных, консерваторы столкнулись с резким сопротивлением лейбористов, полагающих, что, поскольку дети в эти школы нередко отбираются на основании экзаменов, они нарушают принцип равных возможностей, подрывают позиции объединенных школ, ущемляют прерогативы местного самоуправления. Исходя из этого, лейбористы обязались в своих документах вернуть "стипендиальные" школы в их прежний статус.

Однако в конце 1994 г. произошел казус, серьезно спутавший карты лейбористам. Не кто иной, как их новый лидер Тони Блэр послал одного из своих детей в "стипендиальную" школу, что вызвало, естественно, весьма оживленные комментарии в прессе. При этом наблюдалось явное смещение акцента с аргументации "за" или "против" на аргументы в пользу изменения принципов набора в эти школы и их демократизации. Очевидно, ближайшее будущее покажет, явится ли такого рода смещение началом возвращения к двухпартийной политике в области образования или же по мере приближения новых выборов оно будет преодолено более жестким противостоянием сторон.

Как бы то ни было, экспансия "стипендиальных" школ и рост их популярности явились серьезным успехом правительства и, судя по всему, их место и роль в системе среднего образования Британии будет и дальше возрастать.

Учитывая острую проблему качества школьного образования в депрессивных городских районах, правительство обязалось "обратить особое внимание на повышение стандартов обучения в этих районах". Для этих целей оно выделило дополнительные средства⁴⁹, но, видимо, скольконибудь заметно продвинуться в решении этой одной из самых острых и застарелых проблем британского школьного образования ему пока что не удалось.

Возросшее внимание правительство стало уделять дошкольному воспитанию и образованию детей. В предвыборном манифесте 1992 г. оно обязалось содействовать увеличению числа мест в дошкольных учреждениях, которые к тому времени посещало около 50% детей трех-четырех-

⁴⁷ Ibid. P. 411, 416.

⁴⁸ Ibid. P. 411.

⁴⁹ The Campaign Guide. P. 413.

летнего возраста. Однако доля эта за три последующих года повысилась лишь незначительно, составив в начале 1994 г. 53%. Правда, наряду с постоянными заведениями в стране функционировало довольно большое число самостоятельных "игровых" групп. Основная их часть организуется самими родителями и входит в "Ассоциацию дошкольных игровых групп"⁵⁰.

В полном соответствии с принципами разнообразия (или плюрализма) в обучении и ориентацией на повышение его качества правительство Мейджора предприняло целенаправленные усилия на совершенствование системы тестов и экзаменов, особенно при переходе с одной ступени образования на следующие.

Предметом повышенного внимания правительства стала подготовка учительских кадров, которой длительное время не уделялось должного внимания. В предвыборном манифесте была даже предусмотрена "реформа" в данной области. В соответствии с ней вводилась система проверки квалификации учителей, все без исключения учителя должны были в 1994–1996 гг. пройти цикл двухгодичной подготовки, призванной повысить из профессиональную квалификацию, укрепить систему школьного менеджмента и способствовать повышению качества обучения. Само же педагогическое образование должно было осуществляться в тесном контакте педагогических вузов и школ. В 1994 г. для реализации всех этих целей было учреждено специальное "Агентство по подготовке учителей".

Особое значение придавало правительство развитию и совершенствованию профессиональной подготовки и переподготовки кадров для производства и экономики. В 1991–1992 г. оно публиковало две белые книги, которые официальные консервативные издания квалифицировали как "новый курс", а премьер-министр – как "поворотный пункт" в профессиональном образовании⁵¹. Книгами предусматривалась более целенаправленная специализация (с техническим и научно-техническим уклоном) среднего и высшего образования и соответствующие изменения в системе присвоения и форме дипломов, качественно новый уровень сотрудничества учебных заведений с бизнесом. Была разработана также система мер по совершенствованию внешкольной системы профессиональной подготовки молодежи. Согласно официальным заявлениям правительства, всем 16–17-летним выпускникам школ представляется реальная возможность получения профессионального образования, главным образом путем использования систем "молодежная подготовка" и "молодежный кредит". При этом уже в 1995–1996 гг. оно планировало довести долю выпускников, имеющих возможность получить (главным образом с помощью системы "молодежный кредит") полноценное профессиональное образование, до 100% (система "молодежной подготовки" обеспечивает лишь профессиональную подготовку широкого профиля⁵²). В подготовку высококвалифицированных технических кадров для промышленности

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. P. 62.

⁵² Ibid. P. 180, 432.

более активно включились и начавшие создаваться в соответствии с Актом 1988 г. специализированные технологические колледжи.

Правительство оказывало содействие и профессиональной подготовке и переподготовке на самих предприятиях. Для более целенаправленных усилий в этом направлении им была разработана программа "современное ученичество", которая вступила в действие с 1995 г. Согласно официальным данным, затраты предпринимателей на обучение и переобучение персонала составляют свыше 20 млрд. ф.ст. в год.

Еще в 1990 г. Агентство по профессионально-технологической подготовке было приватизировано, и основные функции по подготовке и переподготовке кадров сосредоточились в "советах по предпринимательству и обучению" в Англии и Уэльсе и "компаниях по местному предпринимательству" в Шотландии. К середине 90-х годов их общее количество достигло 94. Ассигнования правительства этим советам (в Англии и Уэльсе) составили в 1984–1985 гг. 1 млрд. 500 млн. ф.ст. Хотя советы подотчетны правительству по заключаемым им контрактам и связаны с правительственными региональными офисами, они имеют статус независимых и руководство ими осуществляется местными бизнесменами. В их ведении находится система подготовки молодежи и подготовки безработных. Что касается этой последней, то она осуществляется на индивидуально-контрактной основе и нацелена в основном на контингент хронически безработных. В 1994–1995 гг. для реализации этой программы правительство оплатило расходы на 114 тыс. учебных мест, и переподготовку на этих местах должны были пройти около 270 тыс. человек.

Помимо подготовки и переподготовки кадров для производства правительство заметно усилило внимание к проблеме управленческих кадров. При целом ряде университетов были открыты школы бизнеса для лиц, имеющих университетский диплом. Оно также выступило с инициативой "Менеджеральной хартии", для реализации которой было создано около 90 местных отделений. Непосредственное руководство и этой и другими системами менеджеральной подготовки и переподготовки было передано в руки самих предпринимателей.

Как и в области образования, основные новации правительства в системе здравоохранения носили, с одной стороны, "поправочный" характер, т.е. были нацелены на претворение в жизнь и уточнение принципов, заложенных в тэтчеристском десятилетии, а с другой – предусматривали ощутимое повышение общего уровня и качества услуг. По сути дела ставилась цель сделать Национальную систему здравоохранения достойной того уровня культуры и благосостояния, которого достигло британское общество к концу столетия. В "Хартии пациента" прямо указывалось, что правительство намерено реформировать систему, которая "не всегда позволяет обеспечивать обслуживание, которое люди могли бы от нее ожидать"⁵³. Сама же хартия, согласно официально высказанной точке зрения, являлась не чем иным, как "первой конституцией Национальной системы здравоохранения"⁵⁴, закрепляющей

⁵³ The Best Future for Britain. P. 28.

⁵⁴ The Campaign Guide. P. 95.

права пациентов. основополагающим из них являлось право равного доступа к медицинским услугам для всех граждан страны, независимо от средств, которыми они располагают, на информацию, касающуюся состояния медицинских учреждений данной местности, на замену лечащего врача, современные меры по жалобам пациентов и т.д. Особо оговаривались права получать в случае необходимости чрезвычайную (скорую) помощь, иметь доступ к информации о своем здоровье при гарантиях ее конфиденциальности. Как подчеркивалось в хартии, пациентам впервые гарантировалось получение необходимой помощи в течение определенного времени. Правда, максимальный срок ожидания очереди на операцию определялся в два года, а в исключительных случаях он мог быть и больше. Устанавливались также "стандарты хартии", нацеленные на повышение качества обслуживания.

В другом документе – зеленой книге "Здоровье нации", также опубликованной в 1991 г., ставились конкретные задачи по снижению смертных случаев от конкретных заболеваний (сердечно-сосудистых, раковых и т.д.), указывались пути достижения этих целей, причем особый акцент делался на профилактические меры. После анализа полученных в ходе обсуждения зеленой книги откликов и предложений в конце 1992 г. была опубликована соответствующая белая книга, и разработанные меры обрели законную силу.

В полном соответствии с взятым ранее курсом на "дебюрократизацию" осуществлялась дальнейшая автономизация управления здравоохранением, освобождение его учреждений из-под "опеки" местных властей. Не ослабляло правительство усилий и по менеджеризации и коммерциализации системы (подробно описанные в главе четвертой).

Продолжая усилия по кооперации между частным и государственным здравоохранением, власти все же были вынуждены констатировать, что частная практика в сравнении с той, которая реализуется по линии Национальной службы здравоохранения, крайне мала. Только 12% населения Британии участвовало в частном медицинском страховании, и это несмотря на специальные правительственные льготы, введенные для пожилых людей. К тому же значительная часть этих людей одновременно пользовалась и услугами государственного страхования.

Достаточно амбициозные цели, поставленные правительством в области здравоохранения, естественно требовали и значительных финансовых средств. И хотя оно продолжало линию предшествовавшего правительства на экономию, в том числе и путем внедрения конкурентных начал, "тестирование рынком", рационализации управления, одной лишь этой экономией здесь было никак не обойтись. В бюджете на 1994 г. эти расходы были предусмотрены в объеме 37,8 млрд. ф.ст. (против 29,1 млрд. ф.ст. в 1990–1991 гг.)⁵⁵. Продолжался и рост доли расходов на здравоохранение в валовом национальном доходе (с 4,7% в 1978–1979 гг. до 5,5% в 1991–1992 гг. и 5,7% в 1992–1994 гг.)⁵⁶.

Здесь наблюдалась картина, почти аналогичная той, что и в образо-

⁵⁵ Britain 1995... P. 369.

⁵⁶ Ibid.; The Campaign Guide. P. 79.

ваний, где государственные расходы выросли с 25 млрд. ф.ст. в 1989-1990 гг. до 32 млрд. ф.ст. в 1992-1993 гг.⁵⁷

Примечательно, что и соотношение частных и государственных услуг в образовании и здравоохранении оказалось к середине 90-х годов почти что одинаковым – около 7% учащихся посещало частные независимые школы⁵⁸ и, как уже только что отмечалось, немногим более 10% населения участвовало в частном медицинском страховании. Если же учесть, что это последнее не исключало использование государственной врачебной помощи, то указанная доля окажется почти равной. Подавляющее большинство населения Британии явно не захотело расставаться с этими двумя важнейшими "государственными" или, точнее, общественными "службами", и это обстоятельство, без сомнения, явилось главным фактором, обусловившим и отступление правительства Тэтчер от своих первоначальных замыслов в данной сфере, и те новые акценты, которые были сделаны правительством Мейджора после ее отставки.

Несколько по-иному складывалось положение дел в еще одной важнейшей сфере социального обслуживания, а именно в социальном страховании. Несмотря на некоторые меры по улучшению государственного пенсионного обслуживания и увеличению размеров пенсий, основной акцент по-прежнему делался на поощрении личных сбережений и участия в частных пенсионных фондах и внутрифирменному страхованию. Основные инициативы предпринимавшиеся по линии государственного страхования, были нацелены на некоторое улучшение положения наименее состоятельных пенсионеров, инвалидов, вдов, одиноких матерей и многодетных семей. Однако получаемые ими пособия оставались, как правило, ниже базовой государственной пенсии, составлявшей в 1994 г. 57 ф.ст. в неделю для одинокого и инвалида и 92 ф.ст. для супружеской пары (помимо этих сумм им выплачивалась также дополнительная пенсия, исчислявшаяся в соответствии с размером получаемой в предпенсионном возрасте зарплаты⁵⁹). Как и прежде, лица не заработавшие пенсию, т.е. не уплатившие полную систему взносов в фонд социального страхования, получали пособие лишь по линии "поддержки дохода", предназначенной для хронически безработных, либо по достижении 65-летнего возраста, но только в том случае, если они нуждались в уходе. В 1994 г. эта сумма варьировалась от 30 до 46 ф.ст. в неделю.

Пособия по безработице также продолжали выплачиваться в соответствии с принципами, утвердившимися в начале 80-х годов. Они фиксировались вне зависимости от размера получаемой ранее заработной платы и выплачивались максимум в течение года. Причем, если человек уклонялся от предлагаемой работы, пособия не выплачивались. В 1994 г. пособие составляло 45,5 ф.ст. в неделю для одинокого безработного и 73 ф.ст. для супружеской пары⁶⁰. Что касается выходного пособия, то оно устанавливалось, естественно, не государством, а предпринимателями и администрацией фирмы. По истечении года безработный может претендовать на

⁵⁷ Britain 1990. An official Handbook. L., 1990. P. 181; Britain 1995... P. 409.

⁵⁸ Britain 1995... P. 416.

⁵⁹ Ibid P. 401-405.

⁶⁰ Ibid. P. 405.

небольшое пособие, но его получение связано с определенными условиями.

Для реализации системы пособий безработным правительство Мейджора разработало новый его вид – "пособие ищущему работу", которое должно заменить оба выше названных вида выплат. Согласно плану правительства эта замена должна произойти в апреле 1996 г. Она будет представлять более жесткие требования поиска новой работы и как обязательное условие получения пособия будет включать проверку нуждаемости⁶¹.

Как следствие указанной ориентации правительства, так и главным образом в результате возросших возможностей населения делать сбережения, развитие социального страхования по этой последней линии явно обгоняло рост государственных пенсий и пособий. При всем том расходы государства на эти цели составляли самую большую статью государственных расходов (83 млрд. ф.ст. в 1994–1995 фин.г.)⁶². Согласно принятому ранее законодательству к 1999 г. будет завершен постепенный переход от фиксированных пенсий к пенсиям, устанавливаемым в соответствии с размером получаемой зарплаты, и они будут исчисляться по норме – 20% от среднего заработка за "лучшие" 20 лет. Но для тех, кто уйдет на пенсию до этого срока, она будет исчисляться по прежней, переходной системе.

По данным на 1994 г., 85% пенсионеров имело к этому времени дополнительный к основной пенсии доход, в основном из личных сбережений и от внутрифирменного страхования. Разумеется, размеры дополнительных доходов у различных групп пенсионеров и их соотношение с государственной пенсией были и остаются весьма неодинаковыми. Однако сам факт существенного повышения доли негосударственной пенсии в доходе подавляющей части пенсионеров не вызывает сомнения.

Не менее определенная ориентация на приоритет частного над государственным обнаруживалась в жилищной политике правительства. Соотношение частного и государственного домостроения оставалось примерно таким же, как и в 80-х годах, когда на 40 тыс. ежегодно строившихся государственных приходилось 200 тыс. частных домов и квартир⁶³.

В качестве одной из мер, призванных сгладить социальные контрасты в жилищном вопросе, правительство выделило около 100 млн. ф.ст на строительство ночлежек для бездомных⁶⁴. Предпринимались также меры по предоставлению некоторым категориям бездомных нормального жилья, однако отдача этих мер была явно недостаточной. Правда, после пика 1991 г. число бездомных семей начиная с 1992 г. стало уменьшаться, и в 1993 г. оно составило 134 тыс. (против 145 в 1991 г.). Но если учесть, что в 1988 г. эта цифра была равна 122 тыс.⁶⁵, о сколько-нибудь серьезных успехах здесь говорить не приходится.

Заметные усилия правительства, как и его предшественников, были направлены на поощрение частного домостроения, главным образом путем

⁶¹ Ibid. P. 406.

⁶² Ibid. P. 398.

⁶³ Politics Today. 1994. May 24. P. 209.

⁶⁴ The Best Future for Britain. P. 140.

⁶⁵ Britain 1995. P. 334.

снижения процентных ставок по выплате кредитов, а также в некоторых случаях по отсрочке этих выплат. Специальные меры были приняты для предотвращения массовых выселений жильцов из домов, купленных ими в кредит, в связи с неблагоприятными последствиями, которые имел для многих из них экономический кризис начала 90-х годов, и особенно рост безработицы.

Для поощрения лиц, желающих иметь собственное жилье, но не имеющих достаточных средств для его приобретения, правительство выделило 2 млрд. ф.ст. для "смешанного домовладения". Согласно этой схеме будущий домовладелец платит лишь часть необходимой суммы (в среднем 50%), остальную же оплачивает финансируемая правительством "жилищная ассоциация". В дальнейшем "частичный" домовладелец имеет возможность постепенно выкупить у ассоциации ее долю и стать полноправным собственником.

Правительство также предприняло ряд мер по поощрению найма жилья у частных домовладельцев и расширению прав квартиросъемщиков этого сектора. Уже в 80-х годах прекратился шедший длительное время процесс снижения доли этого сектора в активном жилищном фонде страны и начался некоторый ее рост. В 90-х годах этот рост стал более заметным, и к 1995 г. доля данного сектора повысилась с 8,6 до 9,9%. Доля же владельцев собственных жилищ поднялась до 67%⁶⁶.

Одной из сфер социального государства, на состояние которой правительство Мейджора также стремилось наложить свой отпечаток, явились так называемые попечительные службы. Так в Британии именуется многочисленные виды медицинской помощи хроническим больным, инвалидам, старикам, детям без родителей и другим категориям лиц, нуждающимся в постоянном уходе. Хотя значительная часть этих услуг выполняется "добровольческим сектором", насчитывающим в общей сложности свыше 300 тыс. групп и организаций, государство традиционно берет на себя ответственность за организацию помощи как самим нуждающимся, так и тем группам, организациям и фондам, которые действуют на добровольной и благотворительной основе.

В 1993 г. правительство начало реализацию специальной программы "Заботясь о людях", призванной улучшить существующие службы, обеспечить предоставление заинтересованным лицам и организациям всей необходимой информации о существующих услугах, повысить качество этих услуг, расширить свободу выбора, в частности между помощью на дому или в условиях стационаров (домов для престарелых, инвалидов, детских садов-интернатов и т.д.).

Согласно правительственным данным, общая сумма средств, которую благотворительные фонды и организации собирают на цели попечительства, достигает 5 млрд. ф.ст. в год. Для того чтобы стимулировать приток этих средств, правительство Мейджора расширило налоговые льготы на расходы частных лиц и компаний на данные цели, предприняло другие поощрительные меры. Оно также увеличило объем государственных средств, идущих непосредственно на финансирование попечительской

⁶⁶ Britain 1995... P. 328, 332.

деятельности, повысило ответственность местных органов власти и выделило им значительные средства на эти цели (около 1 млрд. ф.ст. в 1994—1995 гг.)⁶⁷. Им также были даны указания по созданию национального банка данных о попечительской службе и ее деятельности, усилению координации усилий отдельных организаций и фондов, созданию сети коммунальных центров, осуществляющих такого рода координацию.

С приходом к власти правительства Мейджора были предприняты меры по повышению качества подготовки социальных работников, от квалификации и добросовестности которых во многом зависит эффективность всей системы социального попечительства.

Как мы видим, во всех основных сферах социальной политики после отставки Тэтчер были осуществлены достаточно ощутимые нововведения. Взяв на вооружение некоторые из принципиальных подходов тэтчеризма, главным из которых, безусловно, явился принцип "смешанного" социального государства и "свободы выбора", правительство Мейджора в то же время вполне сознательно пошло на усиление этатистского начала в нем. Правда, акцент при этом был сделан не столько на вливание дополнительных средств из государственной казны, сколько на организационно-управленческие меры, призванные повысить отдачу и эффективность систем и приблизить их к потребителю.

Недвусмысленно признав, таким образом, первостепенную роль общественных услуг, Мейджор и его коллеги тем самым заметно продвинулись в направлении более органичного синтеза двух подходов — традиционного социал-реформаторского и неоконсервативного. С идеей "предохранительной сетки" и "малого социального государства" было покончено не только де-факто, но и де-юре, и это было отнюдь не только формальным достижением.

Однако далеко не все общественно-политические силы Британии сочли подходы и решения, предложенные правительством Мейджора, соответствующими требованиям времени. Причем это касалось отнюдь не только государства благосостояния, но также экономики, политики и даже политического устройства. После более полутора десятка лет однопартийного правления вопрос альтернативы начал все решительнее выдвигаться в эпицентр партийно-политической борьбы. А это значит, что судьба тэтчеризма и посттэтчеризма стала зависеть уже не столько от расклада сил внутри самих консерваторов, сколько от способности партии в целом "держать удар" и противостоять натиску оппозиции.

4. Кризис партии или зависание маятника?

Будучи по самой своей сути цельным, органичным феноменом, в той или иной степени пронизывавшим все основные ипостаси консерватизма, тэтчеризм не просто влиял на состояние консервативной партии, но и в значительной мере определял сам ее имидж. Осюда неизбежные трудности "расставания" с тэтчеризмом и перехода в иное, посттэтчеристское состояние.

⁶⁷ Britain 1995... P. 392.

Проблемой номер один, почти перманентно лихорадившей партию, была острота внутрипартийных разногласий, и особенно разногласий в руководящих кругах. Если до выборов 1992 г. эти разногласия были после острейшей вспышки конца 1990 г. довольно быстро приглушены, то почти сразу же после выборов ситуация явно стала выходить из-под контроля.

Основным яблоком раздора оставалась, как и в конце 80-х годов, европейская политика правительства. Заметно ускорившийся после принятия Единого европейского акта процесс экономической и политической интеграции ЕС потребовал от британских властей совершенно конкретных действий и решений. Подготовленные в основном сторонниками федеральной Европы Маастрихтские соглашения требовали от государств-участников снятия практически всех ограничений на свободное продвижение товаров, капиталов и рабочей силы, введения единого европейского паспорта для всех граждан региона, значительного повышения роли и прерогатив институтов ЕС, и прежде всего Комиссии и Европарламента. Серьезность предлагавшихся изменений подчеркивалась и тем, что Европейское сообщество переименовалось в "Европейский союз". Согласно более ранним договоренностям Маастрихтские соглашения должны были, разумеется, после ратификации их странами-участницами, вступить в силу в 1993 г.

Позиция правительства в отношении соглашений была определена еще накануне выборов 1992 г., и, несмотря на ряд оговорок, оно недвусмысленно выступало за их ратификацию. Однако, как только выборы остались позади и начались обсуждения, предварявшие ратификацию, от 30 до 50 парламентариев стали решительно возражать против соглашений, и в партии развернулась острейшая полемика, в стороне от которой не осталась и сама бывший премьер. Ее отношения с правительством и с его главой становились все более натянутыми, чем не преминули воспользоваться "евроскептики". Лишь с огромным трудом в июне 1993 г. правительству удалось провести через парламент решения, одобрявшие Маастрихтские соглашения. Мейджору даже пришлось пригрозить роспуском парламента, чтобы добиться своего. При этом правительство осталось на прежней позиции в отношении Социальной хартии ЕС, специально оговорив неучастие Великобритании в ней. Как неоднократно заявлял и премьер-министр и другие члены кабинета, соглашения не кладут начало европейскому супергосударству, и Британия, равно как и другие страны-участницы, сохраняет национальный суверенитет почти в том же объеме, что и раньше.

Тем не менее отметим, что даже после ратификации правительству не удалось закрыть проблему. На повестке дня почти постоянно стоял вопрос о новых мерах по углублению интеграции, и прежде всего о переходе к единой для всего Европейского союза валюте и более тесной военно-политической интеграции. Острое недовольство противников "объединенной Европы" вызывали и меры, порой самые заурядные, по практической реализации достигнутых соглашений.

Наибольшего накала страсти в партии достигли в конце ноября 1994 г., когда парламент по предложению правительства должен был принять решение об увеличении взноса Великобритании в бюджет Союза

примерно на 100 млн. ф.ст. Хотя сумма этого увеличения была сравнительно небольшой и изыскать ее не представляло большого труда, наиболее непримиримо настроенные "евроскептики" решили, что называется, стоять насмерть. Несмотря на все принятые меры, восемь из них проголосовали против этого решения, за что были исключены из состава фракции.

В обычных условиях такая мера означала бы политическую смерть послушников, поскольку они не имели бы никаких или почти никаких шансов быть избранными в парламент на следующих выборах. Однако, чтобы такое произошло, необходимо было "послушание" партийных организаций избирательных округов, их согласие на отказ вновь зарегистрировать нарушителей в качестве кандидатов. Но, как писал в те дни "Экономист", указанные восемь парламентариев не только не встретили осуждения в своих организациях, но, напротив, ходили там "в любимчиках". Что же до прессы, то она превратила их в "героев"⁶⁸.

Не менее нежелательными для правительства оказались и чисто политические последствия этого шага. Исключив из рядов правящей партии столь большую группу ее членов, оно фактически утратило абсолютное большинство в парламенте. При голосовании об увеличении взноса его спасла от поражения лишь поддержка девяти парламентариев фракции ольстерских юнионистов. Но поддержка эта отнюдь не была надежной, особенно в связи с теми разногласиями, которые как раз в данный момент возникли между ними и правительством в связи с переговорами между Британией и Ирландией о будущем Ольстера.

Шаткость позиций правительства была нагляднейшим образом продемонстрирована в начале декабря, когда оно потерпело унижающее поражение, не сумев провести через парламент решение о повышении налога на горючее (о чем упоминалось выше). На сей раз против него голосовали и семь из восьми "послушников", и вся фракция юнионистов, причем, как писала пресса, и те и другие голосовали не против налога, как такового, а по чисто политическим мотивам. На волосок от поражения находилось правительство и в ряде других случаев.

Помимо европейских дел разногласия, хотя и в менее острой форме, обострялись и по ряду других вопросов, и прежде всего по вопросу о темпах и масштабах приватизации, отношению к реформированию государственной службы, бюджетной и налоговой политике и т.д.

Хотя основной ареной столкновения мнений и позиций являлись парламент и околопарламентские круги, важным фактором нестабильности становились и усилившиеся разногласия внутри кабинета. Эти разногласия были тем более серьезны, что касались они не только тех или иных конкретных вопросов, но и общей стратегии реформ. Как сообщала весной 1994 г. "Файнэншл таймс", ряд членов кабинета, и прежде всего такие, как министр иностранных дел Д. Хёрд, лидер Палаты лордов лорд Уэйкхем, главный парламентский организатор Р. Райдер, лидер палаты общин А. Ньютон, министр внутренних дел М. Хоуард и министр по вопросам социального обслуживания У. Уолдгрейв выступали за более мед-

⁶⁸ Economist. 1994. Dec. 10. P. 13.

ленную и осторожную приватизацию, ссылаясь, в частности, на то, что такая спешка вызовет серьезное сопротивление в палате лордов и среди многих консервативных парламентариев⁶⁹. Эти "консолидаторы", как их стала именовать пресса, требовали также проявить большую сдержанность в таких вопросах, как дальнейшая перестройка экономики, местного самоуправления, и, напротив, сосредоточиться на доведении реформ в области образования, здравоохранения и других общественных служб. Не проявляли они особого рвения и в вопросах "европейского строительства".

К тому же такие влиятельные деятели, как министр финансов К. Кларк, министр торговли и промышленности М. Хезелтайн и некоторые другие, выступали за ускорение и расширение приватизации, требовали не терять темпа в других вопросах консервативной политики. Видимо, под давлением Кларка была предпринята упоминавшаяся выше попытка провести через парламент решение о приватизации почтовой службы. Он же настаивал и на скорейшей приватизации ядерной энергетики⁷⁰. Спешил с приватизацией угольной промышленности и М. Хезелтайн. Что касается "Европы", то К. Кларк и другие более радикально настроенные министры настаивали на практически безоговорочном согласии с планами дальнейшей интеграции, включая и переход к единой валюте.

Как видим, размежевание в партии после отставки Тэтчер и особенно после выборов 1992 г. отнюдь не повторяло того, которое имело место в течение 80-х годов. Будучи "антитэтчеристами" в вопросах европейской интеграции, "радикалы" действовали как последовательные тэтчеристы в вопросах приватизации. То же сочетание обоих подходов, правда в более сглаженном виде, наблюдалось и у "консолидаторов". При этом на передний план неизменно выдвигались разногласия вокруг проблем национального суверенитета и европейской интеграции. И хотя и численность, и влияние твердых "евроскептиков" оставались сравнительно небольшими, концентрация противоречий на вопросе, который чем дальше, тем больше становился центральным вопросом политической борьбы в стране, делала достижение единства крайне сложной и почти неразрешимой задачей. Недаром с некоторых пор и в печати, и в общественном сознании утвердилось мнение, что имидж "расколотой партии", десятилетиями преследовавшей лейбористов, к середине 90-х годов все прочнее ассоциировался с партией тори.

Казалось бы, и в силу своего темперамента, и, главное, политических убеждений Дж. Мейджор должен был поддерживать "консолидаторов", выступавших против "забегания вперед" и озабоченных реакцией избирателя на ослабление внимания к социальному реформаторству. Однако, обеспокоенный прежде всего сохранением единства партии и недопущением ее раскола, он стремится лавировать между двумя упомянутыми фракциями, выступая не столько в роли лидера, сколько "медиатора", координатора. Подобного рода позиция, естественно, не добавляла ему престижа и авторитета, и популярность его падала даже в глазах тех,

⁶⁹ Financial Times. 1994. May 14.

⁷⁰ Ibid.

кто не так давно считал его способным и целеустремленным лидером.

При всем том премьеру удавалось сохранять в общем и целом взятую после отставки Тэтчер "посттэтчеристскую стратегию" и не отступать от нее в главном. Европейская политика, несмотря на колоссальные трудности, претворялась в жизнь, социально-экономическое реформаторство, несмотря на достаточно серьезные сбои в области приватизации и налоговой политики, продолжалось. На руку премьеру было и то, что в 1994 г. был окончательно преодолен экономический спад и рост ВВП составил внушительную цифру в 3,5% (наивысший уровень в Европе), а прогнозы на 1995 г. сулили еще более благоприятный результат.

Несмотря на получивший широкое хождение в прессе тезис об "изношенности" кабинета и его основных фигур, их менее всего можно было заподозрить в поражечестве. Даже Хезелтайн, несмотря на свой возраст (в 1994 г. ему перевалило за 60), был, судя по всему, не прочь в случае достаточно внушительной поддержки подняться на последнюю, высшую ступень власти. Что же до таких деятелей, как К. Кларк, министр по делам занятости М. Портилло и еще нескольких ведущих министров, то их амбиции, судя по событиям июня – июля 1995 г., лишь подогревались обстановкой кризиса и разногласий. Да и в целом кабинет Мейджора остался весьма компетентным и работоспособным органом.

При всем том престиж кабинета и правительства продолжал падать, чему не в малой степени способствовали участвовавшие случаи "нестандартного" поведения министров, чаще всего на сексуальной почве и причастности к коррупции. Наверняка в памяти англичан надолго сохранится случай, когда едва ли не на другой день после заявления Мейджора на конференции 1993 г. о необходимости "возвращения к истокам", которое призвано было положить начало своего рода крестовому походу против безнравственности⁷¹, разразился один из наиболее громких скандалов вокруг нечистоплотности действий одного из министров. Естественно, что задуманная кампания провалилась, и имидж не только правительства, но и всей партии серьезно пострадал. После этого случались и другие скандалы, и эффект их был столь же негативным.

Далеко не лучшим образом складывалось положение и в "массовой партии". Ее боевитость, способность противостоять оппозиционным силам и демонстрировать свое превосходство над ними заметно снизились после выборов 1992 г., чему не в последнюю очередь способствовали почти что постоянные неурядицы в верхах и непопулярность лидера. Особенно наглядно ослабление дееспособности партии проявлялось в 1993–1995 гг. в ходе местных выборов и выборов июня 1994 г. в Европарламент. На местных выборах, состоявшихся в мае 1994 г. Партия набрала соответственно всего 27 и 25% поданных голосов, тогда как лейбористы получили 42 и 46%, а либеральные демократы – те же 27 и 24%⁷². Как писала сразу после объявления результатов выборов 1994 г. "Файнэншл таймс", тори и их лидер уже "на веревках, но все еще продолжают бой"⁷³.

⁷¹ Conservative Party News. 1993. Oct. 8. P. 6.

⁷² Financial Times. 1994. May 7; Guardian. 1995. May 5.

⁷³ Ibid.

Не удалось партии тори поправить свои дела и на европейских выборах, состоявшихся 9 июня 1994 г. В ходе этих выборов консерваторы потеряли 14 из 32 своих мест, лейбористы же увеличили свое представительство с 45 до 62. Соответственно процент голосов, поданных за первых, снизился с 34 до 28, а за вторых возрос с 40 до 44⁷⁴.

Беспрецедентным поражением на выборах соответствовало и поистине катастрофическое снижение престижа партии в глазах избирателей. По данным целого ряда опросов 1994–1995 гг., в случае, если бы на дату опроса состоялись всеобщие выборы, партия собрала бы всего около 25–30% голосов, лейбористы получили бы 55–60% и либеральные демократы – около 15–20%.

Явно неблагоприятная ситуация в партии неизбежно ставила в повестку дня вопрос о ее лидере, и неудивительно, что в средствах массовой информации где-то с 1993 г. стал периодически будироваться вопрос о его замене на более сильную и авторитетную фигуру.

Правда, в печати встречаются и более взвешенные суждения, и в качестве одного из таковых можно привести статью известного журналиста Самуэля Бриттена, который в момент особо нелицеприятных нападков на Мейджора в прессе писал о том, что тот стал жертвой беспрецедентной по своей истеричности, злобности и длительности кампании. Бриттен в то же время заявлял, что отсутствие харизмы у премьера это скорее норма и она относится к подавляющему их большинству. Главная вина Мейджора в глазах многих его недоброжелателей – это его "отступничество" от тэтчеризма⁷⁵.

Хотя доводы и объяснения Бриттена, равно как и даваемые им оценки, звучат весьма убедительно, они все же не отвечают на главный вопрос, а именно, в чем глубинная причина действительно почти беспрецедентной непопулярности Мейджора и одновременно его "непотопляемости" как премьер-министра?

Что касается последнего вопроса, то большинство обозревателей сходятся на том, что удержаться на этом посту ему помогла и помогает принадлежность его более сильным конкурентам либо к одной, либо к другой из упомянутых выше группировок кабинета. Вступление их в борьбу за пост лидера неизбежно привело бы к обострению внутреннего конфликта в партии, и это служило для каждого из них мощным сдерживающим фактором.

И все же, думается, главная причина "непотопляемости" Мейджора не в этом. При всем том, что о нем говорили и писали, Мейджор был и остается компетентным и знающим свое дело премьер-министром.

Не уходил и не уходит он, в случае необходимости, и от принятия жестких решений, в том числе и по отношению к своим коллегам по кабинету. Когда в канун острых дебатов по Маастрихтским соглашениям он почувствовал, что занимавший пост министра финансов Н. Ламонт не обладает должной хваткой и авторитетом, чтобы выдержать натиск оппонентов, и не является политиком, калибр которого соответствует

⁷⁴ Economist. 1994. June 18. P. 30.

⁷⁵ Financial Times. 1994. Apr. 11.

занимаемому посту, он назначил на этот пост одного из наиболее сильных членов кабинета – Кларка. Ламонт же, который считался другом Мейджора и более чем кто-либо другой содействовал его победе в 1990 г., "хлопнул дверью" и произнес "разоблачительную" речь в парламенте. Со временем, однако, буря улеглась, а дееспособность кабинета возросла.

Не демонстрируя должной решительности и последовательности, Мейджор в чисто политическом плане оказывался сплошь и рядом значительно более реалистичным и гибким политиком, нежели его более яркие оппоненты.

К тому же существуют области политики, где все предшественники Мейджора терпели провал, а ему удается добиться успеха или полууспеха. Прежде всего это относится к политике в отношении Северной Ирландии, гражданская война в которой уносила не только жизни, но и наносила огромный урон экономике, социальной сфере, всей общественно-политической жизни провинции, а в какой-то мере и всей стране в целом. После длительных и изнурительных переговоров с премьером Ирландской республики был согласован проект соглашения, в соответствии с которым в Ольстере создается полномочный парламент, наделенный правами не только решать дела самой провинции, но и определять ее статус. В ответ Ирландская республиканская армия прекратила террористические акты и почти на полтора года кровопролитие было остановлено.

Уязвимым местом соглашения было то, что в его подготовке не приняли участие представители враждующих сторон, и в том числе лидеры самой многочисленной, протестантской общины. Еще до опубликования соглашения в конце февраля 1995 г. партия ольстерских юнионистов, выражающая ее интересы, сделала ряд заявлений о неприемлемости для них предлагавшихся решений, поскольку они ставили под вопрос их исходную приверженность к вхождению Ольстера в состав Соединенного Королевства (отсюда и само название партии). Тем не менее они не отказывались сесть за стол переговоров и участвовать в них. А это, естественно, продлеvalo достигнутое перемирие и создавало реальную надежду на более длительное прекращение военного противостояния и перевод его в противостояние политическое⁷⁶.

При всем значении этой и некоторых других инициатив премьера, равно как и изменений экономической ситуации страны к лучшему, скольконибудь заметных сдвигов в отношении избирателя к правительству и премьеру не происходило.

А это, естественно, еще больше усугубляло кризис в партии и рано или поздно должно было привести к попыткам разрешить его традиционным для тори способом, а именно сменой лидера. Однако, вопреки всем прецедентам, вопрос о лидерстве был поставлен летом 1995 г. не кем иным, как самим Мейджором. Предвидя неизбежность борьбы в начале новой сессии парламента в ноябре, когда, согласно существующим правилам, претендент или претенденты на этот пост могли потребовать балло-

⁷⁶ Шансы урегулирования конфликта, казалось бы, еще более возросли после визита в Ирландию и Великобританию президента США Клинтона, в ходе которого было наглядно продемонстрировано горячее желание населения Ольстера достичь мира и согласия в провинции.

тировки, он решил упредить события и пошел на беспрецедентный шаг, объявив о своей отставке с поста лидера партии. При этом он тут же заявил, что выставляет свою кандидатуру, и выразил уверенность в победе над любым другим кандидатом, если таковой найдется. В случае же поражения он тут же уходит с поста премьер-министра.

Вопреки ожиданиям Мейджора, рассчитывавшего на лояльность кабинета министров, вызов ему бросил один из членов кабинета, ответственный за проблемы Уэльса, Джон Редвуд. Однако даже столь сильному противнику не удалось ослабить поддержку Мейджора настолько, чтобы в борьбу могли вступить такие "тяжеловесы", как Хезелтайн и Портилло, считавшиеся наиболее перспективными кандидатами на пост лидера.

На состоявшихся 4 июля 1995 г. выборах за кандидатуру Мейджора было подано 218 голосов – ровно две трети парламентской фракции. Редвуда поддержали 89 парламентариев, около 20 воздержались или испортили бюллетени.

Сам Мейджор и его сторонники расценили результаты выборов как недвусмысленный мандат на руководство партией и обеспечение ее единства. Сразу же после выборов Мейджор произвел серьезную "перетряску" в кабинете, в результате которой М. Хезелтайн стал заместителем премьера, а министром иностранных дел – центрист М. Рифкинд, который сменил подавшего еще до выборов лидера в отставку Д. Хёрда. Хотя представитель "евроскептиков" М. Портилло получал более важный пост министра обороны, а новый министр иностранных дел зарекомендовал себя не столь однозначным "европеистом", как его предшественник, в целом баланс в новом кабинете остался почти прежним. М. Хезелтайн, чья популярность среди рядовых консерваторов достаточно высока, стал фигурой номер два в кабинете, "европеист" К. Кларк сохранил пост министра финансов, и вместе с самим Мейджором и Рифкиндром эта четверка была призвана, судя по всему, создать более дееспособное и авторитетное ядро новой команды.

Естественно, что главной заботой премьера при формировании нового кабинета было не только и даже не столько обеспечение единства (в котором в свете приближающихся выборов заинтересованы даже самые непримиримые евроскептики), но прежде всего создание более авторитетного ядра, способного ответить на становящийся все более опасным для консерваторов вызов оппозиции.

Все эти обстоятельства, равно как и приближающиеся выборы, побуждали премьера и его ближайшее окружение пойти на известную коррекцию проводимого курса. Наиболее наглядно это проявилось на ежегодной конференции партии в октябре 1995 г., в самый канун которой один из довольно известных парламентариев тори, бывший директор исследовательского центра партии А. Ховарт заявил о своем переходе на скамью лейбористской оппозиции. Несмотря на этот неприятный сюрприз, в результате которого большинство консерваторов в парламенте снизилось до пяти (еще до этого исключенные из фракции парламентарии были восстановлены в своих правах), конференция продемонстрировала небывалую в последние годы степень сплоченности партийных верхов и их решимость сохранить за собой бразды правления страной.

Основой скорректированного в преддверии курса партии явилось довольно заметное смещение ее политического курса вправо. Вновь, как и в период "раннего" тэтчеризма, в полный голос зазвучал лозунг "законности и порядка", призванный продемонстрировать решимость партий покончить со все более тревожащим население ростом преступности. При этом чем дальше, тем сильнее в хоре голосов, озвучивавших этот лозунг, стали звучать и более или менее откровенные расистские нотки, призванные потрафить определенной категории избирателей. Как лейбористская оппозиция, так и более широкие общественные круги сочли рассчитанным на тот же эффект и заявленный в тронной речи, а затем и срочно проведенный через парламент законопроект, существенно ограничивавший приток ищущих политическое убежище иммигрантов.

Еще одним заметным шагом в том же направлении явилось демонстративное ужесточение европейской политики тори. На конференции партии с довольно резкой "антиевропейской" речью (как ее тут же окрестила и британская, и европейская печать) выступил министр обороны Портилло, осудивший, в частности, идею общей оборонной политики страны ЕС. Спустя некоторое время и сам Мейджор, не разделявший и ранее федералистских поползновений ряда руководителей ЕС, стал намекать на то, что Британия не согласится на введение общей европейской валюты по меньшей мере до 2002 года⁷⁷. Симптоматично, что именно такую отсрочку предлагал в период борьбы за лидерство его соперник Дж. Редвуд. Как заявил еще в ходе конференции один из оппонентов Мейджора справа, "мы все теперь евроскептики"⁷⁸. Конечно же, это заявление выдавало желаемое за действительное, однако факт явного сближения позиций двух основных фракций тори в данном вопросе оно, безусловно, отражало.

Пожалуй, наиболее серьезные надежды на упрочение резко снизившейся популярности тори связывались и связываются с уменьшением подоходного налога в бюджете на 1996 г. Правда, вместо ожидавшихся многими снижения средней ставки налогообложения с 25 до 23 и даже 22% в представленном в ноябре проекте бюджета было предложено сокращение всего на 1%. Тем не менее, учитывая предшествующую линию на рост налогообложения (за 1992 г. его общий рост составил 7%), это подавалось как далеко идущее изменение социально-экономической политики в "тэтчеристском" направлении.

При всем том и перечисленные, и некоторые другие предложения и меры не возвращали партию к тэтчеристским истокам, а носили скорее конъюнктурный, тактический характер. И хотя они способствовали некоторому сплочению партии кардинально изменить ситуацию в ней они не были в состоянии.

Все это, естественно, ставит вопрос о том, где кроются более глубокие причины кризиса доверия к консерваторам и какие последствия он может иметь.

Наиболее простой ответ заключается в том, что партия, находящаяся

⁷⁷ Financial Times. 1995. Oct. 21.

⁷⁸ Ibid. Oct. 10.

у власти более полутора десятка лет, не может не "приестся" избирателю, и хотя главные ее действующие лица время от времени меняются, она тем не менее сохраняет и свой облик и свои общие характеристики. Консерватизм, какие бы обличия он ни принимал, а также какое бы из его течений ни брало верх, остается ограниченным теми исходными "родовыми" принципами, на которых он базируется. В результате эффект "маятника", сколь бы долго его движение ни тормозилось теми или иными факторами, рано или поздно проявится, и именно это явление, судя по всему, мы наблюдаем в Британии с середины 90-х годов. Отставка Тэтчер в 1990 г. сняла на какое-то время тормозящий момент и позволила маятнику качнуться дальше обычного, но чем далее это продолжалось, тем труднее становилось удерживать его от обратного хода.

Сравнение с маятником, однако, требует существенного уточнения. Чтобы механизм вновь пришел в действие, нужна, помимо прочего, достаточно эффективная "контрсила", которая в определенный момент оказалась бы достаточной, чтобы не только остановить движение в одну сторону, но и толкнуть его в противоположную. В отличие от маятника механического, в котором колебания заранее заданы, колебания маятника политического не происходят автоматически, они жестко обусловлены состоянием тех политических сил, которые находятся по разные стороны от точки равновесия и между которыми он колеблется. А посему непременным условием нормального функционирования системы становится разность потенциалов указанных сил, причем разность не постоянная, но время от времени меняющаяся. И поскольку опять-таки время это заранее не может фиксироваться и зависит от многих обстоятельств, и сами колебания политического маятника носят весьма специфический и даже не всегда регулярный характер. В принципе если потенциал одной из сторон снижается до критически малой величины, механизм колебаний маятника может вообще перестать действовать.

Собственно, именно к такому выводу после выборов 1992 г. пришли некоторые из ведущих политиков Великобритании, посчитавшие, что оппозиционные лейбористская и либерально-демократическая партии настолько ослаблены, что утратили саму способность управлять страной и что традиционно функционировавшая в Британии двухпартийная система превращается и даже превратилась уже в однопартийную. Так, ведущий автор книги о выборах 1992 г. А. Кинг утверждал в ее заключительной главе, что препятствия, лежащие на пути лейбористской партии и мешающие ей вновь обрести позиции правящей, практически непреодолимы. Это и "сужающаяся социальная база", и "ослабленное и серьезно дискредитированное профсоюзное движение", и "сильно увязшая в прошлом идеология", и, наконец, "твердо укоренившееся среди избирателей мнение о лейбористах как о партии высоких налогов, высокой инфляции, высокого уровня стачечной борьбы, бесконечных сбоев общественных услуг и безнадёжно некомпетентного управления экономикой"⁷⁹. Главный вывод, который он сформулировал еще во введении к книге, сводился к следующему: "Может случиться, что выборы 1992 г. сигнализируют

⁷⁹ King A. et al. Britain at the Polls 1992. Chatham, New Jersey, 1993. P. 245–246.

окончание длительной исторической эпохи, когда две главные партии Британии довольно часто сменяли друг друга у власти"⁸⁰.

Почти столь же категорично высказывался по тому же вопросу другой не менее почитаемый мэтр британской политологии Ричард Роуз. В своей статье, открывающей специальный, посвященный анализу выборов 1992 г. номер журнала "Парламентари аферз", он утверждал, что "циклические флуктуации" в британской политической жизни вытесняются принципиально отличной от них моделью "структурных изменений", суть которых, как следует из содержания статьи, все та же элиминация двухпартийной системы. В обоснование своего вывода он приводил данные, свидетельствующие о коренных изменениях в составе избирателей, их образовании, собственности, политических и социальных предпочтениях. Эти изменения, по Роузу, не в состоянии учесть "циклическая теория", ибо она имеет дело лишь с изменениями "плоскостного", количественного характера. Между тем изменения, происшедшие с 1974 г., носят качественный, комюлятивный характер. Суть же этих последних заключается в том, что в течение четырех-шести выборов голосование за одну партию обнаруживает восходящий тренд, а за другую – нисходящий. В результате соперничество между партиями становится асимметричным⁸¹.

При всем том Роуз не исключал, что консерваторы могут потерпеть поражение на следующих выборах, особенно в случае предвыборного альянса лейбористов и либералов (который он считает крайне маловероятным). В случае поражения консерваторов результатом будет, скорее всего, "подвешенный парламент", в котором ни одна из партий не будет иметь абсолютного большинства. А это приведет к "структурным изменениям" и перегруппировке политических сил. Однако в любом случае лейбористская партия, даже если она сохранит статус официальной оппозиции, не сможет оставаться "альтернативным правительством"⁸².

При всех оговорках и Роуза и Кинга их основной вывод достаточно категоричен – двухпартийной системе в ее прежнем виде пришел или приходит конец, и главная причина тому – "устарелость" лейбористской партии, ее неспособность адаптироваться к быстроменяющейся обстановке.

Между тем еще задолго до выборов 1992 г. положение в лейбористской партии начало столь быстро меняться, что вывод о ее "устарелости" выглядел по меньшей мере преждевременным.

Сразу же после катастрофического поражения на выборах 1983 г. в партии произошла замена лидера, причем, несмотря на свое левосоциалистическое прошлое, новый лидер лейбористов Нейл Киннок предпринял энергичные усилия с целью освобождения ее от радикализма и экстремизма. Ему, в частности, удалось практически свести на нет влияние троцкистских "милитантов", которое в 70-х и начале 80-х годов непрерывно росло и благодаря которому престиж партии как потенциально правящей постоянно снижался. Еще более серьезным его успехом было

⁸⁰ Ibid. P. VIII.

⁸¹ Parliamentary Affairs. L., 1992. Oct. P. 458–459.

⁸² Ibid. P. 463–464.

то, что, делая ставку на повышение роли теневого кабинета и верхушки партийного аппарата, ему удалось сначала серьезно потеснить, а затем и ослабить влияние представителей левого крыла в партии, задававших в ней тон после выборов 1979 г. Согласно исследованию, опубликованному Британской ассоциацией политических наук, в течение 1983–1987 гг. Киннок и его единомышленники закрепили свой контроль над партийной машиной и поставили весь процесс подготовки, принятия и исполнения решений на сугубо профессиональную основу⁸³. Одним из результатов принятых мер стало прекращение в 1987 г. "исхода" индивидуальных членов из партийных организаций. Если в течение 1984–1988 гг. численность таких членов сократилась на 60 тыс. и достигла в конце этого периода 266 тыс., то в дальнейшем она стала увеличиваться, составив к 1995 г. 320 тыс.⁸⁴ Все это способствовало значительному росту эффективности лейбористской партии как "электоральной машины", что и сказалось, в частности, на заметном росте числа собранных голосов на выборах 1987 г.

Однако это был лишь первый шаг реформирования партии, почти что не затронувший ее идеологических и политических установок. Третье подряд серьезное поражение на всеобщих выборах 1987 г. поставило руководство партии перед дилеммой: или идти дальше, или же смириться с ролью "вечной оппозиции". Что касается Киннока и подавляющего большинства высших партийных руководителей, то для них ответ был однозначен: нужно идти дальше, и чем быстрее, тем лучше. Да и для основной массы членов и активистов выход из состояния переменной оппозиции стал, судя по всему, приоритетом номер один⁸⁵.

Не откладывая дела в долгий ящик, сразу же после выборов 1987 г. лейбористское руководство разработало амбициозный проект, получивший название "Пересмотр лейбористской политики". В рамках этого проекта было создано семь исследовательских групп, призванных выработать новые принципиальные установки как стратегического, так и тактического порядка. Уже в 1989 г. на основании выработанных ими рекомендаций был издан программный документ "Встретим вызов, произведем перемены", который фактически дезавуировал программу 1982 г. и созвучные с ней последующие заявления и декларации⁸⁶.

Что же до сути, то она заключалась не только в решительном пересмотре установок и подходов, возобладавших в 70-х – начале 80-х годов, когда усилия левого крыла были нацелены на превращение партии из умеренно социал-демократической в радикально-социалистическую, но и многих из тех, которые составляли квинтэссенцию традиционного лей-

⁸³ Contemporary Political Studies 1994. L., 1994. Vol. 1. P. 477–478.

⁸⁴ Guardian. 1995. Mar. 12.

⁸⁵ Как писал один из авторитетных исследователей лейборизма Патрик Сайд, после выборов 1987 г. лейбористская партия "обнаружила страстное стремление к власти, обычно ассоциировавшееся с партией тори. Многие консерваторы начали завидовать лейбористам, обретшим новую организационную силу, умение выигрывать дополнительные выборы и создать эффективно действующую электоральную команду" (King A. et al. Britain at the Polls. P. 96).

⁸⁶ Meet the Challenge, Make the Change. A New Agenda for Britain. L., 1989.

боризма. Ключевыми выражениями стали не "социализм" и "социалистические ценности", а "справедливость" и "справедливое общество". Так, характеризуя новые лейбористские подходы, Киннок писал в предисловии к документу, что, исходя из подлинных ценностей "индивидуальной свободы", партия старается "способствовать созданию общества, в котором граждане имеют в своем распоряжении достаточно средств для того, чтобы самим быть ответственными за собственную жизнь и выполнять обязательства перед другими. Есть ограничения в том, что современное государство может и должно делать. Но нет никаких ограничений в том, как оно могло бы стимулировать людей на действия ради самих себя"⁸⁷.

Помимо этих и им подобных деклараций в документе, содержащем 88 убористых страниц, был разработан целый ряд сугубо конкретных предложений по улучшению ситуации в экономике, отношениях на производстве, социальной сфере в целом и в отдельных видах социального обслуживания. Предлагалось учреждение избираемой второй палаты, расширение роли и прерогатив органов местного самоуправления, создание представительных органов власти в Шотландии и Уэльсе. В области оборонной и внешней политики акцентировалась необходимость участия в НАТО, многостороннее ядерное разоружение, разрядка, приверженность к ЕС.

Что касается прежних приоритетов, национализации, перераспределения доходов и собственности, "планирования", других форм прямого государственного вмешательства в экономику, а также одностороннего ядерного разоружения и ряда других подобного рода мер, то документ не содержал даже намека на них.

Как писал профессор Эссекского университета Айвор Кру, это был "наименее социалистический документ за всю историю лейбористской партии"⁸⁸, и он был абсолютно прав.

При всем том документ содержал ряд положений, отдававших дань прошлому и делавших позиции партии уязвимыми для критики со стороны консерваторов, да и не только их одних. В нем, в частности, предлагалось разработать "хартию для занятых", главным пунктом которой было право на полную занятость и восстановление практически в полном объеме права на забастовку. Особо подчеркивалась роль профсоюза, необходимость ревизии ряда важнейших положений законодательства, осуществленного правительством консерваторов.

Отзвуки старых, "перераспределительных" подходов довольно явственно ощущались и в разделе о налогах, и особенно в предложении ввести "эффективный налог на богатство".

В полном соответствии с ревизионистскими идеями "базового" документа был составлен предвыборный манифест 1992 г.⁸⁹ И по форме, и по содержанию манифест был документом, сопоставимым по всем параметрам с документом консерваторов – прагматичным, социально ориентированным и отличающимся от него не столько философией, сколько

⁸⁷ Ibid. P. 6.

⁸⁸ King A. et al. Britain at the Polls. P. 23.

⁸⁹ It's time to get Britain working again. L., 1982. P. 11, 12, 23–25.

акцентами и конкретным содержанием. По существу оба упомянутых лейбористских документа олицетворяли возникновение нового консенсуса, в основе которого было сближение двух позиций партий, отказавшихся соответственно от правого и левого радикализма. Однако в отличие от возобладавшего после войны реформистского консенсуса, новое согласие оказывалось основанным на гораздо более сложном синтезе социал-реформизма и неоконсерватизма. В области экономики произошло не столько сближение, сколько "одностороннее разоружение" лейбористов и переход их на позиции "свободной экономики" (при сохранении ориентации на более целенаправленное государственное вмешательство). Что же касается социальной сферы, то, отказавшись от установок на "малое социальное государство" и приняв концепцию "смещенного государства благосостояния", консерваторы смогли лишь частично модифицировать прежние подходы. При этом лейбористы, опять-таки не приняли новые подходы целиком, а сохранили свою, более этактистскую версию социального государства.

Казалось бы, пределав эволюцию, сделавшую ее значительно более адекватной требованиям, предъявляемым в новой ситуации к партии, лейбористы, идя на выборы 1992 г., по меньшей мере выровняли свои шансы на победу с шансами консерваторов. В действительности же выборы показали, что до этого было еще далеко, и главная причина сохранявшегося дисбаланса заключалась в том, что в глазах избирателя она действительно во многом все еще отождествлялась со "старой", "рабочей" партией, каковой они знали ее по своему прошлому опыту. И на то были, конечно же, свои причины. Как мы только что видели, известные признаки засилия рабочего, тред-юнионистского начала сохранялись даже в тех документах, где она хотела выглядеть радикально обновленной. Тем более сильно ощущалось это влияние в повседневной действительности, поскольку и на местном, и на региональном, и на национальном уровнях профсоюзы во многих случаях по-прежнему выступали как наиболее существенное звено лейбористского движения. Судя по всему, именно эта реальность побуждала исследователей типа Кинга и Роуза выносить партии столь нелюбезный вердикт.

Для лейбористского руководства и всех тех, кто не хотел смириться с ролью партии в качестве вечной оппозиции, стало очевидным, что нужен еще один, теперь уже третий этап реформирования партии и заключаться он должен прежде всего в том, чтобы не просто завершить начатое, но и убедить широкую публику в готовности выступать в новом качестве, не боясь при этом идти на серьезные жертвы. И самое первое, что пришлось сделать партии после выборов, — это пожертвовать своим лидером. При всем том, что делал и сделал Киннок, он по-прежнему ассоциировался с "вождистским" типом руководителя, и вполне закономерно, что на смену ему был выдвинут человек иной, в чем-то противоположного склада. Как своей карьерой сначала преуспевающего юриста, а затем уравновешенного и компетентного парламентария, так и своим своим обликом и манерами, сменивший его после выборов 1992 г., Джон Смит демонстрировал качества не столько партийного, сколько государственного деятеля. После выборов 1987 г. Киннок также пытался,

и пытался всерьез, изменить стиль своего поведения в том же "государственном" ключе, но эффект этих усилий был невелик.

Став лидером, Джон Смит сосредоточил свои основные усилия на том, чтобы ослабить узы, связывающие партию с тред-юнионами. Его важным достижением стало то, что профсоюзы утратили значительную часть своего влияния на процесс выдвижения кандидатов в парламент и муниципальные представительные учреждения. Возобладал принцип, в соответствии с которым решающую роль стали играть индивидуальные члены партии и представляющее их руководство местных партийных организаций.

Не меньшую роль сыграл еще один успех Смита и его единомышленников на том же поле, а именно одобрение конференцией партии в 1993 г. решения о снижении доли подаваемых профсоюзами голосов на ежегодных партийных конференциях с 90–95 до 70%. Помимо чисто символической демонстрации уменьшения влияния профсоюзов такого рода "девальвация" коллективного членства⁹⁰ перед индивидуальным существенно снижала возможность лидеров крупнейших профсоюзов с помощью "голосования блоками" навязывать свою волю при принятии важнейших партийных решений.

Своими мерами по дистанцированию от профсоюзов лидеры лейбористов помимо прочего обеспечили себе практическую свободу рук в процессе принятия решений и комплектования партийного и парламентского руководства. Факт же сохранения связей с профсоюзами и даже их влияния сам по себе уже не может трактоваться как нарушающая суверенитет партии зависимость.

В чем-то отношения лейбористской партии с профсоюзами начинают напоминать отношения партии консерваторов с большим бизнесом, которые носят, по крайней мере внешне, характер отношений "донора" и "пациента". Момент более формализованных связей, характерных для лейбористов, бесспорно, важен, однако после того, как они существенно ограничены, он будет, судя по всему, играть все менее заметную роль и вряд ли может быть использован в качестве сильного козыря оппонентов в межпартийной борьбе. Тем более что в связи с резким ослаблением стачечной активности и более сдержанным поведением профсоюзов отношение к ним в обществе стало заметно меняться в выгодном для них направлении.

Скоропостижная смерть Джона Смита в мае 1994 г. не повлияла на общее направление той эволюции партии, которая началась десятилетие назад. Больше того, она еще более ускорила эту эволюцию, и решающую роль здесь сыграло избрание лидером деятеля новой формации 40-летнего Тони Блэра. Олицетворяя по существу полный разрыв с "классовой" лейбористской традицией, выпускник одной из престижных частных школ, а затем Оксфордского университета, новый лидер по существу стоит на позициях социального либерализма. Этому соответ-

⁹⁰ В соответствии с численностью уплачивающих политический взнос членов профсоюзов они располагали прежде в 15–20 раз большим числом голосов на ежегодных конференциях, нежели представители местных организаций, базирующихся на индивидуальном членстве.

вует не только содержание его речей и статей, но и весь его облик современного, коммуникабельного политического деятеля, апеллирующего прежде всего к "среднему англичанину".

Сознавая, что в содержательном плане лейбористская доктрина и система внутрипартийных отношений эволюционировали уже достаточно далеко, он сосредоточил свои главные усилия на том, чтобы серией публичных, близких к рекламным мероприятиям убедить широкие массы англичан в том, что нынешняя партия – это, как он любит повторять, "новая" лейбористская партия, качественно отличающаяся от той, которую они знали на протяжении большей части своей жизни.

Наибольшую отдачу здесь могли дать меры, которые освободили бы лейборизм от традиционной государственно-социалистической и увриеристской символики. Опять-таки первый шаг на этом пути был сделан еще при Кинноке, когда сразу же после своего избрания он добился того, что сменил в качестве "знака" партии красный флаг на красную розу. Блэр, однако, решил пойти значительно дальше и замахнулся на "святая святых" лейбористского символа веры, а именно на ст. 4 устава партии, принятого в 1918 г. Статья эта гласила, что своей главной целью партия считает установление "общественной собственности на средства производства, распределения и обмена".

Хотя в своей практической деятельности лейбористские правительства всегда руководствовались доктриной смешанной экономики, все попытки убрать статью из устава партии заканчивались либо громким скандалом, как это случилось с Гейтскеллом в 1960 г., либо их инициаторы останавливались на полпути во избежание таковых⁹¹. И широкие массы членов партии, и ее актив, и значительная часть руководства, даже понимая нереальность реализации ст. 4 в сколько-нибудь полном объеме, не были готовы пожертвовать этим символом "социалистического будущего" и потому всякий раз давали решительный отпор замахивавшимся на нее ревизионистам.

Оценив изменившуюся ситуацию и пропагандистский эффект, который может иметь такого рода акция, Тони Блэр уже через месяц после своего избрания предложил изъять статью из устава. И поскольку главное здесь было не столько в том, чтобы добиться нужного решения, а чтобы обеспечить сдвиг в сознании реальных и потенциальных сторонников лейборизма, вокруг этой акции была организована широкая пропагандистская кампания. Важнейшей ее частью стала серия консультаций с рядовыми членами и активистами партии, которые продолжались более полугода (с августа 1994 г. по март 1995 г.). В процесс консультаций было вовлечено до 30 тыс. человек, и даже заместитель лидера Дж. Прескотт, признававшийся в своем "скептицизме" в начале кампании, оценил ее как "одну из крупнейших просветительских политических кампаний в истории нашей страны"⁹².

Первым крупным успехом Блэра и его сторонников было принятие предложения о "переформулировании" ст. 4 на конференции Шотландской

⁹¹ Подробно об этом см.: *Перегудов С.П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975.

⁹² *Guardian*. 1995. Mar. 14.

организации партии. За это предложение проголосовало 56% делегатов при 44% против⁹³. Учитывая факт, что шотландская организация имеет устойчивую репутацию левой, это был действительно впечатляющий успех, по сути дела предопределивший дальнейшее развитие событий.

На созванной 29 апреля 1995 г. специальной конференции партии было принято окончательное решение и новая редакция статьи, которая определяет лейбористскую партию как "демократическую и социалистическую", нацеленную на создание "сообщества, в котором мы живем свободно, в духе солидарности, терпимости и уважения"⁹⁴. Эта общая цель согласно тексту должна претворяться в жизнь путем создания: а) "динамичной", основанной на конкуренции и служащей общему благу экономики, б) "справедливого" общества, обеспечивающего равенство возможностей и дающего гарантии против бедности, предрассудков и злоупотребления властью"; "открытой демократии", где правительство ответственно перед народом и где гарантируются фундаментальные права личности, в) "здоровой окружающей среды", г) условий для адекватной защиты британского народа и кооперации с Европейскими институтами ООН, Содружеством нации и другими международными организациями и институтами. В заключительной части статьи говорится, что лейбористы будут стремиться достичь этих целей в сотрудничестве с профсоюзами, кооперативами, другими присоединившимися организациями, а также с добровольными объединениями, группами потребителей и другими представительными организациями.

Даже из сокращенного изложения нового текста статьи можно сделать вывод, что речь в нем идет о попытке всерьез сформулировать саму обновленную философию движения и определить приоритеты, которые не лишили бы его оригинальности и в то же время выглядели бы достаточно привлекательными.

На первый взгляд и слово "социализм", и акцент на коллективистские солидаристские начала могут выглядеть как дань прошлому, и не более. Однако в действительности это далеко не так. Исследователи, всерьез изучающие эволюцию массового сознания и общественного мнения англичан, в том числе наиболее авторитетный и компетентный из них – упомянутый выше профессор Кру, пришли в конце 80-х – начале 90-х годов к выводу, что, несмотря на все усилия Тэтчер и тэтчеристов, им не удалось изменить преобладающую ментальность англичан. На серию вопросов, призванную выяснить приверженность к "тэтчеристским" или "социалистическим" (а точнее, социал-демократическим. – *Авт.*) ценностям, в подавляющем большинстве случаев опрошенные рядом независимых друг от друга организаций однозначно отдали предпочтение последним. Как подытоживает Кру, "после десятилетия тэтчеризма публика осталась приверженной к коллективистской этике и этике государства благосостояния – так она считает сама"⁹⁵.

Вряд ли А. Кру прав на все сто процентов, ибо, как следует из многих

⁹³ Ibid. Mar. 11.

⁹⁴ Financial Times. 1995. Apr. 30.

⁹⁵ King A. et al. Britain at the Polls. P. 19–21.

и многих эмпирических наблюдений и откровений самих англичан, тэтчеристское просперити не прошло для их ценностных ориентаций так уж бесследно. Едва ли не общим местом стали утверждения и сетования на то, что народ стал более эгоцентричным, повысилась склонность к противозаконным действиям, нарушению этических норм, а общество в целом теперь более равнодушно относится к бедным, инвалидам, тем, кто по той или иной причине оказался на "дне". На этой же почве появился тезис о "моральном кризисе" британского общества, от которого вряд ли можно просто так отмахнуться.

Судя по всему, опросы, на которые ссылается А. Кру, отражают не столько состояние умов и ментальности, сколько степень удовлетворенности или неудовлетворенности существующим положением дел, не то, какие англичане есть, а какими бы они хотели быть и какими они хотели бы видеть приоритеты правительственной политики.

Видимо, именно на эти, отнюдь не мимолетные настроения, а также на подсознательный "идеализм" среднего англичанина и ориентирована та система ценностей, которая представлена в проекте новой статьи четвертой. В этом контексте и понятия "социализм", которое там фигурирует, уже не столько дань прошлому или уступка левым, сколько квинтэссенция нового понимания "идеала". Ибо это уже не "государственный социализм" недавнего прошлого, а чистой воды этический социализм, ориентированный прежде всего на взаимное обогащение индивида и "коммьюнити", оптимальное их взаимодействие.

Хотя новая программная статья – это плод коллективного творчества, ее ведущий автор – новый лидер партии, которому и принадлежат наиболее ответственные формулировки в ней.

Согласно биографу Т. Блэра – Дж. Сопелу, акцент на ценности "коммьюнити" и этического (христианского) социализма тот начал делать еще будучи студентом в Оксфорде. Впоследствии он сформулировал свою позицию как нацеленную на "восстановление единства этического кодекса христианства и основополагающих ценностей демократического социализма"⁹⁶.

Конечно же, в полной мере политические и мировоззренческие позиции нового лидера и возглавляемого им партийного руководства проявятся лишь со временем, в ходе его практической деятельности на посту лидера оппозиции и особенно премьер-министра, если ему, конечно же, удастся стать таковым. Главный вопрос, который остается открытым, – это то конкретное соотношение, которое будет установлено между ориентацией на упомянутый выше новый консенсус и на реализацию "солидаристской" философии, о которой речь шла выше. Однако в любом случае возврата к прошлому уже не будет, и отказ от старой ст. 4 – лишь наиболее наглядное тому подтверждение.

Эволюция, которую проделала лейбористская партия и ее руководство за истекшее десятилетие, а точнее, с 1983 г., – это не только результат чисто прагматической адаптации партии к новым реалиям и все усиливавшегося стремления занять положение правящей партии, но и ре-

⁹⁶ *Sopel J. Tony Blair: the Moderniser. L., 1995. P. 157.*

зультат настойчивых и целеустремленных усилий интеллектуальной и политической элиты партии осмыслить заново процессы, идущие в экономике и обществе, и, не ограничиваясь извлечением сугубо практических выводов во всех основных направлениях своей политики, переформулировать и само кредо партии.

При всем том успехе, который сопутствовал попыткам Блэра и его сторонников изменить и само кредо партии, и ее имидж, задачу эту отнюдь нельзя считать окончательно решенной. Ибо, во-первых, успех этот во многом был предопределен обстановкой приближающихся выборов и той сдержанностью, которую в этих условиях были вынуждены проявлять левое крыло и профсоюзы, далеко не во всем согласные с происшедшим и готовые при первом же удобном случае выдвинуть свои встречные планы и альтернативы. Во-вторых, и само новое кредо партии далеко не во всем достаточно четко сформулировано и подкреплено реальной программой действий, особенно если опять-таки принять во внимание обстановку кануна выборов, в которой они разрабатывались.

Проблемы, вставшие перед лейбористами накануне всеобщих парламентских выборов и в более отдаленной перспективе, начали довольно отчетливо проявляться еще весной 1995 г. и особенно в последующий период. Знаменательно, что если в ходе апрельской конференции 1995 г. за сохранение прежней ст. 4 было подано всего 3% голосов представителей индивидуальных членов партии, то процент не поддержавших инициативу Блэра посланцев профсоюзов составил свыше 40%⁹⁷. Объясняется это в значительной мере существенной разницей между социальным составом индивидуальных членов, входящих в местные партийные организации, и коллективных членов, подавляющая часть которых входит в партию через профсоюзы. Согласно исследованию, проведенному в начале 90-х годов известными британскими политологами П. Сейдом и П. Уитли, основная часть индивидуальных членов партии (74%) принадлежит к представителям среднего класса и работникам нефизического труда и только 26% – к рабочему классу⁹⁸. Примечательно, что обследования социального состава лейбористских избирателей дали существенно отличные результаты: на начало 90-х годов 57% от их общего числа принадлежало к рабочему классу и 43% – к среднему классу и "белым воротничкам"⁹⁹.

Хотя политические позиции избирателей и членов партии далеко не напрямую корреспондируются с их принадлежностью к той или иной социальной категории, и среди членов лейбористской партии, и особенно ее активистов, принадлежащих к среднему классу, всегда были сильны левые и даже леворадикальные настроения, в течение последнего десятка лет эпицентр этих настроений сместился в сторону профсоюзного, преимущественно рабочего крыла партии (о чем, кстати, красноречиво свидетельствуют и приведенные выше результаты голосования по ст. 4 устава партии). Одним из симптомов недовольства значительной части проф-

⁹⁷ Link. 1995. Aug. – Oct. P. 115.

⁹⁸ Seyd P., Whiteley P. Labour Grass Roots. Oxford, 1992. P. 39.

⁹⁹ Ibid.

союзного членства и особенно актива эволюцией идейно-политических позиций партии стало создание в 1995 г. отколовшейся от лейбористской партии "социалистической рабочей партии", которую возглавил широко известный своим радикализмом глава профсоюза угольщиков Артур Скаржилл.

Вряд ли есть основания считать совершившийся "откол" серьезной угрозой для лейбористской партии и ее руководства. Даже в 30-х годах, когда социальная напряженность в стране была существенно выше, подобного рода инициативы постепенно оканчивались уходом отколовшихся партий в политическое небытие. О крайне слабой поддержке нового образования свидетельствует в частности тот факт, что на состоявшихся 1 февраля дополнительных выборах в парламент в одном из традиционно лейбористских округов выставленный им кандидат смогла набрать всего 5% голосов. Кандидат от лейбористов получил 72%, консервативный кандидат – 9%¹⁰⁰. Если учесть, что выборы проходили в шахтерском регионе, где позиции Скаржилла и его организации наиболее весомы, то полученная поддержка свидетельствует о крайне низких шансах новой группировки на завоевание сколько-нибудь существенного влияния.

Есть все основания полагать, что как и прежде основная борьба между различными течениями в лейбористском движении будет, как и в течение многих десятилетий до этого, разворачиваться внутри партии. И судя по всему вопрос об отношениях с профсоюзами, равно как и их собственная активность, займут в этой борьбе одно из центральных мест. Тот факт, что в последнее десятилетие позиции профсоюзов довольно резко ослабли, скорее всего будет побуждать их воспользоваться приходом лейбористов к власти для укрепления и этих позиций и защиты интересов лиц наемного труда в политической, да и не только в политической сфере. Согласно заключениям экспертов соотношение между размерами прибылей и заработной платы в национальном доходе за годы правления консерваторов резко изменилось в пользу первых, а доля заработной платы сейчас находится на самом низком уровне за последние 40 лет¹⁰¹.

Серьезной проблемой для лейбористской партии может обернуться и наличие в ее рядах довольно влиятельной группы "евроскептиков". В более же краткосрочной перспективе ее руководство беспокоит сохраняющиеся у многих англичан сомнения относительно его способности компетентно управлять экономикой и в частности сохранить оптимальный баланс между доходами государственной казны и ее расходами.

Однако если о проблемах лейбористской оппозиции пока что можно говорить в основном в сослагательном наклонении, то проблемы и трудности, вставшие в самый канун предстоящих выборов перед партией консерваторов, – это суровая реальность, на которую приходилось и придется реагировать немедленно.

Выше уже говорилось о той непростой ситуации, в которой партия тори оказалась к середине 90-х годов как в результате внутренних "разборок" в

¹⁰⁰ Guardian. 1996. Febr. 2.

¹⁰¹ Ibid. Febr. 19.

ней, так и некоторых других факторов, связанных с затянувшимся пребыванием ее у власти с конца 70-х годов. Казалось бы, сплочение, которое было продемонстрировано на ежегодной конференции 1995 г., равно как и утверждение Мейджора в качестве непререкаемого лидера, позволяло партии выйти на финишную прямую перед парламентскими выборами в далеко не худшей форме. Но уже к началу нового, 1996 года, и особенно сразу же после окончания рождественских и новогодних каникул ситуация стала довольно быстро меняться и проблемы, загнанные на какое-то время внутрь, дали о себе знать с новой силой.

В самом 1995 г. еще один заднекамеечник, Эмма Николсон, заявила о своем выходе из парламентской фракции консерваторов и перешла на скамьи либеральных демократов. В результате этого перехода консервативное большинство в Палате общин сократилось до четырех.

В середине января довольно неприятный сюрприз партийному руководству преподнесла и бывший лидер партии Маргарет Тэтчер, выступившая с вызвавшей широкий резонанс публичной лекцией о положении в партии. Основной критический запал лекции был направлен против той фракции партийного руководства, которая более всего ратовала за примирение внутри партии и консенсус в обществе, и наиболее авторитетным представителем которого является сам лидер партии. Как заявила Тэтчер, проповедуемая этими деятелями идея "единой нации" в действительности ведет к отрицанию ее национальной идентичности и отрыву от национальной почвы. Тем самым она недвусмысленно высказалась против попыток найти некую среднюю линию между "европеистами" и "евроскептиками" и со всей решительностью поддержала последних.

При всей остроте и даже экстравагантности выступления Тэтчер оно отнюдь не было продиктовано, как представляется, лишь стремлением укрепить позиции противников европейского федерализма в партии тори, но и отражало заметное усиление изоляционистских настроений в более широких кругах британского общества. Примечательно, что даже такая сторонница объединенной Европы, как газета "Гардиан" поместила на своих страницах в феврале 1996 г. статью, автор которой утверждал, что изменение ситуации в Европе и перспективы присоединения стран Центральной и Восточной Европы к ЕС делают проект создания федеральной Европы и тесного экономического и монетарного союза (ЭМС), основанного на общей валюте, скорее "проектом прошлого", нежели будущего¹⁰². Автор особо подчеркивал, что британское общественное мнение глубоко расколото по вопросу европейского строительства, и уже один этот факт, равно как и растущие опасения широкой общественности по поводу ЭМС не только в Великобритании, но и в других странах ЕС требуют серьезного пересмотра утвердившихся подходов.

О том, что ситуация с введением единой валюты в рамках ЕС не столь проста, как многим казалось всего один-два года назад, свидетельствует и заметно более осторожная позиция, которую стала занимать в этом вопросе лейбористская партия. Во всяком случае еще в середине 1995 г. Тони

¹⁰² Ibid.

Блэр заявил о необходимости проведения широких консультаций с общественностью по этому вопросу¹⁰³.

Что касается консерваторов, то в партийных верхах все более широкую поддержку получает идея проведения референдума, который должен выяснить отношение рядовых англичан к евровалюте.

Как бы, однако, ни развивались дальше дебаты по проблемам европейской интеграции, и в стране в целом, и в консервативной партии их возобновление, и тем более в столь жесткой и бескомпромиссной форме, как это сделала Тэтчер, отнюдь не способствует процессу успокоения страстей в партии тори.

Серьезные проблемы перед правительством, да и не только перед ним одним, поставили неожиданно возобновившиеся в феврале 1996 г. террористические акты Ирландской республиканской армии. Не удовлетворенная ходом переговоров и отсутствием сколько-нибудь ощутимых уступок со стороны их участников представителям Шинн Фейн, выступающей от имени католического меньшинства, террористы ИРА произвели в начале февраля колоссальной мощности взрыв в районе лондонского Сити. Вскоре за этим было осуществлено еще два террористических акта, правда значительно меньших масштабов. Фактом стал срыв продолжавшегося почти полтора года перемирия, и возникла угроза возобновления насильственных действий и со стороны протестантских ультра.

Все это серьезно осложнило ситуацию в столице и в стране в целом. В самой же Северной Ирландии, буквально возродившейся за полтора года, г. Белфаст и другие города вновь оказались под угрозой разрушительных взрывов и кровопролития.

Естественно, что правительство Мейджора и правительство Ирландской республики сразу же начали поиски путей возобновления перемирия и основ для более прочного соглашения.

Возобновление силового противостояния в Ольстере задевало правительство Мейджора и в том смысле, что сводило на нет те "очки", которые оно завоевало своим успехом в приглушении очага длящегося вот уже четверть века вооруженного противостояния в провинции. Примечательно, что несмотря на казалось бы неплохие шансы использовать ситуацию в своих узкопартийных целях, лейбористское руководство не пошло по этому пути и выразило недвусмысленную солидарность с правительством в его стремлении не дать разгореться вновь кровавой ольстерской драме. При этом оно отдавало себе отчет в том, что успех миротворческой деятельности Мейджора серьезно повысит его шансы на предстоящих выборах. Впрочем, поведение лейбористской оппозиции в этом вопросе целиком и полностью согласуется с канонами британской двухпартийной политики, в соответствии с которыми при всех расхождениях в политической и социально-экономической тактике в коренных, стратегических вопросах общенационального значения обе главные партии выступают если не в унисон, то в принципиальной согласии друг с другом. Эта традиция была, как это было показано выше, нарушена в конце 70 – начале 80-х годов, когда обе партии едва ли не превратились в

¹⁰³ Economist. 1995. June 6. P. 16.

антиподов, и, как мы опять-таки видели, лейбористы заплатили за это высокую цену.

Но так же, как отношение к проблеме Ольстера демонстрировало эффективность и силу двухпартийной политики, так поведение партий в ряде других вопросов наглядно показывало и тот факт, что указанный консенсус не только не сводит на нет межпартийную борьбу и противостояние, но и побуждает стороны к обострению этой борьбы, особенно в канун нового тура борьбы за власть.

Наглядной демонстрацией такого обострения стали события, связанные с публикацией доклада комиссии, возглавлявшейся сэром Никласом Скоттом и посвященном выяснению обстоятельств незаконной продажи оружия Ираку в 80-х годах и роли правительства и отдельных министров в этом деле. Комиссия работала целых три года, и подготовленный ею пространственный доклад ("доклад Скотта") занял со дня его публикации в середине февраля центральное место в британской печати на внутриполитические темы. Несмотря на то что доклад не содержал сенсационных разоблачений и был составлен в весьма умеренных тонах, в нем содержался ряд формулировок, суть которых сводилась к тому, что, во-первых, правительство, не поставив в известность парламент, произвольно меняло правила, которыми должны были руководствоваться торговавшие с Ираком компании, и, во-вторых, когда у парламентариев возникли сомнения в отношении правительственной политики по этому вопросу, ответственные за данную политику министры давали вводящую в заблуждение информацию. Примечательно, что в адрес тогдашнего премьер-министра М. Тэтчер в докладе не содержалось никаких обвинений и лишь говорилось, что один из министров должен был проинформировать ее о изменениях в правилах торговли, но не сделал этого.

Внимательно ознакомившись с докладом, несколько заднескамеечников тори выразили серьезные сомнения в том, что правительство и премьер адекватно реагировали на выводы доклада, а один из них даже заявил о своем выходе из состава фракции и принятии статуса независимого парламентария. В результате и без того мизерное большинство консерваторов в парламенте сократилось с четырех до двух (напомню, что сразу после выборов это большинство составляло 21).

Одним из вопросов, поднятых прессой и оппозицией в связи с докладом Скотта, стал вопрос о неоправданной секретности, в которой готовятся и принимаются важнейшие правительственные решения. Актуализация этого вопроса оказалась как нельзя кстати для оппозиции, которая в своих программных и политических документах постоянно связывала его с необходимостью усилить роль парламента как законодательного и контролирующего органа и, в частности, провести закон о "свободе информации" ("Freedom of Information Act")¹⁰⁴.

В свете сказанного не удивительно, что публикация доклада Скотта обернулась для правительства и самого Мейджора, пожалуй, самым серьезным испытанием на прочность за все время его существования. В ходе острейших парламентских дебатов, состоявшихся 26 февраля, ему

¹⁰⁴ It's time to get Britain working again. P. 23–25.

с огромным трудом удалось избежать поражения, обеспечив себе перевес всего в один голос. В сложившейся ситуации неповиновение даже одного-двух заднескамеечников может привести к падению правительства.

Однако если говорить о более долгосрочных последствиях доклада Скотта, то это, конечно же, актуализация проблем политической реформы, о необходимости которой уже давно настойчиво заявляла и лейбористская, и либерально-демократическая оппозиция.

Актуальность проблем политической реформы в Великобритании на исходе столетия заметно возросла и в связи с другими событиями, практически не имеющими никакого отношения к деятельности правительства. Речь идет о довольно резко, если не сказать катастрофическом снижении престижа такого важного политического института, каковым является монархия. Когда еще в 80-х годах повышенный интерес к "нестандартному" поведению наследника и его супруги, равно как и некоторых других членов королевской семьи стали проявлять средства массовой информации, это еще воспринималось многими как неизбежное следствие возросшей "открытости" монархии и поначалу почти не сказывалось на отношении к ней как к институту. Однако когда принц Чарльз, принцесса Диана и же с ними сами стали непосредственными участниками телепередач и публикаций в прессе, реакция публики стала приобретать принципиально иной характер. На отношении к монархии бесспорно сказались и многие другие моменты политическое и социальной жизни Великобритании и в частности все более критическое восприятие принципа наследственности, выдвигающего на заглавные роли людей, нередко явно не заслуживающих этого. Сам факт неизбежной скорой смены монарха и схода с политической сцены королевы Елизаветы II, пользующейся огромным уважением и симпатиями подавляющего большинства англичан, побуждает многих из них взглянуть чуть дальше в будущее и оценить ситуацию уже с учетом выхода на авансцену новых действующих лиц.

Характерно, что публикуя большую статью с подробными данными спроса об отношении к монархии, воскресное издание газеты "Индепендент" за 18 февраля 1996 г. поместило ее под заголовком "Общественное мнение сдвигается в направлении республики Великобритания". Согласно приводимым газетой данным, лишь треть населения страны считает, что британская монархия имеет долгосрочное будущее, тогда как 43% полагают, что это не так. Примечательно, что во время аналогичного опроса, проведенного в 1990 г. доля "скептиков", сомневавшихся в том, что монархия "не продержится" еще 50 лет, составляла менее 1/6 всех опрошенных¹⁰⁵.

Не менее показательными оказались и ответы на другой вопрос, касающийся роли монархии как политического института. Если десять лет назад опросы показывали, что его позитивная роль отмечалась в соотношении 15 : 1 по отношению к оценкам негативного плана, то в ходе только что проведенного обследования это соотношение оказалось равным 2 : 1, причем более половины опрошенных воздержались от ответа.

¹⁰⁵ Independent on Sunday. 1986. Febr. 18.

На вопрос о принце Чарльзе как будущем короле, только 41% опрошенных выразил удовлетворение его поведением в качестве наследного принца, тогда как 47% высказали противоположное мнение. На вопрос же, будет ли он "хорошим королем", лишь 40% ответили "да". И это при том, что в ходе опроса, проведенного всего 4 года назад, доля таких ответов была равна 81%¹⁰⁶.

Столь же разительное снижение рейтинга отмечается и в отношении к монаршему двору в целом.

Недвусмысленно высказываясь за скорейшую смену монархического режима на республиканский, газета сообщала, что в дальнейшем постарается более подробно высказаться по вопросу о том, как она мыслит этот последний и обещала положить начало дебатам вокруг данной проблемы.

Весьма симптоматично, что почти одновременно с публикацией в "Индепендент" другая не менее авторитетная газета примерно того же, центристского, а точнее – либерального направления "Гардиан" высказалась за скорейшую реформу палаты лордов и превращение ее из преимущественно наследственного в избираемый всеобщим голосованием орган¹⁰⁷. При этом газета, соглашаясь в принципе с аналогичными планами лейбористов, подвергла серьезной критике позицию Блэра, намеревающегося осуществить эту меру постепенно и на какое-то время наряду с избранными всеобщим голосованием членами палаты сохранить некоторых из ныне заседающих в ней в качестве так называемых "пожизненных" пэров¹⁰⁸.

Автор столь подробно остановился на этих двух публикациях не только потому, что они сами по себе заслуживают внимания как индикатор далекоидущих сдвигов в общественном мнении, но прежде всего потому, что они нагляднейшим образом демонстрируют остроту чисто политических, а точнее – конституционных проблем, которые встали перед Британией на рубеже двух тысячелетий.

Возвращаясь к более конкретным проблемам межпартийного соперничества в канун предстоящих всеобщих парламентских выборов, хотелось бы упомянуть и о таком далеко не частном вопросе, как вопрос о настоящей и особенно будущей роли либерально-демократической партии. Судя по тому, как складывалась судьба и ее самой и ее предшественников, решающее значение для нее, скорее всего, будут иметь ее отношения с лейбористами. Между тем здесь по-прежнему очень много неясностей. Установки обеих партий все более сближаются, и не исключено, что обе они на каком-то этапе и в чисто организационном плане могут пойти достаточно далеко навстречу друг другу (особенно если им будет противостоять преодолевшая свои трудности консервативная партия). Если же ставить проблему отношений либерализма и лейборизма еще шире, то правомерно поставить и такой вопрос: а не идет ли речь о

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Guardian, 1996, Febr. 19.

¹⁰⁸ Значительная часть членов палаты лордов имеют такой статус и занимает место в ней не по принципу наследования титула, а назначается правительством (формально – монархом) "пожизненно", т.е. без права передачи своего места в палате своим наследникам.

возвращении к ситуации конца прошлого – начала нынешнего века, когда столпами двухпартийной системы страны являлись либералы (или, точнее, социал-либералы), с одной стороны, и консерваторы – с другой. Разумеется, речь идет не о простом повторении пройденного, а о более сложном, спиралевидном развитии.

В подтверждение высказанного соображения хотел бы сослаться еще на одно, немаловажное с моей точки зрения обстоятельство. В описанной выше идейно-политической эволюции лейбористской партии особую, можно сказать уникальную, роль играл и играет созданный в 1988 г. Институт общественно-политических исследований, занявший фактически место Фабианского общества в качестве "мозгового треста" партии. Будучи и в финансовом, и в организационном отношении абсолютно независимым от лейбористской партии, институт в то же время фактически работает на партию, генерируя не только идеи и концепции, но и скрупулезнейшим образом исследуя основные сферы и направления общественно-политической жизни Британии и формулируя практические рекомендации. Имея небольшой штат высококвалифицированных сотрудников и привлекая на тех или иных началах специалистов из различных областей общественного знания, институт к середине 90-х годов опубликовал несколько десятков книг и брошюр, посвященных конкретным вопросам социальной, экономической, внутренней и внешней политики¹⁰⁹. Особое внимание в разработках института уделяется проблемам государства благосостояния, промышленной политики и конституционной реформы, т.е. тем самым, на которых акцентирует внимание и современное лейбористское руководство. При этом общие подходы института – это опять-таки тот же этический социализм в идеале и социальный либерализм на практике. Как пояснял в беседе со мной весной 1993 г. тогдашний директор института профессор Дж. Корнфорд, эти подходы они приняли с момента его создания.

В 1994 г. институт опубликовал пространный доклад созданной по его инициативе и инициативе лейбористской партии комиссии по проблемам "социальной справедливости". Доклад получил широкое признание и стал, по словам "Экономиста", "неожиданным бестселлером". Основная идея доклада – "национальное обновление", основанное на синтезе "этики, комьюнити" и "рыночной экономики"¹¹⁰, т.е. на органическом единстве экономического и социального развития.

В 1995 г. институт заявил о намерении создать новую комиссию с целью формулирования стратегии в отношении промышленности и бизнеса. Эта инициатива опять-таки призвана заложить более глубокие концептуальные основы под ту политику сближения с влиятельными кругами бизнеса, которую начал активно проводить еще Дж. Смит и которая получила новые серьезные импульсы при Т. Блэре. При этом инициатива сближения все чаще исходит и от самих бизнесменов, многие из которых проявляют повышенный интерес к сдвигам, происходящим в

¹⁰⁹ Брошюра с изложением квинтэссенции большей части этих материалов опубликована в 1992 г. под названием "Next Left. Agenda for 1990's" (L., 1992).

¹¹⁰ Social Justice. Strategies for National Renewal. The Report of the Commission on Social Justice. L., 1994. P. 4, 96–106.

лейбористской партии и ее руководстве, устраивают довольно представительные встречи с лидером и теньевыми министрами¹¹¹. Примечательно, что новый глава института общественно-политических исследований Джеральд Холтхэм – экономист, работавший до своего назначения в лондонском Сити.

В прессе все чаще публикуются сообщения о том, как та или иная крупная корпорация принимает решение о выделении средств на финансирование лейбористов, причем во многих случаях это корпорации, чаще всего продолжающие поддерживать консерваторов.

Одной из причин, побуждающих значительную часть большого бизнеса искать сближения с лейбористами, – это более конструктивная позиция последних по отношению к европейской интеграции. Однако немалую роль, вне всякого сомнения, играет и та общая переориентация партии, о которой говорилось выше.

Из всего сказанного можно заключить, что ко второй половине 90-х годов лейбористская партия и в "философском", и в чисто практическом плане проделала эволюцию, которая вполне сравнима с той, через которую прошла консервативная партия в 1975–1980 гг., и эта эволюция позволяет ей выступать как потенциально правящая партия. А это значит, что политический маятник, который надолго завис в одном положении, готов вновь прийти в движение.

Даже если консерваторам удастся в ходе острейшей предвыборной борьбы "сравнять счет" и выиграть выборы (что с точки зрения автора весьма маловероятно), утраченное в 80-х – первой половине 90-х годов равновесие в британской двухпартийной системе будет все равно восстановлено. Больше того, исходя из изложенного выше, можно утверждать, что это новое равновесие – уже свершившийся факт, и вопрос лишь в том, в каком направлении будут продолжаться поиски той новой идентичности, которые определяют место и роль обеих главных партий в дальнейшем общественно-политическом развитии страны.

¹¹¹ См.: Sunday Times. 1995. Mar. 5.

ТЭТЧЕРИЗМ КАК КАТАЛИЗАТОР ПЕРЕМЕН (вместо заключения)

Тот факт, что на довольно длительный период тэтчеризм оказался в эпицентре всей общественно-политической жизни Великобритании, сделал его одной из наиболее привлекательных тем для многих британских, да и не только британских, обществоведов. Причем тема эта отнюдь не "закрыта" до сих пор, и хотя изучается она уже многие годы, анализирующие ее исследователи продолжают не только углубляться в нее, но и дискутировать, что же стоит за самим понятием "тэтчеризм".

Отличающийся предельной "открытостью", этот феномен в то же время очень трудно поддается однозначной интерпретации, ибо всякий, кто так или иначе сталкивался с ним, склонен акцентировать внимание на тех аспектах, которые кажутся ему наиболее важными и интересными. Тем более что таких аспектов в тэтчеризме множество; он представляет собой тесное, органическое переплетение чисто личностных, социально-психологических и более широких, общественно-политических элементов. Да и сами эти элементы, характер их взаимодействия не оставались неизменными. Вместе с ними и сам тэтчеризм переживал эволюцию, без учета которой невозможно понять ни его впечатляющих успехов, ни драматических поражений.

Примечательно, что ни одно из существующих толкований тэтчеризма не получило общего признания и, больше того, разброс мнений продолжает расширяться. Не претендует, естественно, на такое признание и то, которое будет дано ниже.

Как и большинство уже увидевших свет интерпретаций, оно не лишено субъективизма, причем если для британских авторов этот субъективизм преимущественно связан с политическими, идеологическими или иными пристрастиями, которых в той или иной мере не лишен ни один исследователь-обществовед, то для меня как российского автора, исследующего тэтчеризм как бы со стороны, основа "субъективизма" несколько иная — это стремление понять тэтчеризм как своего рода инструмент, с помощью которого осуществлялось то, что некоторые из авторов называют "тэтчеристской революцией".

Избранный мною "инструментальный" подход во многом определяется и определялся тем обстоятельством, что одновременно с "тэтчеристским десятилетием" в СССР, а затем в России открылась новая, сначала "постсоветская", а спустя несколько лет "постсоциалистическая", эра, и

переход этот по ряду параметров совушен, по крайней мере в его внешних проявлениях, с "революцией Тэтчер". Именно в этом одна из причин необычной популярности "железной леди" в бывших социалистических странах, и не только популярности, но и попыток подражания, имитации ее подходов и политики.

Хотя тэтчеризм как фактор, определявший общественно-политическое развитие Великобритании, стал достоянием истории, печать тэтчеризма, и печать весьма отчетливая, ощутимо присутствует в британском обществе и в виде конкретной политики, и в виде изменившейся системы общественных отношений.

Не уходит в прошлое и тэтчеристское "склонение" в России. Причем чисто личностный аспект интереса к нему неизбежно перемещается в более широкую сферу интереса к тэтчеризму как общественному явлению, и я вижу в этом своего рода знак, побуждающий по крайней мере начать разговор о нем.

В тексте книги уже были даны некоторые оценки и даже интерпретации тэтчеризма, содержащиеся в работах британских политологов. Однако отрывочность этих суждений, привязка их к сугубо конкретным сюжетам глав не позволяли дать сколько-нибудь цельного представления обо всех этих толкованиях. Между тем без этого мои собственные суждения оказались бы лишеными того ценнейшего контекста, вне которого они во многом теряют смысл.

Несмотря на отмеченное выше разнообразие точек зрения и толкований тэтчеризма, их все же с большей или меньшей натяжкой можно свести к трем основным подходам.

Первый из них, который целесообразнее всего квалифицировать как идеологический, свойствен чаще всего либо наиболее непримиримым оппонентам неоконсерватизма, либо, наоборот, его решительным сторонникам. Как те, так и другие рассматривают тэтчеризм как идейно-политическую силу, стремящуюся коренным образом изменить (к лучшему или худшему) социально-экономическую и политическую ситуацию Британии. Сторонники тэтчеризма полагают, что реализация этого "генерального проекта" не только улучшает экономическую и социальную ситуацию в стране, но и поднимает моральные и этические стандарты британского общества¹. Со своей стороны, противники тэтчеризма рассматривали и рассматривают его как стратегию, нацеленную на укрепление экономической и политической власти правящего класса, и особенно финансового капитала. В то же время между самими критиками тэтчеризма слева возникли и сохраняются достаточно глубокие разногласия. Одни представляют тэтчеризм как "постфордистскую" силу, стремящуюся реализовать новый "гегемонистский проект", основанный на концепции "двух наций"², тогда как другие делают акцент на авторитарном и популистском его характере³.

В противоположность "идеологической" интерпретации, свойственной ограниченному числу исследователей, большинство авторов делают

¹ См.: *Holmes M. Thatcherism. Scope and Limits*, 1983, 1987. L., 1989. P. 8.

² *Jessop B. et al. Thatcherism. A Tale of Two Nations*. Cambr., 1988.

³ *The Politics of Thatcherism* / Ed. St. Hall, M. Jacques. L., 1982.

акцент скорее на "инстинктивных", нежели идеологических, аспектах тэтчеризма. Причем некоторые из них пытаются вообще игнорировать "идеологическое" измерение. Наиболее известная формула такого рода принадлежит Питеру Ридделу, одному из наиболее авторитетных и глубоких исследователей тэтчеризма. В обеих книгах, посвященных правлению Тэтчер, он приводит одну и ту же формулу: "Тэтчеризм в самой своей сути – это инстинкт, серия моральных ценностей и подходов к лидерству, нежели идеология. Это результат ее воспитания в Грэнтхеме ее привычки к упорному труду и ответственности за семью, ее неудовлетворенных амбиций, ответственности и патриотизма"⁴. К "инстинктивной" интерпретации можно отнести и определение, которое дает Питер Дженкинс в книге "Революция миссис Тэтчер", где он пишет, что тэтчеризм – это "больше стиль, чем идеология"⁵.

Серьезный вклад в аргументацию толкователей тэтчеризма как порождения или, точнее, проявления "инстинкта" внесла одна из ближайших сотрудниц Тэтчер, хорошо знающая ее лично, Ширли Летвин. В изданной в 1992 г. книге "Анатомия тэтчеризма" она рассматривает этот феномен как совокупность традиционных моральных ценностей, которые составляли квинтэссенцию британского характера и ментальности, но где-то с конца прошлого – начала нынешнего столетия стали постепенно "стираться" и вытесняться иными, привнесенными извне стереотипами. Тем не менее в полустертом состоянии традиционная мораль сохранялась, и заслуга Тэтчер состояла в том, что она "оживила" и привела в действие эти находившиеся в "полудреме" изначальные характеристики. Причем и сама Тэтчер, утверждает автор, делала это не сознательно, а скорее инстинктивно, под влиянием растущего несоответствия между чисто британским, "настоящим" началом и тем наносным, "социалистическим" элементом, который во все большей мере стал доминировать в обществе и государстве. Главными компонентами традиционной морали Летвин считает индивидуализм и рациональность, и именно органичное сочетание их обоих является тем главным, что отличает британскую нацию от остальной Европы, где эта органичность отсутствовала⁶.

Из традиционной морали Летвин выводит и все основные установки и подходы тэтчеризма, включая и ее национализм, который является не чем иным, как средством защитить все ту же неповторимую британскую мораль от поглощения европейским этатизмом и социализмом.

Между этими двумя крайними версиями тэтчеризма располагается промежуточный вариант, определяющий тэтчеризм как "набор политических идей", являющихся своего рода "руководством к действию". Однако в отличие от "идеологического" направления этот вариант, наиболее четко сформулированный известным британским политологом Денисом Каванахом, квалифицирует указанный набор не как проявление определенным образом ориентированной идеологии, а как исходящий из

⁴ Riddell P. The Thatcher Decade. Oxford, 1980. P. 23.

⁵ Jenkins P. Mrs. Thatcher's Revolution. L., 1987. P. 168.

⁶ Letwin Sh.R. The Anatomy of Thatcherism. L., 1992. P. 333–353.

"системы ценностей"⁷, свойственный данному конкретному индивиду, т.е. Тэтчер.

Другой не менее известный и не раз цитируемый мною автор – Хьюго Янг излагает ту же версию в еще более огрубленной форме, заявляя, что тэтчеризм это не что иное, как "коллекция идей" (буквально – "свалка" – "ragbag" of ideas), которая в совокупности превратилась в эквивалент современного консерватизма⁸. Пожалуй, самым интересным в этом определении Янга является то, что он явно дистанцирует тэтчеризм от самой Тэтчер, полагая, что эта "коллекция" была собрана еще до того, как миссис Тэтчер стала лидером партии⁹. Тэтчер, таким образом, лишь приняла этот набор, легитимизировала и реализовала его, и не более.

Бесспорно, Янг прав, что в противоположность многим "измам" тэтчеризм как система идей не был "изобретен" или выработан человеком, имя которого этот "изм" носит. Но такого рода деперсонализация тэтчеризма приводит и его самого и ряд других авторов к переоценке "инстинктивных" аспектов в процессе принятия решений (он пишет, в частности, об "антиколлективистском" инстинкте, "моральном видении", принципах здорового домоводства и т.д.)¹⁰. По сути дела это тот же подход, что и у Ш. Летвин, с той лишь существенной разницей, что она считает все это квинтэссенцией тэтчеризма, а Янг, напротив, видит в этом лишь чисто личностный элемент, существовавший как бы сам по себе и служивший своего рода проводником, "орудием" "изма".

Наверное, нет нужды доказывать, что каждый из названных и многие из неназванных авторов, базируя свои исследования на совершенно конкретных фактах и обстоятельствах, вносят свой, иногда больший, иногда меньший вклад в раскрытие сущности тэтчеризма. И, как я уже писал во вводной части книги, эта "разноголосица", порождаемая и разностью подходов, и индивидуальностью авторов, не только не вредит делу, но и представляет тэтчеризм во всей его сложности и своеобразии.

Этот плюралистический подход, однако, при всей его привлекательности и плодотворности, несовместим с тем "инструментальным" подходом, который избран автором данной работы и который изначально предполагает рассматривать тэтчеризм как нечто единое и органичное. При этом я исхожу не в последнюю очередь и из убежденности в том, что при всей его сложности и "мозаичности" тэтчеризм все же есть явление целостное, и именно как таковое оно и проявляло себя на протяжении более чем 10 лет британской истории. "Инстинктивная" и "идеологическая" его компоненты составляли не что иное, как две стороны одной медали и потому как бы дополняли друг друга и были немыслимы одна без другой. Что опять-таки не означает, что в какие-то моменты могла превалировать то одна, то другая сторона.

Что касается "инстинктивной", сугубо прагматической стороны тэтчеризма, то приведенные в книге факты показывают поистине огромную

⁷ *Kavanagh D. Thatcherism and British Politics. Oxford, 1987. P. 10, 11.*

⁸ *Young H. One of Us. L. 1980. P. 37, 56, 236.*

⁹ *Ibid. P. 60, 86, 142.*

¹⁰ *Ibid. P. 86, 353, 355.*

роль политического чутья и чутья времени в политике и решениях Тэтчер. Ее исключительная способность оценивать ситуацию и принимать смелые, поистине рискованные и порой казавшиеся "неразумными" решения на поверку оказывались и дальновидными, удачными, приносящими немалые политические дивиденды и ей самой и ее партии.

Недаром некоторые исследователи тэтчеризма полагают, и в этом есть немалый резон, что главное в тэтчеризме – это стремление к власти и умение реализовать¹¹ его, решительно порывая с отживающим старым и ориентируясь на, казалось бы, неизведанное новое. При этом нельзя не согласиться с упоминавшейся выше Ш. Летвин, что это новое оказывалось чаще всего не чем иным, как хорошо забытым старым.

Но можно ли все или почти все объяснить только основанным на традиционной британской морали чутьем и инстинктом? И сводилась ли роль "идеологии" или "коллекции" лишь к роли "вспомогательного", второстепенного элемента?

Приводимые в книге факты политической биографии Тэтчер свидетельствуют о том, что это далеко не так. Соотношение между инстинктом и идеологией было отнюдь не тем же самым в течение ее политической карьеры, и ту роль, которую сыграли в "идеологизации" ее инстинктов и взглядов годы оппозиции, поистине невозможно переоценить. В этой связи выглядит не очень понятным то обстоятельство, что даже во второй половине 80-х годов, когда стали появляться первые глубокие исследования тэтчеризма, многие авторы лишь вскользь упоминали роль таких "мозговых трестов", как Центр политических исследований, Институт экономических проблем, Институт Адама Смита и им подобных исследовательских коллективов в формировании тэтчеризма, "тэтчеризации" самой госпожи Тэтчер¹². Еще труднее понять, почему в литературе второй половины 70-х – начала 80-х годов, т.е. тогда, когда влияние этих центров на Тэтчер было наибольшим, авторы появившихся тогда биографий практически игнорировали эту сторону дела¹³.

Между тем, как читатель мог убедиться из соответствующей главы книги, указанные центры сыграли исключительную роль в качестве "источников" тэтчеризма, и Х. Янг, безусловно, во многом прав, заявляя, что Институт экономических проблем "явился открывателем тэтчеризма"¹⁴.

Конечно же, тэтчеризм не был "открыт" или "изобретен" кем-то, он представляет собой более сложное образование, неотделимое от личности Тэтчер и ее политики. Но роль, сыгранная ИЭП и ему подобными центрами и группами, и роль исключительно важная, не подлежит сомнению. Как мне представляется, роль эта двойка. С одной стороны, эти мозговые тресты создали концептуальную и идеологическую основу

¹¹ *Gamble A. Free Economy and the Strong State. L., 1988. P. 167, 168.*

¹² См., например, книгу П. Дженкинса, упомянутую выше; *Thatcherism; Personality and Politics. L., 1987.*

¹³ Помимо чисто биографических работ эта "забывчивость" свойственна и более аналитическим книгам. См., например: *Conservative Party Politics (L., 1980); Policy making in Opposition.*

¹⁴ *Young H. Op. cit. P. 96.*

тэтчеризма, причем создали не одни, а при деятельном участии таких выдающихся ученых, как Ф. Хайек и М. Фридман. Эти факты хорошо известны, о них подробно говорится в книге, и я упоминаю здесь о них лишь для того, чтобы подчеркнуть, что как только Тэтчер стала лидером партии, и даже несколько ранее, она подверглась, употребляя английское выражение, "пропитке" концепциями и идеями экономического либерализма и монетаризма. Поэтому не без оснований некоторые авторы сравнивают "миссию" ЦПИ с миссией Фабианского общества, которое на рубеже веков разработало тактику "пропитки" для пропаганды и реализации своих идей социальной справедливости и позже – социализма¹⁵.

Одной из особеннейшей указанной процесса явилось то, что в нем были активны обе стороны. И то, что Тэтчер (вместе с Джозефом) была одним из основателей Центра, не было никакой случайностью. Оба они направляли и концентрировали его деятельность в нужном им направлении, а не выступали пассивными "реципиентами".

В течение 5 лет оппозиции Тэтчер уяснила для себя массу нового в области экономической теории, монетаризма, политической науки и т.д. Ее активнейшее участие в беседах, семинарах, различного рода дискуссиях с людьми, убежденными в необходимости изменить вектор развития британского общества, придало ее "инстинктивным" импульсам необходимую концептуальную базу и, что не менее важно, помогло сформулировать те приоритеты, которые затем с той или иной степенью последовательности реализовались на практике.

Ближайшие коллеги Тэтчер по кабинету, знавшие ее на протяжении 70–80-х годов, к какому бы течению они ни принадлежали, признают важнейшую роль этой "предподготовки". В своих мемуарах Дж. Прайор пишет, что "в течение первых двух лет лидерства Маргарет не казалась столь убежденным монетаристом, каковым она стала к 1979 г.¹⁶ Н. Ридли также заявляет, что "тэтчеризм ни в коей мере не был отработан" к тому времени, когда Маргарет стала лидером¹⁷.

Характеризуя свой стиль политического лидерства, Тэтчер чаще всего называла себя "политиком убеждения" (*conviction politician*), и даже исследователи, отрицающие серьезную идеологическую подоплеку ее действий, согласны с этой характеристикой. Однако симптоматично, что сама Тэтчер начала использовать эту формулировку лишь с конца 70-х годов, т.е. тогда, когда ее "ученичество" практически завершилось. И это лишнее доказательство того, что в понятие "убеждения" она вкладывала нечто большее, чем ее инстинктивная приверженность к традиционным британским ценностям. И вовсе не случайно, что сам термин "тэтчеризм" появляется где-то в конце 70-х годов, когда реакция соединения практически закончилась и "сплав" был готов к употреблению.

Поскольку данная трактовка является исходной для последующего изложения, я хотел бы привести дополнительные аргументы в ее пользу.

¹⁵ *Halcrow M. Keith Joseph. L., 1980. P. 66, 67.*

¹⁶ *Prior J. The Balance of Power. L., 1986. P. 100.*

¹⁷ *Ridley N. My Stile of Government. L., 1991. P. 10.*

Если мы вспомним поведение Тэтчер в качестве министра образования в кабинете Хита, мы легко сможем убедиться в том, что ее убеждения тогда не помешали ей без особого сопротивления принять его знаменитый поворот на 180°. Да и ее действия на посту министра образования не были эталоном "правой" политики.

Мне могут возразить, что это был обычный прагматизм политика не самого высокого ранга, и я тоже считаю этот довод достаточно серьезным. Однако представим себе, что Тэтчер имела ту же самую степень убежденности в 1972–1974 гг., что и в 1979 г. Поступила бы она тогда точно так же или ее поведение было бы иным? Не думаю, что она подала бы в отставку в знак протеста против "поворота назад", как это сделал Н. Ридли. Но я убежден, что она нашла бы другой, более безопасный для своей карьеры путь заявить о своей особой позиции.

Те, кто делает упор лишь на "инстинктивный" аспект тэтчеризма, явно недооценивают роли теоретического знания и процесса "перевода" инстинктивных устремлений в прочное политическое и идеологическое убеждение. Чтобы быть уверенным в себе и своих действиях, политик должен не только чувствовать, но и знать, и только чувства и знания, объединенные вместе, создают прочную основу для четкой политической линии, особенно в критических условиях.

Конечно же, даже после периода "обучения" Тэтчер сохранила свойственный ей прагматизм, однако он также стал более идеологизированным, и не только благодаря ее собственной "идеологизации", но и той драматической перемене во всей интеллектуальной и политической поддержке, которую получила в тот период неолиберальная политика. Поэтому "интеллектуальную революцию" вполне целесообразно рассматривать как своего рода условие для возникновения тэтчеризма и одновременно как получившую дополнительный стимул от него.

Особая роль "идеологии" в Британии 70-х годов особенно наглядно проявлялась в том отношении к идеям и идеологии как таковой, которое демонстрировали Хит и Тэтчер. Как уже отмечалось в одной из глав, до того как стать премьером, Э. Хит имел в своем распоряжении не только в деталях проработанные меры по реализации его "тихой революции", но и достаточно ясно демонстрировал свою приверженность неолиберальным подходам, во многом сходным с тэтчеристскими. Тем не менее "тихая революция" провалилась, и одной из причин (хотя и далеко не единственной) этого провала было отсутствие у него твердых неолиберальных убеждений. В противоположность Тэтчер ему претили идеологические и теоретические дискуссии и он предпочитал отработку более конкретных, "деловых" предложений и мер, что и позволяло ему иметь накануне выборов 1970 г. подробный план действий¹⁸. Как показали, однако, последующие события, быть "на ты" с идеями и принципами общего характера оказалось гораздо более важным, чем иметь в деталях сверстанный "план".

Конечно же, многие премьер-министры Британии и других стран успешно выполняли свои обязанности и без специальной теоретической и

¹⁸ Burch M. Approaches to Leadership in Opposition. Edward Heath and Margaret Thatcher // Conservative Party Politics. P. 182.

идеологической подготовки. И это неизбежно ставит вопрос, почему же Тэтчер испытывала столь сильную потребность в ней? Ответ, на мой взгляд, предельно прост: ее задача, ее "миссия" состояла не в том, чтобы продолжать начатое до нее, а в том, чтобы прервать "линию", изменить модель предшествовавшего развития, осуществить нечто вроде "революции" (на английский манер, конечно же). И не только сделать это, но и преодолеть при этом колоссальное сопротивление влиятельнейших интеллектуальных и политических сил как вне, так и особенно внутри старого консервативного истеблишмента.

Как мы знаем, неоконсервативная волна поднялась со второй половины 70-х годов во многих странах Запада, включая и Японию. Но, пожалуй, только в Британии она столкнулась со столь жесткой оппозицией, и не в последнюю очередь потому, что Британия, раньше других вступив на этот путь, оказалась пионером. Тем не менее каждый из неоконсервативных лидеров, будь то Рейган, Накасонэ, Коль, Ширак и другие, был, мягко говоря, в курсе неолиберальных идей и подходов и более или менее твердо привержен к ним. И все же нигде, ни в какой другой стране Запада роль лидера в повороте к неолиберализму не была столь велика, как в Британии. Особые условия этой страны требовали особого типа лидерства, и Тэтчер и тэтчеризм были ответом на эти требования.

Нечто подобное случалось и раньше, вспомним хотя бы историю с превращением кейнсианства в теоретическую и концептуальную основу социал-реформизма. Одной из причин поражения консерваторов в 1945 г. была недооценка концептуальной и идеологической базы новой, реформистской политики. Этот вакуум вскоре был заполнен "новым консерватизмом" Батлера-Макмиллана, и это, как известно, помогло тори вновь завоевать власть в 1951 г. и удерживать ее затем в течение 13 лет.

Думается, что нет нужды доказывать, сколь много потеряла наша страна, сначала СССР, а затем Россия, начав грандиознейшие по своим масштабам и характеру преобразования без сколько-нибудь серьезной подготовки и продумывания той модели, которая должна утвердиться в результате этих преобразований. Одним из следствий этого стало равнение на "образцы", концепции либо "догоняющего", либо "возвратного" развития. Не хотелось бы, однако, сводить дело только к этому. Неоконсервативная волна на Западе имела, как уже отмечалось, не только интеллектуальную, но и другую, более широкую составляющую, в виде сдвигов в массовом сознании и общественном мнении. В СССР и России эта составляющая оказалась столь же неопределенной и противоречивой, что и интеллектуальная, и даже если мы на минуту вообразим, что накануне перестройки в стране могла бы действовать политическая оппозиция, она вряд ли могла бы изобрести что-то такое, что заработало бы, как только она была бы востребована. Отсутствие спустя десятилетие после начала перестройки конструктивной, разделяемой преобладающим общественным мнением концепции, или "модели", которую можно было бы реально реализовать и с помощью которой выйти из полосы глубочайшего кризиса, — наилучшее тому доказательство.

И все же кое-какие уроки из только что описанного извлечь можно и нужно. Суть их в том, что в условиях назревшего перехода от одной

модели к другой успешным и эффективным может быть только такое политическое руководство, которое сочетает в себе глубокую, "инстинктивную" привязанность к базовым ценностям, соответствующим объективным общественным потребностям, с одной стороны, и не менее глубокую идейно-теоретическую и профессиональную проработку основанного на этих ценностях вектора развития – с другой.

Однако вернемся к непосредственному предмету нашего разговора. Одним из ключевых слов в дискуссии о сущности и характере тэтчеризма является слово "стратегия", и не просто само это слово, но и те разночтения, которые оно обрело. Некоторые авторы, отрицающие наличие определенной тэтчеристской стратегии или "генерального проекта", аргументируют свою точку зрения тем, что среди великого множества материалов и документов, которые генерировал тэтчеризм накануне прихода Тэтчер к власти, отсутствует документ, в котором она или ее ближайшие сподвижники сформулировали бы более или менее конкретную систему мер, которые были бы затем планомерно реализованы. Как писал уже после отставки Тэтчер журнал "Экономист", "революция Тэтчер никогда не была стратегически продумана, как это можно было бы представить, рассматривая пройденный путь в ретроспективе: это была импровизация, удачные случайности, с одной стороны, и шатания на ослабевших ногах – с другой. Она закончилась после третьей ее победы на выборах почти что катастрофой"¹⁹.

Что касается "катастрофы", я вернусь к этому сюжету чуть позже, вначале же хотелось немного подробнее высказаться о главном, т.е. о стратегии. И первый вопрос, который здесь возникает, – это о каком именно "стратегически продуманном подходе" идет речь? Если имеется в виду что-то вроде упомянутого выше детально разработанного плана "тихой революции" Хита, то автору этих строк, да и не только ему, представляется, что отсутствие отработанной и нацеленной на четкое, шаг за шагом претворение в жизнь стратегии является, напротив, сильной, а не слабой стороной тэтчеризма. И это не было "упущением" Тэтчер, а скорее ее вполне сознательным выбором. Ибо хорошо известно, что, и будучи в оппозиции, и находясь у власти, она сознательно избегала "ловушки" быть "чрезмерно готовой к принятию конкретных решений, но не готовой к смене обстоятельств"²⁰. Но, избегая точных обязательств, особенно в краткосрочном, "управленческом" плане, она, как известно, была всегда готова декларировать принципы и цели, которых она добивалась, равно как и соответствующую аргументацию. Она довольно часто повторяла слово "мечта", идеал (vision), и не случайно, что первая речь в качестве лидера оппозиции была опубликована ею под заголовком: "Позвольте мне высказать вам мою мечту"²¹.

Многие британские политологи предпочитают рассматривать это и им подобные выражения как "риторику", составную часть "популизма" Тэтчер и даже демагогию, и вряд ли есть смысл отрицать, что элементы

¹⁹ Economist. 1991. Oct. 12. P. 42.

²⁰ Conservatives and Conservatism. L., 1981. P. 158.

²¹ Thatcher M. Let our Children Grow Tall. Selected Speeches 1975, 77. L., 1977. P. 29, 40.

всего этого тут действительно присутствовали. Но это далеко не вся правда, ибо за всей этой "риторикой" чувствуется "твердая косточка" концептуальной и идейной убежденности, которая стала органической частью ее личности. Большинство ее оппонентов в парламентской фракции и в партии в целом открыли для себя эту "твердую косточку" слишком поздно и заплатили за это высокую цену²².

С точки зрения автора этих строк, если мы хотим оставаться на почве реальности и накопленного опыта, мы должны признать, что политическая стратегия или "генеральный проект" заслуживают этого назначения лишь в случае, если в них содержатся два компонента: первый – это твердая идеологическая и концептуальная приверженность как основа политических решений, а второй – более или менее четко очерченные задачи и цели и способность реализовать их, сообразуясь с обстоятельствами. На основании всего вышеизложенного осмелюсь утверждать, что в таком смысле Тэтчер имела политическую стратегию и даже "генеральный проект". В силу целого ряда причин эта стратегия не была сформулирована в каком-то одном документе или речи, однако если мы возьмем всю совокупность материалов, подготовленных ею и ее соратниками, то мы довольно легко обнаружим там все необходимые ее компоненты.

Если мы, к примеру, заглянем в книгу первого и наиболее влиятельного экономического советника Тэтчер – Алана Уолтерса, опубликованную в 1986 г., где он подробно осмысливает основные направления экономической политики и реформы правительства (дерегулирование, приватизацию, финансовую стабильность, профсоюзное законодательство, изменения во внешнеэкономической сфере)²³, то мы не найдем в этом перечне ничего, что бы не было ясно и четко декларировано в годы оппозиции. То же самое можно сказать об основных принципах и подходах в области социальной, внутренней и внешней политики. В полном соответствии с этими принципами и установками, которые в совокупности и составляют, с моей точки зрения, "генеральную стратегию тэтчеризма", было реализовано огромное число конкретных мер, более или менее подробно описанных в четвертой главе книги. Однако некоторые из этих установок не были воплощены в жизнь, и проводившаяся правительством политика серьезно разошлась с "генеральной стратегией". Прежде всего это относится к социальной сфере и сфере "государства благосостояния", где, как мы видели, правительство вынуждено было допустить серьезные отклонения от нее. Я не рассматриваю эти "отклонения" как "провалы" или даже "ограничения" тэтчеризма (как это, к примеру, делает М. Холмс²⁴). Я также не считаю, что на этом основании можно говорить о "возможном" и "действительном" варианте тэтчеризма, как это делают Дж. Гоулд и Д. Андерсон²⁵. Я рассматриваю эти отклонения как серьезные поправки в первоначальной стратегии, и не более того. И я

²² Фактически они игнорировали предупреждения, исходившие от некоторых авторов относительно опасности "прятать голову под крыло" и не отвечать на вызов (*Russel T. The Tory Party. Its Policy. Divisions and the Future. L., 1978. P. 167, 169.*)

²³ *Walters A. Britain's Economic Renaissance. N.Y., Oxford, 1986. P. 406.*

²⁴ *Holmes M. Opt. cit.*

²⁵ *Thatcherism: Personality and Politics. P. 46, 49.*

полагаю также, что эта способность к коррекции – не слабая, а сильная сторона тэтчеризма, которая не помешала более или менее последовательной реализации всей стратегии.

Иначе говоря, политика Тэтчер действительно во многом диктовалась обстоятельствами, но при всем том она и ее сторонники постоянно придерживались "генерального" неолиберального подхода и идей, последовательно и шаг за шагом реализуя их.

Тэтчеризм немислим без Тэтчер как личности, лидера и премьер-министра. Это уникальный феномен, и я полностью согласен в этом с Ф. Нортоном, С. Файнером и другими авторитетами британской политологии²⁶, делающими ударение на особой роли личности лидера и премьера. Вдохновлявшаяся выпавшей на ее долю "миссией", Тэтчер стремилась изменить многое в британском обществе, положить конец "социалистическому эксперименту" и внедрить на место социал-демократической модели модель неоконсервативную. Это и был ее "генеральный проект", который, при всей его амбициозности, оказался реализуемым в значительно большей степени, нежели это допускали даже ее самые благожелательные критики. Как уже я отмечал и в этой книге и ранее²⁷, разрушить старую модель она все же оказалась не в состоянии. Британия не стала "тэтчеристской" даже после более десятка лет ее премьерства.

Но означает ли это, что она потерпела неудачу? Полагаю, что это не так, что, напротив, ее успех во внедрении неоконсервативной модели (о достоинствах и недостатках которой можно спорить) был исключителен, уникален. Больше того, в чем-то ее успех был даже чрезмерным, но это скорее в том смысле, что она "переиграла", используя свою сильную личную карту. Ее реальные достижения состояли в модернизации, коррекции "старой" системы, приспособлении ее к новым реалиям, и благодаря этому "эра Тэтчер" останется в британской истории как один из важнейших ее этапов.

Как уже отмечалось выше, в течение "тэтчеристского десятилетия" феномен тэтчеризма постоянно эволюционировал. Не оставалось тем же самым и сочетание "инстинктивного" и "идеологического" начал в нем, и именно этими изменениями в балансе его главных составляющих я склонен объяснить непосредственные причины столь неожиданного ее "свержения".

Конечно же, главной, решающей причиной ее отставки явился "износ" ряда идей и подходов, которыми она руководствовалась. Тэтчеризм в сущности был не чем иным, как ответом на чрезвычайные обстоятельства, и как только положение дел "вошло в норму" и были устранены этатистско-корпоративистские перекосы, понадобилась уже иная стратегия и иной тип лидерства. Однако наряду со всем этим была и более конкретная причина ее внезапного провала, которая, как я полагаю, как раз и заключалась в нарушении указанного баланса.

В отличие от некоторых упомянутых и не упомянутых авторов я полагаю, что слабой стороной тэтчеризма было не отсутствие четко

²⁶ Ibid. P. 33, 34, 140.

²⁷ Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 11. С. 48, 62.

разработанной стратегии, а скорее, наоборот, снижавшаяся его способность осуществлять прагматическую коррекцию взятых на вооружение идей и подходов, особенно наглядно проявившуюся в последний период ее премьерства.

Эта опасность игнорирования "другого мнения" и ошибочных решений, которую я интерпретирую не просто как проявление "авторитарного" стиля лидерства, но скорее как следствие склонности к догматизации и чрезмерной идеологизации политических решений, была, с моей точки зрения, свойственна тэтчеризму изначально. Но в течение первых лет пребывания у власти эта склонность уравнивалась или, точнее, нейтрализовалась влиянием представителей умеренной фракции в кабинете и правительстве. Тем самым благодаря влиянию ее оппонентов позиция кабинета становилась сильнее, а не слабее, а его политика – эффективнее. "Мягкая линия" Прайора по отношению к профсоюзам, корпорации городского развития Хезелтайна, решения, принятые в отношении "Бритиш Лейланд", и ряд других мер подобного рода оказались очень полезны для британской экономики и для самого тэтчеризма. И нет ничего удивительного в том, что почти все эти меры не отделяются многими исследователями от общей политики правительства, органической частью которой они и являлись в действительности.

Однако в результате драматических изменений в составе кабинета и правительства к середине 80-х годов, и особенно после выборов 1987 г., влияние умеренных в кабинете почти что сошло на нет и как результат этого социально-экономическая политика правительства стала утрачивать сбалансированный характер. Между тем необходимость серьезной коррекции становилась все настоятельнее. Как показали выборы 1987 г., масштабы географической и социальной дифференциации стали слишком велики, ситуация в области здравоохранения, образования, наукоемких отраслях производства, профессиональной подготовки требовала принятия новых мер и новых решений, а европейская политика – большей гибкости.

Можно без преувеличения сказать, что отставка таких крупных фигур из числа ее оппонентов, как Прайор в 1984 г., Хезелтайн в 1986 г. и Лоусон в 1989 г., серьезнейшим образом снизила способность правительства Тэтчер корректировать свою политическую линию и свои подходы, как того требовала обстановка.

Анализируя предвыборный манифест 1987 г., профессор Миддлмас приходит к выводу, что только в 1985–1986 гг. правительство приблизилось к формулированию чего-то подобного "генеральному проекту" или "стратегии"²⁸. Однако почему это произошло именно в данный период и что за стратегия это была? Полагаю, что главная причина заключалась именно в том изменении баланса сил, о котором только что говорилось. Сложившаяся к этому моменту ситуация резко повысила способность Тэтчер "планировать" действия правительства, и не только планировать, но и реализовать их. "Подушный налог" и европейская интеграция не

²⁸ Middlemas K. Power, Competition and the State. Vol. 3. The End of Postwar Era: Britain since 1974. L., 1984. P. 223, 224.

были изолированными случаями, они были лишь самыми яркими и бросающимися в глаза.

Вывод, который из всего этого следует, прост: до тех пор пока Тэтчер сформулировала свою стратегию или "проект" в форме общих принципов и подходов и вследствие этого оказывалась способной реагировать и на обстоятельство, и на давление со стороны оппозиции, эта стратегия приносила ощутимый успех и для нее самой и для ее партии. Но как только она изменила способы формулирования и реализации своих замыслов, это тут же привело к окостенению политики, неизбежным изменениям в отношениях внутри правящей группы и "восстанию" против нее. Это также объясняет парадокс выборов 1987 г.: несмотря на столь тщательно разработанную систему мер по углублению "тэтчеристской революции", тэтчеризм довольно быстро перешел от наступления к обороне, а его политические позиции становились все слабее и слабее. И то, что Тэтчер была "свергнута" не своими оппонентами, в принципе не принимавшими ее политики и подходов, а теми, кто расходился с ней скорее в тактике и выступил за модифицированную версию того же тэтчеризма, лишь подтверждает сказанное.

Итак, я снова возвращаюсь к формуле, которую употребил вначале: суть тэтчеризма в его наиболее успешной и эффективной форме состояла не в том, что это был "проект", в котором решающую роль играла идеология, и не в том, что это был прагматизм, питавшийся инстинктом, но и то и другое вместе взятое. Это была стратегия с маленькой буквы "с", и это был прагматизм, в основе которого действительно была традиционная британская мораль. Синтез того и другого был, как уже не раз подчеркивалось выше, не механическим, а органическим, ибо если мы посмотрим, что же стоит за неолиберализмом, монетаризмом и другими концепциями, "подпиравшими" тэтчеризм, то мы обнаружим те же принципы индивидуализма, антиэтатизма и "порядка", что лежат и в основе этой морали. Этот общий исходный "корень" или основа, на которой базировались и "инстинкт", и идеология, и придали тэтчеризму ту силу и выживаемость, которую он демонстрировал более десятка лет.

Но все это ни в коей мере не означает, что, поведи Тэтчер себя иначе, тэтчеризму была бы уготована едва ли не бесконечная политическая жизнь. Это означает лишь, что тэтчеризм был способен обрести на какое-то время "второе дыхание", однако для этого ему следовало стать не более, а менее догматичным и прагматичным. Собственно, это и произошло после известных событий октября–ноября 1990 г. В сложившихся обстоятельствах, однако, для такого поворота потребовалось уже другое руководство, ибо еще одно слагаемое тэтчеризма, а именно стиль лидерства Маргарет Тэтчер по сути дела исключал ее участие в подобной трансформации.

Оказались ли эти изменения адекватными новым условиям, которые создались с конца 80-х – начала 90-х годов, или же в повестке дня стояли уже задачи, которые могла решить только другая "команда", можно будет сказать лишь по прошествии времени. Что тем не менее очевидно уже сейчас, так это то, что и тэтчеризм в его полном и в "половинчатом" вариантах свою миссию выполнил и на повестку дня уже встали иные

задачи и иные приоритеты. Но как бы ни развивались события дальше, они будут не отрицанием и не преодолением тэтчеристского наследия, а скорее его "утилизацией".

Те, кто пишет, что тэтчеризм как олицетворение истинно британских моральных ценностей едва ли не вечен, не правы, отвергая все, что не вписывается в эту мораль, как нечто наносное и чуждое. В действительности происшедшие в Британии в XX веке изменения, будь то создание социального государства или кейнсианские новации, являются в гораздо большей мере порождением внутренних причин и обстоятельств, нежели результатом внешних влияний. Поэтому периодическая смена у власти сил, олицетворяющих обе эти "морали" и "философии", является естественным порядком вещей, по крайней мере до тех пор, пока не будет изобретена модель, в которой оба эти начала станут органически взаимодействовать и уравнивать друг друга.

Однако если оставаться реалистом, то следует, видимо, все же признать, что такого равновесия до сих пор нигде нет и вряд ли оно когда-либо будет достигнуто. Ибо обе составляющие не остаются теми же самыми, они постоянно меняются, как меняются и силы, их олицетворяющие или представляющие. И если уж извлекать из всего, что было сказано в книге, какой-то общий урок, то он как раз и состоит в том, что даже, казалось бы, самые современные идеи и истины и берущие их на вооружение силы рано или поздно устаревают, и, если им во время не приходит смена, общество начинает ощущать неладное, и только вмешательство политики способно вдохнуть в него новую жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
<i>Глава первая.</i> Путь в большую политику.....	9
1. Политик, "сделавший себя сам".....	10
2. Да, премьер-министр!.....	22
3. Нет, премьер-министр!.....	32
<i>Глава вторая.</i> Лидер оппозиции.....	47
1. Тэтчер и партия.....	48
2. Оппозиция в оппозиции.....	71
3. Электоральная мобилизация.....	86
4. Битва за Даунинг-стрит, 10.....	100
<i>Глава третья.</i> Премьер-министр Ее Величества.....	112
1. Вхождение во власть.....	112
2. Испытание на прочность.....	135
3. Фолклендский кризис. "Фактор Тэтчер" и выборы 1983 г.	150
<i>Глава четвертая.</i> Тэтчеризм в наступлении.....	156
1. Приватизация и "демократия собственников".....	157
2. Антиколлективизм и посткорпоративизм".....	166
3. "Государство благосостояния" и свобода выбора.....	176
4. За новую роль в мировом сообществе.....	191
<i>Глава пятая.</i> Кризис тэтчеризма и отставка Маргарет Тэтчер.....	200
1. Выборы 1987 г. и "новый рывок вперед".....	200
2. Тэтчеризм в обороне.....	205
3. Обострение разногласий в консервативной партии и отставка Маргарет Тэтчер.....	210
<i>Глава шестая.</i> Посттэтчеристская коррекция.....	230
1. Новый лидер – новая команда.....	230
2. Новации в экономической политике.....	241
3. Посттэтчеристское социальное государство.....	250
4. Кризис партии или зависание маятника?.....	259
Тэтчеризм как катализатор перемен (вместо заключения).....	286

CONTENTS

Introduction.....	3
<i>Chapter 1. The road to high politics.....</i>	9
1. A self-made politician.....	10
2. Yes, Prime Minister!.....	22
3. No, Prime Minister!.....	22
<i>Chapter 2. Leader of the Opposition.....</i>	47
1. Mrs Thatcher and the Party.....	48
2. Opposition within the Opposition.....	71
3. The electoral mobilisation.....	86
4. The battle for 10 Downing Street.....	100
<i>Chapter 3. Her Majesty's Prime Minister.....</i>	112
1. Entry into the power structure.....	112
2. A test of integrity.....	135
3. The Falklands War and the 1993 General Election.....	150
<i>Chapter 4. Thatcherism on the offensive.....</i>	156
1. Privatisation and "property-owner's democracy".....	157
2. Anticollectivism and "postcorporatism".....	166
3. The welfare state and freedom of choice.....	176
4. A new role in the world community.....	191
<i>Chapter 5. The crisis of Thatcherism and Margaret Thatcher's resignation.....</i>	200
1. The General Election of 1987 and "new moves forward".....	200
2. Thatcherism on the defensive.....	205
3. The growth of discord within the Tory Party and Mrs Thatcher's resignation.....	210
<i>Chapter 6. Post-thatcherite correction.....</i>	230
1. A new leader – a new team.....	230
2. Changes in economic policy.....	241
3. Post-thatcherite welfare state.....	250
4. Crisis in the Party or stopping the pendulum?.....	259
<i>Conclusion. Thatcherism as a catalyst of change.....</i>	286

Научное издание

Перегудов Сергей Петрович

Тэтчер и тэтчеризм

Утверждено к печати
Ученым советом Института мировой экономики
и международных отношений РАН

Заведующая редакцией "Наука-экономика" *Т.Е. Филиппова*

Редактор *Т.В. Савич*

Художник *Е.Б. Иваненко*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *О.Б. Черняк*

Корректоры *Г.В. Дубовицкая, А.В. Морозова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1535

ЛР № 02097 от 27.11.1991

Подписано к печати 13.03.96. Формат 60 × 90 1/16

Гарнитура Таймс. Печать офсетная

Усл.печ.л. 19,0. Усл.кр.-отг. 19,4. Уч.-изд.л. 21,6

Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3136.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН

199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой"); 664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой"); 142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пушкино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой"); 443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане:

420043 Казань, ул. Достоевского, 53

НБ ПНУС

658055